

THE RULE-OF-LAW STATE: THEORY AND PRACTICE

1(83)
2026

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Журнал выпускается с 2005 года

ТЕМА НОМЕРА:

«Национальная идентичность российского уголовного права и процесса»

Национальная
идентичность
российского уголовного
судопроизводства:
социальная
обусловленность и
факторы детерминации

Совершенствование
форм судебного
контроля как фактор
национальной
идентичности уголовного
судопроизводства России

Национальная
идентичность
уголовного
судопроизводства
в разрезе
поощрительных форм

Концептуализация
института
прекращения
уголовного дела
или уголовного
преследования

Российский
уголовный
процесс: в поисках
цивилизационной
идентичности

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Уфимский университет
науки и технологий»

Правовое государство: теория и практика.

Научно-практический
журнал.
Издаётся с 2005 года.
Выходит 4 раза в год. (12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:

450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке elibrary.ru.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПН № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.

Редактор англоязычных текстов: Юсупова З.А.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГИЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);
доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

АЗУЗ
Кердун

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

ГАБОВ
Андрей Владимирович

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

ДИКАРЕВ
Илья Степанович

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

ДОВГАНЬ
Елена Федоровна

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

МАКАРОВА
Тамара Ивановна

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

СЕМИТКО
Алексей Павлович

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург);

ШАБУРОВ
Анатолий Степанович

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

ЮДИН
Андрей Владимирович

Редакционная коллегия

АГАПОВ
Павел Валерьевич

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ГИЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ДБЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

КАСИМОВ
Тимур Салаватович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахитович

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТАРАСОВ
Александр Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ФРОЛОВА
Елизавета Александровна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЭКСАРХОПУЛО
Алексей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal. Since 2005. The journal is published 4 times a year. (12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

319 off., 131 Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media Registration number: PI No ФC77-73609 dated August 31, 2018.

Translation Reviewer:
Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff.
The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff.
Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Irek A. GIZATULLIN

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Aslan Kh. ABASHIDZE

Doctor of Law, Professor (RUDN University, Moscow);

Azzouz KERDOUN

Doctor of Law, Professor (Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. ARZAMASKIN

Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. BOGOLJUBOV

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Andrey V. GABOV

Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Ilya S. DIKAREV

Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd State University, Volgograd);

Elena F. DOVGAN

Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Ruslan I. ZAINULLIN

Doctor of Sciences (Law), Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Dmitry A. LIPINSKIY

Doctor of Law, Professor (Togliatti State University, Togliatti);

Ilna A. MAKARENKO

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Tamara I. MAKAROVA

Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergey Y. MOROZOV

Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Tatyana A. POLYAKOVA

Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. ROSSINSKY

Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. SEMITKO

Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. TLEPINA

Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Anatoly S. SHABUROV

Doctor of Law, Professor (Ural State Law University, Yekaterinburg);

Andrey V. YUDIN

Doctor of Law, Professor (Samara National Research University, Samara)

Editorial board

Pavel V. AGAPOV

Doctor of Law, Professor (University of Prosecutor's Office, Moscow);

Farit Kh. GALIEV

Doctor of Law, Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Ravil Kh. GIZATULLIN

Doctor of Law, Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Oksana G. DYAKONOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

Timur S. KASIMOV

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Nataliya S. LATYPOVA

Candidate of Legal Sciences (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Rishat V. NIGMATULLIN

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexander A. TARASOV

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elena M. TUZHILOVA-ORDANSKAYA

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elizaveta A. FROLOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow);

Aslyam N. KHALIKOV

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexey A. EXARKHOPULO

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

RU

6 Предисловие к выпуску

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

- 8 **Азаров В.А.**
Возвращение к истокам – главный тренд укрепления национальной идентичности уголовного процесса России
- 18 **Давлетов А.А., Азарёнок Н.В.**
Возвращение к историческим истокам – рефлексия национальной идентичности российского уголовного процесса
- 25 **Зайцева Е.А.**
Основания и условия приостановления предварительного расследования: реалии и нормативное регулирование
- 36 **Ильютченко Н.В.**
Соотношение общих и специальных норм в уголовном процессе
- 45 **Качалова О.В.**
Национальная идентичность российского уголовного судопроизводства: социальная обусловленность и факторы детерминации
- 54 **Климанова О.В.**
Общественная опасность личности и основание освобождения от уголовной ответственности (возрождение утраченного)
- 65 **Кудрявцева А.В.**
Совершенствование форм судебного контроля как фактор национальной идентичности уголовного судопроизводства России
- 74 **Латыпов В.С.**
Адвокатское расследование в современном российском уголовном процессе
- 83 **Насонов С.А.**
Национальная идентичность российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей
- 92 **Николюк В.В.**
Концептуализация института прекращения уголовного дела или уголовного преследования
- 103 **Россинский С.Б.**
Тенденции к упрощению дознания: возврат к истокам, устремленность в будущее или путь в никуда?
- 112 **Русман Г.С.**
Национальная идентичность уголовного судопроизводства в разрезе поощрительных форм

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

EN

6 Introduction to the issue

THE NATIONAL CHARACTER OF RUSSIAN
CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- 8 **Azarov V.A.**
Returning to the Origins: A Key Trend in Strengthening the National Identity of Russia's Criminal Process
- 18 **Davletov A.A., Azarenok N.V.**
Returning to Historical Origins as a Reflection of the National Identity of Russian Criminal Procedure
- 25 **Zaytseva E.A.**
Grounds and Conditions for Suspending a Preliminary Investigation: Realities and Regulatory Framework
- 36 **Ilyutchenko N.V.**
Ratio of General and Special Rules in Criminal Procedure
- 45 **Kachalova O.V.**
The National Identity of Russian Criminal Proceedings: Social Conditioning and Determinants
- 54 **Klimanova O.V.**
The Individual's Public Danger and the Grounds for Exemption from Criminal Liability (Rediscovering the Lost)
- 65 **Kudryavtseva A.V.**
Improving Forms of Judicial Review as a Factor of National Identity in Russian Criminal Proceedings
- 74 **Latypov V.S.**
Advocatory Investigation in Modern Russian Criminal Procedure
- 83 **Nasonov S.A.**
The National Identity of the Russian Model of Jury Trial Proceedings
- 92 **Nikolyuk V.V.**
Conceptualization of the Institution of Termination of a Criminal Case or Criminal Prosecution
- 103 **Rossinsky S.B.**
Trends Toward Simplification of Inquiry: Returning to the Roots, Envisioning the Future, or a Dead End?
- 112 **Rusman G.S.**
The National Identity of Criminal Proceedings in the Context of Incentive-Based Forms

- 120 **Соловьёв С.А.**
Размышления о роли уголовного
судопроизводства в политико-правовой
концепции государства
- 131 **Смирнов А.В.**
Российский уголовный процесс:
в поисках цивилизационной идентичности
- 142 **Смолькова И.В.**
Передача уголовного преследования
(судопроизводства) – новый институт
российского уголовного процесса
- 156 **Тарасов А.А.**
Национальная идентичность уголовного
процесса как объект научного исследования
- 173 **Халиков А.Н.**
Содержание и критерии оценки доказательств в
уголовном процессе России и зарубежных стран
- 182 **Химичева О.В.**
Злоупотребление правом как
негативное следствие эволюции
учения о процессуальных гарантиях
в отечественном уголовном судопроизводстве
- 193 **Шарипова А.Р.**
Формирование национальной модели правовых
средств устранения последствий ошибочных
уголовно-процессуальных решений

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

- 200 **Малый А.Ф.**
Цифровизация общественных
отношений и права человека
- 207 **Ромашов Р.А., Ромашова Г.Т., Сафин З.Ф.**
Публично-правовые основания обеспечения
научного суверенитета в пространстве СНГ

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

- 215 **Архиереев Н.В.**
Правовой режим данных, сгенерированных
искусственным интеллектом

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

- 226 **Михайлова Е.В.**
Защита имущественных интересов
религиозных организаций в России

- 120 **Soloviev S.A.**
Reflections on the Role of Criminal
Proceedings in the Political
and Legal Concept of the State
- 131 **Smirnov A.V.**
Russian Criminal Procedure:
In Search of Civilizational Identity
- 142 **Smolkova I.V.**
Transfer of Criminal Proceedings:
A Novel Institution of Russian
Criminal Procedure
- 156 **Tarasov A.A.**
The National Identity of Criminal Procedure
as an Object of Scientific Research
- 173 **Khalikov A.N.**
The Content and Evaluation Criteria of Evidence in
Russian and Foreign Criminal Procedure
- 182 **Khimicheva O.V.**
Abuse of Legal Rights as a Negative
Consequence of the Development
of the Doctrine of Procedural Guarantees
in Russian Criminal Proceeding
- 193 **Sharipova A.R.**
Developing a National Model of Legal Remedies
for Eliminating the Consequences of Erroneous
Criminal Procedure Decisions

**THEORETICAL AND HISTORICAL
LEGAL SCIENCES**

- 200 **Malyi A.F.**
Digitalization of Public Relations
and Human Rights.
- 207 **Romashov R.A., Romashova G.T., Safin Z.F.**
Public Law Foundations for Ensuring Scientific
Sovereignty Within the CIS Space

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 215 **Arkhiereev N.V.**
Legal Regime
of AI-Generated Data

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

- 226 **Mikhailova E.V.**
Ensuring the Property Interests
of Religious Organizations in Russia

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 233 Жандров В.Ю.**
Обеспечение доказательственного значения цифровой информации, получаемой при проведении оперативно-розыскных мероприятий
- 247 Зайнуллин Р.И.**
Проблемы выявления преступного загрязнения атмосферы и пути их решения
- 252 Илюхина В.А., Демичев А.А.**
Юридическая техника закрепления принципов уголовно-исполнительного права в законодательстве государств постсоветского пространства
- 262 Михайлова Т.Н.**
Подотрасли уголовно-процессуального права: постановка проблемы
- 269 Пичугин С.А.**
Научные предпосылки использования антропологического подхода для идентификации человека по признакам внешности
- Трибуна молодого ученого**
- 278 Дехерт А.А.**
Межотраслевые коллизии при привлечении к ответственности в форме денежного взыскания за нарушение предписаний уголовно-процессуального закона

CRIMINAL LAW SCIENCES

- 233 Zhandrov V.Yu.**
Ensuring the Evidential Value of Digital Information Obtained During Operative Investigative Activities
- 247 Zainullin R.I.**
Challenges in Detecting Illegal Air Pollution and Approaches to Addressing Them
- 252 Ilyukhina V.A., Demichev A.A.**
Legal Techniques for Codifying the Principles of Penal Enforcement Law in the Legislation of Post-Soviet States
- 262 Mikhailova T.N.**
Sub-Branches of Criminal Procedure Law: Problem Statement
- 269 Pichugin S.A.**
Scientific Prerequisites for Using an Anthropological Approach in Human Identification Based on Appearance Characteristics
- Трибуна молодых ученых**
- 278 Dekhert A.A.**
Intersectoral Collisions in Imposing Monetary Penalties for Criminal Procedure Law Violations

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Уважаемые читатели!

Идея анонсирования и последующего опубликования специального выпуска на данную тему назрела давно.

Во-первых, многолетние научные исследования убедили нас, что проблемы формирования уникального исторического облика любой национальной правовой системы, системы уголовной юстиции и антикриминальной политики любого государства в той или иной степени становятся объектом внимания специалистов, даже в тех исследованиях, где нет специальной оговорки на этот счет. Во-вторых, сегодня как никогда за последние два десятилетия истории нашего государства ощущается потребность в обсуждении проблемы национальной идентичности уголовного права и процесса России, причины которой хорошо известны любому, кто интересуется государством и правом даже в самом общем виде. Официальный отказ от юрисдикционного влияния наднациональных, прежде всего европейских, органов из-за угрозы нарушения правового суверенитета вызвал необходимость переоценки имеющихся и формирования новых стандартов правосудия. Несовместимость с российским правосознанием ряда западных течений, направленных на «обратную дискриминацию» людей из «большинства», потребовала закрепления и защиты на конституционном уровне системы национальных ценностей. Территориальные изменения, произошедшие в 2022 г., сопровождались решением задач по интегрированию новых регионов в российское правовое поле и запуску в них отечественного механизма защиты прав и свобод человека. Эти и многие другие политические, общественные, культурные процессы, став символическими событиями текущего этапа развития страны, продолжают оказывать влияние на правовое регулирование и практику разрешения любых социальных конфликтов.

Сказанным определяется широкий спектр дискуссий, развернутых на страницах настоящего номера. Проблему национальной идентичности уголовного права и процесса одни авторы видят в идеологических началах реформ (статьи В.А. Азарова, А.А. Давлетова и Н.В. Азарёнка, С.А. Соловьёва), другие – в особенностях эволюционного развития самого уголовного процесса (статья О.В. Качаловой) и отдельных его элементов (статьи В.В. Николюка, О.В. Химичевой), третьи обсуждают ее с позиции пригодности отдельных норм и институтов для реализации в современной России (статьи Н.В. Ильютченко, О.В. Климановой, С.А. Насонова, А.Р. Шариповой). Эта тема обострила актуальность изучения исторических традиций российского уголовного процесса (статья А.В. Смирнова), послужила основой для оценки жизнеспособности сложившихся процедур (статьи Е.А. Зайцевой, А.В. Кудрявцевой, С.Б. Росинского, Г.С. Русман) и перспектив внедрения новых (статьи В.С. Латыпова, И.В. Смольковой), побудила критически проанализировать распространенные в науке подходы к ее обсуждению (статья А.А. Тарасова).

Содержание статей указывает на то, что общей линией для авторов стал вопрос о способности российского правосудия и правоохранительной системы адекватно реагировать на изменения в современных научно-технических, социально-экономических и политических реалиях. Ответ на него дан с разных позиций, в которых обнаруживается уникальный для каждого автора стиль письма и богатый научно-практический опыт. В этом смысле задачу обеспечить плюрализм мнений по поводу тематики номера и обстоятельное ее исследование редакция журнала считает решенной.

Выражаю глубокую признательность всем за участие в этом полезном для всех обсуждении заявленной темы.

*Гизатуллин Ирек Альфредович,
главный редактор*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

THE NATIONAL CHARACTER OF RUSSIAN CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Научная статья

УДК 343

DOI 10.33184/pravgos-2026.1.1

Original article

АЗАРОВ Владимир Александрович
Омский государственный университет
имени Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия,
kafprokrim@mail.ru

AZAROV Vladimir Alexandrovich
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ – ГЛАВНЫЙ ТРЕНД УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

RETURNING TO THE ORIGINS: A KEY TREND IN STRENGTHENING THE NATIONAL
IDENTITY OF RUSSIA'S CRIMINAL PROCESS

Аннотация. Национальная идентичность российского уголовного процесса напрямую связана с мощными усилиями руководства нашей страны по воссозданию ее суверенитета во всех сферах жизнедеятельности. В концентрированном виде эти усилия обращены к историческим ментальным, духовным, нравственным смыслам, а также геополитическим обретениям, многие из которых были утрачены за последние три с лишним десятилетия. Острую потребность в утверждении национальной идентичности испытывает и сфера деятельности органов уголовной юстиции. Цель: ретроспективно исследовать главные сегменты отечественного уголовно-процессуального законодательства и практики, исторически формировавшие стратегию их развития на протяжении многих десятилетий, достать из забвения и поставить на службу в качестве инструментов укрепления государственно-правовых основ России апробированные традиционные подходы. Методы: формальной и диалектической логики, позволившие отследить закономерности становления идейно-нравственного содержания нашего уголовно-процессуального законодательства; сравнения и описания, открывшие возможности сопоставления и характеристики ключевых правовых институтов, составляющих суть национальной идентичности российского уголовного

Abstract. The national identity of Russia's criminal process is directly linked to the powerful efforts of our country's leadership to recreate its sovereignty in all spheres of life. These concentrated efforts focus on historical mental, spiritual, and moral values, alongside geopolitical gains, many of which were lost over the past three decades and more. The sphere of activity of criminal justice bodies also experiences an acute need for the assertion of national identity. Purpose: To retrospectively examine the main segments of national criminal procedure legislation and practice that historically shaped their development strategy over many decades, to retrieve proven traditional approaches from oblivion and employ them as tools for strengthening Russia's state law foundations. Methods: formal and dialectical logic, which allowed for tracing the patterns of the formation of the ideological and moral content of our criminal procedure legislation; comparison and description, which opened up possibilities for comparing and characterizing the key legal institutions that constitute the essence of the national identity of Russia's criminal process; historical and interpretation of legal norms, used to draw conclusions about the inseparable connection between the psychotype of the Russian population and the paternalistic content of specific institutions,

процесса; исторический и толкования правовых норм, использовавшиеся для получения выводов о неразрывности связи психотипа российского народонаселения и патерналистского содержания конкретных институтов, утверждающих историческую форму смешанного уголовного процесса России. Результаты: выявлены ошибочные решения, воплощенные в Концепции судебной реформы в Российской Федерации и УПК РФ, искавшие суть отечественного уголовного процесса. С опорой на законодательные и доктринальные наработки патриотически ориентированных отечественных юристов предложены конкретные варианты устранения допущенных в угоду либеральным ценностям перекосы и ошибки в таких направлениях укрепления национальной идентичности уголовного судопроизводства, как его идеология и целеполагание, принципы и системообразующая роль в ней публичности, основы доказательственной деятельности участников производства по уголовному делу.

Ключевые слова: идеология и целеполагание, система принципов, публичность, доказательства и доказывание, внутреннее убеждение судьи

Для цитирования: Азаров В.А. Возвращение к истокам – главный тренд укрепления национальной идентичности уголовного процесса России / В.А. Азаров. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 8–17.

which affirm the historical form of Russia's mixed criminal process. Results: The study reveals flawed decisions, implemented in the Concept of Judicial Reform in the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which fundamentally distorted the nature of the national criminal process. Drawing upon the legislative and doctrinal achievements of patriotic national legal scholars, the article presents concrete proposals to rectify the imbalances and mistakes introduced in favor of liberal values. These proposals address key areas for strengthening the national identity of criminal justice, including its ideology and objectives, principles, the system-forming role of publicity, and the foundations of evidentiary activity for participants in criminal proceedings.

Keywords: ideology and objective setting, system of principles, publicity, evidence and proof, judge's belief

For citation: Azarov V.A. Returning to the Origins: A Key Trend in Strengthening the National Identity of Russia's Criminal Process. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 8–17. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.1.

ВВЕДЕНИЕ

Откликаясь на приглашение принять участие в обсуждении проблемы национальной идентичности российского уголовного права и процесса, нельзя не отметить глубокое понимание редакционным советом журнала «Правовое государство: теория и практика» и его главным редактором, И.А. Гизатуллиным, наиболее острых аспектов современного этапа функционирования системы уголовной юстиции России. Подтверждением этому является и главная тема первого номера журнала за 2025 г. – «Баланс публичного и частного начал в уголовном процессе». Две упомянутые проблемы – ключевые при определении как направлений, так и основного вектора совершенствования уголовно-процессуального законодательства и одноименной практики. К тому же они жестко увязаны между собой, поскольку именно здесь формируются элементы стратегии уголовно-процессуальной политики государства. Неслучайно в этой

связи в полученном мной приглашении абсолютно точно перечислены «реперные точки», дающие ориентиры для правильного понимания существа национальной идентичности отечественного уголовного права и процесса, сформировавшей уникальный исторический облик нашей правовой системы. Речь идет, конечно же, о системе принципов, пригодности отдельных норм и институтов для их реализации в современной России, исторических традициях российского правосудия и правоохранительной системы, их способности адекватно реагировать на современные вызовы в научно-технической, социально-экономической, геополитической сферах.

К перечню главных сегментов стратегии уголовно-процессуальной политики следовало бы добавить основы идеологии, адекватное целеполагание, их гармонизацию с исторической инфраструктурой уголовного судопроизводства и воссоздание во многом поколебленных за последние 25 лет классических канонов доказательственной деятель-

ности участников производства по уголовному делу, являющейся центральной темой их самореализации, деформированной в угоду «теоретическим воззрениям» разработчиков УПК РФ.

Предваряя конкретные аргументы и предложения, подтверждающие правильность оценки, вынесенной в название этой публикации, обратим внимание читателя на следующие обстоятельства.

Первое: в геополитическом поле происходят тектонические изменения, серьезно затрагивающие жизненные интересы страны – безопасность России и ее граждан. Противостояние нашего Отечества с так называемым коллективным Западом приобрело особенно острый, а точнее – экзистенциальный характер.

Второе: руководство страны осознает серьезность современных вызовов, на что указывают конкретные шаги в экономической, военной, социальной, духовно-нравственных областях жизнедеятельности общества и государства.

Третье, пожалуй, главное: на самом высоком уровне определена стратегия сохранения и упрочения национальной идентичности нашего государства. Если судить по изменениям внутренней политики, корректировке содержания ключевых федеральных законов, включая Конституцию РФ, то это *возвращение к геополитическим, историческим истокам и традиционным для нашей страны духовным, нравственным, социальным и семейным ценностям*.

Именно с учетом этих обстоятельств выбрано название настоящей статьи и, надеемся, будут убедительными доводы, приведенные в его обоснование.

ИДЕОЛОГИЯ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Прежде чем конструировать конкретную систему целеполагания в российском уголовном процессе, надлежит определить ее идеологический фундамент. Здесь сразу же приходит на ум официально оформленная в государственной программе реформирования правотворчества и правоприменения России идея о крайней необходимости и «деидеологизации отечественной уголовной юстиции». Речь идет о Концепции судебной реформы в Российской Федерации¹.

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 18–19.

На самом же деле вместо объявленной авторами «деидеологизации сферы уголовной юстиции» и соответствующего законодательства с принятием УПК РФ произошла «тихая», но откровенная и циничная замена идеологии. Искусственная либерализация уголовно-процессуального законодательства резко ослабила позиции государства в области противодействия преступности, задача борьбы с преступностью была объявлена вульгарной идеей. Взамен УПК РФ предложил совершенно «размытые», аморфные задачи, дезориентирующие органы, ведущие уголовный процесс [1, с. 51–52]. Разработчики этой программы взяли на вооружение идеологические установки, доминирующие как в сознании западных юристов, так и в законодательстве этих стран.

Подробный анализ содержания и результатов работы «по деидеологизации сферы уголовной юстиции» проводился нами достаточно обстоятельно [2; 3].

Лейтмотив, послуживший катализатором «деидеологизации» отечественного уголовного процесса, четко представлен в суждении профессора П.А. Лупинской. По ее мнению, «новый УПК есть путь к цивилизованному уголовному процессу, который вписывает Россию в общеевропейский процесс охраны прав и свобод граждан» [4, с. 103].

При этом следует помнить, что, по оценкам отдельных российских юристов, «права и свободы человека и гражданина» – большой блеф XX века, свидетельством чего является официальный выход современной России из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека и денонсация соответствующих международных договоров.

Но если в начале «лихих девяностых» руководство страны и обслуживающая его «интеллектуальная элита», реализуя неочевидное для большинства населения страны стремление «влиться в семью цивилизованных народов», безоговорочно приняли предложенные нашими «партнерами» ценности, то по прошествии тридцати с лишним лет на государственном уровне наступило прозрение и переосмысление, приведшее к пониманию неприемлемости навязанных нам подходов к формированию системы приоритетов как социальной, так и государственной, в том числе уголовно-процессуальной, политики.

Автора этой статьи можно было бы упрекнуть в отходе от предмета исследования, если

бы его суждения не имели прямого отношения к конструированию системы приоритетов целеполагания в уголовном процессе. Дело в том, что, по абсолютно правильным оценкам профессора Л.В. Головки, «любая уголовно-процессуальная система обязана сегодня обеспечивать идеологические ценности современного общества» [5, с. 182]. Если же с учетом горького опыта истекших десятилетий, приведшего к переосмыслению (как руководством, так и населением России) целесообразности «вступления в семью цивилизованных народов», посмотреть на сегодняшнюю шкалу социальных и иных ценностей, то становится очевидной диаметрально противоположность российских ментальных, духовных, нравственных исторических и предлагаемых нам извне смыслов.

В связи с этим исключительно убедителен в своих оценках В.В. Дорошков, который заявил: «В антропоцентристском мировоззрении, распространенном на Западе, основное внимание акцентируется на индивидуализме каждой личности, его (правильнее сказать, её. – В. А.) правах и свободах, человек со своими правами становится в центр вселенной. Однако в странах Востока, ориентированных в первую очередь на интересы общества, всегда преобладало социоцентристское мировоззрение, которое строилось на приоритете общественных интересов перед интересами отдельной личности. Восточному типу цивилизации свойственны коллективизм, солидарность, а западному – индивидуализм, автономия, рациональность. Соответственно, восточному типу цивилизации всегда были присущи – любовь, дружба, братство, доброта. В то же время западной цивилизации – эгоизм, выгода, стяжательство, жадность» [6, с. 133].

На приведенные воззрения В.В. Дорошкова обратил внимание профессор А.А. Тарасов, оставивший эту авторскую позицию без комментариев и озадачившийся «другими вопросами» [7, с. 161]. Возьмем на себя труд коротко ее прокомментировать.

Правильность выводов В.В. Дорошкова с очевидностью подтверждается нашим всеобъемлющим «разворотом на Восток», инициированным руководством страны. Ориентация на вышеприведенные нравственные приоритеты нашла отражение в государственных решениях на уровне Конституции РФ и ряда федеральных законов (например, «Об образо-

вании в Российской Федерации»), где сегодня зафиксированы идеологические смыслы и приоритеты, исторически и ментально свойственные России и ее гражданам. Не следует к тому же забывать, что мы, россияне, «евразийцы», а это прямо влияет на существо нашего менталитета и психотипа. То есть мы готовы принять не противоречащие нашим вековым убеждениям смыслы как из Европы, так и от стран Средней Азии и Востока.

Приведенные оценки имеют прямое отношение к уголовно-процессуальной идеологии, которая определяет приоритеты системы целеполагания в уголовном судопроизводстве.

Ошибочные установки разработчиков Концепции судебной реформы в Российской Федерации (см. об этом: [2]) породили искаженные приоритеты целеполагания современного уголовного судопроизводства, воплощенные в действующем УПК РФ.

О несовершенстве содержания ст. 6 УПК РФ, отражающей «современное видение» государственных задач в сфере деятельности органов уголовной юстиции, не писал в последние 25 лет только ленивый. обстоятельный анализ этой проблемы проведен профессором Л.В. Головкой, который обоснованно считает значительно более точной формулировку ст. 2 УПК РСФСР, содержащую адекватный перечень конкретных задач уголовного судопроизводства [8].

Если «вычистить» из содержания ст. 2 УПК РСФСР «идеологические передержки» типа «социалистическое правосознание» и т. п., то в конечном счете вполне допустимо воспроизвести традиционные задачи уголовного процесса в УПК РФ. К тому же в ст. 6 УПК РФ, поименованной «Назначение уголовного судопроизводства», неверно расставлены приоритеты. Вместе с тем в ней отсутствует целый ряд задач, ежедневно выполняемых представителями государства в этой области правоохранительной деятельности.

Начнем с того, что в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ равнозначными задачами объявлены защита потерпевших от преступлений и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Несоразмерность этих задач очевидна. С учетом наличия в УПК РФ ст. 11, посвященной обязанности властных участников уголовного процесса охранять права и свободы человека и гражданина, включая по-

дозреваемых и обвиняемых, упоминание о последних в ст. 6 УПК РФ избыточно. Приоритет должен быть отдан защите потерпевших от преступлений, как правильно отмечает профессор Е.А. Зайцева [8, с. 191–192].

Что же касается реальных задач, выполняемых сегодня в ежедневном режиме органом дознания, следователем, то совершенно непонятно, почему из их перечня исчезли задачи «быстрого и полного раскрытия преступлений, их предупреждения, воспитания граждан в духе неуклонного исполнения законов»? К двум последним имеет, кстати, прямое отношение суд (судья), рассматривающий и разрешающий уголовное дело, как правило, в условиях гласности, в присутствии представителей граждан, наблюдающих за тем, как не надо себя вести, чтобы не оказаться на скамье подсудимых. Что же касается задач пресечения и предупреждения преступлений, то сегодня они начинают выполняться органами досудебного производства уже с момента подачи заявления или иного сигнала о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела.

Отдельной оценки заслуживает целесообразность воссоздания в тексте УПК РФ задачи быстрого и полного раскрытия преступлений, над выполнением которой продолжают работать следователь, дознаватель с привлечением соответствующих представителей правоохранительных органов. На этой задаче остановимся подробно.

Реальная деятельность по раскрытию преступлений отнюдь не является «уделом спецслужб», как это пытаются представить отдельные апологеты концепции «доминирования процедуры» в уголовном судопроизводстве. Это вульгарный подход, имеющий целью «затащить» наш уголовный процесс в русло чуждой нам англосаксонской исторической формы. Аргументация его сторонников дезавуируется обращением к государственной статистической отчетности в сфере правоохраны, где определены критерии, по которым у нас считается раскрытым конкретное преступление. Их суть в том, что, по общему правилу, в соответствующих информационных центрах УВД – МВД субъектов Российской Федерации ставятся на учет как раскрытые преступления, по которым *расследование окончено*, составлено обвинительное заключение (обвинительный акт, постановление), утвержденное прокурором, и дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

Работники оперативных служб российских правоохранительных ведомств могут обладать ценной информацией об участниках и обстоятельствах совершения преступления, которая, не будучи реализована следователем (дознавателем) в рамках уголовного дела и не трансформирована в полноценные судебные доказательства, не позволит с официальных позиций считать раскрытым конкретное преступление. То есть сегодня (как, впрочем, и вчера) преступления продолжают раскрывать следователи (дознаватели) во взаимодействии с работниками оперативных служб, и вывод об их раскрытии имеет в основании исключительно судебные доказательства, изложенные в описательно-мотивировочной части итогового документа по уголовному делу.

Это означает, что ст. 6 УПК РФ, посвященная назначению уголовного судопроизводства, должна быть приведена в соответствие с реалиями – в ней необходимо воссоздать вышеприведенные задачи. Кроме того, с учетом социального назначения уголовного судопроизводства в ней должны быть отражены задачи не только защиты потерпевших от преступлений (что само по себе абсолютно правильно), но и потребности защиты государственных и общественных интересов, которые однозначно нарушаются любым преступлением. В этой связи прав профессор Л.В. Головкин, констатирующий публично-правовой характер уголовного судопроизводства, в социальном и правовом смыслах стоящего на страже *публичных интересов* [5, с. 55].

ПУБЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Утверждение, вынесенное в название этой части статьи, совершенно закономерно, хотя осведомленный читатель отметит его диссонанс с содержанием современной системы принципов уголовного процесса России. Действительно, в гл. 2 УПК РФ, посвященной принципам уголовного судопроизводства, пока не нашлось места данному основополагающему началу организации деятельности властных субъектов производства по уголовному делу.

Однако изложенная в гл. 2 УПК РФ система принципов не идеальна. Более того, она имеет тенденцию к расширению. Так, изначально система принципов состояла из тринадцати позиций (ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства»).

производства» попала в гл. 2 УПК РФ по недоразумению), затем законодатель «довел» количество принципов уголовного процесса до пятнадцати. В систему были включены ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства» и ст. 8.1 «Независимость судей».

Отсутствие публичности в системе принципов современного уголовного судопроизводства объясняется позицией разработчиков УПК РФ, посчитавших избыточным влияние государства в данной сфере и полагавших, что правильно (по стандартам) организованная процедура расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел сама по себе способна в итоге привести к достижению государственных задач в этой области. Очевидно поэтому публичность, исторически составлявшая (и составляющая) фундаментальную основу самореализации всех (включая властных) участников уголовного процесса, была «развенчана» из ранга принципов и трансформирована в уголовно-процессуальную функцию. В частности, ей нашлось место в гл. 3 УПК РФ «Уголовное преследование» в виде классической формулы, изложенной в ст. 21 «Обязанность осуществления уголовного преследования»: «Уголовное преследование от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляет прокурор, а также следователь и дознаватель. В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления».

Как известно, уголовное преследование лиц, совершивших преступление, является квинтэссенцией функции обвинения. Абсолютное большинство уголовных дел в России – это дела публичного обвинения, поэтому ошибочна констатация «баланса публичных и частных начал» в современном уголовном процессе. Здесь исторически сложился дисбаланс, доминантой которого является публичная обязанность представителей государства, изложенная в ст. 21 УПК РФ [9].

В этой связи вряд ли можно согласиться с предложением о признании баланса публичного и частного интересов принципом современного российского уголовного процесса [10]. Скорее наоборот, с учетом ее доминирования надлежит формально восстановить публич-

ность в ранге принципа уголовного процесса. На этом настаивают авторы большинства учебников (в том числе новейших) по уголовному процессу, однозначно включающие данное положение в систему его основополагающих начал [11; 12; 13; 14].

В обсуждаемом контексте в высшей степени оригинально обстоятельное обоснование принадлежности публичности именно принципам уголовного процесса, предлагаемое профессором Л.В. Головкин, который выявил и исследовал закономерность, состоящую в том, что публичность и диспозитивность в уголовном процессе – антиподы. Они находятся в обратном пропорциональной зависимости. То есть чем более публичен соответствующий вид процесса, тем он менее диспозитивен, и наоборот [5, с. 283].

Исходя из публично-правового характера отечественного уголовного процесса, в нем доминирует обязанность специальных государственных органов реагировать на преступления путем возбуждения уголовных дел, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных. Согласимся с профессором Л.В. Головкин и в том, что данный принцип для российского уголовного судопроизводства имеет системообразующий характер, во многом определяет состав и содержание остальных основополагающих его начал. При этом исключения из принципа публичности локальны, они не ставят под сомнение его фундаментальность [5, с. 280–281, 284].

Отметим, что отдельные авторы учебников по уголовному процессу, наряду с публичностью, относят к принципам уголовного процесса и диспозитивность [13, с. 60–64], что, исходя из соотношения данных постулатов (в формате дисбаланса), вряд ли оправданно.

Профессора А.А. Давлетов и Н.В. Азарёнок провели блестящий анализ причин очевидного краха попытки известной части представителей российского юридического сообщества «развернуть» отечественный уголовный процесс в сторону его англосаксонских аналогов [10; 15]. Опора на выявленные и систематизированные авторами исторические, философские, ментальные основы российского уголовного процесса неизбежно диктует вывод о необходимости укрепления государственного влияния в сфере деятельности органов уголовной юстиции, что возможно через усиление публичных начал и возвращение од-

ноименному положению статуса принципа уголовного процесса, а отнюдь не путем дополнения системы принципов сомнительным положением о балансе публичных и частных интересов [10, с. 38–39].

Несмотря на все усилия сторонников западного вектора развития нашего уголовного судопроизводства, оно продолжает носить публично-правовой характер, где доминирует именно публичный интерес, утверждая нашу историческую принадлежность континентальной системе права. Это требует легализации публичности в системе принципов уголовного судопроизводства.

ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Доказательственная деятельность участников уголовного процесса в конечном счете является тем «локомотивом», который обеспечивает движение производства по делу к его финальной части, связанной с принятием и реализацией итоговых решений. Стержневое значение доказывания определяется непреложным правилом, в соответствии с которым все главные выводы (и соответствующие решения) должны быть основаны исключительно на достаточной совокупности судебных доказательств. Неслучайно именно с принятием УПК РФ произошли существенные изменения, по сути, диссонирующие с канонами, устоявшимися с момента принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В частности, из текста Кодекса исчезло упоминание об истине как цели доказывания, из системы принципов (им сегодня посвящена самостоятельная глава) изъято обращенное к властным участникам требование о всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в совокупности, внесены существенные изменения в правила оценки доказательств, а также признания их недопустимыми и т. д. Причем целый ряд отмеченных новшеств является прямым отступлением от предписаний, классических для нашего уголовного процесса, закрепленных в Уставе уголовного судопроизводства.

Например, как было отмечено, из текста УПК РФ изъято упоминание об истине как цели доказывания по уголовному делу. Этому вопросу была посвящена весьма содержательная

научная дискуссия, организованная профессором А.Г. Волеводзом на страницах периодического издания «Библиотека криминалиста». В ходе обсуждения данной проблемы большинство участников положительно оценили законопроект Следственного комитета РФ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». Аргументы противников реализации данного законопроекта свелись «к рискам возвращения к инквизиции» и стремлениям к «сближению уголовного процесса России с международными стандартами». Здесь полезно вспомнить наше многолетнее сотрудничество с формирующим эти самые «стандарты» Европейским судом по правам человека, наконец-то закончившееся, к радости здоровой части юридического сообщества России.

Инициатива Следственного комитета РФ, по мнению профессора Л.В. Головки, явилась естественной реакцией на откровенный провал наивных и совершенно некомпетентных попыток совместить несовместимое – англо-американскую идеологию и континентальную процессуальную инфраструктуру [16, с. 23]. Что касается инфраструктуры российского уголовного судопроизводства, то здесь на протяжении всей истории его становления и развития «объективная истина выполняет системообразующую роль *главного фактора формирования национальной модели уголовного процесса* (выделено нами. – В. А.). Объективная истина: а) детерминирует двухэтапное построение уголовного процесса с разделением досудебного и судебного производств; б) обуславливает в досудебных стадиях определенное преимущество публичного интереса перед частным (гандикап), необходимый для эффективного раскрытия и расследования преступлений; в) приобретает в судебном производстве в условиях равноправного состязания сторон обвинения и защиты при активной роли суда наиболее полные возможности реализации» [15, с. 107].

Действительно, несмотря на «освобождение» председательствующего при рассмотрении уголовного дела по существу от обязанности установления истины (см. в сравнении со ст. 243 УПК РСФСР и ст. 243 УПК РФ), законодатель сохранил традиционные требования

к судебному приговору. В его описательно-мотивировочной части должны подтверждаться достаточными доказательствами все элементы предмета доказывания: время, место, способ совершения преступления, виновность обвиняемого и т. д. Но ведь очевидно, что при их достоверном установлении речь идет об обнаружении материальной истины, то есть событий, реально имевших место в действительности.

Отдельного внимания заслуживают метаморфозы, произошедшие с лингвистическим выражением принципа свободы оценки доказательств. Здесь претерпели существенные изменения основы формирования внутреннего убеждения субъекта оценки доказательств. В ст. 71 УПК РСФСР таким фундаментом служила опора на «всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств дела в совокупности», а в соответствии с ч. 1 ст. 17 УПК РФ внутреннее убеждение судьи, следователя, прокурора, дознавателя при оценке доказательств должно формироваться на основе «совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств».

На тавтологичность, допущенную законодателем при лексическом выражении основы формирования внутреннего убеждения субъекта оценки, мы обращали внимание и ранее [9, с. 14]. Причем истоки правильного понимания основы формирования внутреннего убеждения заложены Уставом уголовного судопроизводства. И, как правильно указывает профессор Л.В. Головкин («докопавшийся» до первоисточников), именно конкретные «обстоятельства», исследованные и обсужденные в своей совокупности, формировали (и продолжают формировать) внутреннее убеждение судьи, следователя, присяжных заседателей о силе, значении доказательств, виновности обвиняемого и т. д. [17, с. 54–55].

Действительно, произвольная замена в законе основы формирования внутреннего убеждения субъекта оценки доказательств дезориентирует судью, следователя, прокурора. Здесь также требуется воссоздание исторической, апробированной практикой и наиболее адекватной формулировки. Иное приводит к попыткам обоснования целесообразности фактической замены принципа свободной оценки доказательств некими «стандартами доказывания», возможно, допустимыми, но

лишь в гражданском, арбитражном, а не в уголовном процессе [18].

Отдельного рассмотрения требует внедрение в законодательство и практику деятельности органов уголовной юстиции правила о недопустимых доказательствах. Впервые в России оно было закреплено в решениях нашего парламента, ратифицировавшего Декларацию прав и свобод человека и гражданина. Этот документ в 1993 г. практически целиком был имплементирован в качестве самостоятельного раздела в Конституцию РФ.

Затем правило о негодных доказательствах вместе с нормами о суде присяжных попало в ст. 69 УПК РСФСР. Причем формула ч. 3 ст. 69 УПК РСФСР практически повторяла его изложение в Основном законе страны. То есть доказательства, полученные с нарушением установленного законом порядка, признаются юридически ничтожными.

Появление этого правила благотворно повлияло на следственную и судебную практику, поскольку заставило (в первую очередь следователя, дознавателя) строже выдерживать требования закона о соблюдении процедуры собирания доказательств. Однако с принятием УПК РФ законодатель посвятил данному установлению самостоятельную статью, ряд положений которой прямо противоречит принципу свободной оценки доказательств.

В частности, ст. 75 УПК РФ, посвященная недопустимым доказательствам, к последним безоговорочно отнесла показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, «не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде». Это положение прямо предусматривает юридическую ничтожность конкретного доказательства, которое в ч. 2 ст. 74 УПК РФ утверждается как изначально абсолютно равное иным перечисленным в ней доказательствам.

Таким образом, установленная в ст. 75 УПК РФ «заведомая ничтожность» конкретного доказательства в известных обстоятельствах должна «принести в жертву» содержание принципа свободной оценки доказательств, в соответствии с которым «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» (а значит, и «слабости», то есть ничтожности). Конечно, при условии, что при допросе

подозреваемого, обвиняемого в досудебном производстве были соблюдены все элементы порядка получения от него показаний (чаще всего – самоизобличающих). Судья по результатам судебного следствия вполне может убедиться в достоверности именно прежних показаний подсудимого и лживости новых, полученных от него в суде. Первые могут подтверждаться всеми иными исследованными в суде доказательствами. И тем не менее по формальным основаниям, вопреки сложившемуся внутреннему убеждению, судья должен признать их недопустимыми и отвергнуть. Здесь конкретная норма Особенной части закона прямо противоречит принципу уголовного процесса, что делает обосновательным ее применение.

В ст. 75 УПК РФ имеются и другие сомнительные предписания (см. п. 2.1, 2.2, 2.3) конъюнктурного свойства, внедренные в текст Кодекса с учетом своеобразного понимания адвокатской тайны или обязанностей по декларированию гражданами активов и счетов (вкладов) в банках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Укрепление национальной идентичности уголовного процесса России требует воссоздания ряда классических, исторически присущих нашему судопроизводству подходов:

1) необходимо с учетом современных реалий и с опорой на исторический опыт адекватно расставить в законе приоритеты уголовно-процессуальной политики, начиная с ее идеологических основ и завершая буквальным изложением действительных государственных задач в сфере деятельности органов уголовной юстиции;

2) надлежит расширить систему принципов уголовного процесса, в том числе за счет возвращения ранга публичности («официальности») деятельности представителей государства в уголовном процессе;

3) в УПК РФ следует устранить отмеченные выше противоречия и допущенные ошибки, связанные с доказательственной деятельностью участников уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азаров В.А. Деструктивные факторы стратегии развития уголовно-процессуального законодательства России / В.А. Азаров // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 33. – С. 49–59.
2. Азаров В.А. Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология / В.А. Азаров // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3 (53). – С. 4–8.
3. Азаров В.А. Современные проблемы уголовно-процессуальной идеологии России / В.А. Азаров // Legalitas. – 2024. – № 1. – С. 6–19.
4. Лупинская П.А. Реформа уголовного правосудия и ее влияние на развитие юридического образования / П.А. Лупинская // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сборник статей и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина. – Москва : Юрист, 2006. – С. 102–106.
5. Головкин Л.В. Основные модели уголовного процесса и современная уголовно-процессуальная карта мира / Л.В. Головкин // Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. – Москва : Статут, 2016. – 1276 с.
6. Дорошков В.В. Уголовное правосудие в условиях метамодерна и умеренного консерватизма : монография / В.В. Дорошков. – Москва : Прометей, 2023. – 326 с.

REFERENCES

1. Azarov V.A. Destructive Factors of the Strategy for the Development of Criminal Procedure Legislation in Russia. *Tomsk State University Journal of Law*, 2019, no. 33, pp. 49–59. (In Russian).
2. Azarov V.A. Criminal Procedure Ideology and Its Corresponding Phraseology. *Bulletin of Orenburg State University*, 2006, no. 3 (53), pp. 4–8. (In Russian).
3. Azarov V.A. Modern Problems of the Criminal Procedural Ideology of Russia. *Legalitas*, 2024, no. 1, pp. 6–19. (In Russian).
4. Lupinskaya P.A. Criminal Justice Reform and Its Impact on the Development of Legal Education. In Mizulina E.B., Pligin V.N. (eds.). *Lessons of Criminal Justice Reform in Russia (based on the work of the Interdepartmental Working Group for Monitoring the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Fifth Anniversary of its Adoption and Entry into Force). Collection of Articles and Materials*. Moscow, Yurist Publ., 2006, pp. 102–106. (In Russian).
5. Golovko L.V. Basic Models of Criminal Procedure and the Modern Criminal Procedure Map of the World. In Golovko L.V. (ed.). *Course of Criminal Procedure*. Moscow, Statut Publ., 2016. 1276 p.
6. Doroshkov V.V. Criminal Justice in the Context of Metamodernism and Moderate Conservatism. Moscow, Prometheus Publ., 2023. 326 p.

7. Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 152–163.
8. Зайцева Е.А. Публичный и частный интересы участников со стороны обвинения: обеспечение разумного баланса? // Е.А. Зайцева // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева / под ред. Н.Г. Стойко. – Санкт-Петербург : Юридический центр, 2015. – С. 188–195.
9. Азаров В.А. Существует ли (и должен ли существовать) баланс публичного и частного начал в уголовном процессе России? / В.А. Азаров // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 8–17.
10. Давлетов А.А. Методологические предпосылки признания баланса публичного и частного интересов принципом современного российского уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 32–39.
11. Уголовный процесс Российской Федерации : учебник / отв. ред. А.П. Кругликов. – Москва : Проспект, 2009. – 736 с.
12. Уголовный процесс : учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2015. – 445 с.
13. Уголовный процесс : учебник для бакалавров / отв. ред. А.П. Кругликов. – Москва : Норма: ИНФРА – М, 2015. – 688 с.
14. Зуев С.В. Уголовный процесс : учебник / С.В. Зуев, К.И. Сутягин. – Москва: Норма: ИНФРА – М, 2025. – 688 с.
15. Давлетов А.А. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития : монография / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок. – Екатеринбург : УрГЮУ, 2023. – 504 с.
16. Головки Л.В. Истина в уголовном процессе. Событие. Комментарии экспертов / Л.В. Головки // Закон. – 2012. – № 6. – С. 23–24.
17. Головки Л.В. Положения о доказательствах и доказывании / Л.В. Головки // Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов : в 2 т. Т. II. Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. – Москва : Юстицинформ, 2014. – С. 49–56.
18. Машовец А.О. Внутреннее убеждение или стандарт доказывания? / А.О. Машовец // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 104–109.
7. Tarasov A.A. On the Relativity of the Limits of Public and Private Interests in Criminal Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 152–163. (In Russian).
8. Zaitseva E.A. Public and Private Interests of the Prosecution Participants: Ensuring a Reasonable Balance? In Stoyko N.G. (ed.). *Prosecution and Defense in Criminal Cases: Historical Experience and Modernity. Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Professor Nikolai Sergeevich Alekseev*. Saint Petersburg, Legal Center Publ., 2015, pp. 188–195. (In Russian).
9. Azarov V.A. Does It Exist (and Should It Exist) a Balance of Public and Private Principles in Russian Criminal Proceedings? *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 8–17. (In Russian).
10. Davletov A.A., Azarenok N.V. Methodological Prerequisites for Recognising the Balance of Public and Private Interests as a Principle of Modern Russian Criminal Procedure. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 32–39. (In Russian).
11. Kruglikov A.P. (ed.). *Criminal Procedure of the Russian Federation*. Moscow, Prospect Publ., 2009. 736 p.
12. Andreeva O.I., Nazarov A.D., Stoyko N.G., Tuzov A.G. (eds.). *Criminal Procedure*. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2015. 445 p.
13. Kruglikov A.P. (ed.). *Criminal Procedure*. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2015. 688 p.
14. Zuev S.V., Sutyagin K.I. *Criminal Procedure*. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2025. 688 p.
15. Davletov A.A., Azarenok N.V. *Criminal Procedure in Russia: Historical Roots, Current State, Prospects for Evolutionary Development*. Ural State Law University Publ., 2023. 504 p.
16. Golovko L.V. Truth in Criminal Procedure. Event. Expert Comments. *Law*, 2012, no. 6, pp. 23–24. (In Russian).
17. Golovko L.V. Provisions on Evidence and Proof. In Golovko L.V. (ed.). *The Great Reform: on the 150th Anniversary of Judicial Statutes*. Moscow, Yustitsinform Publ., 2014, vol. II, pp. 49–56. (In Russian).
18. Mashovets A.O. Internal Conviction or the Standard of Proof? *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 104–109. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Азаров Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Azarov Vladimir Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 29.11.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 22.12.2025. The article was submitted 29.11.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Научная статья
УДК 343.131
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.2

ДАВЛЕТОВ Ахтям Ахатович
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

АЗАРЁНОК Николай Васильевич ✉
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
azarenok_96@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9787-7797>

Original article

DAVLETOV Akhtyam Akhatovich
Ural State Law University named
after V.F. Yakovlev,
Yekaterinburg, Russia

AZARENOK Nikolay Vasilyevich
Ural State Law University named
after V.F. Yakovlev,
Yekaterinburg, Russia

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОКАМ – РЕФЛЕКСИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

RETURNING TO HISTORICAL ORIGINS AS A REFLECTION OF THE NATIONAL IDENTITY
OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Аннотация. Концептуально УПК РФ был разработан в направлении реформирования советского уголовного процесса, сущность которого можно сформулировать как состязательное уголовное судопроизводство. Для этого в Кодекс были внесены положения, призванные, по мнению авторов, перестроить существующий механизм уголовно-процессуальной деятельности в состязательную форму: замена задач уголовного судопроизводства его назначением; отказ от ведущего принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела и выведение на первый план принципа состязательности сторон; закрепление функций обвинения, защиты и разрешения дела; систематизация участников уголовного процесса в соответствии с выполняемыми ими функциями; признание защитника субъектом собирания доказательств и др. Однако Кодекс, принятый в период доминирования прозападных, так называемых либерально-демократических идей, к настоящему времени существенно преобразился. Многочисленные новые нормы заметно переформатировали его структуру, изменили содержание разделов и глав, что, безусловно, повлияло на концептуальную парадигму, заложенную в УПК РФ его авторами. Исследование выполнено с использованием диалектического метода, позволившего установить историческую связь и обусловленность отечественного уголовного процесса, общенаучных методов (логический, анализа, синтеза, индукции, дедукции), с помощью которых была сформирована теоретическая основа исследования, выявлены

Abstract. Conceptually, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation was designed to reform the Soviet criminal process, embodying the principle of adversarial criminal proceedings. To this end, some provisions were introduced into the Code, which, according to the authors, were intended to restructure the existing mechanism of criminal procedural activities into an adversarial form: the replacement of the tasks of criminal proceedings with its purpose; the rejection of the leading principle of comprehensiveness, completeness, and objectivity in the investigation of case circumstances and the foregrounding of the principle of adversarial parties; the consolidation of the functions of prosecution, defense, and case resolution; the systematization of participants in the criminal process in accordance with their functions; the recognition of the defense counsel as a subject of evidence gathering, and others. Nevertheless, the Code, originally enacted under the sway of pro-Western, so-called liberal-democratic ideologies, has undergone significant transformations. A multitude of new provisions have markedly reshaped its structure and modified the content of its sections and chapters, thereby undeniably impacting the conceptual paradigm established by its authors in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The study was performed using the dialectical method, which facilitated the establishment of historical links and the inherent conditioning of national criminal procedure. General scientific methods (logical, analysis, synthesis, induction, deduction) were

закономерности развития российского уголовного процесса, и частнонаучных методов (формально-юридический, толкования правовых норм), позволивших выработать конкретные предложения по дальнейшей оптимизации современной уголовно-процессуальной деятельности. Результаты: отечественный уголовный процесс исторически сформировался как двухэтапный, в котором, наряду с судебным, также выделяется этап досудебного производства. При этом ведущая роль в нем принадлежит государственно-властным публичным органам, ориентированным на установление объективной истины. Вот почему попытки переустройства такой исторически сложившейся конструкции в состязательное англосаксонское судопроизводство, предпринятые в 90-е годы прошлого века, оказались неудачными. Дальнейшие многочисленные корректировки УПК РФ были направлены не на расширение состязательности, а на достижение баланса публичного и частного интересов, что объективно обусловило качественно новое направление реформирования всего уголовного производства.

Ключевые слова: национальная идентичность, российский менталитет, историческая форма, тип, модель уголовного процесса, досудебное и судебное производство, розыск, состязательность

Для цитирования: Давлетов А.А. Возвращение к историческим истокам – рефлексия национальной идентичности российского уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.2 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 18–24.

instrumental in forming the theoretical foundation of the research and uncovering the regularities in the evolution of Russian criminal procedure. Specific scientific methods (formal-legal, interpretation of legal norms) enabled the development of concrete proposals for further optimizing modern criminal procedural activity. Results: Historically, the national criminal process has been shaped as a two-stage system, which, alongside the judicial stage, also includes a pre-trial production phase. In this system, state authoritative public bodies play a leading role, focused on establishing objective truth. This is why attempts to restructure such a historically established construct into an adversarial Anglo-Saxon legal system, undertaken in the 1990s, proved unsuccessful. Subsequent numerous adjustments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation were aimed not at expanding adversarial principles, but at achieving a balance between public and private interests, which objectively led to a qualitatively new direction in reforming the entire criminal justice system.

Keywords: national identity, Russian mentality, historical form, type, model of criminal procedure, pre-trial and trial proceedings, search, adversarial principle

For citation: Davletov A.A., Azarenok N.V. Returning to Historical Origins as a Reflection of the National Identity of Russian Criminal Procedure. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 18–24. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.2.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня представители уголовно-процессуальной науки ставят вопрос о современном состоянии российского уголовного процесса и перспективах его развития. Так, профессор И.В. Смолькова указывает на несовершенство УПК РФ и утверждает: «Прежде чем приступить к реформированию УПК РФ, необходимо выработать стратегию, определяющую дальнейшую направленность развития уголовно-процессуального законодательства, его ценностное ориентирование, отражающее господствующие в обществе представления о справедливости и значимости» [1, с. 65]. Далее автор пишет: необходимо «...выбрать модель уголовного процесса, которой должна следовать Россия (континентальная, англосаксонская, смешанная), а при ориентации на смешанную модель внимательно оценивать "совместимость" составляющих элементов» [1, с. 66].

По мнению профессора Л.Н. Масленниковой, «необходимо выявить и сформулировать проблемы, решение которых позволит привести уголовное производство к виду и состоянию, отвечающему национальным интересам России на современном этапе. Отсутствие внятного ответа на вопрос, в каком направлении российский уголовный процесс должен развиваться, является острой проблемой, затрудняющей его позитивную эволюцию» [2, с. 133].

Характерно, что оба авторитетных ученых, с одной стороны, формулируют вопрос о состоянии и перспективах современного российского уголовного процесса как научную проблему, а с другой – указывают на необходимость ее решения с учетом национальных интересов России.

Именно эти установки были определены в конце 2021 г. Президентом РФ В.В. Путиным, который заявил, что при проведении

необходимых социальных преобразований мы «...должны опираться на свои духовные ценности, на историческую традицию, на культуру нашего многонационального народа». Произшедшие с тех пор события и процессы во внешней и внутренней политике России подтверждают правильность избранного пути.

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Вектор развития российского права в целом и уголовно-процессуального права в частности на основе национальных интересов был ясно обозначен на официальном уровне еще 5 лет назад, и этот вектор развития имеет принципиально иной характер, чем тот, который был определен авторами Кодекса в 2001 г.

Напомним, что все новшества УПК РФ преследовали внешне привлекательную цель: заменить непригодный в новых условиях советский уголовный процесс по причине его инквизиционного, обвинительного, авторитарного характера на уголовный процесс западного образца, основанный на состязательности и равноправии сторон. Для реализации данной цели предлагалось расширить сферу судебного контроля над досудебным производством, ввести в уголовный процесс институт следственного судьи и постепенно поглотить традиционное предварительное расследование состязанием сторон обвинения и защиты перед судом.

Так, профессор А.В. Смирнов предложил наделить следственного судью широким кругом полномочий, что позволило бы весь уголовный процесс превратить «...в собственно судопроизводство, построенное на основе состязательности и равенства сторон...», в котором предварительное расследование выступает как «...судебное предварительное следствие, ведущееся особым следственным судьей, не участвующим в рассмотрении дел по существу».

Еще одно направление перестройки уголовного процесса виделось в легализации так называемого параллельного адвокатского расследования, присущего англосаксонскому уголовному судопроизводству, которое, по мнению сторонников этой идеи, способно обеспечить равенство сторон защиты и обвинения. Так, В.Ю. Мельников утверждает, что

«заимствования из англо-американского процесса лежат в основе предложений о предоставлении защитнику права проведения параллельного со следователем расследования» [3, с. 3].

Однако по прошествии времени концепция переустройства российского уголовного процесса в состязательную форму показала свою несостоятельность. Органы, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, по-прежнему решают стоящие перед ними задачи, а не руководствуются расплывчатыми положениями о назначении уголовного судопроизводства; принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела фактически сохраняет свою ведущую роль; судебный контроль в досудебном производстве остался в ограниченных пределах; следственный судья не приобрел статуса автономного участника уголовно-процессуальной деятельности; адвокат-защитник не стал субъектом самостоятельного собирания доказательств и т. д. По мнению П.А. Лупинской, причина заключается в том, что действующее уголовно-процессуальное законодательство России сохранило розыскную модель досудебного производства, в которой вся полнота полномочий по формированию доказательственной базы принадлежит должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу [4].

Крах идеи состязательности стал очевиден через 15–18 лет после принятия УПК РФ и получил свое подтверждение, как отмечалось, в 2021 г., когда на высшем государственном уровне было заявлено о парадигме социальных преобразований на основе национальных интересов России.

Произошло это по объективным причинам, осмысление которых имеет методологическое значение для развития уголовного процесса во всех его аспектах: в уголовно-процессуальном законодательстве – для разработки нового УПК РФ; в правоприменительной деятельности – для формирования соответствующей современным реалиям юридической практики; в учебном процессе – для обучения юристов, ориентированных не на чуждые «заморские» правовые идеи, а на национальную, исторически обусловленную модель уголовно-процессуальной деятельности; в науке уголовного процесса, занимающей в этом плане особое место, поскольку перед ней

стоит задача выработки решений, отвечающих социальным потребностям и подлежащих реализации в законотворчестве, практике и учебном процессе.

В системном решении данной проблемы основополагающее значение имеет национальный менталитет, который следует понимать «...в качестве исторически сложившейся и устойчивой матрицы типизации поведения... позволяющей представителям определенного социума и/или типа цивилизации относительно единообразно воспринимать... окружающую действительность, действовать в ней в соответствии с определенными, сложившимися в обществе установками и стереотипами, "понимая" друг друга и тем самым сохраняя стабильность и целостность национального (цивилизационного) пространства» [5, с. 23]. Национальный менталитет выступает как генетический код, который объединяет общество, позволяет личности и определенному социуму идентифицировать себя, способствует связи времен и поколений, препятствует чуждому внешнему влиянию.

Российский национальный менталитет формировался под воздействием четырех факторов: а) географического; б) религиозного; в) отношения государства к личности; г) роли права в обществе, и в итоге превратился в особый «евразийский» тип менталитета, существенно отличающийся от менталитета «западного» типа. Основными свойствами менталитета русского народа являются стремление к истине и справедливости, патерналистский характер отношений государства и личности. Под их влиянием создаются правовые системы, в частности уголовный процесс, где публичное начало превалирует над частным, а вся уголовно-процессуальная деятельность направлена на установление объективной истины [6].

Отечественный уголовный процесс на протяжении всей своей истории развивался под влиянием русского национального менталитета и приобрел завершенную кодифицированную форму, отраженную в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., представ уголовным производством континентального (романо-германского), а не англосаксонского типа. В качестве его системообразующего начала выступает объективная истина, служащая целеполаганием уголовно-процессуаль-

ной деятельности, направленной на раскрытие преступления, установление лица, его совершившего, и выяснение действительных обстоятельств деяния. В такой установке проявляется ментальное устремление русского народа к Правде и Справедливости. Вне истины представить справедливое уголовное производство в нашем понимании невозможно. Поэтому требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств преступления со времен Устава уголовного судопроизводства остается основным принципом отечественного уголовного процесса.

Такая познавательная цель обусловила создание специальных государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, и их обособление от органов судебной власти, что, в свою очередь, повлекло формирование двухэтапной структуры уголовно-процессуальной деятельности с разделением досудебного и судебного производства. При этом ведущую роль приобрели государственно-властные органы, поскольку задачи уголовного производства, направленные на достижение объективной истины, могут решаться исключительно в публично-правовом, принудительном порядке, с существенным ограничением интересов личности.

Так сложилась историческая форма отечественного уголовного процесса, принадлежащая по своим характеристикам к так называемому романо-германскому (континентальному) типу. Его принципиальная конструкция состоит в сочетании трех элементов: а) объективной истины; б) двухэтапной организации уголовно-процессуальной деятельности, состоящей из досудебных и судебных стадий; в) превалирования публичных интересов над частными. Англосаксонская форма, в отличие от континентального уголовного процесса, качественно иная и по характеру истины, и по структуре уголовно-процессуальной деятельности, и по соотношению публичного и частного интересов.

В своей исторической форме наш уголовный процесс существовал не только в дореволюционное время (до 1917 г.), но и на протяжении всего советского периода, так как функционировал во всех трех составляющих.

Авторы УПК РФ проигнорировали национальный русский менталитет и созданный на его основе механизм уголовно-процессу-

альной деятельности, рассчитывая трансформировать исторически сложившийся уголовный процесс романо-германской формы в инородное уголовное судопроизводство англосаксонского типа. Однако существующая процессуальная конструкция, будучи саморегулируемой системой, не приняла чуждые ей элементы и продолжала функционировать в прежней парадигме. В итоге произошла рефлексия идентичности отечественного уголовного процесса, когда живой правовой организм, благодаря внутреннему иммунитету (национальному менталитету), создал преграду и не воспринял чуждое, поскольку оно угрожало жизнеспособности действующей и отвечающей потребностям общества системы.

Отсюда следует, что отечественный уголовный процесс в своем историческом развитии был, есть и остается производным романо-германской, континентальной формы. Коротко его именуют розыскным, следственным, инквизиционным, смешанным.

Первые три термина, по сути, являются синонимами, так как отражают исследовательский характер («инквизиция» в переводе с латыни – исследование) уголовно-процессуальной деятельности, познавательной целью которой выступает объективная истина. Термин «смешанный уголовный процесс» указывает на сочетание разных порядков процессуальной деятельности на досудебном и судебном этапах производства по уголовному делу. Досудебные стадии осуществляются в несостязательной (следователь – участники), а судебные – в состязательной (суд – стороны обвинения и защиты) форме. В единстве эти две процедуры (несостязательная и состязательная) образуют смешанную модель уголовно-процессуальной деятельности.

Итак, в своей видовой квалификации наш уголовный процесс романо-германский, континентальный, инквизиционный, смешанный, но никак не англосаксонский, состязательный.

Такова системно-структурная, видовая характеристика уголовного производства, служащая основой (формой), на которой выстраивается определенная надстройка, представляющая содержание уголовно-процессуальной деятельности.

При этом форма, как несущая конструкция уголовного процесса, неизменна и выступает константой, тогда как содержание переменчи-

во и непостоянно. Именно в содержании уголовно-процессуальной деятельности происходят все изменения, и потому в те или иные исторические периоды уголовный процесс приобретает разное качество. В данном аспекте советский уголовный процесс заметно отличался от дореволюционного, а современный отличается от советского.

В связи с этим логично возникают вопросы: где, почему и как происходят изменения в содержании уголовно-процессуальной деятельности? Выделение трех компонентов уголовного процесса позволяет достаточно легко найти ответы на них.

Объективная истина как познавательная цель и системообразующее начало уголовно-процессуальной деятельности какой-либо трансформации не подвергается, но содержание двух других элементов уголовного процесса, которые производны от первого, преобразуется в зависимости от складывающейся в тот или иной исторический период социально-политической обстановки. Прежде всего это проявляется в соотношении публичного и частного интересов.

Ведущая роль публичного начала, присущая уголовному процессу, проявляется в разной степени. В советское время это было доминирование публичности (государственных интересов), доходящее в некоторые периоды до крайних форм ограничения прав, свобод и законных интересов личности. Поэтому постсоветское реформирование правовой системы проводилось под лозунгом соблюдения прав человека, а назначение уголовного производства виделось в «самоограничении государства» [7]. Именно в таком направлении происходили существенные преобразования российского уголовного процесса на современном этапе.

На основе новых конституционных требований и гарантий (ст. 2, 22, 23, 25, 46, 48, 51, 123 Конституции РФ) уровень соблюдения прав, свобод и законных интересов личности значительно возрос и приблизился в своей значимости к обеспечению публичных интересов. Появились такие нововведения, как право каждого не свидетельствовать против себя и своих близких, на получение квалифицированной юридической помощи, судебное обжалование действий (бездействия) и решений органов уголовного преследования, судебный контроль в досудебном производстве

и др. В результате сложилось новое соотношение публичного и частного начал, получившее название «баланс публичного и частного интересов» и ставшее критерием оценки и развития современного российского уголовного процесса [8]. Это, в свою очередь, повлекло трансформацию структуры уголовно-процессуальной деятельности. Появились дифференцированные производства, в частности особый порядок судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), компромиссные формы прекращения уголовного дела (ст. 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ) и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное позволяет сформулировать ряд выводов, характеризующих современное состояние российского уголовного процесса и указывающих на перспективы его развития.

1. Отечественный уголовный процесс, детерминированный национальным российским менталитетом, изначально сформировался как двухэтапная структура – с досудебным и судебным производством – при ведущей роли государственно-властных публичных органов, ориентированных на установление

объективной истины. На протяжении всей своей истории наш уголовный процесс функционирует как производство романо-германского, континентального, смешанного типа.

2. Попытка перестроить исторически сложившийся уголовный процесс в состязательное англосаксонское судопроизводство, предпринятая авторами УПК РФ, оказалась безуспешной по причине отторжения действующей и соответствующей национальным интересам правовой системой чуждых ей элементов.

3. Внесенные в УПК РФ изменения были направлены на приведение уголовно-процессуальных норм в соответствие с требованиями и гарантиями Конституции РФ, что в результате привело к появлению нового критерия формирования уголовно-процессуального законодательства, именуемого балансом публичного и частного интересов, и определенной трансформации порядка уголовно-процессуальной деятельности.

4. Дальнейшее развитие российского уголовного процесса должно осуществляться в рамках его исторически сложившейся национальной формы континентального уголовного производства на основе баланса публичных и частных интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смолькова И.В. Нужен ли новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации? / И.В. Смолькова // 20 лет действия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы : тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции, Омск, 26–28 мая 2022 г. – Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 63–66.

2. Масленникова Л.Н. К вопросу о социально-политической роли следователя и его месте в системе государственных органов / Л.Н. Масленникова // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник трудов № 34 по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы и тенденции досудебных стадиях уголовного процесса: к 90-летию со дня рождения А.П. Гуляева (5–6 декабря 2024 г.)». – Москва : ВНИИ МВД России, 2025. – С. 133–138.

3. Мельников В.Ю. Необходимо ли возвращаться к адвокатскому расследованию? / В.Ю. Мельников // Адвокатская практика. – 2015. – № 4. – С. 3–8.

REFERENCES

1. Smolkova I.V. Is There a need for a New Criminal Procedure Code of the Russian Federation? *20 Years of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Lessons and Prospects. Abstracts of Reports and Communications from the International Scientific and Practical Conference, Omsk, May 26–28, 2022. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2022, pp. 63–66. (In Russian).*

2. Maslennikova L.N. On the Issue of the Socio-Political Role of the Investigator and His Place in the System of State Bodies. *Problems of Preliminary Investigation and Inquiry. Collection of Works no. 34 Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Modern Problems and Trends in the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings: On the 90th Anniversary of the Birth of A.P. Gulyaev (December 5–6, 2024)". All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2025, pp. 133–138. (In Russian).*

3. Mel'nikov V.Yu. Is it Necessary to Return to the Issue of Advocate's Investigation? *Advocate's Practice, 2015, no. 4, pp. 3–8. (In Russian).*

4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебное пособие / отв. ред. П.А. Лупинская. – Москва, 2003. – 447 с.
5. Мордовцев А.Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 23.00.02 / А.Ю. Мордовцев. – Ростов-на-Дону, 2004. – 56 с.
6. Барабаш А.С. Российский менталитет и его влияние на природу уголовного судопроизводства / А.С. Барабаш, А.А. Давлетов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 98–108.
7. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е.Б. Мизулина. – Москва, 1993. – 269 с.
8. Азарёнок Н.В. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса / Н.В. Азарёнок, А.А. Давлетов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 4. – С. 31–37.
4. Lupinskaya P.A. (ed.). Criminal Procedure Law of the Russian Federation. Moscow, 2003. 447 p.
5. Mordovtsev A.Yu. Russian Statehood in the Mental-Legal Dimension. *Doct. Diss. Thesis*. Rostov-on-Don, 2004. 56 p.
6. Barabash A.S., Davletov A.A. The Russian Mentality and Its Influence on the Nature of Criminal Proceedings. *News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2006, no. 2, pp. 98–108. (In Russian).
7. Mizulina E.B. Criminal Procedure: The Concept of Self-Restriction of the State. *Doct. Diss.* Moscow, 1993. 269 p.
8. Davletov A.A., Azarenok N.V. The Balance of Public and Private Interests as a Fundamental Factor in the Formation of the Modern Russian Criminal Process. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2021, no. 4, pp. 31–37. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давлетов Ахтям Ахатович – доктор юридических наук, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова;

Азарёнок Николай Васильевич – доктор юридических наук, директор Института юстиции, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Davletov Akhtyam Akhatovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov;

Azarenok Nikolay Vasilyevich – Doctor of Law, Director of the Institute of Justice, Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 29.12.2025; принята к публикации 29.12.2025. The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 29.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.3

Original article

ЗАЙЦЕВА Елена Александровна
Волгоградская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
Волгоград, Россия,
zaitceva-expert@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8608-633X>

ZAYTSEVA Elena Aleksandrovna
Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russia

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: РЕАЛИИ И НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

GROUND S AND CONDITIONS FOR SUSPENDING A PRELIMINARY INVESTIGATION:
REALITIES AND REGULATORY FRAMEWORK

Аннотация. Правовой институт приостановления производства по уголовному делу, включающий в себя субинститут приостановления предварительного расследования, с XIX в. является составной частью отечественного уголовно-процессуального права, отражая его национальную идентичность применительно к решению важных задач рационализации хода расследования и обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Однако происходящие изменения системы оснований и условий приостановления производства по уголовному делу нуждаются в истолковании с позиций традиций данного правового института. Цель: исследовать нормы правового института приостановления производства по уголовному делу с точки зрения соответствия его национальным трендам развития российского уголовно-процессуального права. Методы: при подготовке статьи использовались традиционные для юридической науки частнонаучные (для изучения специфики отдельных правовых явлений) и специальные (для рассмотрения по существу правовых феноменов и процессов) методы исследования: анализа, синтеза, обобщения, формально-юридический, исторический, юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: благодаря рассмотрению национальной идентичности уголовно-процессуальной отрасли права и ее институтов в историческом ракурсе в двух аспектах – диалектическом и метафизическом – выявлены основные направления в развитии правового института приостановления производства по уголовному делу; обозначена проблематика корректировки системы оснований и условий приостановления предварительного расследования.

Abstract. The legal institution of suspending criminal proceedings, which includes the sub-institution for suspending a preliminary investigation, has been an integral part of national criminal procedure law since the 19th century. It reflects its national identity in addressing important tasks of rationalizing the investigation and ensuring the rights and legitimate interests of persons involved in criminal proceedings. However, the ongoing changes in the system of grounds and conditions for suspending criminal proceedings need to be interpreted from the perspective of the traditions of this legal institution. Purpose: to analyze the norms of the legal institution for suspending criminal proceedings from the point of view of its compliance with national trends in the development of Russian criminal procedure law. Methods: The preparation of this article drew upon traditional specific scientific approaches (to study the specifics of individual legal phenomena) and special approaches (to substantively consider legal phenomena and processes) within legal science. The research methods included analysis, synthesis, generalization, formal-legal, historical, legal-dogmatic, and the interpretation of legal norms. Results: in the course of the research, the author examines the national identity of the criminal procedure branch of law and its institutions from a historical perspective in two aspects – dialectical and metaphysical, which made it possible to identify the main trends in the development of the legal institution for suspending criminal proceedings; to identify the problems of adjusting the system of grounds and conditions for suspending a preliminary investigation. Through a historical examination of the national identity of criminal procedure law and its institutions, approached from both dialectical and metaphysical perspectives, the article identifies key trends in the development of the legal institution for suspending criminal proceedings. It further highlights the challenges involved in refining the system of grounds and conditions for suspending a preliminary investigation.

Ключевые слова: правовой институт приостановления производства по уголовному делу, приостановление предварительного расследования, основания приостановления предварительного расследования, условия приостановления предварительного расследования

Для цитирования: Зайцева Е.А. Основания и условия приостановления предварительного расследования: реалии и нормативное регулирование / Е.А. Зайцева. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 25–35.

Keywords: legal institution for suspending criminal proceedings, suspension of preliminary investigation, grounds for suspending a preliminary investigation, conditions for suspending a preliminary investigation

For citation: Zaytseva E.A. Grounds and Conditions for Suspending a Preliminary Investigation: Realities and Regulatory Framework. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 25–35. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.3.

ВВЕДЕНИЕ

Национальная идентичность российского уголовно-процессуального права может предстать в историческом аспекте по-разному. Во-первых, ее можно рассматривать как развернутый поступательный процесс, охватывающий несколько веков становления и развития этой отрасли права под влиянием ключевых политических событий, как процесс, испытывающий воздействие привнесенных извне юридических обычаев и правовых культур и тем не менее сохраняющий в качестве «цементирующего» начала нравственные устои, обусловленные национальным менталитетом. Условно такой подход отражает диалектический взгляд на самобытность нашего российского уголовного процесса. Во-вторых, можно воспринимать национальную идентичность как данность, как готовый «исторический продукт», который мы имеем в настоящем, на данном конкретном отрезке времени. Этот «метафизический» взгляд позволяет выделить некоторые особенности анализируемого правового явления, отражающие специфику его нынешнего бытия под влиянием внешнеполитических и внутривнутриполитических событий короткого временного промежутка, в рамках которого мы в реальном времени наблюдаем происходящие трансформации тех или иных уголовно-процессуальных институтов и норм. Именно в таком контексте в данной статье попытаемся рассмотреть проблемные аспекты теории и практики приостановления производства по уголовному делу на примере приостановления предварительного расследования.

Правовой институт приостановления производства по уголовному делу¹, ввиду его универсальности (точнее – «межстадийности», востребованности и в досудебном, и в судебном производстве), всегда вызывал исследовательский интерес процессуального научного сообщества, да и не был обойден вниманием законодателя: основания для приостановления были скорректированы по крайней мере трижды, а условия подвергались правке шестью федеральными законами. Думається, неслучайно законодатель пытается адаптировать нормы указанного института под насущные запросы практики, включая продиктованные данностью СВО потребности правоприменителей. Рационализация хода расследования, обеспечение прав и законных интересов лиц, вовлеченных в производство, – основные ориентиры для законодателя при реформировании правового института приостановления производства по уголовному делу. А в связи с важными оборонными вопросами, решаемыми в рамках СВО, данный институт начал выполнять и особое предназначение в условиях ведения вооруженной борьбы, обеспечивая приоритетное участие военнотружущих в решении боевых задач.

¹ С учетом межстадийного характера действия норм правового института приостановления производства по уголовному делу автор в эту укрупненную нормативную общность включает законоустановления, регулятивным воздействием обращенные к общественным отношениям, складывающимся: 1) на стадии предварительного расследования (они образуют субинститут приостановления предварительного расследования); 2) в рамках стадии подготовки судебного разбирательства (соответствующий субинститут); 3) в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции (это тоже отдельный субинститут); 4) при рассмотрении уголовного дела в апелляционном режиме (одноименный субинститут).

Категориальный аппарат института приостановления производства по уголовному делу базируется на двух ключевых терминах: «основания» и «условия», содержание которых традиционно вызывало научную дискуссию в рамках уголовно-процессуального учения о приостановлении производства по уголовному делу. Попробуем высказать свою позицию по ряду аспектов бытия этих категорий в современных условиях.

О СИСТЕМЕ ОСНОВАНИЙ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Ознакомление с содержанием ч. 1 ст. 208 УПК РФ приводит к выводу о наличии **шести** оснований для приостановления производства предварительного расследования, несмотря на графическое выделение в тексте закона лишь пяти пунктов. Дело в том, что п. 2 описывает две совершенно разные следственные ситуации, объединенные законодателем в одно предложение: «подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам». Несхожесть данных оснований очевидна, она проистекает из различия в юридических последствиях, наступающих для уголовно преследуемого лица.

Соккрытие от следствия – это осознанная негативная посткриминальная модель поведения лица, наличие которой следователь должен установить и доказать. Будучи официально уведомленным о своем процессуальном статусе, обвиняемый или подозреваемый умышленно уклоняется от явки к следователю, скрывается от него, не соблюдая свои процессуальные обязанности, «витиевато» сформулированные в УПК в виде запретов. Само собой, закон предусматривает для такого поведения адекватную реакцию – объявление лица в розыск и прекращение течения сроков давности привлечения к уголовной ответственности (ч. 3 ст. 78 УК РФ).

Совсем другую ситуацию наблюдаем, когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого неизвестно по иной причине. Такое основание не связано с явным уклонением уголовно преследуемого лица от следствия, чаще всего оно даже не знает, что наделено соответствующим процессуальным статусом по конкретному уголовному делу

(например, при обнаружении его следов на месте происшествия, с помощью которых была идентифицирована его личность, при ошибочном его опознании по фотоснимку очевидцами или потерпевшими). С учетом этого закон не устанавливает для данных лиц негативных последствий в виде прерывания ординарного течения сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Очевидно, что отличие в юридических последствиях разных моделей посткриминального поведения уголовно преследуемых лиц столь значительно в том числе для самой судьбы уголовного дела, и игнорировать его просто невозможно, а это актуализирует проблему графического обособления в тексте уголовно-процессуального закона указанных оснований как самостоятельных, предусмотренных отдельными пунктами ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Тем не менее обращение к ряду учебников [1; 2, с. 182] и комментариев к УПК РФ² демонстрирует по большей части равнодушие научного сообщества к данной проблематике. Обычно, описывая систему оснований для приостановления производства предварительного расследования, авторы просто отсылают к ч. 1 ст. 208 УПК РФ либо поступательно раскрывают содержание каждого пункта, не акцентируя внимание на той особенности, на которую мы указали [3; 4; 5, с. 40]. При этом мы не одиноки в подобной оценке сложносоставности п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ [6, с. 438–440; 7, с. 478–489; 8, с. 435].

Анализируя разные подходы к обозначенному вопросу, мы можем попытаться объяснить их различием в оперировании терминологией правового института приостановления производства по уголовному делу. Если препарировать категорию «основание» сквозь призму приведенных позиций, можно увидеть, что в одной ситуации, когда авторы автоматически следуют перечню, закрепленному в ч. 1 ст. 208 УПК РФ, они говорят о **нормативно фикси-**

2 См.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Шевчук А.Н. Приостановление и возобновление предварительного следствия. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под науч. ред. Г.И. Загорского. М.: Проспект, 2016; Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023.

рованных оснований принятия решения о приостановлении производства. В случае разделения оснований с точки зрения наличия разных следственных ситуаций, отраженных в п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и порождающих противоположные юридические последствия для течения сроков давности, можно рассуждать о **юридических основаниях** для принятия решения о приостановлении предварительного расследования, число которых больше нормативно установленного перечня. Это видение отражает подход к толкованию нормативного материала. Но термин «основание» употребим и в плоскости правоприменения. Естественно, поскольку приостановление производства ассоциируется в ряде случаев с соответствующим правоприменительным решением, следует вспомнить и категорию **фактических оснований** принятия такого решения, отражающих существо той или иной ситуации и качественный уровень ее доказанности для властного субъекта, выносящего постановление о приостановлении уголовного производства. При этом не следует забывать, что для законного начала реализации правоотношений, порожденных принятием соответствующего решения, для приостановления производства по уголовному делу требуется наличие **правового основания** – самого правоприменительного решения, оформленного постановлением (определением). Однако оперирование предложенной категориальной системой вынуждает погружаться на достаточную глубину абстрагирования, что вряд ли отвечает интересам единообразного и эффективного правоприменения, стремящегося к очевидности и простоте нормативных конструкций. С учетом изложенного для явного разграничения **юридических оснований** и обеспечения их текстуального совпадения с нормативным перечнем представляется логичным изложить отдельным основанием (с обособленной нумерацией в виде п. 2.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) ту самую ситуацию, когда место нахождения подозреваемого и обвиняемого неизвестно по другим причинам.

Что касается нового основания приостановления производства по уголовному делу, которым были дополнены положения ст. 208³,

3 См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 13, ст. 1687.

238, 253, 389.7, 389.11, 389.13, 389.26⁴ УПК РФ в связи с реалиями СВО, то его появление отражает некие закономерности, с которыми сталкивалась наша правовая система в годы Великой Отечественной войны. У автора настоящей статьи возникают устойчивые ассоциации идейной подоплеки этих нововведений с позициями руководства СССР, выраженными в знаменитом приказе № 227 1942 г., известном в народе «Ни шагу назад!», когда оступившимся гражданам предоставлялась «возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной»⁵. Однако сама идея такого искупления не является чем-то эксклюзивным, сугубо национальным достоянием, о чем свидетельствуют не только ссылки на опыт фашистской Германии в тексте того же приказа № 227, но и история Первой мировой войны и даже войн в эпоху Античности с их галерными флотами. Поэтому появление данного основания в ряду традиционных для правового института приостановления производства по уголовному делу вряд ли можно хоть отдаленно связать с проблематикой «национальной идентичности» уголовного судопроизводства.

Глубокому анализу нового основания приостановления производства применительно к досудебному производству посвятил свою статью профессор В.Ю. Стельмах [9]. Он изучил субъектный состав возникающих правоотношений, условия применения данного основания и справедливо определил его как проявление частного случая основания, закрепленного в п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, – известности местонахождения подозреваемого или обвиняемого при невозможности участия этих лиц в производстве следственных действий.

В.Ю. Стельмах обосновывает идею, что инициатором применения п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ

4 См.: О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 02.10.2024 № 340-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 41, ст. 6065. Анализ применения данного основания в судебном производстве, в силу ограниченности объема настоящей статьи, не предпринимался. Однако аргументация по ряду аспектов его реализации в досудебном производстве вполне справедлива и для судебных стадий (стадии подготовки к судебному разбирательству, разбирательству дела в суде первой инстанции и производству в суде апелляционной инстанции).

5 О принятии мер по укреплению порядка и повышению дисциплины в войсках : приказ НКО СССР от 28.07.1942 № 227 // Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М. : Русь, 2003.

может быть и командование воинской части, и обвиняемый, и подозреваемый, и сам следователь. Однако в судебной практике можно встретить иное толкование субъектного состава инициаторов такого решения. Так, судебная коллегия Южного окружного военного суда отметила в своем апелляционном решении: «С учетом положений ч. 1.1 ст. 119 УПК РФ, согласно которой правом заявить ходатайство о приостановлении производства по уголовному делу на основании п. 5 ч. 1 ст. 238, ч. 3.1 ст. 253 УПК РФ обладает командование воинской части (учреждения), *единственным правовым основанием для приостановления производства по уголовному делу* (здесь и далее курсив наш. – Е. З.) и отмене меры пресечения на основании п. 3.1 ст. 253 УПК РФ *в отношении подсудимого, проходящего службу в войсковой части 52577, является ходатайство командира этой воинской части.*

Поскольку согласно письму от ДД.ММ.ГГГГ командир войсковой части 52577 не ходатайствует о приостановлении производства по уголовному делу в отношении ФИО1 по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, у суда первой инстанции *отсутствовали правовые основания для принятия решения о приостановлении*⁶.

Здесь следовало бы подчеркнуть, что судебная коллегия ошибочно именуется «единственным *правовым основанием* для приостановления производства по уголовному делу» ходатайство командования войсковой части. Данный документ выступает **условием** для приостановления предварительного следствия, а **правовым основанием** для возникновения установленного законом перерыва в производстве (то есть приостановления предварительного следствия) является постановление следователя, которое вызывает к жизни новые общественные отношения, связанные с невозможностью дальнейшего производства следственных действий по причинам, обусловленным заключением контракта уголовно преследуемого лица с Министерством обороны РФ.

⁶ Апелляционное постановление Южного окружного военного суда от 31.01.2025 № 22-48/2025 (здесь и далее, если не указано, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). См. также: Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 17.01.2025 № 22-5/2025 (УИД 61GV0004-01-2024-000800-21).

Неоднозначно можно оценить и утверждение В.Ю. Стельмаха о возможности отказа следователя приостановить предварительное следствие: 1) «в конкретных случаях, исходя из особенностей совершения преступления, следователь вправе отказать в удовлетворении ходатайства командования воинской части о приостановлении предварительного расследования в отношении мобилизованного военнослужащего именно по мотивам необходимости завершения расследования»; 2) «когда мобилизованный военнослужащий распределен в воинское подразделение, не занятое непосредственно на линии боевого соприкосновения» [9, с. 54]. Проанализируем подробнее указанное суждение.

1. Завершение расследования как основание для отказа в удовлетворении ходатайства командования воинской части подразумевает или прекращение уголовного дела (преследования), или составление итоговых обвинительных актов расследования. Относительно последнего есть вполне четкое разъяснение Пленума Верховного Суда РФ: «положения части 2.2 статьи 27, статей 28.1, 28.2 и *пункта 3.1 части 1 статьи 208 УПК РФ* закрепляют гарантии обязательного прекращения или приостановления уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования при наличии соответствующих оснований и *не допускают в этих случаях составления следователем, дознавателем обвинительного документа*»⁷. Такая правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ исключает для следователя возможность отказа в удовлетворении ходатайства командования воинской части по правилам п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (тем более что соответствующие правовые предписания в ст. 208 УПК РФ сформулированы в императивной тональности).

Кстати, здесь справедливости ради необходимо отметить, что судебная практика по данным обстоятельствам складывалась неоднозначно. Так, при рассмотрении жалобы защитника Янова в интересах обвиняемого Т. суд апелляционной инстанции подчеркнул:

⁷ О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39, п. 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

«Доводы защитника о том, что судья проигнорировал п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, являющийся, по утверждению защитника, обязательным для следователя, основаны на неправильном толковании закона, поскольку указанная норма закона содержит основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия и не предопределяет решение следователя по заявленному ходатайству... В ходе заседания суда апелляционной инстанции следователь Г. сообщил, что при принятии решения об отказе в удовлетворении ходатайства врио командующего войсками ЮВО им принимались во внимание не только сведения об отсутствии вакантных должностей, но и данные о личности обвиняемого, являющегося заместителем начальника штаба ЮВО – начальником регионального управления военной полиции по ЮВО, а также характер и степень общественной опасности инкриминируемых ему преступлений, связанных с превышением должностных полномочий и хищением имущества, принадлежащего Министерству обороны РФ»⁸. Сходное решение с отказом в удовлетворении жалобы стороны защиты принято и по делу К.⁹

Обращает на себя внимание то, что по делу Т. следователь учитывал тяжесть содеянного и общественную опасность личности обвиняемого, что видится разумным в описываемых обстоятельствах. Думается, приостановление производства по уголовному делу по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ имеет ценность только в том случае, когда обвиняемый своими противоправными действиями не способен причинить вред интересам обороноспособности страны, нанести ущерб другим значимым в условиях СВО интересам. Не секрет, что в СМИ (особенно в околвоенной блогосфере) нередко описываются ситуации, когда совершившие преступления лица (в некоторых случаях – весьма одиозные фигуры) пытаются использовать заключение контракта с Министерством обороны РФ в своих корыстных целях – для освобождения от грозящей уголовной ответственности¹⁰. Приостановление предварительного следствия в таком формате

фактически выступает механизмом уклонения преступников от справедливого осуждения и наказания.

Мониторинг опубликованных судебных решений, в которых затрагиваются вопросы использования потенциала п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и ст. 78.1, 80.2 УК РФ, показывает, что нередко участники уголовного судопроизводства поднимают вопрос о несправедливом назначении наказания в виде пожизненного лишения свободы, апеллируя к возможности заключить контракт с Министерством обороны РФ и принять участие в СВО¹¹, а получившие значительные сроки лишения свободы осужденные нередко изъявляют желание заключить контракт и служить в зоне СВО¹². Имеют место случаи, когда, наоборот, потерпевшие и их представители обжалуют приговор с целью добиться пожизненного лишения свободы, дабы воспрепятствовать осужденному заключить контракт и убыть на службу в зону СВО¹³. Сами суды ссылаются на участие в боевых действиях в зоне проведения СВО и статус ветерана боевых действий либо на участие в СВО близкого родственника подсу-

11 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.03.2024 № 81-УД24-ЗСП-А5 ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.07.2024 № 33-УД24-15-А2 ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.02.2025 № 4-УД24-57-А1 ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 08.04.2025 № 45-УД25-8-А2 ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.07.2024 № 33-УД24-15-А2 ; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.03.2024 № 81-УД24-ЗСП-А5.

12 См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.03.2024 № 33-УД24-ЗСП-А2 ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.10.2025 № 51-УД25-16-А5 ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.06.2025 № 53-УД25-10-А5 ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.04.2025 № 5-УД25-30СП-А1 ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.06.2024 № 78-УД24-6-А2 ; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.10.2023 № 5-УД23-75-К2 ; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.09.2023 № 31-УД23-14-А4.

13 См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.07.2024 № 33-УД24-15-А2 ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.01.2025 № 66-УД24-26-А5 ; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.01.2025 № 32-АПУ24-11-К1.

8 Апелляционное постановление Южного окружного военного суда от 06.09.2024 № 22КА-665/2024.

9 Там же.

10 Адвокат готовит обращение для отправки Иванова штурмовиком в зону СВО [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20251022/svo-2049910495.html> (дата обращения: 07.01.2026).

димого как на смягчающее обстоятельство¹⁴. Как видим, судебная практика изобилует примерами «востребованности» новых норм (а иногда и спекуляций вокруг них), навеянных идеями «искупить кровью свои преступления перед Родиной».

Возвращаясь к двум прокомментированным апелляционным постановлениям Южного окружного военного суда от 6 сентября 2024 г. по делу Т. и по делу К., отметим, что данные решения вынесены до принятия Пленумом Верховного Суда РФ постановления от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору», которое выстроило судебную практику в ином направлении. Думается, указанная правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ сформулирована без учета ситуаций злоупотребления этим механизмом со стороны лиц, совершивших преступления, поэтому она нуждается в коррекции и уточнении.

2. Ориентация следователя на участие воинской части в активных боевых действиях для принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу создает условия для произвольного усмотрения следователя. Вряд ли ему доступна информация о конкретном вовлечении воинской части в действия на линии боевого соприкосновения (с учетом ротации личного состава, маневрирования подразделениями согласно планам командования и оперативной обстановке, а также закрытости соответствующей информации, составляющей в условиях СВО военную тайну). Как показывает анализ судебных решений по вопросу обжалования отказов следователей в применении основания, предусмотренного п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, суды не акцентируют внимание на месте дис-

локации воинской части относительно линии боевого соприкосновения¹⁵.

Вышеописанные обстоятельства, ввиду сложности толкования предписаний закона в единстве с правовыми позициями Пленума Верховного Суда РФ, а также неоднозначности и неоднородности складывающейся правоприменительной практики, диктуют Пленуму Верховного Суда РФ объективную необходимость вновь обратиться к указанной проблематике и сформулировать четкие ориентиры для правоприменителей.

О СИСТЕМЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Актуальные аспекты данной системы также обозначены в заглавии настоящей статьи, поэтому она, наряду с системой оснований соответственно, подлежит анализу и уточнению – хотя бы в контексте научного дискурса. Дело в том, что традиционно в учебной литературе, да и не только, условия делят на общие и частные, относя к первым «отсутствие обстоятельств, влекущих прекращение уголовного дела... а также выполнение всех следственных действий, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого» [1, с. 753]. И здесь необходимо подчеркнуть, что авторы учебников по уголовному процессу [4, с. 350–359; 10, с. 259], изданных после 2015 г.¹⁶, не всегда учитывают в качестве общих условий положения, закрепленные в ч. 6 и 7 ст. 208 УПК РФ, хотя в силу универсальности возникающих общественных отношений вопросы наложения ареста на имущество и продления сроков применения данной меры процессуального принуждения могут проявиться в рамках производства по любому уголовному делу. Это обстоятельство предполагает однозначное отнесение предписаний ч. 6 и 7 ст. 208 УПК РФ к числу общих условий приостановления предварительного следствия¹⁷.

¹⁵ См., например: Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.09.2025 № 77-2959/2025.

¹⁶ Именно в 2015 г. ст. 208 УПК РФ была дополнена частями 6 и 7, отражающими общее условие приостановления производства, связанное с наложением ареста на имущество третьих лиц (см.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.06.2015 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27, ст. 3981).

¹⁷ Подобная, верная, по нашему убеждению, оценка роли предписаний ч. 6 и 7 ст. 208 УПК РФ дается в учебнике А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского [11, с. 509–510].

¹⁴ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 16.09.2025 № 222-УД25-31СП-А6; Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 22.05.2025 № 224-УД25-16-А6; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.02.2025 № 41-УД24-54-К4; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.10.2024 № 85-УД24-8-К1; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.07.2024 № 41-УДП24-24-К4.

В научной литературе также встречаются суждения, анализ которых позволяет заключить, что ученые не относят положения ч. 6 и 7 ст. 208 УПК РФ к числу общих условий, рассматривая их как элементы процессуальной формы [5, с. 44]. Есть и трактования указанных положений как частных условий [12, с. 128], что видится нам ошибочным, так как эти установления «не привязаны» законодателем к конкретным основаниям, что позволило бы согласиться с данными мнениями. Однако они сформулированы в императивном формате («следователь до приостановления предварительного следствия *обязан установить* обстоятельства...»), их регулятивное воздействие обращено на широкий круг следственных ситуаций, что подчеркивает их общий характер. Полагаем, что соблюдение комментируемых предписаний всегда подлежит проверке прокурором при изучении решения следователя о приостановлении предварительного следствия. Соответственно, при невыполнении обозначенных в законе условий такое решение отменяется прокурором, что подчеркивает статус этих предписаний именно как условий законности постановления о приостановлении предварительного следствия, условий, обеспечивающих соблюдение имущественных интересов третьих лиц.

При обращении к данным нормам возникает вполне закономерный вопрос о корректности отображения этих общих условий в тексте ст. 208 УПК РФ. В ч. 6 и 7 комментируемой статьи можно выделить указание на соблюдение следующих требований:

- 1) установление обстоятельств, подтверждающих, что арестованное имущество, принадлежащее третьим лицам, действительно обладает юридически значимыми признаками, позволяющими наложить на него арест;
- 2) рассмотрение вопроса о возможном изменении ограничений, связанных с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом, либо об отмене ареста, наложенного на имущество (следователь самостоятельно принимает по нему решение в порядке ч. 9 ст. 115 УПК РФ);
- 3) возбуждение перед судом соответствующего ходатайства о продлении срока ареста на имущество, если не отпали основания для применения этой меры процессуального принуждения.

Именно первый аспект вызывает вопрос с точки зрения логичности его закрепления в качестве общего условия приостановления предварительного следствия. Дело в том, что согласно требованиям ч. 3 ст. 115 УПК РФ наложить арест на имущество третьих лиц суд может, только если следователь представит достаточные доказательства, подтверждающие, что «оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации». Следовательно, на момент принятия решения судом эта информация должна быть четко установлена, подтверждена совокупностью доказательств, достаточных для вынесения судом обоснованного и законного постановления. Повторное ее выяснение в период, предшествующий приостановлению предварительного следствия, лишено смысла, так как эта информация уже отражена в судебном постановлении в силу прямого требования закона: «суд должен указать на конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение» (ч. 3 ст. 115 УПК РФ).

Вышеизложенное с очевидностью демонстрирует дефекты юридической техники при формулировании положений ч. 6 ст. 208 УПК РФ, что диктует необходимость изложить данные предписания в иной редакции: «6. Если по уголовному делу наложен арест на имущество в соответствии с частью третьей статьи 115 настоящего Кодекса, следователь до приостановления предварительного следствия обязан рассмотреть вопрос о возможном изменении ограничений, связанных с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом, либо об отмене ареста, наложенного на имущество».

Относительно второго и третьего аспекта, вытекающих из содержания ч. 6 и 7 ст. 208 УПК РФ, особых нареканий в части логичности их изложения не имеется.

На этом система общих условий не исчерпана. В 2017 г. она была дополнена предписаниями, касающимися мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства¹⁸. Такие меры могут применяться по широкому кругу уголовных дел при наличии угроз безопасного участия лиц в уголовном процессе. При этом обоснованно отмечается, что «обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства – проблема комплексная, требующая своевременного применения мер адекватного реагирования на вызовы и угрозы» поскриминального воздействия [13, с. 63], которое может осуществляться на любом этапе уголовного производства [14]. Законодатель также не связывает эти требования с конкретными основаниями приостановления производства по уголовному делу, распространяя их регулятивное воздействие на неопределенный круг общественных отношений. Соответственно, это обстоятельство позволяет отнести указанные дополнения в виде новой ч. 8 ст. 208 УПК РФ к числу общих условий приостановления производства по уголовному делу. Если в рамках производства следователем были применены меры безопасности, то с учетом длительности сроков приостановления предварительного следствия должны быть решены вопросы о судьбе данных мер. От правильности их разрешения нередко зависят жизнь и здоровье участника судопроизводства или иного охраняемого лица.

В комментарии к ч. 8 ст. 208 УПК РФ Б.Т. Безлепкина категорично отмечает: «отмена мер безопасности в данном случае допускается не иначе как на основании информации органов, их осуществляющих, об отсутствии законных оснований для их дальнейшего применения по ходатайству данного органа либо на основании письменного заявления самого защищаемого лица. *При отсутствии указанных поводов вопросы об отмене мер безопасности по приостановленному уголовному делу вообще не обсуждаются*»¹⁹. Думается, автор прав в том, что без соответствующих ходатайств или письменных заявлений защищае-

мого лица следователь не может решить вопрос о полной или частичной отмене данных мер. Но в любом случае до приостановления предварительного следствия он должен решить вопрос о необходимости дальнейшего применения таких мер, в том числе обращаясь в компетентные органы, ответственные за реализацию мер государственной защиты. Проиигнорировать эти обстоятельства следователь не вправе, о чем свидетельствует изложение первого предложения ч. 8 ст. 208 УПК РФ в императивном формате: «следователь с согласия руководителя следственного органа одновременно с приостановлением предварительного следствия выносит постановление о дальнейшем применении мер безопасности либо об их полной или частичной отмене». Однако, учитывая значимость своевременных и адекватных мер обеспечения безопасности для сбережения жизни участников уголовного процесса²⁰, считаем необходимым скорректировать положения ч. 8 ст. 208 УПК РФ, сформулировав проектные нормы, направленные на **упреждающий характер деятельности** по защите участников уголовно-процессуальных отношений: «следователь с согласия руководителя следственного органа до приостановления предварительного следствия выносит постановление о дальнейшем применении мер безопасности либо об их полной или частичной отмене...».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Число общих условий приостановления предварительного следствия много больше традиционно описываемой в ряде учебников системы и включает в себя ряд предписаний из ч. 6–8 ст. 208 УПК РФ. При этом, по нашему глубокому убеждению, именно положения ч. 6 ст. 208 УПК РФ нуждаются в корректировке с учетом процедур и логики принятия решения о наложении ареста на имущество третьих лиц.

Описанные нормативные установления закономерно пополняют существовавшую систему общих условий приостановления предварительного следствия, будучи сформулированными в едином «правообеспечительном ключе», что является характерным трендом

18 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования порядка осуществления государственной защиты : Федеральный закон от 28.03.2017 № 50-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 14, ст. 2009.

19 Безлепкина Б.Т. Указ. соч.

20 И иных лиц, подлежащих государственной защите согласно закону.

реформирования отечественного уголовно-процессуального права в последние десятилетия, выделяющим, как мы считаем, его национальную идентичность.

Относительно же последнего пополнения системы оснований приостановления производства по уголовному делу (и других связанных норм данного правового института применительно к судебному производ-

ству, которые в совокупности с нормами уголовного права образуют единый «механизм освобождения от уголовной ответственности участников СВО» [15, с. 6]) отметим, что оно носит ситуативный характер. Хочется надеяться, что потребность в подобном усовершенствовании института приостановления производства по уголовному делу в ближайшем времени исчезнет.

Список источников

1. Жидкова Е.И. Приостановление и окончание предварительного расследования / Е.И. Жидкова // Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2017. – 1280 с.
2. Колосович М.С. Понятие, основания и условия приостановления предварительного следствия / М.С. Колосович // Уголовный процесс : учебник : в 3 ч. / под ред. В.Г. Глебова, Е.А. Зайцевой. Ч. 2. Досудебное производство по уголовным делам. – 5-е изд., перераб. и доп. – Волгоград : ВА МВД России, 2017. – 270 с.
3. Головинская И.В. Уголовный процесс : учебное пособие / И.В. Головинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2021. – 802 с.
4. Уголовный процесс : учебник для вузов / Н.С. Манова и др. – Москва : Юрайт, 2025. – 673 с.
5. Ростов Д.В. Приостановление производства по уголовному делу: закон, доктрина, практика : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. / Д.В. Ростов. – Нижний Новгород, 2024. – 280 с.
6. Уголовный процесс России : учебник / науч. ред. В.Т. Томин. – Москва : Юрайт-Издат, 2003. – 821 с.
7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2020. – 1008 с.
8. Уголовный процесс / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2022. – 888 с.
9. Стельмах В.Ю. Приостановление предварительного расследования в отношении обвиняемого (подозреваемого), участвующего в боевых действиях / В.Ю. Стельмах // Законность. – 2024. – № 10. – С. 50–55.
10. Уголовный процесс : учебник / О.И. Андреева и др. ; под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. – Ростов на-Дону : Феникс, 2015. – 445 с.
11. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 8-е изд., перераб. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2020. – 784 с.
12. Колосович М.С. Приостановление и возобновление предварительного расследования / М.С. Колосович // Уголовный процесс : учебник : в 2 ч. / под ред. М.С. Колосович, Л.В. Поповой. – Волгоград : ВА МВД России, 2023. – Ч. 2. – 353 с.

REFERENCES

1. Zhidkova E.I. Suspension and Termination of Preliminary Investigation. In L.V. Golovko (ed.). Course of Criminal Procedure. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2017. 1280 p.
2. Kolosovich M.S. Concept, Grounds and Conditions for Suspension of Preliminary Investigation. In Glebov V.G., Zaytseva E.A. (eds.). Criminal Procedure. 5th ed. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2017. Pt. 2. 270 p.
3. Golovinskaya I.V. Criminal Procedure. 2nd ed. Vladimir State University Publ., 2021. 802 p.
4. Manova N.S. et al. Criminal Procedure. Moscow, Yurait Publ., 2025. 673 p.
5. Rostov D.V. Suspension of Proceedings in a Criminal Case: Law, Doctrine, Practice. *Cand. Diss.* Nizhny Novgorod, 2024. 280 p.
6. Tomlin V.T. (ed.). Criminal Procedure of Russia. Moscow, Yurait Publ., 2003. 821 p.
7. Lupinskaya P.A., Voskobitova L.A. (eds.). Criminal Procedure Law of the Russian Federation. 4th ed. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2020. 1008 p.
8. Proshlyakov A.D., Balakshin V.S., Kozubenko Yu.V. (eds.). Criminal Procedure. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2022. 888 p.
9. Stelmakh V.Yu. Suspension of Preliminary Investigation Against the Accused (Suspect) Participating in Hostilities. *Zakonnost*, 2024, no. 10, pp. 50–55. (In Russian).
10. Andreeva O.I. et al.; Andreeva O.I., Nazarov A.D., Stoyko N.G., Tuzov A.G. (eds.). Criminal Procedure. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2015. 445 p.
11. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B.; Smirnov A.V. (ed.). Criminal Procedure. 8th ed. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2020. 784 p.
12. Kolosovich M.S. Suspension and Resumption of Preliminary Investigation. In Kolosovich M.S., Popova L.V. (eds.). Criminal Procedure. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2023. Pt 2. 353 p.
13. Mukhametshin T.R. How to Realise Line-Ups Without Suspect's Visual Contact at the Stage of Initiation of Criminal Proceedings. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2024, no. 4 (71), pp. 62–68. (In Russian).

13. Мухаметшин Т.Р. Как реализовать идею предъявления для опознания на стадии возбуждения уголовного дела в условиях, исключающих визуальный контакт с опознаваемым / Т.Р. Мухаметшин // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 4 (71). – С. 62–68.

14. Коловоротный А.А. Проблемы обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных лиц, действующих уголовному судопроизводству / А.А. Коловоротный // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2009. – № 3 (10). – С. 89–94.

15. Головкин Л.В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции / Л.В. Головкин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2025. – Т. 31, № 1 (96). – С. 5–10.

14. Kolovorotny A.A. Problems of Security Ensuring of Victims, Witnesses and other Persons, Rendering Assistance to Criminal Proceeding. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2009, no. 3 (10), pp. 89–94. (In Russian).

15. Golovko L.V. Debatable Issues of Suspension and Termination of Criminal Prosecution against Participants of Special Military Operation. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2025, vol. 31, no. 1 (96), pp. 5–10. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцева Елена Александровна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zaytseva Elena Aleksandrovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 31.01.2026; принята к публикации 02.02.2026. The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 31.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.4

Original article

ИЛЬЮТЧЕНКО Наталия Владимировна
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
stopkina_natal@mail.ru

ILYUTCHENKO Nataliya Vladimirovna
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

СООТНОШЕНИЕ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ НОРМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

RATIO OF GENERAL AND SPECIAL RULES IN CRIMINAL PROCEDURE

Аннотация. В уголовно-процессуальном праве традиционно выделяются общие и специальные нормы. Их соотношение отражает правило *lex specialis derogat generali* (специальный закон отменяет общий). Однако в условиях, когда возникает конкуренция норм права, выбор надлежащей нормы для применения на практике бывает затруднительным. Остается открытым вопрос о возможности коллизии или конкуренции общих и специальных норм. В отличие от уголовного права, в доктрине уголовного процесса недостаточно внимания уделяется исследованию взаимодействия общих и специальных норм. Между тем проблема их соотношения в уголовном процессе имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Практика Конституционного Суда РФ это подтверждает. Цели исследования: рассмотрение соотношения общих и специальных норм в уголовном процессе, определение основных теоретических проблем, изучение законодательства и судебной практики. Для достижения поставленной цели использовался комплекс методов – общенаучных и частнонаучных: структурно-логический – для последовательного изложения материала; с помощью метода дедукции через призму общетеоретических выводов о видах коллизий норм права рассмотрено соотношение общих и специальных норм права в уголовном процессе; формально-юридический метод (основной в данном исследовании) позволил рассмотреть содержательную коллизию общих и специальных норм в уголовном процессе, проанализировать нормы уголовно-процессуального законодательства о дознании, освобождении от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо в связи с заключением в период мобилизации, в период военного положения или военного времени контракта о прохождении военной службы, о производстве по делам частного и частного-публичного обвинения; методы сопоставления и обобщения использовались для формулировки теоретических выводов

Abstract. In criminal procedure law, general and special rules are traditionally distinguished. Their relationship reflects the principle of *lex specialis derogat generali* (a special law repeals a general one). Nevertheless, when legal rules compete, it becomes challenging to select the proper rule for practical implementation. The question of the possibility of conflict or competition between general and special rules remains open. Unlike criminal law, the doctrine of criminal procedure pays insufficient attention to the study of the interaction between general and special rules. Meanwhile, the problem of their correlation in criminal procedure holds not only theoretical but also practical significance. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation confirms this. Research purposes: to analyze the ratio of general and special rules in criminal procedure, identify main theoretical issues, and study legislation and judicial practice. To achieve the set purpose, a complex of general scientific and specific scientific was used: the structural-logical method was employed for the sequential presentation of the material. Using the method of deduction, through the prism of general theoretical conclusions about the types of legal rule conflicts, the ratio of general and special legal rules in criminal procedure was examined. The formal-legal method (the primary one in this research) allowed for the examination of substantive conflicts between general and special rules in criminal procedure, and for the analysis of criminal procedure legislation rules concerning inquiry, exemption from criminal liability due to conscription for military service during mobilization or wartime, or due to the conclusion of a contract for military service during mobilization, martial law, or wartime, proceedings in cases of private and private-public prosecution. Methods of comparison and generalization were used to formulate theoretical conclusions about possible conflicts of special rules and their classification based on the order of application. The research provides

о возможной коллизии специальных норм, об их классификации в зависимости от порядка применения. В результате исследования сделаны теоретические выводы. Автор выделяет два подхода к соотношению понятий «конкуренция» и «коллизия» правовых норм – широкий и узкий. Определяются основные теоретические положения, важные для понимания соотношения общих и специальных норм в уголовном процессе. Самой сложной проблемой названа проблема неоднородности и конкуренции специальных норм. Предложена классификация специальных норм в уголовном процессе, показана их относительность. Теоретические выводы иллюстрируются примерами из судебной практики.

Ключевые слова: общие и специальные нормы, коллизии норм права, уголовный процесс, приоритет специальной нормы, конкуренция норм права, источники права, *lex specialis derogat generali*, коллизия специальных норм, классификация специальных норм

Для цитирования: Илютченко Н.В. Соотношение общих и специальных норм в уголовном процессе / Н.В. Илютченко. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 36–44.

theoretical conclusions. The author distinguishes two approaches to the ratio of the concepts of "competition" and "conflict" of legal rules: a broad approach and a narrow one. The article defines the main theoretical provisions important for understanding the relationship between general and special rules in criminal procedure. The problem of heterogeneity and competition of special rules is identified as the most complex. A classification of special rules in criminal procedure is proposed, and their relativity is shown. Theoretical conclusions are illustrated with examples from judicial practice.

Keywords: general and special rules, conflicts of legal rules, criminal procedure, priority of a special rule, competition of legal rules, sources of law, *lex specialis derogat generali*, conflict of special rules, classification of special rules

For citation: Ilyutchenko N.V. Ratio of General and Special Rules in Criminal Procedure. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 36–44. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.4.

ВВЕДЕНИЕ

В каждой отрасли права выделяются общие и специальные нормы. Уголовный процесс не является исключением. Наиболее универсальные подходы к соотношению общих и специальных норм разработаны в теории государства и права. Эти нормы соотносятся между собой в различных формах: изъятия, детализации, дополнения. Хорошо известно правило *lex specialis derogat generali*¹ (специальный закон отменяет общий), широко применяемое при разрешении юридических коллизий и при толковании правовых норм. Приоритет специальных норм над общими считается незыблемым. Однако существуют сложности в определении специальной нормы, а также выбора конкретной нормы в случае конкуренции специальных норм.

В уголовном процессе возникают различные коллизии и ситуации, связанные с конкуренцией правовых норм. В настоя-

щей статье рассмотрим отдельные вопросы их соотношения.

ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К СООТНОШЕНИЮ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ НОРМ

В теории государства и права нет единства по вопросу о соотношении общих и специальных норм. Все ученые признают необходимость выделения специальных норм. Но можно ли говорить о коллизии или конкуренции названных норм с общими? Сегодня наметились два подхода, которые условно можно обозначить как *позитивный* – широкий подход (в этом случае конкуренция общих и специальных норм возможна и тождественна коллизии), и *негативный* – узкий подход (коллизия названных норм невозможна, так как это правовой дефект, а параллельное существование общих и специальных норм представляет собой нормальное явление, прием законодательной техники). Негативный подход был использован и при определении коллизии в нормативных источниках. Так, «коллизиями правовых актов являются противоречия между правовыми актами, ре-

¹ В научной и справочной литературе употребляется также латинское выражение *lex specialis derogat legi generali*. Будем считать их равнозначными.

гулирующими одни и те же общественные отношения, а также между положениями одного и того же правового акта»²; «нормативные коллизии – противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольно выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае»³. В некоторых странах СНГ (Беларусь, Казахстан и Армения)⁴ приняты законы «О правовых актах». В России тоже разработан проект такого закона, но сам закон не принят.

Следует отметить, что сами по себе понятие, виды правовых коллизий и даже терминология не являются чем-то устоявшимся в юридической доктрине. Основная дискуссия при определении правовых коллизий связана с соотношением коллизии и конкуренции норм права. Одни ученые полагают, что коллизия охватывает и конкуренцию правовых норм и выделяют две разновидности коллизий – противоречие норм права (когда они взаимоисключают друг друга) и различие между ними (не совпадают по объему содержания, например, нормы общей и особенной частей отрасли права). Другие полагают, что коллизии и конкуренция правовых норм – самостоятельные явления [2, с. 16]. Можно выделить несколько вариантов их соотношения: это тождественные понятия; это разные понятия, не совпадающие между собой; конкуренция – это разновидность коллизии, коллизия – это разновидность конкуренции. А.Р. Лаврентьев считает, что эти понятия объединяет проблема выбора нормы права, а существование двух различных терминов для обозначения одного явления объясняется традициями соответствующих областей знаний [3, с. 197].

² О правовых актах города Москвы : Закон г. Москвы от 08.07.2009 № 25 (ред. от 25.12.2024), ст. 22 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утв. постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (ред. от 20.04.2024) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», п. «и» ст. 3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Анализ этих нормативных актов представлен в статье А.С. Гамбаряна и Л.Г. Даллакян [1].

Н.А. Власенко предложил определять коллизию как отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения [4, с. 23]. В теории государства и права также выделяют существенные признаки коллизий. По мнению А.Р. Лаврентьева, к ним можно отнести следующие:

«1. Коллизия – это соотношение, возникающее между правовыми нормами. Представляется, что ни законы, ни иные нормативные акты вступить в коллизию между собой не могут. Применению подлежит не закон или нормативный акт, не правовая система, а норма права.

2. Коллизия возможна между нормами права, действующими фактически (закреплены в источнике права, имеющем "законную силу").

3. Коллизия возникает лишь между такими нормами права, которые направлены на регулирование однородных общественных отношений. Сколько бы нормы ни различались между собой, если они призваны урегулировать разные общественные отношения, они не могут вступить в коллизию» [3, с. 198].

С таким подходом, полагаем, можно согласиться.

Аксиоматичной в теории государства и права можно считать классификацию юридических коллизий, предложенную в свое время Н.А. Власенко, согласно которой юридические коллизии подразделяются на темпоральные, пространственные, иерархические и содержательные. Эта классификация приводится практически во всех учебниках по теории государства и права [4; 5, с. 32; 6]. Опираясь на этот подход, в науке уголовного права была сформулирована концепция конкуренции норм. Соотношение общей и специальной норм лежит в плоскости содержательных коллизий.

Приведем еще одну значимую для настоящего исследования классификацию правовых коллизий: «по сущности возникшей коллизии норм права можно различать закономерные и аномальные. Закономерные коллизии отражают нормальное явление в системе права (наличие общих и специальных норм, либо создание норм права, действующих ограниченное время), их можно назвать постоянными. Аномальные коллизии возникают, когда система права находится в деформированном состоянии. Коллизии этого типа могут про-

являться очевидно или в скрытой форме» [3, с. 198]. С этой точки зрения коллизия между общими и специальными нормами в уголовном процессе будет закономерной.

В доктрине уголовного права, как уже отмечалось, вопрос о сопоставлении конкуренции и коллизии правовых норм изучен детальнее, чем в доктрине уголовного процесса. Оба подхода (позитивный и негативный) представлены в научной литературе.

По мнению Л.В. Иногамовой-Хегай, существование большинства общих и специальных норм, нормы-части и нормы-целого в уголовном праве вызвано объективной необходимостью, причем объективная причина появления конкурирующих норм в уголовном праве является доминирующей, необходимой, положительной и приветствуемой. Видами содержательной конкуренции, по ее мнению, являются: «а) конкуренция общей и специальной норм; б) конкуренция части и целого; в) неоднократная конкуренция общей и специальной норм, а также нормы-части и нормы-целого; г) конкуренция общей (специальной, нормы-части или нормы-целого) и исключительной норм» [7, с. 26–27]. Она считает, что коллизия и конкуренция норм – тождественные понятия.

По мнению В.В. Панько, «коллизии в уголовном праве представляют собой одну из разновидностей логико-структурных дефектов системы уголовного законодательства, в основе которых лежат противоречия между двумя или более нормами права, между двумя или более актами толкования, а также между нормами права и актами толкования, возникающими при регулировании одного уголовно-правового отношения» [8, с. 191].

В доктрине уголовного процесса по поводу соотношения конкуренции и коллизий правовых норм весьма категорично высказался Н.Н. Ковтун. Он отмечает: «нередко воспринимаемые как идентичные термины "конкуренция" норм и их "коллизия" не могут быть восприняты нами как тождественные. Конкуренция норм имеет место, когда какое-либо общественное отношение охватывается предписаниями двух или более, как правило, не противоречащих друг другу норм, которые претендуют на применение. Результатом подобной конкуренции выступает преимущество одной нормы перед другой,

которая в данном случае и подлежит применению, создавая комплекс дополнительных процессуальных или материальных гарантий. При неправильном выборе подлежащей применению нормы коллизия, конечно, также возможна» [9]. Анализируя мнение ученого, скажем, что даже он допускает переход конкуренции в коллизии при неблагоприятных условиях неправильного выбора нормы. И также с точки зрения ясности исследования вызывает уважение четко определенная позиция автора по дискуссионному вопросу.

По нашему мнению, необходимо придерживаться подхода более широкого, который уже устоялся в теории государства и права и доктрине уголовного права (конечно, не как единственно возможного). Считаю, что можно и нужно говорить о содержательной коллизии специальных и общих норм в уголовном процессе, имея в виду не противоречие этих норм, а их различие по содержанию.

ПРАКТИКА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Актуальность проблемы изучения соотношения общих и специальных норм подтверждает практика Конституционного Суда РФ. Приведем несколько примеров.

Определение статуса участников уголовного процесса. В ситуации конфликта между нормами Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и УПК РФ Конституционный Суд высказал свою позицию по вопросу права обвиняемого давать показания, отметив: «закрепляя данные права обвиняемого, Конституция Российской Федерации исходит из особого статуса этого субъекта уголовно-процессуальных отношений и необходимости установления дополнительных гарантий защиты его законных интересов. Соответствующие гарантии предусмотрены в уголовно-процессуальных нормах, специально определяющих статус обвиняемого и имеющих приоритет (в качестве *lex specialis*) перед нормами, регулирующими какие-либо общие правила. Следовательно, нормы отраслевого законодательства, носящие общий характер, не могут применяться в отношении обвиняемого без учета особенностей его правового положения, в том числе вытекающих из предписаний статей 48, 49

и 51 Конституции Российской Федерации»⁵. Решение было принято до вступления УПК РФ в силу, но позиция, сформулированная в этом определении, сохраняется в практике Конституционного Суда РФ.

Возможность рассмотрения дела в отношении несовершеннолетнего судом присяжных. В этом деле достаточно сложно было определить, какая норма является специальной, а какая – общей. Сопоставив две нормы УПК РФ, Конституционный Суд РФ сделал следующий вывод: «пункт 2.1 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, будучи включенным в часть первую "Общие положения" этого кодифицированного правового акта, устанавливает правила определения предметной и персональной подсудности районного суда (гарнизонного военного суда) при рассмотрении им по ходатайству обвиняемого уголовного дела с участием присяжных заседателей, в том числе предусматривает изъятие из нее дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет. В то же время часть вторая статьи 325 данного Кодекса – в отступление от общего правила о свободе выбора обвиняемыми одной из законных форм судопроизводства – закрепляет для случаев возникновения между ними разногласий, когда часть из них отказывается от суда с участием присяжных заседателей, а выделение дела в их отношении в отдельное производство невозможно, приоритет рассмотрения уголовного дела именно с участием присяжных заседателей. Эта норма помещена в часть третью "Судебное производство" данного Кодекса, которая специальным образом регулирует, помимо прочего, порядок уголовного судопроизводства в суде первой инстанции (раздел IX) и с участием присяжных заседателей (раздел XII). Тем самым, часть вторая статьи 325 УПК Российской Федерации, имеющая своим основанием провозглашенное статьей 47 (часть 2) Конституции Российской Федерации право на рассмотре-

ние дела судом с участием присяжных заседателей и предназначенная для регламентации отношений в особенной сфере правового регулирования, по ее конституционно-правовому смыслу в системе норм уголовно-процессуального законодательства выступает в качестве специальной нормы по отношению к общим положениям данного Кодекса о персональной подсудности дел несовершеннолетних обвиняемых, а значит, в случае коллизии между ними она обладает приоритетом исходя из общеправового принципа *lex specialis derogat generali*, определяющего критерий выбора в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения»⁶.

Выбор порядка рассмотрения дела. При неопределенности закона о том, какими нормами надо руководствоваться при рассмотрении уголовного дела частного обвинения по ст. 116.1 УК РФ (норма с административной преюдицией подсудна районному суду, а правила рассмотрения дел частного обвинения были сформулированы применительно к рассмотрению дел мировыми судьями), в своем решении Конституционный Суд РФ⁷ отдал предпочтение правилам рассмотрения дел частного обвинения независимо от уровня суда.

В настоящее время внесены соответствующие изменения в УПК РФ⁸: раздел XI «Особенности производства по уголовным делам частного обвинения» (ранее он назывался «Особенности производства у мирового судьи») и гл. 41 переименованы. Таким образом, законодатель воспринял позицию Конституционного Суда РФ и достаточно оперативно изменил закон.

6 По делу о проверке конституционности пункта 21 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 22.05.2019 № 20-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7 По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.И. Баскаковой : постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 13-П Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2025 № 535-ФЗ (вступ. в силу с 09.01.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 211-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ НОРМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Прежде чем перейти к конкретным примерам, отметим три важных обстоятельства, принципиальных с теоретической точки зрения. Во-первых, общие и специальные нормы могут меняться местами, то есть «специальность» нормы относительна. Еще Н.М. Коркунов подчеркивал: «что при одной концепции общей системы законодательных постановлений может явиться общим правилом – при другой может быть низведено на степень строго ограниченного исключения» [10, с. 360]. Так, дознание в общем порядке проводится в соответствии с ч. 1 ст. 223 УПК РФ по правилам предварительного следствия с изъятиями, предусмотренными гл. 32 УПК РФ. Значит, нормы, регламентирующие дознание, мы рассматриваем как специальные по отношению к нормам, регулирующим предварительное следствие. Ситуация меняется в случае дознания в сокращенной форме. Этот вид дознания проводится по правилам дознания в общем порядке с изъятиями, предусмотренными гл. 32.1 УПК РФ. В этой ситуации нормы, регулирующие дознание в общем порядке, будут выступать как общие нормы.

Такая трансформация возможна не всегда. Отсюда вытекает второе утверждение: существует разнообразие специальных норм в уголовном процессе. Их можно классифицировать по различным основаниям: по кругу лиц, по порядку применения и т. п.

В-третьих, специальные нормы могут применяться безальтернативно (например, нормы гл. 50–52 УПК РФ), а могут и альтернативно: а) с учетом воли участников процесса (потерпевшего, обвиняемого); б) исключительно по решению участников процесса, государственных органов и должностных лиц. В этой связи может возникнуть коллизия специальных норм в уголовном процессе. Разрешать такого рода коллизии – прерогатива законодателя и Конституционного Суда РФ. Обратим внимание также на то, что общие и специальные нормы (изъятия) могут быть сосредоточены в одной статье закона. Например, крайне неудачно сформулирована ст. 108 УПК РФ (в редакции 2025 г.). Концентрация изъятий из общего правила там явно

«зашкаливает», что приводит к сложности понимания данной нормы.

ПРИМЕРЫ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩИЕ СООТНОШЕНИЕ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ НОРМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В научной литературе широко обсуждается специфика уголовно-процессуальных норм, связанных с проведением специальной военной операции. За последние годы было принято несколько значимых законов, которые также можно проанализировать через призму соотношения общих и специальных норм. Особенно любопытен Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», который действовал менее года (с 24 июня 2023 г. по 22 марта 2024 г.). Этот правовой акт вызвал неоднозначные оценки в юридическом сообществе [11]. Позже законодатель решил внести изменения в УК РФ и УПК РФ. На наш взгляд, возвращение к традиционному регулированию выглядит логично. В настоящее время есть специальные нормы, установленные ст. 78.1 УК РФ и ст. 28.2 УПК РФ. Обе нормы – и материальная, и процессуальная – содержат условия освобождения от уголовной ответственности, включая приостановление производства по уголовному делу по ходатайству командования воинской части. Между тем в доктрине уголовного процесса такое условие вызвало дискуссию: одни ученые считают приостановление производства в судебных стадиях необязательным [12, с. 66; 13, с. 33; 14, с. 50], другие придерживаются противоположной точки зрения [15; 16]. Основным аргументом представителей первой позиции является судебная практика, в том числе позиция Верховного Суда РФ. Так, Верховный Суд РФ по конкретному делу Д. указал: «ссылка в данной норме (ст. 78.1 УК РФ) на приостановление производства по уголовному делу свидетельствовала лишь об установлении процессуального механизма, обеспечивающего возможность для указанного лица убыть в зону специальной военной операции после заключения контракта несмотря на наличие в отношении него уголовного дела. Поэтому отсутствие в производстве по уголовному делу такого этапа, как

приостановление производства по ходатайству военного командования (учреждения), не может означать отсутствие предусмотренных законом оснований для освобождения от уголовной ответственности»⁹.

Нам кажется вторая точка зрения более аргументированной. По мнению Л.В. Головки, «приостановление и прекращение уголовного дела (преследования) соответственно по п. 3 ч. 1 ст. 208 и ст. 28. УПК РФ ни при каких условиях не могут существовать в отрыве друг от друга. Прекращение уголовного преследования и освобождение от уголовной ответственности без предварительного приостановления уголовного дела вовсе исключено, а его приостановление без последующего прекращения может иметь место только в том неприятном случае, когда позитивные основания для последнего так и не возникли, вследствие чего уголовное преследование подлежит возобновлению и осуществлению в общем порядке» [15, с. 8]. Такая точка зрения вытекает из самого закона и соответствует ему. Относительно судебной практики после решений Верховного Суда РФ по делу Д. в ней также не отрицается необходимость соблюдения такого условия, как приостановление производства по уголовному делу. Например, в кассационном постановлении Четвертого суда общей юрисдикции говорится: «освобождение от уголовной ответственности сопряжено еще с одним условием, а именно с тем, что освобождению подлежат лица, в отношении которых предварительное расследование приостановлено в соответствии с п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ либо п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, то есть для применения нормы уголовного закона необходимо наличие судебного решения о приостановлении производства по делу по определенным основаниям»¹⁰.

Мы затронули только частный вопрос, касающийся специальных норм, связанных с освобождением от уголовной ответственности граждан, участвующих в специальной военной операции.

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 05.06.2025 № 56-УДП25-10-К9 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28.08.2025 № 77-2286/2025 (УИД 23RS0029-01-2024-005303-54) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Еще один пример соотношения общих и специальных норм в уголовном процессе касается соотношения публичности (как общего правила) и диспозитивности в уголовном судопроизводстве.

В соответствии со ст. 20 УПК РФ в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке (ч. 1).

Категории дел частно-публичного обвинения определяет ч. 3 ст. 20 УПК РФ. В последнее время наметилась тенденция к расширению перечня дел частно-публичного обвинения. Так, Федеральный закон от 29 ноября 2012 г.¹¹ впервые отнес к ним все виды мошенничества (ст. 159–1596 УК РФ), присвоение и растрату (ст. 160 УК РФ), а также причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), но только при условии, что данные преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности и не причинили вреда государственным или муниципальным интересам.

Появление новых составов в ч. 3 ст. 20 УПК РФ в числе дел частно-публичного обвинения, как отмечается в доктрине уголовного процесса [17, с. 89], обусловлено необходимостью противодействия произволу со стороны должностных лиц. Именно на это направлены положения ч. 3 ст. 20 УПК РФ, о чем указано в пояснительной записке к законопроекту.

Совершенно понятно, что в случае несоблюдения установленного законом порядка возбуждения уголовного дела, например отсутствия надлежащего повода, необходимо отменять незаконные постановления следователя (дознавателя), помня, что приоритет остается за специальными нормами. Судебная практика высших судов подтверждает этот тезис. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, постановления, выносимые в связи с проверкой сообщения о преступлении, как и любые иные процессуальные решения, должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ст. 7 УПК РФ) (опреде-

¹¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ления от 13 мая 2014 г. № 977-О, от 27 июня 2017 г. № 1397-О, от 17 июля 2018 г. № 1952-О, от 25 марта 2021 г. № 386-О и др.).

В соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» при рассмотрении доводов жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела судье следует проверять, соблюден ли порядок вынесения данного решения, обладало ли должностное лицо, принявшее соответствующее решение, необходимыми полномочиями, имеются ли поводы и основание к возбуждению уголовного дела, нет ли обстоятельств, исключающих производство по делу.

В следственной практике встречаются случаи, когда дела частного-публичного обвинения возбуждаются следователями, то есть в публичном порядке, фактически они заменяют собой потерпевших. Это не соответствует уголовно-процессуальному закону.

В материалах судебной практики¹² судов общей юрисдикции нарушение порядка возбуждения уголовного дела частного-публичного обвинения является основанием для признания решения о возбуждении уголовного дела незаконным. Приведем в пример апелляционное постановление от 10 мая 2018 г. № 22К-2671/2018 по делу № 22К-2671/2018¹³. Суд первой инстанции не удовлетворил жалобу защитника на отказ в возбуждении уголов-

ного дела. Отказ был обжалован обвиняемым и его защитником. В апелляционной жалобе они «отмечают, что в судебном заседании сторона защиты предоставила уведомление, согласно которому следователь В.Н.Г. заменил потерпевшего по делу с ООО "<...>" в лице генерального директора М.М.В. на ООО "<...>" в лице генерального директора А.С.С., заявление от которого в отношении А.Г.А. не поступало. Считают, что следователем В.Н.Г. нарушено требование ч. 3 ст. 20 УПК РФ о том, что преступление по ст. 159 УК РФ относится к делам частного-публичного обвинения, которые возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя». Суд согласился с доводами стороны защиты, и решение суда первой инстанции было отменено ввиду несоблюдения порядка возбуждения уголовного дела. Следовательно, в данной ситуации судебная практика подтверждает приоритет специальных норм над общими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соотношение общих и специальных норм в уголовном процессе может изучаться в различных аспектах. Эта проблематика имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. С усложнением жизни общества будет появляться все больше специальных норм права, отмечается и тенденция к дифференциации производств в уголовном процессе. Многие дискуссионные вопросы требуют дополнительного внимания. Аксиома *lex specialis derogat generali* означает преемственность и системность в праве вообще и в уголовно-процессуальном праве в частности.

12 См. также: Апелляционное постановление от 18.04.2018 № 22К-2233/2018 по делу № 22К-2233/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гамбарян А.С. Проблемы конкуренция коллизионных норм в юридической науке и практике / А.С. Гамбарян, Л.Г. Даллакян // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 438. – С. 201–209.
2. Кожокар И.П. Коллизии правовых норм как изъян системы российского права / И.П. Кожокар // Юридическая наука. – 2019. – № 4. – С. 15–22.
3. Лаврентьев А.Р. Коллизии норм права: понятие и основания классификации / А.Р. Лаврентьев // Юридическая техника. – 2017. – № 11. – С. 196–198.

REFERENCES

1. Gambaryan A.S., Dallakyan L.G. The Intricacy of Competition of Conflict Rules in Legal Science and Practice. *Tomsk State University Journal*, 2019, no. 438, pp. 201–209. (In Russian).
2. Kozhokar I.P. Conflicts of Law as a Defect in the System of Russian Law. *Legal Science*, 2019, no. 4, pp. 15–22. (In Russian).
3. Lavrentiev A.R. Conflicts of Legal Norms: Concept and Grounds for Classification. *Legal Technique*, 2017, no. 11, pp. 196–198. (In Russian).

4. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве / Н.А. Власенко. – Иркутск, 1984. – 99 с.
5. Морозова Л.А. Проблемы типологии юридических коллизий (современная трактовка) / Л.А. Морозова // *Lex Russica*. – 2017. – № 6 (127). – С. 32–38.
6. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право : учебное и научно-практическое пособие / Ю.А. Тихомиров. – Москва : Юринформцентр, 2000. – 393 с.
7. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений / Л.В. Иногамова-Хегай. – Москва, 2002. – 168 с.
8. Панько В.В. Конфликты и коллизии в уголовном праве и процессе России / В.В. Панько // *Вестник Воронежского университета*. – 2015. – № 3. – С. 188–196.
9. Ковтун Н.Н. Юридические коллизии уголовного судопроизводства: понятие, сущность виды / Н.Н. Ковтун // *Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Международного научно-практического круглого стола (29–30 мая 2008 г.)*. – Москва, 2009 [Электронный ресурс]. – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/z88xh1nr8hb/65497939.pdf> (дата обращения: 14.01.2026).
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 430 с.
11. Васильева Е.Г. Вопросы правовой специфики и применения Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» / Е.Г. Васильева, М.Б. Кострова // *Правовое государство: теория и практика*. – 2024. – № 1. – С. 181–195.
12. Колосов А.С. Особенности освобождения от уголовной ответственности и наказания участников СВО: проблемные вопросы / А.С. Колосов // *Уголовный процесс*. – 2025. – № 12. – С. 64–71.
13. Кудрявцева А.В. Освобождение от уголовной ответственности участника СВО по ходатайству командования воинской части / А.В. Кудрявцева, Г.С. Русман // *Уголовный процесс*. – 2025. – № 3. – С. 24–33.
14. Юнусов А.А. Приостановление следствия в отношении участника СВО: вопросы практики / А.А. Юнусов, Т.В. Черемисина // *Уголовный процесс*. – 2025. – № 3. – С. 46–50.
15. Головкин Л.В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции / Л.В. Головкин // *Научный вестник Омской академии МВД России*. – 2025. – Т. 31, № 1 (96). – С. 5–10.
16. Бриллиантов А.В. О новом основании освобождения от уголовной ответственности / А.В. Бриллиантов // *Уголовное право*. – 2025. – № 1 (173). – С. 19–25.
17. Победин А.В. Уголовно-процессуальная форма судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности / А.В. Победин, П.О. Панфилов. – Москва, 2024. – 208 с.
4. Vlasenko N.A. Conflict of Laws in Soviet Law. Irkutsk, 1984. 99 p.
5. Morozova L.A. Problems of the Typology of Legal Conflicts (Modern Interpretation). *Lex Russica*, 2017, no. 6 (127), pp. 32–38. (In Russian).
6. Tikhomirov Yu.A. Conflict of Laws: A Textbook and Scientific-Practical Manual. Moscow, Yurininformcenter Publ., 2000. 393 p.
7. Inogamova-Khegay L.V. Competition of Criminal Law Norms in the Qualification of Crimes. Moscow, 2002. 168 p.
8. Panko V.V. Conflicts and Collisions in Criminal Law and Procedure in Russia. *Bulletin of Voronezh University*, 2015, no. 3, pp. 188–196. (In Russian).
9. Kovtun N.N. Legal Collisions of Criminal Proceedings: Concept, Essence, Types. *Law-Making Errors: Concept, Types, Practice and Technique of Elimination in Post-Soviet States. Materials of the International Scientific and Practical Round Table (May 29–30, 2008)*. Moscow, 2009. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/z88xh1nr8hb/65497939.pdf>.
10. Korkunov N.M. Lectures on the General Theory of Law. 2nd ed. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ., 2004. 430 p.
11. Vasilyeva E.G., Kostrova M.B. Issues of the Legal Specificity and Application of Federal Law No. 270-FZ of June 24, 2023 on Specifics of Criminal Liability of Persons Involved in a Special Military Operation. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp. 181–195. (In Russian).
12. Kolosov A.S. Specifics of Release from Criminal Liability and Punishment of Special Military Operation Participants: Problematic Issues. *Criminal Procedure*, 2025, no. 12, pp. 64–71. (In Russian).
13. Kudryavtseva A.V., Rusman G.S. Release from Criminal Liability of a Participant of the Special Military Operation at the Request of the Military Unit Command. *Criminal Procedure*, 2025, no. 3, pp. 24–33. (In Russian).
14. Yunusov A.A., Cheremisina T.V. Suspension of Investigation in Relation to a Participant of the Special Military Operation: Practical Issues. *Criminal Procedure*, 2025, no. 3, pp. 46–50. (In Russian).
15. Golovko L. V. Debatable Issues of Suspension and Termination of Criminal Prosecution against Participants of Special Military Operation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2025, vol. 31, no. 1 (96), pp. 5–10. (In Russian).
16. Brilliantov A.V. On a New Ground for Exemption from Criminal Liability. *Criminal Law*, 2025, no. 1 (173), pp. 19–25. (In Russian).
17. Pobedkin A.V., Panfilov P.O. Criminal Procedure Form of Legal Proceedings in Cases of Crimes in the Sphere of Economic and Entrepreneurial Activity. Moscow, 2024. 208 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильютченко Наталия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilyutchenko Nataliya Vladimirovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's Supervision of the Faculty of Law.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 22.02.2026; принята к публикации 24.02.2026. The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 22.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.5

Original article

КАЧАЛОВА Оксана Валентиновна
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
Москва, Россия,
oksana_kachalova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4440-8510>

KACHALOVA Oksana Valentinovna
Lebedev Russian State University of Justice,
Moscow, Russia

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ

THE NATIONAL IDENTITY OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS:
SOCIAL CONDITIONING AND DETERMINANTS

Аннотация. Современный российский уголовный процесс представляет собой одну из национальных моделей континентального типа, получившую либеральные черты во времена миллениума, долгое время развивавшуюся под влиянием европейских стандартов, в контексте общемировой тенденции упрощения и рационализации, однако в конечном итоге выбравшую собственную траекторию движения. В эту модель встроен ген исторической памяти, она оперативно реагирует на экономические потребности, запросы государства и общества и динамично развивается в ногу с современными технологиями. Цель статьи – выявить основные факторы, обуславливающие национальную идентичность и современное развитие российского уголовного судопроизводства. Методы: системного анализа и синтеза, посредством которых были выявлены свойства и характеристики национальной модели уголовного судопроизводства, ее сущность, факторы, влияющие на ее развитие, обобщены ключевые изменения современного уголовно-процессуального законодательства; формально-логический, с помощью которого определено место законодательных нововведений в системе современного уголовного судопроизводства; исторический – для выявления основных тенденций развития отечественного уголовного судопроизводства. Результаты: сделан вывод, что национальная идентичность современного российского уголовного процесса в наибольшей степени определяется такими факторами, как геополитические условия, сложившиеся в период принятия УПК РФ; влияние международных стандартов на его развитие – нормативное регулирование и практику применения; особенности исторического развития; экономические потребности снижения уголовно-правового давления на предпринима-

Abstract. As a national model of the continental type, modern Russian criminal procedure gained liberal characteristics at the turn of the millennium. For a considerable period, it was shaped by European standards and the worldwide movement towards simplification and rationalization, yet it ultimately charted its own course. This model incorporates a gene of historical memory, it promptly responds to economic needs, the demands of the state and society, and dynamically develops in step with modern technologies. The purpose of the article is to identify the main factors shaping the national identity and contemporary development of Russian criminal proceedings. Methods: The methods of system analysis and synthesis were used to identify the properties and characteristics of the national model of criminal proceedings, its essence, and the factors influencing its development, and to summarize key changes in modern criminal procedure legislation. The formal-logical method was applied to determine the place of legislative innovations within the system of modern criminal proceedings. The historical method was employed to identify the main trends in the development of national criminal proceedings. Results: The article concludes that the national identity of the modern Russian criminal process is primarily determined by factors such as: geopolitical conditions prevailing during the adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; the influence of international standards on its development – normative regulation and application practice; features of historical development; economic needs to reduce criminal law pressure on the business sector; social demand for the humanization of criminal proceedings and access to justice; the global trend of optimizing and simplifying

тельскую сферу; социальный запрос на гуманизацию уголовного судопроизводства и доступность правосудия; общемировая тенденция оптимизации и упрощения производства по отдельным категориям уголовных дел; запрос государства на приоритет защиты Отечества над иными задачами, реализуемыми при производстве по уголовным делам; цифровизация современного общества. Уникальное сочетание этих факторов в их взаимосвязи формирует современный облик отечественного уголовного судопроизводства и особенности его национальной идентичности на данном этапе.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, гуманизация уголовного процесса, реформирование закона, оптимизация производства по уголовным делам, информатизация уголовного судопроизводства, частные и публичные интересы

Для цитирования: Качалова О.В. Национальная идентичность российского уголовного судопроизводства: социальная обусловленность и факторы детерминации / О.В. Качалова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 45–53.

proceedings for certain categories of criminal cases; the state's demand for the priority of protecting the Fatherland over other tasks implemented during criminal proceedings; digitalization of modern society. The unique combination of these factors in their interrelationship forms the modern character of national criminal proceedings and the features of its national identity at this stage.

Keywords: criminal proceedings, humanization of the criminal process, law reform, optimization of criminal proceedings, informatization of criminal proceedings, private and public interests

For citation: Kachalova O.V. The National Identity of Russian Criminal Proceedings: Social Conditioning and Determinants. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 45–53. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.5.

ВВЕДЕНИЕ

Облик уголовного процесса в любой из периодов его развития в каждой из национальных юрисдикций определяется сложной совокупностью множества разноплановых факторов, находящихся в различных сферах, имеющих разное значение и разное по степени влияние на развитие уголовно-процессуального законодательства и практику его применения. Наиболее важные из этих факторов относятся к сфере экономического развития, определяются особенностями геополитической обстановки, социальными запросами общества, глобальными и текущими потребностями государства, степенью влияния международных организаций и действием международных актов, наличием необходимых ресурсов (финансовых, организационно-технических, кадровых и т. п.), особенностями исторического развития страны и менталитета ее населения, общемировыми тенденциями в развитии уголовного судопроизводства. Эти факторы могут в разной степени проявляться в разные периоды. Каждый из этапов характеризуется уникальным сочетанием этих факторов, превалированием одного или не-

скольких из них. Смена приоритетов и ориентиров в парадигме уголовного судопроизводства может происходить как постепенно, так и стремительно (как ответ на быстро меняющиеся условия общественного бытия), по мере того как на государственном и отраслевом уровнях выдвигаются новые идеологемы, рождаются новые идеи, ставятся новые задачи.

Современный российский уголовный процесс, являясь, как и любая другая отрасль правового регулирования, продуктом общественного развития, формируется под влиянием совокупности вышеуказанных факторов. Решая задачи повышения эффективности уголовного судопроизводства и правосудия по уголовным делам, законодатель постоянно находится в поисках оптимальных уголовно-процессуальных процедур, пытаясь достичь баланса в сочетании частных и публичных интересов. Следует отметить, что на доктринальном уровне дискуссия о балансе частных и публичных интересов при производстве по уголовным делам не утихает уже многие десятилетия [1; 2, с. 6–18; 3, с. 18–35; 4; 5].

Отечественный законодатель, как и законодатель в любой другой юрисдикции, не свободен от влияния множества разнообразных

факторов. Однако совокупность ключевых детерминант, определяющих облик современного уголовного процесса, уникальна для каждой страны, может существенно различаться даже в странах, сходных друг с другом в силу исторической идентичности, географической и геополитической близости. Не ставя перед собой задачу детального анализа всей совокупности детерминант развития современного российского производства по уголовным делам, попытаемся выделить наиболее важные факторы, формирующие современный облик отечественного уголовного судопроизводства, определяющие его национальную идентичность.

ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Геополитические условия принятия УПК РФ. В первую очередь следует вспомнить, в каких условиях обсуждался и принимался ныне действующий уголовно-процессуальный закон. Это был период торжества либеральных идей, которые не могли не проникнуть в сферу уголовного судопроизводства и не повлиять на него. Обсуждение УПК РФ проходило с участием западных экспертов, в юридическом сообществе получили популярность идеи англосаксонского процесса, «чистой» состязательности, широкого применения уголовно-процессуальных сделок, ограничения возможностей суда по собиранию доказательств, исключения возможности возвращения уголовного дела прокурору для проведения дополнительного расследования, отказа от объективной истины и замены ее формальной (юридической) истиной и т. п. В тот момент этот фактор оказался ключевым и обусловил облик современного российского уголовного судопроизводства и вектор его развития на последующие десятилетия.

Так, в системе российского уголовного судопроизводства системообразующим элементом стала состязательность, изменившая подход к его участникам и к роли суда, впервые появился упрощенный порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ), была внедрена классическая модель суда с участием присяжных заседателей, отличительной особенностью которой является раз-

дельное функционирование двух коллегий – профессиональной (председательствующего судьи) и народного элемента (присяжных заседателей), исключен институт дополнительного расследования, из системы принципов уголовного судопроизводства исчез принцип объективной истины и др. Однако следует отметить, что по сравнению с другими странами постсоветского пространства (Грузия, Молдова, Украина, страны Балтии), оказавшихся под сильным влиянием англосаксонских правовых традиций и идей и имплементировавших в свое уголовно-процессуальное законодательство немало элементов англосаксонского процесса, реформирование российского уголовного судопроизводства было проведено в более мягком варианте: явных, привнесенных извне, не характерных для континентальной правовой традиции, не адаптированных к условиям российской действительности англосаксонских элементов в уголовный процесс России внедрено не было. В ряде случаев это потребовало адаптации таких элементов с учетом процессуальных традиций российского производства по уголовным делам, особенностей национального менталитета и правосознания. Процесс адаптации некоторых внедряемых элементов длился долго, порой болезненно, решение проблем, возникающих в ходе правоприменения в условиях новых процессуальных реалий, осуществлялось как на законодательном, так и на правоприменительном уровне. Это касается, например, регулирования вопросов, связанных с формированием современного облика возвращения уголовного дела прокурору и созданием необходимых условий для рассмотрения уголовного дела по существу. Долгое время вопрос, как разрешить уголовно-правовой конфликт и рассмотреть уголовное дело, вынеся при этом обоснованное и справедливое решение в условиях, когда есть основания для квалификации деяния как более тяжкого, оставался открытым. Он был разрешен на законодательном уровне лишь спустя более десяти лет с момента принятия УПК РФ (в 2014 г.)¹ после многочисленных обсуждений и обращений в Конституционный Суд РФ.

¹ О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 21.07.2014 № 269-ФЗ (здесь и далее, если не указано, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Корректировке на правоприменительном уровне подвергся и особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный гл. 40 УПК РФ. В тексте уголовно-процессуального закона среди условий и оснований, при которых уголовное дело может быть рассмотрено в упрощенном порядке судебного разбирательства, отсутствует такое условие, как обоснованность предъявленного лицу обвинения. Здесь следует отметить, что во многих зарубежных странах с классической моделью состязательности, в которой суд позиционируется исключительно как арбитр между сторонами обвинения и защиты, суд не вникает в обоснованность предъявленного обвинения, а лишь констатирует отсутствие спора между сторонами, полагая, что обоснованность и доказанность предъявленного лицу обвинения не должны касаться суда и полностью находиться в зоне ответственности стороны защиты. Можно предположить, что такой вариант упрощенного судебного производства изначально задумывался и для России, подверженной в то время сильному англосаксонскому влиянию. Однако эта конструкция незамедлительно стала предметом доктринальных споров, правоприменительных дискуссий. В конечном итоге Верховный Суд РФ разрешил эти споры, указав, что вынесение приговора в упрощенном процессуальном порядке возможно лишь тогда, когда суд убедится в обоснованности обвинения и его подтверждении собранными по делу доказательствами².

Влияние европейских стандартов. Вторым важным фактором, определившим облик современного российского уголовного судопроизводства на десятилетия вперед, явилось нахождение России под юрисдикцией ЕСПЧ (1996–2022). Корректировка уголовно-процессуального закона в этот период осуществлялась в целях приведения его в соответствие с европейскими стандартами. Были внесены существенные изменения в целый ряд уголовно-процессуальных норм и институтов, касающиеся расширения прав участников доследственной проверки сообщения о преступлении (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), разумных сроков уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), оглашения в суде показаний отсутствующих свидетелей (ст. 281 УПК РФ) и др.

² О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60, п. 2.

Важнейшим направлением развития современного уголовного судопроизводства, существенным образом катализированным многочисленными решениями ЕСПЧ, в которых необоснованное и длительное применение заключения под стражу в качестве меры пресечения признавалось нарушением права на свободу, является реформирование института мер уголовно-процессуального пресечения: системное последовательное сужение на законодательном уровне условий, при которых возможно применение самой строгой меры пресечения – в виде заключения под стражу, исключение ряда категорий преступлений, при расследовании которых возможно применение данной меры пресечения, появление и развитие альтернативных мер пресечения. В ст. 108–109 УПК РФ, регламентирующие основания и порядок применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, с 2002 г. было внесено более полутора десятка изменений. Существенно ограничены возможности применения самой строгой меры пресечения в отношении предпринимателей, лиц, совершивших преступления средней тяжести ненасильственного характера, женщин, имеющих малолетних детей. В целях снижения количества применений заключений под стражу в качестве меры пресечения неоднократно вносились изменения в ст. 107 УПК РФ, регламентирующую применение домашнего ареста, а также появилась новая более мягкая мера пресечения – запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ).

Необходимо отметить, что даже после выхода России из Совета Европы и, соответственно, из юрисдикции ЕСПЧ, курс на обеспечение прав человека при производстве по уголовным делам, в том числе права на свободу и личную неприкосновенность, сохраняется, поскольку позиции ЕСПЧ по большинству вопросов, касающихся соблюдения прав человека при производстве по уголовным делам, совпадают с позициями, высказанными Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ.

Исторические традиции. Третий фактор, влияющий на облик современного уголовного процесса, – исторические традиции, предшествующий опыт уголовно-процессуального регулирования. Достижения и ошибки прошлых исторических этапов уголовного-процессуального регулирования были в

основном учтены в действующем законодательстве. В современной доктрине развитие уголовно-процессуального права исторически связывается с Судебной реформой 1864 г. Л.В. Головки справедливо отмечает, что эта реформа окончательно сформировала в России институциональную инфраструктуру уголовного процесса, которая по сути своей является современной, европейской и относится к континентальному типу [6, с. 28].

Нельзя не учитывать влияние на развитие уголовного процесса периода сталинских репрессий, породившего существование двух «параллельных» типов производства по уголовным делам – обычного, предусмотренного УПК РСФСР 1922 г. и применяемого в отношении лиц, совершивших общеуголовные преступления, и упрощенного – для расследования преступлений и разрешения уголовных дел политического характера в отношении «врагов народа». Упрощенный порядок производства по уголовным делам в отношении этой категории лиц был регламентирован ведомственными нормативно-правовыми актами. Трагический опыт осуждения сотен тысяч граждан в порядке максимально упрощенных процедур в отсутствие должных процессуальных гарантий прав участников уголовного судопроизводства создал условия для формирования концепции единства уголовного процесса и весьма осторожного отношения современного законодателя к упрощенным уголовно-процессуальным формам.

Потребности экономики. Четвертой детерминантой развития российского уголовного процесса стали запросы экономики, которые потребовали снижения степени уголовной репрессии на бизнес и предопределили необходимость смягчения ряда уголовно-процессуальных норм, применяемых в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В нормы, касающиеся возбуждения уголовных дел в отношении предпринимателей, применения к ним наиболее строгих мер пресечения, прекращения их уголовного преследования и др., были внесены соответствующие изменения. Обособленность этих норм в системе уголовно-процессуального регулирования позволила сделать вывод о формировании нового, достаточно уникального по своей сути уго-

ловно-процессуального института [7, с. 9–12; 8; 9, с. 7–12; 10, с. 11–26].

Социальные запросы современного общества. Пятый фактор, определяющий облик современного российского уголовного судопроизводства, – социальный запрос на его гуманизацию и доступность правосудия. В этом смысле российское уголовное судопроизводство не уникально, оно развивается в контексте общемировой тенденции усиления антропоцентричности права и правосудия, которая предполагает, что в центре внимания законодателя и правоприменителя при создании и реализации всех правовых конструкций, норм и институтов находятся человек и его потребности [11]. Ответом на этот запрос стало масштабное реформирование уголовно-процессуального законодательства:

- появление новых видов прекращения уголовного преследования: в 2011 г. была принята ст. 28.1 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба», касающаяся ряда уголовных дел о налоговых и иных экономических преступлениях³, в 2016 г. в УПК РФ введены нормы о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа⁴;

- реформирование суда присяжных, создание условий для его доступности для граждан: расширение подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей, сокращение числа присяжных заседателей, распространение данной модели на районные суды⁵;

- создание апелляционных и кассационных судов, сформировавших новую структуру пересмотра судебных решений вышестоящими судами⁶, которая продолжает реформироваться по сей день.

3 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ.

4 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ.

5 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей : Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ.

6 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 11.10.2018 № 361-ФЗ.

Общезимовая тенденция рационализации уголовного судопроизводства. Еще одной общезимовой тенденцией в развитии современного уголовного судопроизводства является его оптимизация, отказ от избыточных процедур, упрощение производства по уголовным делам в целях рационального использования ресурсов, затрачиваемых государством на организацию и функционирование сферы уголовной юстиции. Эта тенденция также влияет на облик современного российского уголовного судопроизводства, однако проявляется уникальным образом, в соответствии с историческими традициями, особенностями менталитета и правовой культуры населения – осторожным отношением законодателя и правоприменителя к упрощенным процессуальным формам, осложненным исторической памятью о сталинских репрессиях, в период которых около двух миллионов советских граждан были невинно осуждены по упрощенным уголовно-процессуальным правилам, разработанным для органов НКВД. Это привело к непоследовательности законодателя, который сначала ввел особый упрощенный порядок постановления приговора (гл. 40 УПК РФ) для уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести (с 2002 г.), с 2005 г. распространил его на уголовные дела о тяжких преступлениях, а в 2020 г. снова сузил круг деяний, рассматриваемых в сокращенном порядке, до преступлений небольшой и средней тяжести⁷.

Настороженное отношение законодателя к упрощенным процессуальным формам так и не позволило сформировать адекватную и удобную упрощенную уголовно-процессуальную форму досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, не представляющих значительной общественной опасности и совершенных в условиях очевидности. Современное дознание, осуществляемое в сокращенной форме, введенное в систему российского уголовного судопроизводства в 2013 г., оказалось далеко от совершенства и не решает задачи обеспечения оптимального режима расследования вышеуказанных преступлений, о чем неоднократно говорилось в уголовно-процессуальной науке [12; 13; 14].

⁷ О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 20.07.2020 № 224-ФЗ.

Неудачной следует признать и законодательную конструкцию досудебного соглашения о сотрудничестве, совмещенную с особым порядком судебного разбирательства, на что также неоднократно обращалось внимание в науке уголовно-процессуального права [15, с. 4–5; 16, с. 3–6; 17, с. 436–460; 18, с. 3–6; 19].

Приоритет интересов защиты Отечества в идеологии уголовного судопроизводства. Важным фактором, определяющим современный облик российского уголовного судопроизводства и делающим его в этом смысле совершенно уникальным, является включение в систему уголовного процесса правовых норм, направленных на реализацию государственных интересов в сфере обеспечения национальной безопасности в части, касающейся признания приоритета интересов защиты Отечества в системе иных интересов, обеспечиваемых при производстве по уголовным делам. Потребность государства в создании условий для обеспечения кадровыми ресурсами специальной военной операции, в том числе за счет лиц, совершивших преступления, привела к появлению в системе уголовного судопроизводства группы норм, позволяющих прекратить или смягчить уголовное преследование тех из таких лиц, кто встал на защиту Родины. Российский уголовный процесс приобрел уникальные нормы, касающиеся особенностей уголовного преследования тех, кто в период производства по уголовному делу заключил контракт с Министерством обороны РФ (о приостановлении уголовного преследования, его прекращении, смягчении ответственности для таких категорий лиц, освобождении их от наказания), что стало предметом научной дискуссии [20; 21; 22; 23]. Идиома «искупить кровью свою вину» обрела совершенно конкретные формы в уголовно-процессуальном законе.

Цифровизация современного общества. Еще одним важнейшим фактором, определяющим современный облик российского уголовного процесса, является постепенное внедрение в уголовное судопроизводство современных цифровых технологий. Безусловно, уголовное судопроизводство – одна из наиболее консервативных в технологическом смысле сфер, однако и в него уже внедрены современные информационные технологии

в виде возможности применения видео-конференц-связи, использования технологий аудиопротоколирования, совершения процессуальных действий с криптовалютой, которая фигурирует в уголовных делах, и т. д. Стремительное развитие современных технологий, их активное внедрение во все сферы правового регулирования, продуктивные научные дискуссии по данному вопросу [24; 25; 26; 27; 28] не оставляют сомнений в том, что российский уголовный процесс будет и в дальнейшем развиваться в данном направлении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национальная идентичность российского уголовного процесса в наибольшей степени определяется такими факторами, как геополитические условия принятия УПК РФ; влияние международных стандартов на его развитие – нормативное регулирование и практику применения; особенности исторического развития; экономические потребности в снижении уголовно-правового давления на предпринимательскую сферу; социальный запрос на гуманизацию уголовного судопроизводства,

транспарентность и доступность правосудия; общемировая тенденция оптимизации и упрощения производства по отдельным категориям уголовных дел; приоритет защиты Отечества над иными задачами, реализуемыми при производстве по уголовным делам; цифровизация современного общества. Уникальное сочетание этих факторов в их взаимосвязи формирует современный облик отечественного уголовного судопроизводства и особенности его национальной идентичности на данном этапе развития. Современный российский уголовный процесс представляет собой одну из национальных моделей континентального типа, получившую либеральные черты во времена миллениума, долгое время развивавшуюся под влиянием европейских стандартов, в контексте общемировой тенденции упрощения и рационализации, однако в конечном итоге свернувшую на свою автономную траекторию движения. В эту модель встроен ген исторической памяти, она оперативно реагирует на экономические потребности, запросы государства и общества и динамично развивается в ногу с современными технологиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 152–163.
2. Хроменков И.Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства / И.Р. Хроменков, О.В. Качалова. – Москва : Проспект, 2023. – 164 с.
3. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России / А.Ф. Абдулвалиев и др. – Москва : Юрлитинформ, 2025. – 456 с.
4. Каминский Э.С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Э.С. Каминский. – Москва, 2021. – 198 с.
5. Спирин А.В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве / А.В. Спирин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 1. – С. 91–104.
6. Головкин Л.В. Судебная реформа 1864 г. и современное развитие отечественного уголовного судопроизводства / Л.В. Головкин // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 1. – С. 27–37.

REFERENCES

1. Tarasov A.A. On the Relativity of the Limits of Public and Private Interests in Criminal Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 152–163. (In Russian).
2. Khromenkov I.R., Kachalova O.V. Ensuring Legal Interests by the Court in the Pre-Trial Stages of Russian Criminal Proceedings. Moscow, Prospect Publ., 2023. 164 p.
3. Abdulvaliev A.F. et al. Public and Dispositive Principles in Criminal Proceedings in Russia. Moscow, YurLitinform Publ., 2025. 456 p.
4. Kaminsky E.S. Ensuring Public Legal Interests in the Application of Alternative Methods of Resolving Criminal Law Conflicts in Pre-Trial Proceedings. *Cand. Diss.* Moscow, 2021. 198 p.
5. Spirin A.V. Public Interest in Criminal Proceedings. *Vestnik of the East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2019, no. 1, pp. 91–104. (In Russian).
6. Golovko L.V. Judicial Reform of 1864 and Modern Development of National Criminal Proceedings. *Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*, 2015, no. 1, pp. 27–37. (In Russian).

7. Панфилов П.О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П.О. Панфилов. – Москва, 2019. – 247 с.
8. Гладышева О.В. Правила уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей: проблемы и пути их решения / О.В. Гладышева // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2018. – Т. 28, № 1. – С. 101–105.
9. Канатов Е.С. Возбуждение уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.С. Канатов. – Москва, 2021. – 32 с.
10. Сычёв П.Г. Дифференциация российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: тенденции и перспективы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / П.Г. Сычёв. – Москва, 2022. – 65 с.
11. Качалова О.В. Гуманизация современного уголовного судопроизводства / О.В. Качалова // Российское правосудие. – 2023. – № 9. – С. 95–101.
12. Гирько С.И. Процессуальная форма унифицированного дознания: каким путем идти / С.И. Гирько // Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России. – Москва : Юрлитинформ, 2025. – С. 256–264.
13. Гаврилов Б.Я. Упрощенные формы расследования в российском досудебном производстве: современное состояние и пути совершенствования / Б.Я. Гаврилов // Публичное и частное право. – 2025. – № 1 (47). – С. 53–69.
14. Качалова О.В. Пределы упрощения уголовного судопроизводства: критический анализ / О.В. Качалова // Российское правосудие. – 2019. – № 3. – С. 62–67.
15. Колесник В.В. Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / В.В. Колесник. – Ульяновск, 2024. – 575 с.
16. Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.Н. Тисен. – Оренбург, 2017. – 64 с.
17. Русман Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Г.С. Русман. – Челябинск, 2023. – 564 с.
18. Карлов А.Л. Соглашение о сотрудничестве в досудебном производстве по уголовному делу: законодательное регулирование и правоприменительная практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.Л. Карлов. – Красноярск, 2024. – 22 с.
19. Качалова О.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: российский опыт правового регулирования / О.В. Качалова // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. – 2017. – № 2. – С. 113–118.
20. Головкин Л.В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции / Л.В. Головкин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2025. – Т. 31, № 1 (96). – С. 5–10.
21. Качалов Е.В. Особенности уголовного преследования участников СВО в период прохождения военной службы / Е.В. Качалов // Уголовный процесс. – 2025. – № 3 (243). – С. 58–61.
7. Panfilov P.O. Features of Proceedings in Criminal Cases Concerning Crimes in the Sphere of Economic and Entrepreneurial Activity. *Cand. Diss.* Moscow, 2019. 247 p.
8. Gladysheva O.V. Rules of Criminal Proceedings with Regard to Businessmen: Problems and Ways of their Solution. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2018, vol. 28, no. 1, pp. 101–105. (In Russian).
9. Kanatov E.S. Initiation of Criminal Cases Concerning Crimes in the Sphere of Economic Activity. *Cand. Diss. Thesis.* Moscow, 2021. 32 p.
10. Sychev P.G. Differentiation of Russian Criminal Proceedings in Cases of Crimes in the Sphere of Economic and Entrepreneurial Activity. *Doct. Diss. Thesis.* Moscow, 2022. 65 p.
11. Kachalova O.V. Humanization of Modern Criminal Proceedings. *Russian Justice System*, 2023, no. 9, pp. 95–101. (In Russian).
12. Girkov S.I. Procedural Form of Unified Inquiry: Which Path to Take. *Public and Dispositive Principles in Criminal Proceedings in Russia*. Moscow, YurLitinform Publ., 2025, pp. 256–264. (In Russian).
13. Gavrilov B.Ya. Simplified Forms of Investigation in Russian Pre-Trial Proceedings: Current Status and Ways of Improvement. *Public and Private Law*, 2025, no. 1 (47), pp. 53–69. (In Russian).
14. Kachalova O.V. The Limits of the Simplification of Criminal Justice: A Critical Analysis. *Russian Justice System*, 2019, no. 3, pp. 62–67. (In Russian).
15. Kolesnik V.V. The Concept of Contractual Relations in Conciliation, Expedited, and Conciliation Procedures of Criminal Proceedings. *Doct. Diss.* Ulyanovsk, 2024. 575 p.
16. Tisen O.N. Theoretical and Practical Problems of the Institute of Pre-Trial Cooperation Agreement in Russian Criminal Proceedings. *Doct. Diss. Thesis.* Orenburg, 2017. 64 p.
17. Rusman G.S. Incentive Forms of Criminal Proceedings. *Doct. Diss.* Chelyabinsk, 2023. 564 p.
18. Karlov A.L. Cooperation Agreement in Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case: Legislative Regulation and Law Enforcement Practice. *Cand. Diss. Thesis.* Krasnoyarsk, 2024. 22 p.
19. Kachalova O.V. Pre-trial Cooperation Agreement: Russian Experience of Legal Regulation. *Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan*, 2017, no. 2, pp. 113–118. (In Russian).
20. Golovko L.V. Debatable Issues of Suspension and Termination of Criminal Prosecution against Participants of Special Military Operation. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2025. vol. 31, no 1 (96), pp. 5–10. (In Russian).
21. Kachalov E.V. Features of Criminal Prosecution of Participants in Special Military Operation During Military Service. *Criminal Procedure*, 2025, no. 3 (243), pp. 58–61. (In Russian).
22. Tsvetkov Yu.A. Termination of Criminal Prosecution against a Participant of the Special Military Operation. Recommendations for the Investigation. *Criminal Procedure*, 2023, no. 11 (227), pp. 29–31. (In Russian).
23. Kachalova O.V. Termination of Criminal Prosecution of Participants of the Special Military Operation in the Court of First Instance: A Review of Practice. *Criminal Procedure*, 2025, no. 3 (243), pp. 34–37. (In Russian).
24. Gizatullin I.A. Videoconferencing as a Means of Access to Criminal Justice: Expectations in the Doctrine and Realities in Judicial Practice. *Russian Justice*, 2025, no. 7, pp. 17–27. (In Russian).

22. Цветков Ю.А. Прекращение уголовного преследования в отношении участника СВО. Рекомендации следствию / Ю.А. Цветков // Уголовный процесс. – 2023. – № 11 (227). – С. 29–31.

23. Качалова О.В. Прекращение уголовного преследования участников СВО в суде первой инстанции: обзор практики / О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2025. – № 3 (243). – С. 34–37.

24. Гизатуллин И.А. Видео-конференц-связь как средство доступа к уголовному правосудию: ожидания в доктрине и реалии в судебной практике / И.А. Гизатуллин // Российская юстиция. – 2025. – № 7. – С. 17–27.

25. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий / под ред. Л.Н. Масленниковой. – Москва : Норма, 2023. – 664 с.

26. Высокотехнологичный уголовный процесс / под ред. С.В. Зуева и Л.Н. Масленниковой. – Москва : Юрлитинформ, 2023. – 216 с.

27. Качалов В.И. Возможности применения информационных технологий при принятии судом процессуальных решений по уголовному делу / В.И. Качалов, О.В. Качалова, Е.В. Марковичева // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 477. – С. 222–229.

28. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.И. Зазулин. – Екатеринбург, 2018. – 251 с.

25. Maslennikova L.N. (ed.). The concept of Constructing Criminal Proceedings That Ensure Access to Justice in the Context of the Development of Digital Technologies. Moscow, Norma Publ., 2023. 664 p.

26. Zuev S.V., Maslennikova L.N. (eds.). High-Tech Criminal Procedure. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 216 p.

27. Kachalov V.I., Kachalova O.V., Markovicheva E.V. Possibilities of Using Information Technologies When Making Procedural Decisions by the Court in a Criminal Case. *Tomsk State University Journal*, 2022, no. 477, pp. 222–229. (In Russian).

28. Zazulin A.I. Legal and Methodological Foundations of Using Digital Information in Evidence in a Criminal Case. *Cand. Diss.* Yekaterinburg, 2018. 251 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Качалова Оксана Валентиновна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kachalova Oksana Valentinovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnaya.

Статья поступила в редакцию 23.11.2025; одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 15.12.2025. The article was submitted 23.11.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 343.2
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.6

Original article

КЛИМАНОВА Ольга Валериевна
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королёва,
Самара, Россия,
klimanovaov@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-7924-355X>

KLIMANOVA Olga Valerievna
Samara National Research University named
after Academician S.P. Korolev,
Samara, Russia

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (ВОЗРОЖДЕНИЕ УТРАЧЕННОГО)

THE INDIVIDUAL'S PUBLIC DANGER AND THE GROUNDS FOR EXEMPTION FROM
CRIMINAL LIABILITY (REDISCOVERING THE LOST)

Аннотация. В уголовном законе перечисляются виды освобождения от уголовной ответственности без определения единого системообразующего основания освобождения. В доктрине наиболее обоснованной является позиция о материальном основании, однако спорным остается его содержание, которое раскрывается по-разному, в том числе через параметры небольшой либо утраченной/пониженной общественной опасности преступления и (или) преступника. Цель: исследовать соотношение общественной опасности личности виновного и основания освобождения от уголовной ответственности. Методы: эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, сравнения применены для исследования и оценки различных теоретических и практических подходов к понятию «основания освобождения от уголовной ответственности»; исторический метод использовался для понимания динамики позиций законодателя об условиях и основаниях освобождения от уголовной ответственности, в особенности в части учета общественной опасности преступления и личности виновного; системно-структурный позволил в единстве исследовать нормы об освобождении от уголовной ответственности и с учетом их общих признаков сформулировать унифицированное материальное основание освобождения; частнонаучные методы – юридико-догматический и толкования правовых норм – применялись при формулировании позиции о преимуществах материального основания освобождения от уголовной ответственности с учетом теоретических и судебных позиций. Результаты: с учетом современных законоположений, актуальной судебной практики во взаимосвязи с позициями прошлых лет сделан вывод об исторической

Abstract. The criminal law lists the types of exemption from criminal liability without defining a single system-forming ground for exemption. According to the doctrine, the position regarding the material ground is considered the most well-founded; however, its content remains controversial and is interpreted in various ways, including through the parameters of a minor or lost/reduced public danger of the crime and (or) the offender. Purpose: to investigate the correlation between the degree of public danger posed by the offender and the grounds for exemption from criminal liability. Methods: Empirical methods of description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, and comparison are applied to research and evaluate various theoretical and practical approaches to the concept of “grounds for exemption from criminal liability”. The historical method is used to understand the dynamics of the legislator's positions on the conditions and grounds for exemption from criminal liability, particularly concerning the consideration of the public danger of the crime and the offender's personality. The system-structural method allows for the unified examination of norms on exemption from criminal liability and, taking into account their common features, the formulation of a unified substantive ground for exemption. Specific scientific methods, namely legal-dogmatic and interpretation of legal norms are applied in formulating the position on the advantages of the material ground for exemption from criminal liability, considering theoretical and judicial positions. Results: Taking into account current legislative provisions, relevant judicial practice in conjunction with the positions of previous years, the article concludes on the historical continuity of the idea of exemption from criminal

преимущества идеи обоснования освобождения от уголовной ответственности небольшой общественной опасностью личности; в материальном основании освобождения от уголовной ответственности объединяются характеристики совершенного преступления и личности виновного, свидетельствующие о возможном достижении целей уголовной ответственности без осуждения и наказания. Эта идея была ярко проявлена в советском уголовном праве, раскритикована в ранний постсоветский период, но своего влияния не утрачивает.

Ключевые слова: общественная опасность личности, общественная опасность преступления, освобождение от уголовной ответственности, основание освобождения от уголовной ответственности, совершение преступления впервые

Для цитирования: Климанова О.В. Общественная опасность личности и основание освобождения от уголовной ответственности (возрождение утраченного) / О.В. Климанова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 54–64.

liability due to the individual's minor public danger. The material ground for exemption from criminal liability combines characteristics of the committed crime and the offender's personality, indicating the potential achievement of the goals of criminal liability without conviction and punishment. This idea was vividly manifested in Soviet criminal law, then criticized in the early post-Soviet period, but it has not lost its influence.

Keywords: individual's public danger, public danger of the crime, exemption from criminal liability, grounds for exemption from criminal liability, first-time crime

For citation: Klimanova O.V. The Individual's Public Danger and the Grounds for Exemption from Criminal Liability (Rediscovering the Lost). *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 54–64. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.6.

ВВЕДЕНИЕ

Учитывая многообразие видов освобождения от уголовной ответственности, а также значительную широту усмотрения правоприменителей при их трактовке и применении, необходимо определение единого системообразующего основания освобождения. Однако в доктрине и в правоприменительной практике эта потребность не всегда признается. Чаще говорят о множественности оснований, особенных для различных видов освобождения, тем самым фактически наделяя отдельные условия освобождения статусом оснований. В частности, И.Э. Звечаровский к таким основаниям относит деятельное раскаяние в разных формах (в том числе примирение с потерпевшим, уплата судебного штрафа, возмещение ущерба), наступление юридических фактов (истечение сроков давности, амнистия), вывод о том, что исправление может быть достигнуто без применения мер уголовно-правового характера (для вида освобождения, предусмотренного ст. 90 УК РФ), согласие потерпевшего на причинение вреда (для целей примечания к ст. 122 УК РФ). По мнению автора, выделение единого ос-

нования освобождения от уголовной ответственности в принципе невозможно, поскольку различия в законодательном описании оснований обусловлены спецификой социально-правового назначения видов освобождения [1, с. 506–509].

Иногда в качестве основания обобщенно называют юридические факты, в основном связанные с волевым позитивным посткриминальным поведением лица, и юридические события, таким образом развивая концепцию юридико-фактической основы освобождения. Такая юридико-фактическая основа, помимо юридических фактов, включает в себя ряд юридических условий и иных обстоятельств, значимых для принятия решений об освобождении от уголовной ответственности [2, с. 108–109]. Существенный недостаток подобных подходов, предполагающих множественность оснований, составляет необоснованный отказ даже от попытки определить нормы об освобождении от уголовной ответственности в единстве их системной связи, исходя из общей правовой природы, хотя это крайне важно с учетом их многообразия, причем не только численного, но и с точки зрения способа описания: ряд видов освобо-

ждения предусмотрены в Общей части УК РФ в абстрактной форме, десятки других – в казуальной форме в Особенной части УК РФ. Ведь резонным является вопрос, почему для уголовной ответственности есть общее основание (ст. 8 УК РФ), а для освобождения от уголовной ответственности его нет? Непризнание общего основания препятствует пониманию сущности освобождения, «открывает» перечень видов освобождения, демонстрирует нарушение иерархических и конкурентных связей между ними и допускает неограниченное расширение пределов усмотрения правоприменителя. С учетом этих обстоятельств необходим стабилизирующий критерий, который объединит соответствующие нормы в единый институт и послужит для дальнейшего законотворчества и правоприменения. Им должно быть единое основание освобождения.

С этих позиций некоторые исследователи предлагают основанием определить нецелесообразность привлечения к уголовной ответственности [3, с. 16; 4, с. 153]. С учетом излишней оценочности и потенциальной политизированности такого подхода верным видится предложенное в юридической литературе уточнение основания освобождения от ответственности через конкретизацию целей уголовной ответственности и определение возможности их достижения. В последнем случае основание трактуется как фактическая ситуация, которая свидетельствует, что лицо способно исправиться (и не совершать более преступлений) без государственного осуждения и наказания [5, с. 115]. Тем не менее представляется, что такое основание хотя и логично, но является неполным – не демонстрирует реальной причины достижения целей исправления и предупреждения преступлений¹. Такая причина может быть только материальной природы. Из заданных в законе условий освобождения закономерно вытекает, что это небольшая общественная опасность деяния и (или) личности виновного. Однако исследователи отстаивают разные позиции о содержании материального основания. Так, например, в данном случае Е.В. Благов ведет речь об «отпадении общественной опас-

ности виновного» [6, с. 165–166], В.В. Сверчков – об «отсутствии, утрате или снижении общественной опасности лица, а также утрате или снижении общественной опасности совершенного лицом деяния» [7, с. 42–50].

В законе та же неопределенность: в УК РФ только в ст. 75 указан материальный признак и лишь применительно к преступнику (не деянию) – «утрата общественной опасности лица», а Конституционный Суд РФ, наоборот, практически во всех своих позициях сосредотачивает внимание на общественной опасности преступления и ведет речь о разных видах освобождения от уголовной ответственности при «снижении степени общественной опасности преступления до минимума, позволяющего прекратить уголовное дело»².

Таким образом, считаем приоритетным материальное понимание основания освобождения от уголовной ответственности и признаем необходимым и возможным достаточно точное его определение.

СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОСНОВАНИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Впервые институт освобождения от уголовной ответственности получил легальную форму в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (утв. 25 декабря 1958 г.). В отличие от современного Кодекса, тогда законодательное оформление получили также общие положения об освобождении и его основании. В ч. 1 ст. 43 содержалась следующая общая норма: «Лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде, вследствие изменения обстановки, совершенное виновным деяние *потеряло характер*

¹ Не углубляясь в дискуссию о соотношении целей уголовной ответственности и наказания, будем определять их в настоящем исследовании как тождественные.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Борисова Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 1238-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (источники, для которых далее не указаны выходные сведения, опубликованы в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс»). Аналогичное см. в определениях Конституционного Суда РФ от 19.06.2007 № 591-О-О, от 21.04.2011 № 591-О-О, от 26.10.2017 № 2257-О, от 20.12.2018 № 3399-О и № 3405-О, от 26.03.2019 № 650-О и др.

общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным (здесь и далее курсив наш. – О. К.).»

В УК РСФСР 1960 г. соответствующая норма дублировалась в ч. 1 ст. 50, а в появившейся позже части 3 была дополнена: «Лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление и перевоспитание возможно без применения уголовного наказания». Тем же общим положением дополнена и ст. 43 Основ. То есть в качестве общего основания освобождения от уголовной ответственности формулировалось достижение целей уголовной ответственности (исправления и перевоспитания – на тот момент) без осуждения и наказания, а также небольшая общественная опасность деяния. Кроме того, в Кодексе 1960 г. раскрывались условия отдельных видов освобождения от ответственности, в которых активно проявлялись элементы учета снижения опасности личности, несмотря на буквальное отсутствие такого основания в общей норме. Например, освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд допускалось при совершении в том числе «деяния, содержащего признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, если по характеру совершенного деяния и личности это лицо может быть исправлено без применения наказания, с помощью мер общественного воздействия» (ч. 3 ст. 51 УК РСФСР). Также лицо могло быть освобождено от уголовной ответственности с передачей на поруки, если «по обстоятельствам дела совершенное лицом деяние, содержащее признаки преступления, и само это лицо не представляют большой общественной опасности» (ч. 1 ст. 52 УК РСФСР). Косвенно не утраченная опасность личности учитывалась в других условиях. Например, на поруки не могло быть передано лицо, которое ранее было осуждено за совершение умышленного преступления либо уже передавалось на поруки (ч. 2 ст. 52 УК РСФСР). На самом деле положение о повторном совершении лицом преступления подтверждало повышенную опасность преступника.

В советской уголовно-правовой доктрине материальное основание, как правило, толко-

вали в единстве понимания опасности лица и совершенного им деяния. Так, Т.Т. Дубинин, объединяя основание и конкретные условия освобождения в состав освобождения от уголовной ответственности, определял основания освобождения как обстоятельства, характеризующие преступление и личность виновного, которые позволяют сделать вывод, что совершенное деяние и совершившее его лицо не представляют большой общественной опасности, что исправление и перевоспитание правонарушителя возможны без применения уголовного наказания [8, с. 80]. Иногда основание формулировали короче: «лицо, совершившее преступление, перестало представлять общественную опасность», уточняя, что речь идет о случаях, когда деяние утрачивает характер общественной опасности, но при этом всегда утрачивает такое свойство и личность преступника [9, с. 184]. Тем самым была логично подчеркнута неразрывная связь между этими характеристиками и верно выбрана ключевая из них – изменение общественной опасности виновного, поскольку именно она позволяет сделать вывод о возможности достижения целей уголовной ответственности без осуждения и применения мер наказания, что лежит в основе освобождения от ответственности.

В современном уголовном законе преемственность позиции сохраняется, но в усеченном виде. В частности, среди условий освобождения лица в связи с деятельным раскаянием сохранено условие утраты им общественной опасности. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» разъясняет, что утрата личной опасности определяется по признакам, характеризующим поведение лица после совершения преступления, а также по данным о его личности (п. 4). Однако в отличие от советской практики, этот критерий сформулирован не как общий, а лишь для одного вида освобождения, и к тому же он опровергнут во многом другим условием, актуальным для большинства общих видов освобождения от ответственности, – совершением преступления впервые. Проблема в том, что в п. 2 цитируемого постановления Пленума Верховного Суда РФ впервые совершившим престу-

пление считается также лицо, совершившее несколько преступлений, но не осужденное за них. Кроме того, бесчисленные возможности освобождения от уголовной ответственности, снятия и погашения судимости, а также декриминализация деяний теперь позволяют устанавливать условие «совершения преступления впервые», а значит, не препятствуют освобождению от уголовной ответственности за новое преступление. Подобное толкование не позволяет определить виновного как не представляющего общественной опасности и, соответственно, обоснованно сделать вывод о нецелесообразности применения к нему мер уголовной ответственности.

Учет общественной опасности преступления и личности виновного при освобождении от уголовной ответственности: история и современность

При освобождении от уголовной ответственности учитывается общественная опасность преступления. В советском уголовном законодательстве речь шла о «совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности», а также о более опасных преступлениях, общественная опасность которых утрачена или снизилась к моменту принятия решения об освобождении от уголовной ответственности. При этом опасность преступления, как правило, учитывалась как элемент основания освобождения. Однако если противоправное деяние характеризуется какой-либо общественной опасностью и не является малозначительным, то его совершение выступает основанием уголовной ответственности, но не освобождения от нее. По советскому уголовному праву освобождение от ответственности хотя и было ограничено кругом преступлений с небольшой или устраняемой опасностью, но обосновывалось другим – достижением целей уголовной ответственности (исправления и перевоспитания на тот момент) без осуждения и наказания. Этот факт связан с небольшой общественной опасностью виновного, о чем свидетельствует совершение им малоопасного преступления (в современной терминологии – небольшой и средней тяжести) и иные обстоятельства. Потому осно-

вание освобождения не включает невысокую опасность преступления, это его условие.

В прошлом в уголовно-правовой науке этому условию уделяли достаточно внимания. В том числе потому, что система категоризации преступлений не была развитой (различались тяжкие преступления и все остальные), и, в частности, в этой связи звучали предложения раскрыть в законе понятие преступлений с небольшой общественной опасностью для целей освобождения от уголовной ответственности [8, с. 82]. Однако сейчас это неактуально, поскольку, во-первых, в УК РФ отдельно выделены категории преступлений небольшой и средней тяжести, во-вторых, законодатель давно и масштабно допускает освобождение от уголовной ответственности в специальных случаях и при совершении тяжких и особо тяжких преступлений (см., например, примечания к ст. 110.2, 126, 206, 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 275, 276, 276.1, 278, 279 УК РФ и др.). Как представляется, невысокая опасность преступления могла бы выступать не условием, а именно основанием освобождения от уголовной ответственности разве что в случае принятия законопроекта о введении уголовного проступка, однако такого рода прогнозирование в настоящее время бессмысленно – законопроект хоть и не снят с рассмотрения официально, но с 2017 г. успеха в продвижении не имеет.

В части опыта освобождения именно лиц, совершивших преступления небольшой общественной опасности, в современном УК РФ наблюдается преобладание: совершение нетяжкого преступления впервые является одним из самых распространенных условий освобождения. Очень важно воспринимать это условие не самостоятельно, а в контексте основания освобождения, как это было заложено в Основах 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. Как справедливо отмечает Т.Г. Понятовская, «смысл совершения преступления впервые как условия освобождения от ответственности должен быть сосредоточен не на формальных юридических признаках преступления (совершенного впервые), а на личности виновного, его социальной характеристике. Для поощрения положительного посткриминального поведения важна позитивная социальная направленность лица, подтвержденная

его жизненным опытом, тогда есть основания рассчитывать на его исправление и законопослушное поведение в будущем» [10, с. 97]. Таким образом, как в советский период, так и в настоящее время совершение нетяжкого преступления – условие, позволяющее судить об основании освобождения только во взаимосвязи с небольшой общественной опасностью личности виновного.

При освобождении от уголовной ответственности учитывается также личность виновного. Понятие общественной опасности личности в современном российском уголовном праве почти не используется. Однако в ст. 75 УК РФ утрата лицом общественной опасности прямо названа в качестве обязательного следствия деятельного раскаяния, также этот признак заложен в некоторые другие условия разных видов освобождения от ответственности. Например, согласно ч. 4 ст. 78 УК РФ вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью и пожизненным лишением свободы, решается судом. Отмечают, что в данном случае речь идет об оценке опасности личности. В частности, необходимо учитывать личность виновного, образ его жизни после совершения столь тяжкого преступления, становилось ли это лицо вновь на преступный путь и т. п. [2, с. 177–178]. Представляется, что необходимость установления минимальной или утраченной опасности личности имеется в виду при формулировании права, а не обязанности правоприменителя принимать решение об освобождении лица даже при выполнении всех указанных в законе условий (ст. 75, 76, 76.2 УК РФ).

Концепция общественной опасности личности виновного разработана в советский период и включает определение значения свойства преступника, которое заключается в реальной угрозе совершения им нового преступления [11, с. 34; 12, с. 199–207]. Исследователи этого феномена обычно обосновывали тесную связь между общественной опасностью преступника и преступления и отношением их взаимообусловленности. В частности, критикуя мнение К.К. Вавилова о принципиальном разделении социальной опасности деяния и деятеля и о том, что совершение преступления не будет служить показателем социальной опасности лица, В.Д. Филимонов

определял, что совершение преступления в принципе стало возможным в силу возникшей общественной опасности лица, они фактически соотносятся как причина и следствие [11, с. 35–36]. В настоящее время также многие подтверждают устойчивую связь общественной опасности лица и преступления: лицо, совершившее общественно опасное деяние, само по себе тоже является общественно опасным, а совершенные преступления – это основная уголовно-правовая характеристика личности виновного [13, с. 18].

Оппоненты, отрицающие в принципе общественную опасность личности либо предлагающие разграничивать опасность личности и преступления как не связанные категории, аргументируют позицию примерами их явного несовпадения: при совершении преступления небольшой тяжести в случае рецидива; при оценке особо тяжкого преступления, впервые совершенного лицом с безупречной репутацией вследствие случайного стечения тяжелых жизненных обстоятельств; при утрате лицом общественной опасности вследствие изменения обстановки и т. д. [14, с. 27–28]. Полагаем, что хотя эти факты не подтверждают тождество характеристик общественной опасности личности и преступления, тем не менее не опровергают наш главный тезис: общественная опасность личности определяется в первую очередь совершенным преступлением, тем более когда это повторное преступление. Другое дело, что наряду с преступлением опасность личности может оцениваться с помощью дополнительных критериев, в том числе постпреступного поведения, свидетельствующего о возможности совершения нового преступления в будущем. В этом смысле характеристика небольшой или утраченной общественной опасности личности (определенной с учетом общественной опасности преступления, постпреступного поведения, иных факторов) должна подтверждать достижение целей уголовной ответственности и, таким образом, формировать основание освобождения от уголовной ответственности.

Также важно определить: необходима утрата или все же небольшая общественная опасность виновного. Как представляется, после совершения преступления утратить опасность лицо не может, поскольку оно уже

совершило общественно опасное деяние, в чем проявилась его личная социальная опасность. Другое дело, что положительное постпреступное поведение (заглаживание вреда, причиненного преступлением, сотрудничество с правоохранительными органами, явка с повинной и т. п.) в совокупности с небольшой опасностью совершенного преступления могут свидетельствовать о сниженной опасности лица и тем самым подтверждать, что в будущем вероятность совершения им нового преступления минимальна.

СУДЕБНЫЕ ПОЗИЦИИ ОБ УЧЕТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В судебных позициях Конституционного Суда РФ, как было отмечено, при обсуждении вопросов освобождения от уголовной ответственности в основном речь идет о снижении степени общественной опасности преступления и нейтрализации его последствий. Аналогичную формулу иногда использует Верховный Суд РФ: «Суд в каждом конкретном случае должен решить, достаточны ли предпринятые лицом, совершившим преступление, действия для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить лицо от уголовной ответственности»³.

Однако о совершенном преступлении можно судить только с ретроспективной позиции, из этого также следует, что опасность преступления не может быть уменьшена после того, как событие состоялось, как и не могут быть «нейтрализованы последствия преступления» – вред объекту уже причинен. Другие пояснения высших судов позволяют предположить, что имеет место неточная формулировка и имеется в виду как раз характеристика небольшой опасности личности. В этом отношении следует вспомнить позицию В.П. Малкова, который определял социальную сущность множественности преступлений как подтверждение повышенной общественной опасности лица, чем объяснял целесоо-

бразность применения в отношении виновного более серьезных средств карательно-исправительного воздействия [15, с. 214–215], а никак не поощрительных мер. Этот подход, безусловно, актуален, и Конституционный Суд РФ транслирует его в одном из своих определений: «Факт примирения с потерпевшим сам по себе безотносительно категории преступления и факта рецидива (повторности) преступлений не означает снижения общественной опасности содеянного до того минимума, который позволял бы полностью освободить такое лицо от уголовной ответственности»⁴.

В позициях Верховного Суда РФ встречается больше упоминаний об утрате опасности личности, причем не только применительно к ст. 75 УК РФ, в которой это условие напрямую предусмотрено законом. В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» относительно освобождения от ответственности в связи с примирением с потерпевшим отмечено, что «судам следует также учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление» (п. 9).

В позициях Верховного Суда РФ зачастую упоминается и другой элемент материального основания освобождения – вывод о достижении целей уголовной ответственности без осуждения и назначения наказания, по подобию формулы ст. 43 Основ 1958 г. Например, многократно повторяется рекомендация судам принимать решение об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, если эта мера справедлива и достаточна для достижения задач уголовного закона, в том числе предупреждения соверше-

³ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Решетникова Прохора Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2024 № 891-О.

ния новых преступлений⁵. В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» в связи с примирением с потерпевшим в случае совершения преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, отмечается, что судам следует оценить, соответствует ли освобождение от ответственности целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства.

Учитывая отсутствие прямого законодательного указания на небольшую опасность личности для целей освобождения от уголовной ответственности, в конкретных случаях освобождения о небольшой опасности личности говорят редко, однако систему аргументации приводят с опорой на эту характеристику. Например, по делу о преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 256 УК РФ, Верховный Суд РФ признал справедливым отказ в освобождении с учетом повышенной опасности деяния (подтверждается объектом посягательства, временем совершения преступления – временем нереста, запрещенным способом вылова биоресурсов через их массовое истребление), а также потому, что Г. ранее уже освобождался от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по аналогичному преступлению и спустя 4 месяца вновь совершил преступление в группе лиц⁶. В своей совокупности эти данные свидетельствуют о повышенной опасности личности и необходимости применения к виновному мер уголовной ответственности.

Часто учитываются характеристики повышенной опасности личности в аспекте обстоятельств совершенного деяния, отражающих личные качества виновного: «Ж., будучи главой муниципального образования, председателем Совета местного самоуправления и главой местной администрации поселения, используя служебное положение, дважды обратился к сотруднику ДПС с просьбой не составлять ад-

министративный протокол в отношении его знакомого, а получив отказ, используя нецензурную брань, публично оскорбил Д., угрожал избить. При таких обстоятельствах принесение извинений потерпевшему, перечисление денежных средств центру социального обслуживания населения и благотворительному фонду не является достаточным основанием для прекращения уголовного дела»⁷.

Помимо приведенных случаев, суды всегда обосновывают утрату общественной опасности личности, принимая решение об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, поскольку в этом случае действует прямое законодательное предписание. Так, «принимая во внимание обстоятельства преступления, данные о личности и возрасте ФИО, которая достигла предпенсионного возраста, ранее к уголовной и административной ответственности никогда не привлекалась, характеризуется положительно, впервые совершила преступление средней тяжести, после совершения преступления явилась с повинной, активно способствовала раскрытию и расследованию преступления, вернула похищенный телефон, возместив причиненный материальный ущерб»⁸ судом сделан вывод о деятельном раскаянии и утрате виновной общественной опасности.

В судебной практике встретилось даже такое необычное уточнение, не вполне юридическое, но отражающее концепцию материального основания освобождения от ответственности, объединяющее оценку преступления и личности виновного: «...Р. перестал быть общественно опасным лицом, а весь ход предварительного расследования и судебного процесса уже явился для него мерой воспитательного воздействия»⁹.

Учитывая, что основной характеристикой общественной опасности личности является именно совершенное преступление, обоснование освобождения от уголовной ответственности должно начинаться с оценки характера и степени общественной опасности деяния.

⁵ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019.

⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.07.2025 № 25-УД25-6-К4.

⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.07.2024 № 21-УДП24-2-К5.

⁸ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.09.2022 № 77-4001/2022.

⁹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.01.2021 № 77-120/2021.

Особенно ярко это положение высвечивается управомочивающими нормами, в соответствии с которыми даже при выполнении всех формальных условий решение вопроса об освобождении оставляется на усмотрение уполномоченного лица. Например, суды не допускают освобождение от ответственности при совершении преступления, предусмотренного ст. 328 УК РФ, поскольку общественная опасность его крайне высока, что подтверждается нарушением установленного порядка комплектования Вооруженных Сил РФ, которое может причинить вред обороноспособности государства. В таком случае положительные постпреступные действия и иные характеристики виновного (например, «Л. перечислил 8000 рублей в благотворительный фонд ***, намерен пройти срочную службу, исключительно положительно характеризуется, внес вклад в развитие студенческого и волонтерского движения на территории Камчатского края, оказал помощь и принял участие в иных общественно полезных мероприятиях»¹⁰) не позволяют установить основание освобождения от уголовной ответственности.

Аналогично Верховный Суд РФ признал неправильным судебное решение по уголовному делу, возбужденному по ч. 2 ст. 216 УК РФ, поскольку не была учтена фактическая опасность преступления: «Освобождая П. от уголовной ответственности, суд первой инстанции не учел, что общественная опасность содеянного П. заключается в пренебрежении работодателем правилами охраны труда и, как следствие, правом человека на жизнь. При этом любые позитивные действия (в том числе материальная помощь родственникам погибшего, оказанная спустя почти 3 года после совершения преступления) не снизили и не могли снизить общественную опасность содеянного»¹¹. Фактически здесь дана характеристика повышенной опасности личности не только через особую опасность деяния, но и через дополнительное личное обстоятельство: помощь родным потерпевшего оказана не сразу, а спустя 3 года. Интересно, что суды по подобным делам о многообъектных пре-

ступлениях, которыми причинена смерть, также зачастую аргументируют невозможность освобождения от ответственности необходимостью назначения наказания, иными словами, констатируя, что цели уголовной ответственности недостижимы без назначения наказания. Например, суд в обоснование невозможности освобождения от ответственности по ст. 76.2 УК РФ обратил внимание на необходимость назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью должностному лицу, ненадлежаще исполняющему свои служебные обязанности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Освобождение от уголовной ответственности не может быть обосновано только формально-юридически, у него есть материальное основание, подтверждающее возможность достижения целей уголовной ответственности без осуждения и наказания. Такой подход, выраженный в советском уголовном законодательстве, сохраняет актуальность. В материальном основании объединяются соответствующие характеристики совершенного преступления и личности виновного. Речь идет о небольшой степени общественной опасности личности, характеризующейся в первую очередь совершенным преступлением, а также иными действиями лица, в том числе постпреступного характера, которые, как правило, заявляются в качестве условий освобождения (совершение нетяжкого преступления впервые, возмещение причиненного преступлением ущерба и иное заглаживание вреда и т. п.). Можем предположить, что в современном уголовном законе норма ст. 50 УК РСФСР 1960 г. не была продублирована в том числе во избежание неприемлемой ассоциации с общественной опасностью личности как самостоятельного основания уголовной ответственности. «Отрыв» общественной опасности личности от преступления при решении вопросов уголовной ответственности являлся выражением дистанцирования от оправдания трагических событий в истории страны (массовых «судебных репрессий») и символом того, чего не должно быть в системе правосудия никогда.

¹⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.08.2025 № 60-УДП25-8-К9.

¹¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.10.2023 № 31-УДп23-17-К6.

Как правило, в этом русле проблематика общественной опасности личности затрагивается в современных дискуссиях.

Однако в контексте освобождения от уголовной ответственности учет опасности личности закономерен и необходим, что подтверждается и системным толкованием уголовного закона, и актуальной судебной практикой, которой прямо или косвенно устанавливается, что только оценка сниженной общественной опасности личности может

подтвердить достижение целей уголовной ответственности (исправления и предупреждения преступлений) и, таким образом, объяснить ее неприменение. Материальное основание освобождения от уголовной ответственности нуждается в возрождении в уголовном законе в качестве единого, позволяющего институционализировать нормы о разных видах освобождения от уголовной ответственности, стабилизировать законотворчество и судебную практику.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полный курс уголовного права : в 10 т. Т. IV. Наказание. Иные меры уголовно-правового характера / под ред. А.И. Коробеева. – Санкт-Петербург : Юридический центр – Академия, 2021. – 725 с.
2. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика : монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – Москва : РГУП, 2021. – 436 с.
3. Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом общей судебной практики : научно-практическое пособие / А.В. Бриллиантов. – Москва : Проспект, 2014. – 111 с.
4. Кауфман М.А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности / М.А. Кауфман // Журнал российского права. – 2021. – № 1. – С. 143–153.
5. Лобанова Л.В. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности / Л.В. Лобанова, С.М. Мкртчян // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 111–121.
6. Благов Е.В. Основание освобождения от уголовной ответственности / Е.В. Благов // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 7 (92). – С. 161–168.
7. Сверчков В.В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении. Проблемы теории и практики / В.В. Сверчков. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. – 586 с.
8. Дубинин Т.Т. Состав освобождения от уголовной ответственности / Т.Т. Дубинин // Советское государство и право. – 1984. – № 1. – С. 79–83.
9. Курс советского уголовного права : в 3 т. Т. 3. Наказание / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – Москва : Наука, 1970. – 311 с.
10. Понятовская Т.Г. Нужны ли условиям освобождения от уголовной ответственности формальные признаки? / Т.Г. Понятовская // Общество и право. – 2015. – № 4 (54). – С. 93–98.
11. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии) / В.Д. Филимонов. – Томск : Изд-во Томского университета, 1970. – 275 с.
12. Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.) / Б.В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. – 969 с.

REFERENCES

1. Korobyev A.I. (ed.). A Complete Course in Criminal Law. Saint Petersburg, Legal Center – Academy Publ., 2021. Vol. IV. 725 p.
2. Pudovochkin Yu.E. (ed.). Exemption from Criminal Liability: Theory, Law, Practice. Lebedev Russian State University of Justice Publ., 2021. 436 p.
3. Brilliantov A.V. Exemption from Criminal Liability: Taking into Account General Judicial Practice. Moscow, Prospect Publ., 2014. 111 p.
4. Kaufman M.A. On a Ground for the Exemption from Criminal Liability. *Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 143–156. (In Russian).
5. Lobanova L.V., Mkrtchian S.M. Certain Problems of Establishment and Implantation of a New Ground to Release from Criminal Liability. *Criminal Law*, 2016, no. 6, pp. 111–121. (In Russian).
6. Blagov E.V. The Basis for Exemption from Criminal Responsibility. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 7 (92), pp. 161–168. (In Russian).
7. Sverchkov V.V. Exemption from Criminal Liability, Termination of Criminal Case (Prosecution), Refusal to Initiate It. Problems of Theory and Practice. Saint Petersburg, Juridical Center Press Publ., 2008. 586 p.
8. Dubinin T.T. The Elements of Release from Criminal Liability. *Soviet State and Law*, 1984, no. 1, pp. 79–83. (In Russian).
9. Piontkovsky A.A., Romashkin P.S., Chkhikvadze V.M. (eds.). Course of Soviet Criminal Law. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 3. 311 p.
10. Ponyatovskaya T.G. Whether Formal Signs are Necessary to Conditions of Release from Criminal Liability? *Society and Law*, 2015, no. 4 (54), pp. 93–98. (In Russian).
11. Filimonov V.D. The Social Danger of a Criminal's Personality (Prerequisites, Content, Criteria). Tomsk University Publ., 1970. 275 p.
12. Volzhenkin B.V. Selected Works on Criminal Law and Criminology (1963–2007). Saint Petersburg, Legal Center Press Publ., 2008. 969 p.
13. Klenova T.V., Semenova D.M. Social Danger of Multiple Offences. *Juridical Journal of Samara University*, 2020, vol. 6, no. 1, pp. 15–20. (In Russian).

13. Кленова Т.В. Общественная опасность множественности преступлений / Т.В. Кленова, Д.М. Семенова // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – № 1. – С. 15–20.

14. Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: научно-практическое пособие / Ю.Е. Пудовочкин. – Москва : РГУП, 2019. – 220 с.

15. Малков В.П. Избранные труды : в 3 т. / В.П. Малков. – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. – Т. 3. – 321 с.

14. Pudovochkin Yu.E. Court Assessment of the Social Danger of a Crime. Lebedev Russian State University of Justice Publ., 2019. 220 p.

15. Malkov V.P. Selected Works. Kazan, "Poznanie" of the Institute of Economics, Management and Law Publ., 2011. Vol. 3. 321 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Климанова Ольга Валериевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Klimanova Olga Valerievna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 06.02.2026.
The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 06.02.2026.

Научная статья
УДК 34
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.7

Original article

КУДРЯВЦЕВА Анна Васильевна
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Россия,
acifna@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7666-8048>

KUDRYAVTSEVA Anna Vasilievna
North-Western Branch of the Lebedev
Russian State University,
Saint Petersburg, Russia

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

IMPROVING FORMS OF JUDICIAL REVIEW AS A FACTOR OF NATIONAL IDENTITY IN
RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена кризисными явлениями в сфере судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса, проявляющимися в формализме, нарушении прав участников судопроизводства и отсутствии единообразной процедуры, что диктует необходимость поиска баланса между эффективным расследованием и защитой личности. Цель – обосновать необходимость совершенствования норм уголовно-процессуального права для дифференциации процессуальных форм судебного контроля на основе анализа его современных проблем и доктринальных подходов. В статье использовались общенаучные (анализа, синтеза, системный) и специально-юридические методы: формально-юридический (при анализе норм УПК РФ, судебной практики, постановлений Пленума Верховного Суда РФ и решений Конституционного Суда РФ, а также доктринальных источников), сравнительно-правовой (при сопоставлении различных видов судебного контроля), правового моделирования (при формулировании предложений по структурированию раздела УПК РФ). Результаты: констатируется, что действующее регулирование судебного контроля является недостаточным и делегирует детальное регламентирование судебной практике; доказана потребность в сочетании единства базовых принципов с дифференциацией процессуальной формы в зависимости от вида контроля (ст. 105.1–109, 125, 165 УПК РФ), предмета рассмотрения и стандарта доказывания; предложено консолидировать и детализировать нормы о судебном контроле в самостоятельном разделе УПК РФ, что позволит обеспечить защиту прав граждан, эффективность правосудия и формирование национальной процессуальной идентичности.

Abstract. The research is relevant due to the crisis phenomena in the sphere of judicial review at the pre-trial stages of criminal proceedings. These phenomena, characterized by formalism, infringements on the rights of parties involved, and a lack of uniform procedure, demand a balance between effective investigation and individual protection. The purpose of the study is to substantiate the need for improving the norms of criminal procedure law to differentiate the procedural forms of judicial review, based on an analysis of its current problems and doctrinal approaches. The article utilized general scientific methods (analysis, synthesis, systemic) and specific legal methods: formal legal (in analyzing the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, judicial practice, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as doctrinal sources), comparative legal (in comparing various types of judicial review), and legal modeling (in formulating proposals for structuring a section of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Results: The article states that the current regulation of judicial review is insufficient and delegates detailed regulation to judicial practice. The article proves the need to combine the unity of basic principles with the differentiation of procedural form depending on the type of control (Articles 105.1–109, 125, 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), the subject matter, and the standard of proof. The study proposes to consolidate and detail the norms on judicial review into a separate section of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which will ensure the protection of citizens' rights, the effectiveness of justice, and the formation of a national procedural identity.

© Кудрявцева А.В., 2026

Ключевые слова: судебный контроль, уголовно-процессуальная форма, досудебное производство, дифференциация, единство процесса, стандарт доказывания

Для цитирования: Кудрявцева А.В. Совершенствование форм судебного контроля как фактор национальной идентичности уголовного судопроизводства России / А.В. Кудрявцева. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.7 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 65–73.

Keywords: judicial review, criminal procedure form, pre-trial proceedings, differentiation, unity of process, standard of proof

For citation: Kudryavtseva A.V. Improving Forms of Judicial Review as a Factor of National Identity in Russian Criminal Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 65–73. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.7.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы относится к числу «вечных» дискуссионных проблем, поскольку актуальность поиска, преобразования, изменения форм уголовного судопроизводства predetermined изменяющимися с течением времени условиями общественно-го бытия и социальными потребностями.

Поиск дифференциации и единства форм правосудия в виде судебного контроля обусловлен потребностью общественного развития и острой необходимостью соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства на досудебных стадиях в условиях эффективного раскрытия и расследования преступлений.

Обусловленность форм уголовно-процессуальных производств современными социальными потребностями и выявление социальных направлений в их изменении является наиболее правильным подходом в исследованиях, посвященных уголовно-процессуальной форме и ее дифференциации.

ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОРМЫ РАССМОТРЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ КАК ПОИСК БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В юридической литературе традиционно (с некоторыми вариациями) выделяют три вида судебного контроля (такое деление основано в первую очередь на ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ, критерием является предмет рассмотрения):

1) избрание и продление срока действия мер пресечения (превентивный судебный контроль – ст. 105.1–109 УПК РФ); 2) разрешение на производство следственных и процессуальных действий и последующая проверка их законности (превентивный и последующий их контроль – ст. 165 УПК РФ); 3) рассмотрение жалоб участников уголовного судопроизводства на действия (бездействие) и решения органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование (последующий судебный контроль – ст. 125 УПК РФ).

Следует согласиться с учеными, которые видят источник развития уголовно-процессуальной формы в поиске баланса между «потребностями создания действенных механизмов защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства», особенно на досудебных стадиях, и необходимостью «рационального использования процессуальных и материальных средств при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности» [1, с. 46].

В настоящее время назрела потребность в совершенствовании форм судебного контроля за досудебным производством, которая определяется своеобразным «кризисом» этого вида уголовного судопроизводства. Не секрет, что суды подчас формально подходят к жалобам участников уголовного судопроизводства на действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, необоснованно отказывают в приеме таких жалоб ввиду якобы отсутствия предмета обжалования или безосновательно удовлетворяют ходатайства следователей (дознавателей) о применении мер пресечения, связанных с су-

ществленным ограничением конституционных прав граждан или о проведении следственных и процессуальных действий. Это можно объяснить высокой нагрузкой судей, а также тем, что в рамках судебного контроля судьи не могут выйти за пределы, обозначенные законом, например, за пределы рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, будучи ограниченными требованиями закона, которые заключаются в том, что суд может признать решения или действия (бездействие) должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование, незаконными и необоснованными, но не может отменить или изменить их.

При принятии решения об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу суды, принимая во внимание тяжесть предъявленного обвинения, при проверке обоснованности подозрения и уголовного преследования в основном руководствуются квалификацией, заявленной при возбуждении уголовного дела или предъявлении обвинения. Даже когда сведения, представленные следователем в обоснование избрания или продления срока меры пресечения, свидетельствуют о необходимости иной квалификации.

Представляется, что несмотря на правильность позиций о единстве формы судебного контроля в целом, необходима дифференциация формы при осуществлении судебного контроля, которая предопределяется различием предмета рассмотрения, уровнем стандарта доказывания и доказанности, видами принимаемых решений, особенностями целей и задач, стоящих перед судом в процессе реализации всех трех видов судебного контроля, и его эффективностью.

Ответ на вопрос о необходимости дифференциации уголовно-процессуальной формы при рассмотрении материалов судопроизводства в рамках судебного контроля или его единстве зависит от ответа на вопрос о пределах распространения норм, регламентирующих общие условия судебного разбирательства, стадию подготовки судебного заседания, правила о распределении бремени доказывания, доказательства и процесс доказывания, на судебные производства при осуществлении судебного контроля.

Практика показывает, что в настоящее время при отсутствии подробного регулиро-

вания процедур рассмотрения материалов в порядке судебного контроля вышеперечисленные нормы применяются судами по аналогии. При обращении в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в условиях ограниченности сроков отсутствует выделение специальными нормами стадии подготовки к судебному заседанию. Вопросы представления материалов в обоснование этого ходатайства регламентируются не столько законом, сколько постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27 мая 2025 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», как и иные вопросы доказывания по данной категории судебного производства.

Основным регулятором процедур и доказывания при рассмотрении материалов судебного контроля в порядке ст. 125 и 165 УПК РФ также являются постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 9 декабря 2025 г.) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» и от 1 июня 2017 г. «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)», основанные на обобщении судебной практики.

Безусловно, следует согласиться с тем, что обоснование решений, принятых в порядке судебного контроля, как по мерам пресечения, так и в порядке ст. 165 и 125 УПК РФ по своей природе представляют собой процесс доказывания [2; 3].

Судебная практика частично ответила на этот вопрос, и несмотря на отсутствие единообразия в деталях процедуры, в целом используются сходные процедуры, предусмотренные для рассмотрения уголовных дел по существу, адаптированные к особенностям рассмотрения материалов в рамках судебного контроля.

Особую роль в регулировании вопросов рассмотрения в рамках судебного контроля играют решения Конституционного Суда РФ. По вопросам рассмотрения материалов в порядке судебного контроля Конституционным Судом РФ принято огромное количе-

ство решений, что также свидетельствует о недостаточности регулирования института судебного контроля в российском уголовном судопроизводстве.

В то же время представляется, что при рассмотрении материалов при осуществлении судебного контроля необходима единая процедура рассмотрения, под которой следует понимать единый алгоритм рассмотрения материалов в рамках судебного контроля, как считают Н.Н. Ковтун [4, с. 13] и А.С. Чертовщин [5, с. 156]. Полагаем, что этот алгоритм должен быть в виде норм, закрепляющих принципы, основные правила, черты, условия рассмотрения материалов в рамках судебного контроля.

С точки зрения юридической техники необходимо объединить нормы о судебном контроле в единый раздел УПК РФ, выделив отдельные главы, посвященные принципам (общим условиям) судебного контроля, регулированию его процедуры, а также особенностям каждого вида судебного контроля.

Следует согласиться с тем, что для рассмотрения материалов в рамках судебного контроля суд должен располагать всем инструментарием, что и суд при рассмотрении уголовных дел. В частности, гл. 35, 36, 37, 39 УПК РФ предоставляют такой инструментарий.

Полагаем при этом, что специфика предмета рассмотрения и зависящий от этого стандарт доказывания и доказанности для принятия решений в рамках судебного контроля в досудебном производстве, которые, безусловно, различны, определяют и различия в процедуре рассмотрения материалов в рамках судебного контроля и требуют дифференциации процессуальной формы. Процедура и порядок действий суда при рассмотрении вопросов судебного контроля должен различаться в зависимости от предмета рассмотрения и уровня стандарта доказывания.

Процессуальная форма судебного контроля должна удовлетворять социальной потребности защищать права и интересы участников уголовного судопроизводства на досудебных стадиях, при этом одновременно не препятствовать эффективному расследованию, отвечать требованиям эффективности и оптимальности рассмотрения материалов судебного производства в рамках судебного контроля.

В зависимости от вида судебного контроля необходима дифференциация его процессуаль-

ной формы и инструментария. Вопрос в том, следует ли разграничивать процессуальную форму на законодательном уровне или отдать решение этого вопроса на откуп правоприменителю, который в настоящее время фактически самостоятельно применяет нормы уголовно-процессуального закона лишь в общих чертах, регламентирующих судебные заседания по рассмотрению материалов в рамках судебного контроля. Так, основой дифференциации производств в рамках судебного контроля должны стать предмет рассмотрения и производный от него предмет доказывания и его пределы (стандарт доказывания и стандарт доказанности).

ПРОЦЕДУРА ПОДГОТОВКИ К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ

Стадия подготовки к судебному заседанию, регламентированная гл. 33 УПК РФ, имеет своей целью установление оснований или препятствий для рассмотрения уголовного дела по существу. При осуществлении судебного контроля часть процедур, предопределяемых необходимостью действовать в условиях кратких сроков, фактически исключает эту стадию и переносит решение вопросов, связанных с основаниями для назначения судебного заседания, в стадию судебного заседания (избрание мер пресечения, санкционируемых судом, получение разрешения на производство следственных и процессуальных действий, нарушающих конституционные права граждан, уведомление суда о производстве неотложных следственных и процессуальных действий, нарушающих или ограничивающих конституционные права граждан).

Стадия назначения судебного заседания в полном виде, как правило, присутствует при осуществлении судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ. Следует отметить, что эти вопросы урегулированы соответствующими постановлениями Пленума Верховного Суда РФ. В частности, стадии подготовки к судебному заседанию посвящены п. 7–12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ». При рассмотрении ходатайств следователя в порядке ст. 165 УПК РФ в силу краткосрочности спо-

ков и необязательности извещения участников уголовного судопроизводства при превентивном контроле, как правило, не выносятся постановления о назначении судебного заседания. Однако в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничениями конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» фактически перечислены те вопросы, которые относятся к стадии подготовки к судебному заседанию и подлежат разрешению перед его проведением.

Разрешение аналогичных вопросов подготовительного характера, направленных на установление оснований и препятствий, происходит и при рассмотрении ходатайств следователя об избрании и продлении сроков мер пресечения, требующих санкционирования судом: о подсудности, достаточности представленных материалов, извещении участников судебного заседания.

Таким образом, следует констатировать, что можно говорить о стадии подготовки к судебному заседанию при осуществлении судебного контроля, однако в силу краткосрочности не во всех видах судебного контроля она заканчивается постановлением о назначении судебного заседания. Поскольку данная стадия и вопросы, на ней решаемые, образуют самостоятельные уголовно-процессуальные отношения между участниками уголовного судопроизводства, то и регулироваться она должна уголовно-процессуальным законом, а не разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ.

Принципы уголовного процесса, общие условия судебного разбирательства и пределы их действия при осуществлении судебного контроля

Производство по судебному контролю обладает всеми чертами самостоятельных производств, обусловленных потребностями уголовного судопроизводства, по сравнению с производством по рассмотрению уголовных дел по существу. Самостоятельность производств при осуществлении судебного контроля также отвечает критериям дифференциации производств: наличие особого кру-

га вопросов (предметов рассмотрения), который диктует процессуальный порядок данного производства; комплексность производства, то есть наличие собственных задач, которые решаются только в данных производствах; наличие существенных различий в процессуальном порядке; круг участников по сравнению с рассмотрением уголовных дел по существу.

В данных производствах особым образом проявляют себя такие принципы уголовного процесса, которые определяют его природу в целом: публичность, состязательность, презумпция невиновности как принцип, диктующий распределение бремени доказывания.

Так, например, принцип публичности проявляется в необходимости санкционирования решения исполнительной власти решением судебной власти. Такой «двойной» контроль обоснованности нарушения конституционных прав граждан гарантирует законность их ограничения в целях раскрытия преступлений и защиты граждан от противоправных посягательств. Причем судебный контроль – это состязание государства в лице его правоохранительных органов (представителей исполнительной власти) и участников уголовного судопроизводства, чьи права могут быть ограничены или уже необоснованно ограничены. Арбитром (разрешителем) спора выступает представитель государственной судебной власти.

В данных производствах так же по-особенному проявляет себя принцип состязательности. Например, при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ нет таких функций, как обвинение и защита, что составляет ядро принципа состязательности. Участники со стороны обвинения – потерпевший и следователь – могут спорить между собой, но предметом спора является не обвинение, а законность ограничения прав потерпевшего.

Насколько распространяются и распространяются ли вообще принципы и общие условия судебного разбирательства – непосредственность, устность и гласность, состязательность – при рассмотрении материалов в рамках судебного контроля, есть ли понятие сторон (обвинения и защиты) – эти вопросы подлежат теоретическому осмыслению. Может быть, при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ необходимо говорить

о стороне заявителя, о стороне государства в лице должностных лиц и органов, действия которых оспариваются, а не о стороне обвинения и защиты.

При этом следует учитывать, что действия общих условий судебного разбирательства, в том числе закрепляющих участие субъектов уголовного судопроизводства в судебном заседании при разрешении уголовных дел по существу, только отчасти применимы к судебному контролю. Категория «заявитель» при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ – это лишь название участника досудебного производства, занимающего определенное процессуальное положение потерпевшего, обвиняемого, свидетеля, иного заинтересованного лица. На данного заявителя не только распространяются права и обязанности, установленные в гл. УПК РФ 6–8, в его процессуальный статус включаются права заявителя как участника рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ. Часть общих условий, закрепленных в гл. 35 УПК РФ, а именно в ст. 240, 241, 241.1, 242, 243, 244, 244.1, 245, 253, 256, 257, 258, 259, безусловно, распространяются на судебные заседания при осуществлении судебного контроля. Однако права и обязанности каждого участника при осуществлении судебного контроля нуждаются в регламентации для каждого его вида. Вопрос о предмете и пределах судебного разбирательства при осуществлении судебного контроля (аналог ст. 252 УК РФ, регламентирующей предмет и пределы для уголовных дел) также необходимо регламентировать в зависимости от формы судебного контроля.

ПРОЦЕДУРЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

В юридической литературе, посвященной судебному контролю, выделяются общие элементы разных его видов: объявление, какая жалоба (ходатайство) подлежит рассмотрению, разъяснение явившимся лицам их прав и обязанностей, исследование представленных материалов, заслушивание выступлений явившихся лиц и др., что напоминает общую структуру судебного разбирательства [6, с. 199].

Вместе с тем краткость и схематичность законодательного регулирования процедур

рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, ходатайств следователя об избрании и продлении мер пресечения и о производстве следственных и процессуальных действий порождают на практике разночтения в последовательности действий и выступлений участников процесса.

Например, С.С. Лукьяновым в пределах одного субъекта Федерации было выявлено не менее семи различных вариантов последовательности выступлений и исследования материалов, представленных в суд следователем и стороной защиты, при рассмотрении ходатайств следователей и дознавателей о мерах пресечения; не менее 11 вариантов процедуры рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, которые различаются составом участников, последовательностью выступлений, исследованием материалов производства; не менее 4 вариантов последовательности действий при рассмотрении ходатайств следователя в порядке ст. 165 УПК РФ. При исследовании протоколов судебных заседаний был выявлен только один случай участия защитника при уведомлении суда о производстве неотложного обыска [6, с. 200–204].

Важным является ответ на вопрос, в какой степени детализации и надо ли регламентировать в уголовно-процессуальном законе последовательность действий и выступлений в судебном заседании или достаточно определить общие элементы (этапы): подготовительный, в процессе которого судья удостоверяется в явке лиц, разъясняет им права обязанности и объявляет предмет рассмотрения; судебное следствие, в ходе которого участники, инициировавшие судебное рассмотрение, заявляют свои требования, а участники, к которым обращены требования, вправе ответить на них; исследование материалов; прения, в ходе которых выступают участники по результатам исследования материалов; принятие решения судом в совещательной комнате, его оглашение. Полагаем, что в уголовно-процессуальном законе в достаточно общем виде урегулированы этапы судебного заседания при осуществлении судебного контроля, что предоставляет суду определенную вариативность в зависимости от предмета рассмотрения.

В зависимости от вида судебного контроля и особенностей его предмета возможно ус-

ложнение или упрощение процедур, которые могут быть урегулированы постановлениями Пленума Верховного Суда РФ.

ПРИРОДА МАТЕРИАЛОВ, ИССЛЕДУЕМЫХ В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ

Отдельно в процедуре рассмотрения стоит вопрос о природе материалов, представляемых в суд участниками судопроизводства, и о пределах прав суда по их исследованию и истребованию дополнительных материалов.

Поскольку с помощью сведений, содержащихся в представляемых материалах, устанавливаются существенные для разрешения вопросов судебного контроля обстоятельства, а для их получения проводятся процессуальные и следственные действия, то нет никаких оснований, чтобы не считать их представление, исследование и оценку процессом доказывания.

Большинство ученых, занимающихся судебным контролем, обоснованно полагают, что материалы, исследуемые при его осуществлении, имеют природу доказательств или сходную с ними природу [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. В п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» содержится положение, в соответствии с которым «в решениях об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения и о продлении срока содержания под стражей... приведены результаты исследования в судебном заседании конкретных обстоятельств, обосновывающих избрание данной меры пресечения или продление срока ее действия, доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств, а также оценка судом этих обстоятельств и доказательств с изложением мотивов принятого решения».

Вместе с тем неясно, в какой мере гл. 37 УПК РФ, которая предусматривает производство судебного следствия посредством исследования доказательств, распространяется на исследование материалов в ходе судебного контроля. К какому виду доказательств мож-

но отнести сведения, исследуемые при осуществлении судебного контроля.

Могут ли должностные лица, действия которых обжалуются в порядке ст. 125 УПК РФ, быть допрошены в судебном заседании? Как правило, они дают объяснения, отвечают на вопросы суда и участников судебного заседания, представляют документы по запросу суда. Такие объяснения оцениваются как доказательства, при этом у этих лиц нет статуса свидетелей, они не предупреждаются об уголовной ответственности за дачу ложных показаний или отказ от дачи показаний. Объяснения должностных лиц, законность действий (бездействия) и решения которых обжалуются, по своей природе ближе к объяснениям сторон в гражданском процессе. Такая же природа у объяснений и сведений, содержащихся в жалобах заявителя.

Нет никаких препятствий, чтобы суд при осуществлении судебного контроля пользовался всеми инструментами доказывания, предусмотренными гл. 37 УПК РФ: проводил осмотры, получал объяснения, допрашивал свидетелей, исследовал письменные материалы. В судебной практике нет примеров назначения и проведения экспертиз, судебных экспериментов, осмотров вещественных доказательств, однако суды вполне могут пользоваться данными средствами доказывания при осуществлении судебного контроля.

Как правило, суд исследует письменные материалы, получает объяснения, при избрании и продлении меры пресечения в редких случаях допрашивает свидетелей, чаще всего о характеристике личности подозреваемого, обвиняемого. Таким образом, арсенал инструментов для доказывания при осуществлении судебного контроля обладает определенной спецификой, которую необходимо закрепить в уголовно-процессуальном законе, при этом оставив место для усмотрения судьи в исследовании и запросе таких материалов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующее регулирование судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса является недостаточным и фрагментарным, что приводит к формализму, наруше-

нию прав участников процесса и отсутствию единообразия в судебной практике. Необходимо сочетание единства основных принципов и алгоритма судебного контроля с дифференциацией его процессуальной формы. Дифференциация должна основываться на виде контроля (ст. 105.1–109, 125, 165 УПК РФ), предмете рассмотрения и соответствующем стандарте доказывания. Ключевые процедурные элементы (стадия подготовки к судебному заседанию, порядок исследования материалов, права участников, инструменты доказывания) должны быть детально

урегулированы непосредственно в УПК РФ, а не только в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Целесообразна кодификация норм о судебном контроле в едином разделе УПК РФ, содержащем общие положения (принципы, условия) и специальные главы, отражающие особенности каждого вида контроля. Усовершенствованная процессуальная форма должна обеспечивать эффективную защиту прав и свобод личности на досудебных стадиях, не создавая при этом неоправданных препятствий для эффективного и оперативного расследования преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / Н.Н. Манова. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. – 228 с.
2. Миргородская Э.Р. Судебный порядок рассмотрения жалоб на стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Э.Р. Миргородская. – Челябинск, 2025. – 280 с.
3. Чикулина А.Р. Предмет и пределы доказывания при разрешении судом ходатайств об избрании мер пресечения : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.Р. Чикулина. – Челябинск, 2025. – 210 с.
4. Ковтун Н.Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ) / Н.Н. Ковтун, Р.В. Ярцев. – 2-е изд., доп. и изм. – Нижний Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. – 210 с.
5. Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Червоткин. – Москва, 2013. – 230 с.
6. Лукьянов С.С. Компетенция суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / С.С. Лукьянов. – Санкт-Петербург, 2025. – 280 с.
7. Бурмагин С.В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия / С.В. Бурмагин. – Москва : Проспект, 2021. – 412 с.
8. Хмельницкая Т.В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.В. Хмельницкая. – Нижний Новгород, 2016. – 212 с.
9. Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / С.В. Рудакова. – Краснодар, 2023. – 480 с.

REFERENCES

1. Manova N.S. Pre-Trial and Trial Proceedings: The Essence and Problems of Differentiating Procedural Forms. *Saratov State Academy of Law Publ.*, 2003. 228 p.
2. Mirgorodskaya E.R. Judicial Procedure for Considering Complaints at the Stage of Initiating a Criminal Case. *Cand. Diss.* Chelyabinsk, 2025. 280 p.
3. Chikulina A.R. The Subject and Scope of Proof in Court Rulings on Motions for Pre-trial Detention. *Cand. Diss.* Chelyabinsk, 2025. 210 p.
4. Kovtun N.N., Yartsev R.V. Judicial Review of the Legality and Validity of Actions and Decisions of Officials Conducting Criminal Proceedings in Russia (Chapter 16 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). 2nd ed. *Volga-Vyatka Academy of Public Administration Publ.*, 2008. 210 p.
5. Chervotkin A.S. Interim Court Decisions and the Procedure for Their Review in Russian Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Moscow, 2013. 230 p.
6. Lukyanov S.S. Competence of the Court in the Exercise of Judicial Review at the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Saint Petersburg, 2025. 280 p.
7. Burmagin S.V. Judicial Proceedings and Decisions in the Criminal Justice System. *Moscow, Prospect Publ.*, 2021. 412 p.
8. Khmel'nitskaya T.V. Problems of Evidence Formation During Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case. *Cand. Diss.* Nizhny Novgorod, 2016. 212 p.
9. Rudakova S.V. Criminal Procedural Appeal and Its System in National Pre-Trial Proceedings. *Doct. Diss.* Krasnodar, 2023. 480 p.
10. Likhacheva E.Yu. The Role of Justice in Ensuring Law Enforcement in Pre-Trial Criminal Proceedings. *Cand. Diss. Thesis.* Saratov, 2005. 24 p.
11. Ovchinnikova E.A. Competence and Powers of the Court (Judge) in Russian Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Ulyanovsk, 2020. 210 p.

10. Лихачева Е.Ю. Правообеспечительная роль правосудия в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.Ю. Лихачева. – Саратов, 2005. – 24 с.

11. Овчинникова Е.А. Компетенция и полномочия суда (судьи) в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.А. Овчинникова. – Ульяновск, 2020. – 210 с.

12. Петрухин И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений / И.Л. Петрухин. – Москва : Норма, 2008. – 176 с.

13. Устинов А.А. Доказывание при рассмотрении судом материалов уголовного дела в ходе досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.А. Устинов. – Москва, 2022. – 220 с.

12. Petrukhin I.L. Judicial Power: Control Over the Investigation of Crimes. Moscow, Norma Publ., 2008. – 176 p.

13. Ustinov A.A. Proof in Court During Pre-Trial Review of Criminal Case Evidence. *Cand. Diss.* Moscow, 2022. 220 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кудрявцева Анна Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kudryavtseva Anna Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law.

Статья поступила в редакцию 29.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 20.01.2025.
The article was submitted 29.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 20.01.2025.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.8

Original article

ЛАТЫПОВ Вадим Сагитьянович
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Россия,
Vadi-Latypov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3166-8527>

LATYPOV Vadim Sagit'yanovich
Ufa Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia

АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ADVOCATORY INVESTIGATION IN MODERN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена наличием в современной российской уголовно-процессуальной системе внутреннего противоречия между формально закрепленным принципом состязательности и сохраняющейся следственной (розыскной) парадигмой. Цель исследования – выработка предложений по совершенствованию института адвокатского расследования. Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов, адаптированных к специфике процессуально-правового познания. Диалектический метод позволил раскрыть внутреннее противоречие между состязательной и розыскной идеологиями как источником развития института защиты. Формально-юридический метод был применен для анализа норм УПК РФ и федерального законодательства, выявления коллизий и пробелов в регулировании полномочий защитника. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления континентальной (следственной) и англо-американской (состязательной) моделей уголовного процесса с целью определения типологических границ реформирования. Историко-правовой метод применялся при ретроспективном анализе генезиса принципа состязательности и эволюции роли защитника в отечественном судопроизводстве, позволил выявить устойчивость следственной парадигмы. На их основе с помощью методов анализа и синтеза была структурирована проблематика адвокатского расследования, а метод правового моделирования применен для разработки концепции эволюционной конвергенции – перспективного пути совершенствования процессуального статуса защиты. Результаты: установлено, что адвокатское расследование в России не является самостоятельным видом процессуальной деятельности, а представляет собой комплекс тактических приемов в рамках оказания квалифицированной юридической помощи. Его возможности существенно ограничены системной доминантой

Abstract. The relevance of this research is due to the presence of an internal contradiction within the modern Russian criminal procedure system between the formally enshrined principle of adversarial proceedings and the persistent investigative (detective) paradigm. The purpose of the research is to develop proposals for improving the institution of advocacy investigation. The methodological framework of the study was based on a complex of general scientific and specific scientific methods, adapted to the specifics of procedural law cognition. The dialectical method revealed the internal contradiction between adversarial and investigative ideologies as a source to develop the defense institution. The formal legal method was applied to analyze the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and federal legislation, identifying conflicts and gaps in the regulation of the defender's powers. The comparative legal method was used to compare the continental (investigative) and Anglo-American (adversarial) models of criminal procedure in order to determine typological boundaries of reforming. The historical legal method, used for a retrospective analysis of the genesis of the adversarial principle and the defender's evolving role in national legal proceedings, enabled to identify the steadfastness of the investigative paradigm. On their basis, using methods of analysis and synthesis, the article structured the issues of advocacy investigation, and the method of legal modeling was applied to develop the concept of evolutionary convergence as a promising way for improving the procedural status of the defense. Results: The article establishes that advocacy investigation in Russia is not an independent type of procedural activity, but rather a complex of tactical methods within the framework of providing qualified legal assistance. Its capabilities are significantly limited by the systemic dominance of investigative principles at the pre-trial stage, the state prosecution monopoly on the

розыскных начал на досудебной стадии, монополий государственного обвинения на легитимацию доказательств и наличием этических коллизий. В качестве перспективного пути развития института, адекватного смешанному типу российского процесса, предложена концепция эволюционной конвергенции. Она включает законодательное закрепление расширенных полномочий защиты для дел определенных категорий, формализацию процедур, проводимых адвокатом, усиление реального судебного контроля на досудебной стадии и сбалансированное укрепление статуса потерпевшего.

Ключевые слова: адвокатское расследование, уголовный процесс, состязательность, розыскная модель, доказательства, защитник, процессуальные полномочия, судебный контроль, эволюционная конвергенция, процессуальное равенство

Для цитирования: Латыпов В.С. Адвокатское расследование в современном российском уголовном процессе / В.С. Латыпов. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 74–82.

legitimation of evidence, and the presence of ethical conflicts. The article puts forward the concept of evolutionary convergence as a promising direction for the institutional development, one that is appropriate for the mixed type of the Russian legal process. This concept encompasses the legislative entrenchment of expanded powers for the defense in specific categories of cases, the formalization of procedures carried out by the defender, the enhancement of real judicial review at the pre-trial stage, and a balanced strengthening of the victim's status.

Keywords: *advocatory investigation, criminal procedure, adversarial principle, investigative model, evidence, defender, procedural powers, judicial review, evolutionary convergence, procedural equality*

For citation: Latypov V.S. Advocatory Investigation in Modern Russian Criminal Procedure. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 74–82. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.8.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о возможности самостоятельного и эффективного формирования доказательственной базы защитником остается одним из дискуссионных в отечественной уголовно-процессуальной науке на протяжении последних трех десятилетий. Реформы начала 2000-х, закрепившие в ст. 15 УПК РФ принцип состязательности, дали надежду на превращение адвоката в равноправную сторону противостояния с обвинением, наделенную собственными следственными полномочиями. Однако, как справедливо отмечают Н.В. Азарёнок, А.А. Давлетов и А.В. Чарыков, эти ожидания столкнулись с континентальной (розыскной) парадигмой российского процесса, где предварительное расследование остается «властной деятельностью должностных лиц по собиранию доказательств» [1, с. 201]. Такое противоречие между декларируемой состязательностью и следственной реальностью создает системные ограничения для современного адвокатского расследования.

Анализ места адвокатского расследования требует учета не только формально-юридических коллизий, но и более глубокого идеоло-

гического конфликта [2, с. 35–36], пронизывающего современный российский уголовный процесс. В литературе справедливо отмечается, что уголовное судопроизводство России представляет собой поле методологического напряжения между состязательной идеологией, закрепленной в уголовно-процессуальном законе, и устойчивыми розыскными (инквизиционными) началами, исторически присущими континентальной модели [3, с. 294]. Этот конфликт проявляется не как простое противостояние принципов, а как столкновение разных философско-правовых подходов к цели процесса, роли государства и статусу личности. Идея «адвоката-стороны» с независимыми следственными полномочиями, является логическим следствием состязательной идеологии. Ее ограниченная реализация и критика [1, с. 202] отражают доминирование розыскной парадигмы, в которой центром досудебного производства остается фигура государственного обвинителя-следователя. Таким образом, проблема адвокатского расследования выступает своего рода индикатором и одновременно инструментом «борьбы» этих двух идеологий за доминирование в структуре уголовного процесса.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ АДВОКАТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СМЕШАННОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

После принятия УПК РФ в научной литературе сформировалась концепция так называемого параллельного, или адвокатского, расследования. Ее сторонники утверждают, что для обеспечения подлинной состязательности защитник должен быть наделен полномочиями, аналогичными следовательским, по самостоятельному собиранию доказательств с формированием «папки» стороны защиты [1, с. 199–200]. Логическим завершением этой идеи виделось создание института следственного судьи как арбитра на досудебных стадиях. Данный подход базируется на попытке трансплантации англо-американской модели, где, как отмечают Н.В. Азарёнок и соавторы, доказывание есть «формирование доказательств» сторонами в суде, а адвокат является именно стороной уголовно-правового спора [1, с. 200–201].

Однако, как показывает практика и анализ законодательства, концепция адвокатского расследования не получила системной реализации. УПК РФ, даже после внесенных изменений, предоставил защитнику лишь ограниченный набор действий: получение предметов и документов, опрос лиц с их согласия, привлечение специалиста (ч. 3 ст. 86 УПК РФ). При этом, как отмечается, имеются существенные терминологические противоречия между УПК РФ и Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: в то время как Кодекс говорит о «собрании доказательств», закон – о сборе «предметов и документов, которые могут быть признаны... доказательствами» [4, с. 140]. В правоприменительной же деятельности признание информации доказательством является прерогативой должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование или ведущих судебный процесс. Таким образом, следователь, как «хозяин дела», сохраняет монополию на легитимацию доказательств [1, с. 200].

Критики параллельного расследования (Н.В. Азарёнок, А.А. Давлетов и др.) указывают на его несоответствие историческому пути и типу российского процесса, называя мифом.

Они подчеркивают, что отечественный уголовный процесс относится к континентальному (реформированно-розыскному) типу, где доказывание на досудебных стадиях представляет собой «собрание» доказательств одним властным субъектом. В этой системе адвокат не сторона спора, а «лицо, оказывающее квалифицированную юридическую помощь» [1, с. 202]. Его задача заключается не в дублировании работы следователя, а в критическом анализе доказательств, собранных обвинением, инициативе проверки своей позиции путем заявления ходатайств и использовании предоставленных законом средств для выстраивания альтернативной версии событий.

Эволюция дискуссии об адвокатском расследовании неразрывно связана с диалектикой развития принципа состязательности в отечественном уголовном судопроизводстве. Как показывает историко-правовой анализ, состязательность в России прошла сложный путь от зачатков в «частно-состязательном» процессе Древней Руси (отраженном в Русской Правде и Псковской судной грамоте) через доминирование инквизиционного (розыскного) начала в XVII–XVIII вв. к попытке внедрения состязательной модели в рамках Судебной реформы 1864 г. [5, с. 96–98]. При этом в советский период, а также в ходе постсоветских реформ приоритет следственной парадигмы сохранился. Современное законодательство, нормативно закрепив принцип состязательности, оставило неразрешенным ключевое системное противоречие: провозглашение равенства сторон в суде при сохранении монополии государственного обвинения на формирование доказательственной базы на досудебных стадиях [6, с. 92]. Таким образом, концепция «адвоката-стороны», наделенного собственными следственными полномочиями, была внедрена в процессуальную систему, фундаментальные основы которой, базирующиеся на следственном типе производства, препятствуют укоренению подобных нововведений. Данное обстоятельство объясняет, почему радикальные модели адвокатского расследования не вышли за рамки теоретических исследований, на практике применяется лишь их ограниченный вариант, адаптированный к логике следственной модели.

Нормы действующего законодательства формируют сложный и внутренне противो-

речивый порядок деятельности защитника. Формально ему предоставлено право собирать доказательства (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), однако механизм придания им юридической силы несовершенен. Например, результаты опроса лица, проведенного адвокатом, не являются доказательствами, поскольку, согласно ст. 76–79 УПК РФ, показания даются только следователю или дознавателю. Заключение специалиста, привлекаемого стороной защиты, согласно п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, является доказательством, но отсутствие уголовной ответственности специалиста по ст. 307 УК РФ за заведомо ложное заключение подрывает его доказательственную силу. Хотя ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ запрещает отказывать в приобщении такого заключения, оговорка «если обстоятельства... имеют значение для дела» оставляет следователю широкий простор для усмотрения.

Несовершенство процедур легализации доказательств, собранных стороной защиты, представляет собой не случайный законодательный пробел, а системную характеристику реформированно-розыскной модели процесса. В его рамках монополия на легитимацию доказательственной информации принадлежит государственному органу, осуществляющему официальное расследование. Как отмечает Р.Р. Шайхулов, общие условия досудебного производства программируются принципами, характерными именно для розыскного типа [7, с. 41–42]. Следствием этого является то, что любые действия защитника по сбору сведений носят предварительный, вспомогательный характер и нуждаются в «санкционировании» со стороны следователя или суда через удовлетворение ходатайства. Такая конструкция сохраняет за обвинением роль «хозяина дела» в ходе досудебного производства, что принципиально отличает российскую модель от чисто состязательной, где стороны изначально равны в возможностях формирования своих доказательственных баз.

Отмеченные процессуальные коллизии усугубляются на фоне современных тенденций реформирования УПК РФ, которые, с одной стороны, декларируют гуманизацию и расширение гарантий, а с другой – зачастую усиливают асимметрию сторон. Так, тенденция к цифровизации процесса и внедрение новых средств доказывания (например, осо-

бенности изъятия электронных носителей – ст. 164.1 УПК РФ) по умолчанию ориентированы на сторону обвинения, обладающую техническими и экспертно-криминалистическими ресурсами [6, с. 92]. Расширение полномочий следователя по даче письменных поручений о проведении следственных действий с использованием видео-конференц-связи (п. 4.1 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) также осуществляется без адекватного расширения возможностей защиты инициировать аналогичные действия. Кроме того, развитие восстановительного правосудия и медиации, являясь одной из ключевых современных тенденций, хотя и открывает для защиты потенциально новые возможности, в настоящее время не обеспечено четкой процессуальной регламентацией в уголовном судопроизводстве. Это лишает адвоката конкретных инструментов для эффективного участия в соответствующих процедурах [6, с. 96]. Таким образом, общий вектор изменений УПК РФ, несмотря на отдельные позитивные шаги (например, закрепление принципа разумного срока), не меняет системного дисбаланса в возможностях по формированию доказательств.

Положение защиты в судебных стадиях также остается сложным. По сути, единственной надежной гарантией является право на обязательный допрос свидетеля, вызванного по инициативе защиты (ч. 4 ст. 271 УПК РФ). Однако, как отмечается в научной литературе, даже эта гарантия зачастую подвергается ограничительному толкованию в правоприменительной практике [1, с. 202]. Получается, защитник лишен инструментов, способных реально конкурировать с доказательственной базой обвинения, собранной в ходе властных следственных действий.

Существенной коллизией является этическое измерение деятельности защитника. В отличие от следователя, адвокат обязан защищать интересы доверителя, а не устанавливать объективную истину по делу (п. 3 ч. 4 ст. 6, п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Если в ходе своего «расследования» адвокат найдет неопровержимые доказательства вины подзащитного, он не вправе их предоставить, поскольку это противоречит его профессиональному долгу [4, с. 142].

Данное обстоятельство определяет принципиально иную этическую природу адвокатского расследования в сравнении с официальным предварительным следствием.

Необходимо подчеркнуть, что место и роль адвоката определяются типологией уголовного процесса. В рамках англо-американской (состязательной) модели доказывание представляет собой формирование доказательств сторонами непосредственно в судебном заседании, прежде всего посредством перекрестного допроса и представления альтернативных экспертных заключений [1, с. 201]. В этой системе адвокат выступает полноценной и равноправной стороной противостояния с обвинением. В континентальной (розыскной/следственной) модели, характерной для России, доказывание на досудебных стадиях представляет собой сбор доказательств властным субъектом – следователем, дознавателем. Суд в приговоре зачастую мотивирует выводы материалами, собранными следствием (ч. 2 ст. 240 УПК РФ). Адвокат в этой системе не сторона, а субъект, оказывающий квалифицированную юридическую помощь, чьи полномочия в доказывании ограничены правом на ходатайства.

Сравнительный анализ современных диссертационных исследований, посвященных процессуальному статусу адвоката-защитника, позволяет выделить два методологически противоположных подхода (В.А. Авдонин, А.В. Чарыков). Таким образом, в научном дискурсе предпринимается попытка формирования концепции «фактического бремени доказывания» для защитника. Данная концепция, однако, противоречит принципу презумпции невиновности и может привести к неформальному смещению обязанностей по доказыванию в правоприменительной деятельности [8, с. 16, 27].

Более системным представляется подход, основанный на признании континентальной природы российского процесса, где адвокат определяется не как сторона спора, а как субъект, оказывающий квалифицированную юридическую помощь в формах защиты, представительства и консультирования [9, с. 6–7]. Этот подход позволяет преодолеть искусственное противопоставление «состязательности» и «розыска» и намечает эволю-

ционный путь развития процессуальных форм участия защитника в доказывании. Это предполагает законодательное закрепление процедур сбора им информации и механизмов придания ей доказательственной силы [9, с. 7, 13]. Континентальная модель не является монолитной, в ее рамках возможна и необходима дифференциация процессуальной формы в зависимости от категории и сложности дела [10, с. 14].

Современные тенденции развития российского уголовного процесса, отмеченные исследователями, включают поиск путей упрощения и ускорения процедур при создании гарантий защиты [6, с. 92]. Это формирует методологические предпосылки для правомерного расширения активности адвоката при совершении отдельных процессуальных действий. Например, по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, где сильны тенденции к гуманизации и компромиссному разрешению конфликта, можно было бы предусмотреть расширенный перечень действий защитника, результаты которых имеют упрощенный, но гарантированный порядок приобщения к делу (например, заверенный адвокатом опрос лица, согласие которого зафиксировано). Это не было бы параллельным расследованием, а стало бы элементом дифференцированной, более гибкой процедуры, ориентированной на быстрое установление обстоятельств при активном участии сторон. Подобный подход соответствовал бы и обсуждаемой в науке идее введения категории уголовного проступка с особым порядком производства [6, с. 96].

Попытки механического внедрения элементов состязательности (как идея следственного судьи) без изменения типологической основы процесса являются, по мнению ряда ученых, революционными и чреваты непредсказуемыми последствиями [1, с. 202]. Они игнорируют эволюционный путь развития уголовно-процессуальной системы России.

Отечественный уголовный процесс действительно относится к смешанному типу. Однако, как верно подмечено в современной доктрине, он «смешанный, но не перемешанный» [3, с. 292]. Это означает, что состязательные и розыскные начала не растворяются друг в друге, а сосуществуют в рамках собственных ниш и технологий. Досудебному производству

преимущественно присущи розыскные начала, где доминирует идея инквизиционности как активной роли государства в установлении обстоятельств дела. Судебные стадии в большей степени открыты для состязательной идеологии. Роль адвоката методологически предопределена этой «нишевой» моделью: на досудебных стадиях он выступает не как равная сторона, а как субъект, оказывающий юридическую помощь, чья активность опосредована и ограничена розыскной логикой производства. Его полномочия по «собираанию доказательств» (ч. 3 ст. 86 УПК РФ) являются не самостоятельными следственными полномочиями, а правом на инициативу, адресованную носителю розыскной функции – следователю (дознавателю) или суду. Таким образом, попытки внедрения элементов параллельного расследования без трансформации данной типологической основы изначально лишены перспективы, поскольку они не учитывают системного доминирования розыскных начал в досудебном производстве.

В условиях ограниченных формальных полномочий эффективность защитника во многом определяется не столько его правом на «расследование», сколько умением выстроить грамотную линию защиты. Как отмечают А.И. Баянов, Ю.П. Гармаев и А.Д. Назаров, линия защиты – комплексное средство реализации позиции, состоящее из логической (стратегия и тактика) и действенной (процессуальные и иные действия) частей [11, с. 1196].

Следовательно, задача защитника на досудебной стадии состоит не в ведении параллельного расследования, а в решении комплекса стратегических и тактических задач: анализ защитительной ситуации, выявление нарушений прав подзащитного, инициатива сбора оправдательных и смягчающих вину доказательств путем заявления ходатайств, выстраивание взаимоотношений со стороной обвинения [11, с. 1197–1198]. Авторы выделяют такие виды линии защиты, как полное или частичное сотрудничество с обвинением и (редко) полный отказ от сотрудничества [11, с. 1201]. При этом они справедливо подчеркивают, что законная деятельность адвоката, создающая трудности для следствия, не должна рассматриваться как противодействие, которое криминалистика часто трак-

тует как негативный феномен. Напротив, в рамках закона адвокат и следователь должны быть союзниками в установлении всех обстоятельств дела, включая оправдывающие [11, с. 1199–1200].

Особую значимость в этой деятельности приобретают стиль и манеры поведения адвоката. Его стиль, подразумевающий вербальную культуру, навыки ведения диалога и аргументации, а также манеры (невербальное поведение) должны отвечать стандартам делового взаимодействия. Даже при обращении с ходатайствами и жалобами, которые, согласно данным опроса, 7 % адвокатов рассценивают как фактор, ухудшающий положение подзащитного, необходимо учитывать их тактическую обоснованность и потенциальную реакцию стороны обвинения [11, с. 1201]. Таким образом, эффективное адвокатское расследование в российских реалиях – это не симуляция работы следователя, а искусство максимально эффективного использования предоставленного законом инструментария в рамках выбранной стратегии защиты, где психологические и тактические навыки не менее важны, чем формальные права.

Анализ проблем адвокатского расследования был бы неполным без учета смежной проблемы – защиты интересов потерпевшего. Исследование А.Л. Агабекян показывает, что нарушения прав потерпевших носят системный характер: от неисполнения обязанности разъяснить права до неинформирования о движении дела на стадии исполнения приговора [12, с. 13]. При этом адвокат – представитель потерпевшего также сталкивается с ограничениями, например, с негласным запретом обсуждать в суде меру наказания, что, по мнению ряда ученых, несправедливо сужает его полномочия [12, с. 11].

Примечательно, что в дискуссиях о защите прав потерпевшего также ставится вопрос о расширении его процессуальных возможностей. Это направление развивается параллельно с полемикой о расширении полномочий стороны защиты. Однако статистические данные, приведенные А.Л. Агабекян, указывают на низкую их процессуальную активность: гражданский иск заявлялся лишь по 16 % изученных приговоров, причем в 70 % этих случаев – лично потерпевшим, без участия ад-

воката-представителя [12, с. 10]. Это указывает на общую проблему: слабость невластных участников процесса (как защиты, так и потерпевшего) перед системой, централизованной вокруг фигуры следователя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема ограниченности адвокатского расследования тесно переплетена с более широкой проблемой – обеспечения реального равенства процессуальных возможностей всех невластных участников судопроизводства. Как верно отмечается в научной литературе, принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) в уголовном процессе предполагает не только формальное равенство прав, но и создание условий для их реализации [13, с. 38]. Систематические нарушения прав потерпевшего, проявляющиеся в недостаточной его информированности и процессуальной пассивности [12, с. 13], представляют собой признак той же системной проблемы, что и ограниченные полномочия защиты. Эта проблема заключается в доминировании следственной деятельности и подходе, согласно которому иные участники процесса рассматриваются преимущественно как источники информации, а не как полноценные и активные субъекты доказывания. Поэтому усиление позиции защиты через развитие элементов состязательности должно идти параллельно с укреплением процессуального статуса потерпевшего. Только комплексный подход, направленный на сбалансированное усиление обеих сторон в противовес государственному обвинению, способен преодолеть унаследованную от инквизиционного процесса асимметрию и реализовать конституционный идеал состязательного правосудия.

Предлагаемый эволюционный путь конвергенции должен учитывать не только процедурные, но и идеологические аспекты [14] реформирования. Как отмечается в научной литературе, современный УПК РФ является воплощением либеральной состязательной идеологии, в то время как розыскные начала оказались нормативно «вытеснены» в сферу оперативно-розыскной деятельности и не нашли прямого признания в принципах процесса [2; 3]. Подобное положение формирует внутренний дисбаланс.

Эффективное реформирование института адвокатского расследования видится в русле концепции сбалансированного сочетания процессуальных начал, которая предполагает:

1) символическое признание в законе (например, в преамбуле или ст. 6 УПК РФ), что установление объективной (материальной) истины является одним из назначений уголовного судопроизводства, что соответствует ожиданиям практиков и исторически присущее розыскной идее;

2) четкое законодательное разграничение сфер применения розыскных и состязательных процедур. В области досудебного производства, где преобладают розыскные начала, ключевым направлением должно стать не механическое расширение полномочий адвоката, а развитие института судебного контроля (ст. 125 УПК РФ) в качестве инструмента состязательного противодействия. Суд призван выступать активным арбитром, уполномоченным рассматривать не только жалобы на действия следователя, но и ходатайства защиты о производстве следственных действий, тем самым гарантируя равенство сторон в доступе к доказательствам;

3) создание законодательно закрепленных процедурных режимов с элементами состязательности для дел отдельных категорий, в рамках которых защитнику предоставляются четко регламентированные полномочия по сбору и фиксации доказательств. Это будет не параллельное расследование, а легализованная процедура участия защиты в доказывании в рамках специальной, более гибкой процедуры, что соответствует общей тенденции к дифференциации процесса.

Подобный подход создаст условия для формирования сбалансированной модели, в которой состязательные и розыскные начала, не вступая в непреодолимое противоречие, будут реализовывать свои функции в четко установленных законодательством пределах. В результате адвокатское расследование приобретет конкретную и действенную процессуальную форму, соответствующую смешанному типу российского уголовного судопроизводства.

Адвокатское расследование в современном российском уголовном судопроизводстве представляет собой не самостоятельный вид процессуальной деятельности,

а совокупность тактических приемов в рамках оказания квалифицированной юридической помощи. Эти приемы органично встроены в структуру реформированно-розыскной модели процесса. При этом его совершенствование требует не революционной смены парадигмы, а эволюционной конвергенции через следующие меры:

1) законодательное закрепление для дел определенных категорий (преступления небольшой/средней тяжести, дела частного обвинения) расширенных полномочий защитника по сбору и фиксации информации с приданием результатам этой деятельности предварительной силы доказательства, подлежащего проверке в суде;

2) разработка и включение в УПК РФ главы, регламентирующей процедуры, проводимые защитником (опрос, получение объяснений, истребование документов) по аналогии со следственными действиями, но с учетом их частно-искового характера и этических ограничений;

3) любое расширение прав защиты должно сочетаться с адекватным усилением гарантий для потерпевшего и развитием институтов восстановительного правосудия (медиации), что в комплексе будет способствовать реализации принципа равенства сторон (ст. 244 УПК РФ) в его материальном, а не формальном смысле;

4) стимулирование практики реального судебного контроля на досудебной стадии (ст. 125 УПК РФ), где суд мог бы рассматривать не только жалобы на действия следователя, но и ходатайства защиты об истребовании доказательств, обеспечении участия специалиста и т. д.

Только такой комплексный, учитывающий исторический контекст [15], современные тенденции реформы и системные взаимосвязи между участниками процесса [16] подход позволит двигаться в направлении подлинной состязательности, не разрушая при этом устоявшихся и эффективных элементов отечественной следственной модели.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азарёнок Н.В. Обусловленность места и роли адвоката-защитника типу уголовного производства / Н.В. Азарёнок, А.А. Давлетов, А.В. Чарыков // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 494. – С. 198–204.
2. Конев А.Н. Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России : монография / А.Н. Конев. – Москва : Проспект, 2021. – 416 с.
3. Шуров А.Ю. Новый взгляд на противоречие между состязательностью и розыском / А.Ю. Шуров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – № 2 (70). – С. 294–296.
4. Собянин И.Ф. Проблематика адвокатского расследования в уголовном процессе / И.Ф. Собянин // Современные вызовы и перспективы развития молодежной науки : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 16 декабря 2020 г. – Петрозаводск, 2020. – С. 139–143.
5. Исмаилов Д.А. Исторический аспект развития и становления принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве России / Д.А. Исмаилов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – № 2 (108). – С. 94–102.
6. Ендольцева А.В. Основные тенденции развития общих положений современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации / А.В. Ендольцева, Н.В. Григорьева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – № 1 (107). – С. 91–98.

REFERENCES

1. Azarenok N.V., Davletov A.A. & Charykov A.V. Conditionality of a Defense Lawyer's Place and Role by the Type of Criminal Proceedings. *Tomsk State University Journal*, 2023, no. 494, pp. 198–204. (In Russian).
2. Konev A.N. Ideological Foundations of Modern Criminal Procedure in Russia. Moscow, Prospect Publ., 2021. 416 p.
3. Shurov A.Yu. A New Look at the Contradiction Between Adversarialism and Search. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 294–296. (In Russian).
4. Sobyenin I.F. Problems of Attorney Investigation in Criminal Proceedings. *Modern Challenges and Prospects for the Development of Youth Science. Collection of Articles from the 2nd International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, December 16, 2020. Petrozavodsk*, 2020, pp. 139–143. (In Russian).
5. Ismailov D.A. The Historical Aspect of the Development and Formation of the Principle of Adversarial Parties in Criminal Proceedings in Russia. *Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (108), pp. 94–102. (In Russian).
6. Endoltceva A.V., Grigoryeva N.V. The Main Trends in the Development of General Provisions of Modern Criminal Procedure Legislation of the Russian Federation. *Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 1 (107), pp. 91–98. (In Russian).

7. Шайхулов Р.Р. Общие (принципиальные) условия досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р.Р. Шайхулов. – Нижний Новгород, 2007. – 176 с.
8. Авдонин В.А. Процессуальные проблемы реализации бремени доказывания при осуществлении адвокатом защиты по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / В.А. Авдонин. – Екатеринбург, 2025. – 36 с.
9. Чарыков А.В. Адвокат в исторической форме российского уголовного процесса: назначение, полномочия, направления деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.В. Чарыков. – Екатеринбург, 2025. – 15 с.
10. Рустамов Х.У. Дифференциация форм уголовного процесса: современные тенденции и проблемы совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Х.У. Рустамов. – Москва, 1998. – 40 с.
11. Баянов А.И. Линия защиты – средство реализации позиции защиты в досудебном производстве по уголовному делу / А.И. Баянов, Ю.П. Гармаев, А.Д. Назаров // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2022. – Т. 15, № 8. – С. 1194–1203.
12. Агабекян А.Л. Защита интересов потерпевшего: нарративный контекст / А.Л. Агабекян // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2025. – № 55. – С. 5–16.
13. Асадуллина А.А. Принцип равенства всех перед законом и судом: проблемы и гарантии в уголовном судопроизводстве / А.А. Асадуллина // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2025. – № 3 (23). – С. 36–42.
14. Каримова Г.Ю. Духовно-нравственные начала как один из основных компонентов идеологических основ построения уголовного судопроизводства / Г.Ю. Каримова // Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, проводимых в Уфимском юридическом институте МВД России в 2025 году. – Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2025. – С. 375–377.
15. Давлетов А.А. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития : монография / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2023. – 528 с.
16. Давлетов А.А. УПК РФ: 20 лет безуспешных попыток превратить адвоката-защитника в равноправную сторону уголовно-процессуального состязания / А.А. Давлетов // 20 лет действия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы : тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (Омск, 26–28 мая 2022 г.). – Омск : Омская академия МВД России, 2022. – С. 14–18.
7. Shaikhulov R.R. General (Fundamental) Conditions of Pre-Trial Proceedings. *Cand. Diss.* Nizhny Novgorod, 2007. 176 p.
8. Avdonin V.A. Procedural Problems of Implementing the Burden of Proof in the Defense of a Criminal Case by a Lawyer. *Cand. Diss. Thesis.* Yekaterinburg, 2025. 36 p.
9. Charykov A.V. Lawyer in the Historical Form of Russian Criminal Procedure: Appointment, Powers, Areas of Activity. *Cand. Diss. Thesis.* Yekaterinburg, 2025. 15 p.
10. Rustamov H.U. Differentiation of Forms of Criminal Procedure: Current Trends and Problems of Improvement. *Doct. Diss. Thesis.* Moscow, 1998. 40 p.
11. Bayanov A.I., Garmaev Yu.P., Nazarov A.D. The Line of Defense Is a Means of Enforcement of the Position of the Defense in Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2022, vol. 15, no. 8, pp. 1194–1203. (In Russian).
12. Agabekyan A.L. Victim Advocacy: The Narrative Context. *Tomsk State University Journal of Law*, 2025, no. 55, pp. 5–16. (In Russian).
13. Asadullina A.A. The Principle of Equality of All Before the Law and the Court: Problems and Guarantees in Criminal Proceedings. *Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective*, 2025, no. 3 (23), pp. 36–42. (In Russian).
14. Karimova G.Yu. Spiritual and Moral Principles as One of the Main Components of the Ideological Foundations of Structuring Criminal Proceedings. *Collection of Scientific Papers Based on the Results of Scientific and Presentational Events Held at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2025.* Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2025, pp. 375–377. (In Russian).
15. Davletov A.A., Azarenok N.V. Criminal Procedure in Russia: Historical Roots, Current State, Prospects for Evolutionary Development. *Ural State Law University named after V.F. Yakovlev Publ.*, 2023. 528 p.
16. Davletov A.A. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: 20 Years of Unsuccessful Attempts to Turn a Defense Attorney into an Equal Party in Criminal Proceedings. *20 Years of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Lessons and Prospects: Abstracts of Reports and Announcements from the International Scientific and Practical Conference (Omsk, May 26–28, 2022).* Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2022, pp. 14–18. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Latypov Vadim Sagit'yanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure.

Статья поступила в редакцию 29.11.2025; одобрена после рецензирования 09.01.2026; принята к публикации 12.01.2026.
The article was submitted 29.11.2025; approved after reviewing 09.01.2026; accepted for publication 12.01.2026.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.9

Original article

НАСОНОВ Сергей Александрович
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия,
sergei-nasonov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2433-9426>

NASONOV Sergey Aleksandrovich
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

THE NATIONAL IDENTITY OF THE RUSSIAN MODEL OF JURY TRIAL PROCEEDINGS

Аннотация. В научной литературе продолжается активная дискуссия о национальной идентичности российского суда с участием присяжных заседателей, результаты которой имеют большое значение для оценки перспектив развития этого производства. Отрицание этой идентичности – популярное направление критики российского суда присяжных. Цель исследования: определение соответствия российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей критериям национальной идентичности уголовного судопроизводства. Методы: комплексный историко-правовой, при помощи которого были изучены формы участия представителей общества в уголовном правосудии в различные периоды развития уголовно-процессуального законодательства России. Использованы также формально-юридический (догматический) и сравнительно-правовой методы, посредством которых определялась морфологическая принадлежность российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей. Результаты: для определения национальной идентичности российской модели производства в суде с участием присяжных исследованы: ее генезис, морфологическая типовая принадлежность, соответствие национальному менталитету российского общества; определены критерии национальной идентичности уголовного судопроизводства. Сделан вывод, что российская модель производства в суде с участием присяжных заседателей соответствует этим критериям. При этом она относится к комбинированному морфологическому типу такого производства, гармонично сочетая некоторые признаки, присущие другим морфологическим типовым моделям.

Abstract. The academic literature continues to feature an active discussion on the national identity of the Russian jury trial, the results of which are of great importance for assessing the prospects for the development of this procedure. The denial of this identity is a popular direction of criticism of the Russian jury trial. The purpose of the study is to assess the compliance of the Russian model of jury trial proceedings with the criteria defining the national identity of criminal justice. Methods: A comprehensive historical and legal method is employed to study the forms of public participation in criminal justice during various periods of the development of Russian criminal procedure legislation. Additionally, formal legal (dogmatic) and comparative legal methods are used to determine the morphological affiliation of the Russian model of jury trials. The study identifies the national identity of the Russian model of jury trial proceedings by tracing its genesis, classifying its morphological type, and assessing its alignment with the national mentality of Russian society. It also establishes criteria for the national identity of criminal proceedings. The article concludes that the Russian model of jury trial proceedings meets these criteria. Furthermore, it belongs to the combined morphological type of such proceedings, harmoniously blending certain features inherent in other morphological typical models.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжный заседатель, национальная идентичность, российская модель суда присяжных, менталитет российского общества, вердикт присяжных

Для цитирования: Насонов С.А. Национальная идентичность российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей / С.А. Насонов. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 83–91.

Keywords: jury trial, juror, national identity, Russian model of jury trial, mentality of Russian society, jury verdict

For citation: Nasonov S.A. The National Identity of the Russian Model of Jury Trial Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 83–91. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.9.

ВВЕДЕНИЕ: КРИТЕРИИ НАЦИОНАЛЬНО ИДЕНТИЧНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Прежде чем рассматривать национальную идентичность отечественного производства в суде с участием присяжных заседателей, необходимо систематизировать терминологические подходы к характеристике национально-го (национально идентичного) типа процесса, предложенные в научной литературе. Спектр точек зрения на национальную идентичность того или иного типа процесса и составляющих его институтов, высказанных в литературе с позапрошлого столетия до настоящего времени, чрезвычайно широк. Это разнообразие позиций позволяет выделить критерии такой идентичности, которым различные авторы придают определяющее значение среди остальных признаков национальной идентичности как уголовного процесса в целом, так и отдельных его производств.

Одним из критериев национальной идентичности выступает генезис модели национального уголовного судопроизводства. Все национальные типы уголовного процесса могут быть разделены на имеющие естественно-историческое происхождение и заимствованные. Очевидно, что если национальная модель уголовного судопроизводства является результатом эволюции в пределах одной национальной правовой системы или имеет корни в отечественной истории процесса, это создает более весомые предпосылки для утверждения о ее национальной идентичности. Напротив, если модель процесса была

заимствована в ходе реформирования законодательства, для утверждения о ее национальной идентичности требуется дополнительное обоснование. Указанный критерий может быть использован для оценки национальной идентичности российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей.

Другой критерий национально идентичного уголовного судопроизводства – его принадлежность к определенному морфологическому типу процесса. Этот критерий определяется путем использования метода морфологической типологизации, сущность которой изложена в монографии А.В. Смирнова «Модели уголовного процесса». Данный методологический подход предполагает выявление некоего «архетипа» определенного правового явления, качества которого выступают формирующим фактором, детерминируют сходные признаки всех его разнообразных проявлений [1, с. 13]. Указанный прообраз «...служит как бы исходной точкой, образцом для выработки производных форм, составляющих все многообразие реальных проявлений исследуемого феномена» [1, с. 13]. Используя такой методологический подход, А.В. Смирнов выделяет морфологические типы уголовного процесса, объясняя первопричину их процедурных различий.

В современной российской процессуальной литературе наиболее распространенной является морфологическая типологизация моделей уголовного судопроизводства, основанная на разграничении англосаксонского и романо-германского типов процесса. Как справедливо отмечает Н.Г. Стойко, данная типология – проявление традиционного функционального подхода, который выражается

в оценке соотношения функций обвинения, защиты и правосудия с использованием конструкций «розыска» и «состязательности» как чисто теоретических инструментов анализа реальных форм судопроизводства [2, с. 42]. Автор подчеркивает, что отличительными чертами англосаксонского типа процесса в контексте рассматриваемой типологии являются его выраженная «процедурность» – использование состязательного метода, следственная активность сторон при пассивном суде, их не связанность необходимостью установления истины, самостоятельность обвиняемого, его способность независимо ни от кого решать вопрос о своей виновности (путем признания вины исключить официальное исследование предъявленного обвинения) [2, с. 43]. Романо-германский процесс отличается «следственным началом» – использованием научного метода исследования обстоятельств дела, активностью суда при относительной пассивности сторон, возложением на суд обязанности по установлению истины, зависимостью обвиняемого от органов уголовной юстиции в решении вопроса о его виновности [2, с. 43]. Очевидно, что и этот критерий может быть использован для определения национальной идентичности российского суда присяжных.

Наконец, еще к одному критерию национальной идентичности уголовного судопроизводства в научной литературе относят его связь с национальным менталитетом общества. Как отмечает А.С. Барабаш, «законодатель, создающий и совершенствующий право, обязан учитывать особенности менталитета своего народонаселения и предлагать ему законы, отвечающие психотипу нации и умонастроению ее представителей» [3, с. 5]. При этом, по мнению указанного автора, менталитет российской нации формировался под влиянием четырех факторов: «а) географического; б) религиозного; в) отношения государства и личности; г) роли права в обществе. Совокупность этих факторов обусловила особый – "евразийский" тип менталитета России, качественно отличающийся от "западного" типа. Поэтому те или иные инородные модели права, привнесенные в российскую действительность, отторгаются нашим мента-

литетом как чуждые, неприемлемые» [3, с. 6]. Представляется необходимым оценить национальную идентичность российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей через призму и этого критерия.

Взгляды на национальную идентичность российской модели производства в суде присяжных в контексте ее генезиса

Вопрос о национальной идентичности российского суда присяжных в контексте генезиса этого института впервые был поднят в дореволюционной уголовно-процессуальной литературе, где взгляды по этому предмету существенно разнились.

Так, по мнению Н.Д. Сергеевского, отечественный «...суд присяжных не является ни плодом исторической жизни русского народа, ни результатом борьбы народа с правительством; он есть нововведение, подражание, он... дан Монаршей волей... с единственной целью улучшить правосудие, введя в него живой, народный элемент как необходимое условие правильной уголовной юрисдикции» [цит. по: 4, с. 212].

Противоположную позицию занимал Н.Н. Розин, который видел концепт этого производства во всей истории развития российского правосудия: «Если даже не упоминать о 12 послуках Русской Правды, – наши обыскные люди, губные старосты и целовальники Московской Руси, весь строй судебных инстанций Екатерининской эпохи – все это плод единого национального русского начала, требующего близости суда к народу и вершения его самим народом. Суд присяжных, введенный Суд. Уставами, дал этому началу лишь более глубокое и полное проявление; в новых условиях общественной жизни, соответственно росту общественного самосознания – он лишь разумнее и целесообразнее выразил старый русский уклад. Вводя, таким образом, суд присяжных, составители Суд. Уставов не совершали никакого заимствования: они оставались верны нашей вековой судебной традиции» [5, с. 18].

И.Г. Щегловитов, не отвергая оба названных подхода, полагал, что суд присяжных из-

начально был заимствован, но со временем приобрел «характер национального учреждения» [6, с. 32].

Оценивая эти позиции и тождественные им взгляды в современной научной литературе, отметим, что классическая юридическая конструкция производства в суде присяжных, для которой характерны определенные субстанциальные и субсидиарные признаки, не была известна российскому законодательству до Судебной реформы 1864 г. В этом смысле, если рассуждать обо всех элементах этой юридической конструкции, следует согласиться с мнением Н.Д. Сергеевского. Российская модель суда присяжных возникла не в результате эволюции того или иного производства, существовавшего в отечественном уголовном судопроизводстве, а в результате воздействия на него путем реформирования и введения этой формы рассмотрения уголовных дел. Вместе с тем сама эта форма была введена на основе многовековой традиции российского уголовного судопроизводства – привлечения представителей общества к участию в осуществлении правосудия, о чем справедливо говорил Н.Н. Розин.

Необходимо отметить, что в истории отечественного правосудия среди моделей уголовного судопроизводства с привлечением представителей общества были очень схожие с судом присяжных по его ключевому признаку – разрешению дела присяжными заседателями на основе совести и сложившихся в обществе представлений о справедливости – модели. Так, например, во время правления Екатерины II был создан совестный суд, введенный Учреждениями для управления губерниями 1775 г. При осуществлении правосудия он должен был разрешать дело не только на основании закона, но прежде всего на основании совести, человеколюбия, «почтения к ближнему как к человеку», «отвращения от угнетения или притеснения» (ст. 397 Учреждений). Согласно ст. 399 Учреждений к подсудности совестного суда относились дела, для разрешения которых совесть и моральные принципы играли ключевую роль: «дела, касающиеся до таковых преступников, кои иногда по несчастливому какому ни на есть приключению, либо по стечению различных обстоятельств впади в прегрешения, судьбу их отягчающих

выше мер ими содеянного»; преступления, совершенные безумными; преступления, совершенные малолетними; дела о колдовстве. Состав совестных судов определялся ст. 396 Учреждений: судья, два дворянина, два горожанина (купца или мещанина) и два крестьянина [цит. по: 7, с. 350]. Конечно, совестный суд по своей конструкции являлся разновидностью шеффенского суда, но ориентация на совесть, жизненный опыт, сложившиеся в обществе представления о справедливости делают его (в рассматриваемом аспекте) предвестником суда присяжных.

Верным представляется и утверждение И.Г. Щегловитова о влиянии длительности функционирования того или иного уголовно-процессуального института на приобретение им черт «национального учреждения». За 51 год практической деятельности в дореволюционный период (1866–1917) и за 33 года деятельности в современной России (1993–2026) российский суд присяжных в полной мере стал национальным институтом. Далеко не каждое производство современного уголовного процесса имеет такую длительную историю существования, как производство в суде присяжных. Придание суду присяжных конституционно-правового статуса явилось высшей формой его правовой институционализации, подчеркивающей особое место этого производства в уголовно-процессуальной системе России. Конституционный Суд РФ многократно признавал процедуру рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей не только гарантией права обвиняемого на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ), но и права граждан на участие в отправлении правосудия (ч. 1 и 5 ст. 32 Конституции РФ). За все эти годы в суде с участием присяжных заседателей была наработана обширнейшая практика, сформировались устойчивые подходы к толкованию соответствующих норм процессуального права, отраженные в решениях высших судебных органов, а также научные школы, занимающиеся исследованием особенностей этого производства.

Таким образом, в контексте генезиса российской модели производства в суде присяжных ее в полной мере можно считать отвечающей признакам национальной идентичности.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В КОНТЕКСТЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ЭТОГО ПРОИЗВОДСТВА

Российская модель производства в суде с участием присяжных заседателей, созданная в ходе Судебной реформы 1864 г. (возрожденная в 1993 г.), не стала прототипом (копией) англо-американской или континентальной моделей этого производства, а характеризовалась особым подходом к объективированию ключевых характеристик производства в суде присяжных, что позволяет отнести ее к отдельному морфологическому типу – комбинированной модели рассматриваемого производства. Этот особый подход представлял собой синтез ряда специфических свойств, присущих как англо-американскому, так и континентальному вариантам рассматриваемого производства, проявляющихся в особенной структуре судебного разбирательства, в особенных качествах процедуры судебного разбирательства и специфике выносимых итоговых процессуальных решений. Такое специфическое сочетание обусловило как сходство комбинированной морфологической модели с исходными моделями, так и отличия от них.

Синтез подходов, характерных для исходных морфологических моделей, проявился прежде всего в концепции разграничения полномочий и уровне консолидации между присяжными заседателями и коллегией профессиональных судей в законодательстве и судебной практике комбинированной модели рассматриваемого производства. Этой концепции была присуща определенная двойственность. С одной стороны, законодатель утверждал, что разрешение всего того, что относится к фактической стороне дела, принадлежит исключительно присяжным, что присяжные заседатели входят в состав суда единственно для разрешения фактической стороны дела, не касаясь вопросов права уголовного или гражданского, и что они должны разрешить только вопросы о том, совершил ли подсудимый известное деяние, послужившее основанием к обвинению его,

и должно ли оно быть вменено ему в вину [8, с. 5]. В этом подходе отражалась концепция, присущая континентальной модели рассматриваемого производства.

С другой стороны, в своей практике Сенат относил к фактической стороне дела, подлежащей установлению присяжными, обстоятельства, не существующие исключительно в фактической реальности. Например, «...определение того, какого свойства была рана, т. е. тяжелая или легкая, были ли нанесены побои тяжкие и представляли ли они опасность для жизни побитого; представляли ли опасность для жизни и здоровья насильственные действия, коими сопровождалось нападение; принадлежат ли увечья к более или менее тяжким, заведомо ли фальшивы кредитные билеты, в сбыте которых подсудимый обвиняется; мог ли подсудимый орудием, бывшим у него при краже, нанести смерть или увечье; был ли подсудимый лицом, которому имущество церковное вверялось на хранение...» [8, с. 5]. По этому поводу М. Селитренников справедливо отмечал, что в этих признаках содержатся не голые факты, а их оценка в выражениях закона [8, с. 6].

Таким образом, несмотря на декларирование концепции «разделения права и факта» применительно к разграничению компетенции между профессиональными судьями и присяжными заседателями, комбинированная модель в судебной практике в большей степени следовала концепции «виновности и наказания», характерной для англо-американской морфологической модели присяжного производства.

Подобная уникальная «двойственность», представляющая собой оригинальное и гармоничное соединение признаков, присущих англо-американской и континентальной моделям производства в суде присяжных, проявлялась и в других элементах комбинированной модели рассматриваемого производства.

Так, например, структурной особенностью комбинированной модели производства стало наличие этапа постановки вопросов присяжным и составление подробного вопросного листа, характерных для континентальной модели такого производства. Вместе с тем ст. 754 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) предусматривала возможность постанов-

ки совокупного (единого) вопроса о виновности подсудимого, когда никем не возбуждено сомнения ни в том, что событие преступления действительно совершилось, ни в том, что оно должно быть вменено подсудимому в вину, если признано будет его деянием¹ [9]. Очевидно, что возможность постановки единого вопроса (пусть даже с указанной оговоркой) – характерное проявление англо-американской морфологической модели. Подобный синтез институтов, присущих различающимся историческим моделям, не породил никакого противоречия в процедуре комбинированной модели, поскольку постановка единого вопроса присяжным была обусловлена отсутствием уголовно-правового спора между защитой и обвинением по ряду существенных элементов предмета доказывания. В такой ситуации постановка единого вопроса лишь способствовала ориентации присяжных заседателей на ту часть обстоятельств дела, по поводу которых спорили стороны, то есть обеспечивала эффективное выполнение ими своей процессуальной миссии.

Существенной структурной особенностью комбинированной морфологической модели производства в суде присяжных по УУС стало наличие этапа развернутого и подробного напутственного слова председательствующего, что не было характерно для континентальной модели. Существенными отличиями напутственного слова в комбинированной модели от англо-американского производства стали запрет председательствующему высказывать собственное мнение о вине или невиновности подсудимого, а также определение объема напоминаемых присяжным заседателям доказательств самим председательствующим [9, с. 130–135].

Невозможность достижения в комбинированной модели такого же уровня консолидации между профессиональным и непрофессиональным составами суда, как в англо-американской, обусловило отсутствие у профессионального состава суда (и суда вто-

рой инстанции) полномочия аннулировать или субституировать вердикт присяжных. Коллизия между внутренним убеждением председательствующего (или коллегии профессиональных судей) и присяжных заседателей по вопросу о виновности подсудимого разрешалась путем использования юридической фикции – ретроактивного роспуска коллегии присяжных, что влекло передачу дела на новое рассмотрение [9, с. 137].

Все ключевые особенности комбинированной модели производства в суде присяжных по УУС были заимствованы в современном российском производстве с участием присяжных заседателей, что позволяет сделать вывод о типологическом тождестве этих моделей производства в суде присяжных. Таким образом, в контексте морфологической типологии этого производства российская модель производства в суде присяжных является национально идентичной.

СООТВЕТСТВИЕ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ НАЦИОНАЛЬНОМУ МЕНТАЛИТЕТУ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Несмотря на всю дискуссионность вопроса о содержании национального менталитета российского общества [10; 11], общепризнанным является подход, согласно которому российскому менталитету присущи такие черты, как коллективизм, общинность, стремление к справедливости (правде), милосердие и т. д. Очевидно, что эти черты в полной мере соотносятся с сущностными признаками суда с участием присяжных заседателей, который предполагает коллективное (коллегиальное) участие в рассмотрении уголовного дела, совместное обсуждение и вынесение вердикта в совещательной комнате.

Именно суд присяжных, как справедливо отмечал М.В. Духовской, способен обеспечить справедливость приговора суда: «Народные представители привлекаются на суд прежде всего потому, что участие их дает возможность справедливее и полнее разрешить вопрос о виновности. Присутствие их помогает составить приговор, более согласный с внутренней справедливостью и с требованиями жизни» [12, с. 84].

¹ Шрамченко М.П., Ширков В.П. Устав уголовного судопроизводства. С позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра юстиции. 6-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. С. 739–740.

Схожую позицию занимал Н.Д. Сергеевский, который рассматривал суд присяжных как «выразитель народного правосознания». Автор подчеркивал, что уголовные законы, противоречащие сложившимся в обществе представлениям о справедливости, не будут применяться, так как веления, ими налагаемые, не вытекают из потребностей жизни, не понятны для граждан, а поэтому не могут служить основанием для уголовной ответственности [цит. по: 4, с. 215].

Наконец, возможность вынести нуллифицирующий вердикт, полностью освобождающий лицо от уголовной ответственности за совершенное деяние (вне рамок установленных УК РФ оснований для такого освобождения), право признать подсудимого заслуживающим снисхождения позволяют присяжным заседателям проявить милосердие к подсудимому, что вполне соотносится с характерными чертами национального менталитета.

Необходимо отметить, что в работах, посвященных исследованию национальной идентичности российского уголовного судопроизводства, подчеркивается взаимосвязь российского национального менталитета и производства в суде с участием присяжных заседателей. Так, например, в диссертационном исследовании А.С. Барабаша не только не отрицается соответствие рассматриваемого производства российскому национальному менталитету, но даже предлагается расширить предметную подсудность суда присяжных [13, с. 9].

Таким образом, концепт производства в суде присяжных вполне соответствует национальному менталитету российского общества, то есть является национально идентичным.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В АСПЕКТЕ ЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Представляется, что дальнейшее развитие российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей должно не только обеспечивать неизменность его национальной идентичности, но и в этих пределах

эффективно отвечать на вызовы современности (например, проблемы, обусловленные цифровизацией общества и государства, и т. д.).

Так, например, развитие цифровых технологий изменило традиционную концепцию обеспечения независимости и беспристрастности присяжных заседателей в целом: если раньше такое обеспечение фокусировалось на процедуре отбора, то в настоящий момент основная задача состоит в усилении гарантий независимости и беспристрастности коллегии на протяжении всего судебного процесса. И здесь в действующем законодательстве имеется очевидный пробел. Например, оно никак не регулирует «цифровое наблюдение» за присяжными заседателями, что влечет активное развитие практики собирания сторонами сведений о них в интернете. На наш взгляд, необходимо создать комплексное регулирование «цифрового наблюдения» за присяжными заседателями, определив допустимые пределы сбора информации, его формы и временные рамки, сроки представления суду его результатов (с целью нейтрализации недобросовестного поведения, при котором сторона будет утаивать обнаруженную информацию и представлять ее лишь в случае несогласия с вердиктом присяжных и приговором суда) и т. д. Подобная модернизация адаптирует это производство к современным реалиям.

Необходимость обеспечения национальной идентичности российского производства в суде присяжных требует и определенных корректив складывающейся судебной практики. Так, на всем протяжении деятельности суда присяжных в России перед присяжными ставились вопросы о намерениях и цели подсудимого при совершении им тех или иных деяний. Сам Верховный Суд РФ неоднократно говорил, что «...намерение (цель) лишения жизни относится к фактическим обстоятельствам дела и в соответствии со ст. 334 УПК РФ ее установление входит в компетенцию присяжных заседателей, а не председательствующего судьи»².

² См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.08.2022 № 8-УД22-8СП-А1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако в кассационном определении от 25 января 2024 г. № 41-УД23-33СП-К4 по делу А. Верховный Суд РФ резко изменил свой подход. Он пришел к выводу, что по смыслу закона, если подсудимый не высказывал свои мысли, намерения, то вопрос, о чем именно он думал и какими намерениями руководствовался, не может быть поставлен присяжным заседателям. В определении отмечается, что «к фактическим обстоятельствам уголовного дела относятся событие, результат, иные реальные обстоятельства, связанные с участием лица в совершении инкриминированного ему деяния. Иными словами, факт – это то, что действительно, реально произошло или существует; именно этим факты отличаются от абстрактных понятий, мыслей и желаний человека»³. На основе такого подхода был сформулирован вывод, что вопрос о намерениях является правовым, для его установления требуются юридические познания, поэтому он не может быть поставлен перед присяжными заседателями в вопросном листе.

Помимо очевидной дискуссионности такого толкования ст. 334 УПК РФ⁴, этот подход превращает присяжных исключительно в «судей фактов», то есть воспроизводит концепт континентальной морфологической модели производства в суде присяжных. Между тем российская модель, как уже отмечалось, является комбинированной. Представляется, что этот подход должен быть изменен в судебной практике. Сохранение типологической принадлежности российского производства в суде присяжных – залог его национальной идентичности.

3 См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.01.2024 № 41-УД23-33СП-К4 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 Статьи 334, 335, 336 и т. д. УПК РФ не запрещают исследовать перед присяжными намерения подсудимого, и стороны активно спорят по этому поводу. Получается абсурдная картина: в присутствии присяжных заседателей подсудимый вправе давать показания о намерениях, стороны могут спорить об этом, выступая с речами в прениях, но в вопросный лист «намерения» включать не могут, так как это сугубо правовой термин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская модель производства в суде с участием присяжных заседателей соответствует критериям национальной идентичности. Несмотря на то что классическая юридическая конструкция производства в суде присяжных не была известна российскому законодательству на всем протяжении его развития до Судебной реформы 1864 г., сама эта форма была введена на основе многовековой традиции российского уголовного судопроизводства – привлечения представителей общества к участию в осуществлении правосудия. В истории отечественного правосудия среди моделей судопроизводства с привлечением представителей общества были очень схожие с судом присяжных по его ключевому признаку – разрешению дела присяжными заседателями на основе совести и сложившихся в обществе представлений о справедливости – модели, например, совестный суд.

В контексте морфологической типологии производства в суде присяжных российская модель является национально идентичной, поскольку представляет собой синтез ряда специфических свойств, присущих как англо-американскому, так и континентальному вариантам рассматриваемого производства, проявляющихся в особенной структуре судебного разбирательства, в особенных качествах процедуры судебного разбирательства и специфике выносимых итоговых процессуальных решений.

Идея производства в суде присяжных вполне соответствует национальному менталитету российского общества, позволяя присяжным заседателям реализовать стремление к справедливости, объективности и милосердию.

Дальнейшее развитие российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей должно не только отвечать на вызовы современности (например, проблемы, обусловленные цифровизацией общества и государства, и т. д.), но и обеспечивать неизменность национальной идентичности этого производства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 224 с.
2. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : дис. ... д-ра юрид. наук / Н.Г. Стойко. – Санкт-Петербург, 2009. – 373 с.
3. Барабаш А.С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Барабаш. – Екатеринбург, 2012. – 27 с.
4. Чучаев А.И. Н.Д. Сергеевский: жизненные вехи и творческое наследие. – Ульяновск : УлГУ, 2006. – 288 с.
5. Розин Н.Н. О суде присяжных (публичная лекция, читанная 24 февраля 1901 г. в пользу пострадавших от неурожая в Томской губернии) / Н.Н. Розин. – Томск, 1901. – 35 с.
6. Щегловитов И.Г. Суд присяжных (из лекций по русскому судоустройству) / И.Г. Щегловитов // Журнал Министерства юстиции. – 1913. – Ноябрь. – С. 1–49.
7. Кутафин О.Е. Судебная власть России: история, документы : в 6 т. Т. 2. Период абсолютизма / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин ; отв. ред. С.А. Колунтаев. – Москва : Мысль, 2003. – 847 с.
8. Селитренников М. О постановке вопросов на суде уголовном, по решениям Кассационного Сената / М. Селитренников. – Санкт-Петербург : Тип. А.М. Котомина, 1875. – 346 с.
9. Насонов С.А. Исторические модели производства в суде присяжных : монография / С.А. Насонов. – Москва : Р. Валент, 2016. – 240 с.
10. Селеверстов Р.Е. Российский менталитет: основные черты и объективные факторы их формирования / Р.Е. Селеверстов, Е.Н. Ткач // Миссия конфессий. – 2024. – № 76. – С. 131–142 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-mentalitet-osnovnye-cherty-i-obektivnye-factory-ih-formirovaniya> (дата обращения: 22.01.2026).
11. Юрчук В.С. Общая характеристика менталитета российского общества / В.С. Юрчук // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2019. – № 2 (20) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-mentaliteta-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 22.01.2026).
12. Духовской М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. – Москва : Тип. А.П. Поплавского, 1910. – 464 с.
13. Барабаш А.С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Барабаш. – Екатеринбург, 2012. – 27 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Насонов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nasonov Sergey Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law.

Статья поступила в редакцию 24.01.2026; одобрена после рецензирования 21.02.2026; принята к публикации 23.02.2026. The article was submitted 24.01.2026; approved after reviewing 21.02.2026; accepted for publication 23.02.2026.

REFERENCES

1. Smirnov A.V. Models of Criminal Procedure. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000. 224 p.
2. Stoyko N.G. Criminal Procedure of Western States and Russia: Comparative Theoretical and Legal Study of the Anglo-American and Romano-Germanic Legal Systems. *Doct. Diss.* Saint Petersburg, 2009. 373 p.
3. Barabash A.S. The Essence of National Criminal Procedure in Light of the Russian National Mentality. *Cand. Diss. Thesis.* Yekaterinburg, 2012. 27 p.
4. Chuchaev A.I. N.D. Sergeevsky: Milestones in Life and Creative Legacy. Ulyanovsk State University Publ., 2006. 288 p.
5. Rozin N.N. On the Jury Trial (Public Lecture Given on February 24, 1901 in favor of those affected by crop failure in Tomsk province). Tomsk, 1901. 35 p.
6. Shcheglovitov I.G. Trial by Jury (from lectures on Russian judicial system). *Journal of the Ministry of Justice*, 1913, November, pp. 1–49. (In Russian).
7. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu.; Koluntaev S.A. (ed.). Judicial Authority of Russia: History, Documents. Moscow, Mysl Publ., 2003. Vol. 2. 847 p.
8. Selitrennikov M. On the Presentation of Questions in Criminal Court, Based on Decisions of the Cassation Senate. Saint Petersburg, A.M. Kotomina Publ., 1875. 346 p.
9. Nasonov S.A. Historical Models of Jury Trial Proceedings. Moscow, R. Valent Publ., 2016. 240 p.
10. Seleverstov R.E., Tkach E.N. Russian Mentality: Main Features and Objective Factors of Their Formation. *Mission confessions*, 2024, no. 76, pp. 131–142. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-mentalitet-osnovnye-cherty-i-obektivnye-factory-ih-formirovaniya>.
11. Yurchuk V.S. General Characteristics of the Mentality of Russian Society. *Bulletin of Moscow Witte University. Series 2: Legal science*, 2019, no. 2 (20), pp. 31–35. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-mentaliteta-rossiyskogo-obschestva>.
12. Dukhovskoy M.V. Russian Criminal Procedure. Moscow, A.P. Poplavsky Publ., 1910. 464 p.
13. Barabash A.S. The Essence of National Criminal Procedure in Light of the Russian National Mentality. *Cand. Diss. Thesis.* Yekaterinburg, 2012. 27 p.

Научная статья
УДК343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.10

Original article

НИКОЛЮК Вячеслав Владимирович
Научно-исследовательский
институт МВД России,
Москва, Россия,
nvv56@mail.ru

NIKOLYUK Vyacheslav Vladimirovich
Research Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ИЛИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

CONCEPTUALIZATION OF THE INSTITUTION OF TERMINATION OF A CRIMINAL CASE
OR CRIMINAL PROSECUTION

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования – один из наиболее законодательно редактируемых (с момента введения УПК РФ в действие в соответствующие нормы были внесены изменения и дополнения 42 федеральными законами), а исследователи предпочитают изучать частные вопросы уголовного судопроизводства, ограничивая научные интересы одним или несколькими основаниями прекращения производства по уголовному делу. Цели: рассмотреть понятия и этапы концептуализации института прекращения уголовного дела или уголовного преследования, оценить оптимальность правового регулирования данного института, внести предложения по развитию процессуальной формы прекращения уголовных дел. Основой исследования выступил метод моделирования, позволивший раскрыть особенности и состав сложного уголовно-процессуального института «прекращение уголовного дела или уголовного преследования». Результаты: на примере института прекращения уголовного дела или уголовного преследования дано понятие и определены этапы концептуализации института. С помощью собственных аргументов значительно усилена теоретическая позиция, что окончательно сформировавшимся в системе уголовно-процессуального права институтом является такая монолитная группа норм, которая, имея свою теоретическую основу, доктринально узнаваема как научная категория. Доктринальные представления об обязательных признаках правового института, включая институты уголовно-процессуального права, существенно конкретизированы. К значительным результатам проведенного исследования надлежит отнести и авторский вывод, что в качестве дополнительных признаков уголовно-процессуаль-

Abstract. The relevance of the article is due to the fact that the institution of termination of a criminal case or criminal prosecution is one of the most frequently legislatively amended (since the Criminal Procedure Code of the Russian Federation came into force, 42 federal laws have introduced amendments and additions to the relevant norms), and researchers tend to study specific aspects of criminal proceedings, limiting their scientific interests to one or several grounds for terminating criminal proceedings. Purposes: To examine the concepts and stages of conceptualizing the institution of termination of a criminal case or criminal prosecution, to assess the optimality of the legal regulation of this institution, and to make proposals for the development of the procedural form for terminating criminal cases. The research is based on the modeling method, which allows for revealing the features and composition of the complex criminal procedure institution of “termination of a criminal case or criminal prosecution”. Results: Using the example of the institution of termination of a criminal case or criminal prosecution, the article defines the concept and identifies the stages of conceptualization of the institution. The theoretical position is significantly strengthened with original arguments, asserting that a fully formed institution within the system of criminal procedure law is a monolithic group of norms that, having its own theoretical basis, is doctrinally recognizable as a scientific category. The doctrinal views on the mandatory features of a legal institution, including institutions of criminal procedure law are substantially specified. Among the significant results of the conducted research, the author’s conclusion should also be noted, which states that provisions on the legal nature, scope,

ного института учитываются положения о его правовой природе, объеме, структуре и месте в системе уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, структура уголовно-процессуального права, концепция, концептуализация, правовой институт, прекращение уголовного дела, возобновление производства по уголовному делу

Для цитирования: Николук В.В. Концептуализация института прекращения уголовного дела или уголовного преследования / В.В. Николук. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 92–102.

structure, and place within the system of criminal procedure law are considered as additional features of a criminal procedure institution.

Keywords: criminal procedure law, structure of criminal procedure law, concept, conceptualization, legal institution, termination of a criminal case, resumption of criminal proceedings

For citation: Nikoluk V.V. Conceptualization of the Institution of Termination of a Criminal Case or Criminal Prosecution. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 92–102. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.10.

ВВЕДЕНИЕ

В УПК РФ выкристаллизовывается самостоятельное правовое образование, включающее комплекс норм, определяющих место и назначение в уголовном судопроизводстве процедур, обеспечивающих прекращение расследования уголовных дел по любым, как показывает правоприменительная практика, «мыслимым и немыслимым» основаниям, подробно регламентированным законом или лишь просто в нем упомянутым.

Опираясь на базовые фундаментальные теоретические представления (в процессуальной литературе, отражающей проблематику прекращения уголовных дел, наблюдается смещение доктринальных приоритетов: исследователи предпочитают изучать частные вопросы уголовного судопроизводства, ограничивая научные интересы одним или несколькими основаниями прекращения производства по уголовному делу¹), руководствуясь обширным и часто меняющимся законодательством (с момента введения УПК РФ в действие в него были внесены изменения и дополнения по вопросам прекращения уголовного дела или уголовного преследования 42 федеральными законами), учитывая разностороннюю правоприменительную практику, нередко граничащую с нарушением закона (по резуль-

татам ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора в 2024 г. отменено 16 832 постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) как незаконные), учитывая большую востребованность норм уголовно-процессуального закона в рассматриваемой части (ежегодно по нереабилитирующим основаниям прекращаются до 135–140 тыс. уголовных дел), принимая во внимание широкое распространение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности подозреваемого, обвиняемого с закреплением их в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ², должностные лица и органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, поддерживают стабильность и упорядочивают общественные отношения в случаях необходимости завершить либо возобновить производство по уголовному делу.

Структуру института прекращения уголовного дела образуют следующие компоненты: 1) первоначальное прекращение уголовного дела или уголовного преследования; 2) возобновление прекращенного уголовного дела с отменой соответствующего процессуального акта прокурором, руководителем следственного органа – внесудебный порядок (ч. 1 ст. 214, ст. 123–124 УПК РФ); 3) судебный порядок отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении года с момента его вынесения (ч. 1.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ).

1 Последняя монографическая работа, связанная с прекращением и возобновлением производства по уголовному делу, опубликована без малого 20 лет назад [1]. Стандарты института прекращения дела судом подробно проанализированы в специально выделенном для этого разделе докторской диссертации А.Р. Шариповой, защищенной в 2022 г. [2].

2 В УК РФ предусмотрено 49 примечаний к статьям Особенной части, действие которых распространено на 53 статьи УК РФ.

В итоговом варианте нормативно-правовая основа института прекращения уголовного дела или уголовного преследования во взаимосвязи норм, ее составляющих (ст. 24, 25, 25.1, 27, 28, 28.1, 28.2, 214, 214.1, 246, 427 и гл. 29 УПК РФ), создает предпосылки для выделения данного правового образования в качестве сложного института прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Заблуждением является суждение, что многочисленные, имеющие разную юридическую природу и фактический состав обстоятельства, которые законом позиционируются как основания прекращения производства по уголовному делу, организованы в единую бесконфликтную систему (наподобие периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева), в которой по горизонтали выстроены реабилитирующие основания, а по вертикали – нереабилитирующие. Конечно, автор статьи прекрасно понимает условность подобного сравнения, поскольку сравниваются реальный и виртуальный объекты, используется игровой элемент для повышения качества работы с информацией. Не исключены и усмешки в адрес автора тех коллег, кто ознакомится с содержанием настоящей статьи. Однако в условиях дефицита эффективных научно-исследовательских методологий, особенно в гуманитарных науках, выбранные учеными принципы и методы решения актуальных задач теории и практики, которые привели к очевидно успешному результату, представляют ценность и потенциальную возможность их прикладного применения в абсолютно разных отраслях знаний в силу присущей им универсальности.

Если принять во внимание, что таблица Д.И. Менделеева есть наглядное и точное отражение фундаментальных законов природы, в связи с чем она ни при каких обстоятельствах не может быть волюнтаристски пополнена либо урезана, и выступает инструментом для систематизации, обучения, понимания смежных наук, можно прийти к весьма интересным выводам.

В юридической литературе представлено много классификаций оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, но еще никому не удалось составить перечень указанных оснований и объявить

точное их количество. Объясняется это недостатками выбранной исследовательской методологии, переоценкой ее возможностей в поиске оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, которая, как нам представляется, должна соответствовать как минимум двум требованиям:

1) адекватному действующему законодательству пониманию категории «основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования», которое должно быть разработано юридической наукой в соответствии с принципами надлежащей компетенции и объективности исследований;

2) выбору максимально устойчивого критерия («закона природы») как инструмента, позволяющего распознавать объективно наступившие или установленные правоприменителем обстоятельства, которые могут рассматриваться в качестве оснований прекращения производства по уголовному делу.

Использование указанной методологии, смеем надеяться, будет сдерживать искусственное расширение оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, препятствовать «засорению» УПК РФ мнимыми основаниями, применение которых добавит турбулентности уголовному судопроизводству, фактически постоянно пребывающему в таком состоянии по многим объективным и субъективным причинам. Кроме того, она будет сдерживать процесс стремительного заполнения условной уголовно-процессуальной таблицы квазиоснованиями прекращения производства по уголовному делу. При этом в теории уголовно-процессуального права признается целесообразным собрать все основания прекращения уголовного дела в одну норму. «В главе 4 УПК РФ необходимо указать, – считает С.Н. Перетокин, – исчерпывающий перечень статей, предусматривающих основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования, включив туда те основания, которые можно найти в других главах УПК» [3, с. 11]. Такого же мнения придерживается А.Р. Шарипова [2].

В настоящее время таблица Д.И. Менделеева содержит 118 элементов. Последний элемент, оганесон, официально «прописался» в ней в 2016 г., предпоследний, теннессин, – в 2010 г. Если темпы роста специальных ос-

нований освобождения от уголовной ответственности, реализуемых в процессуальной форме, останутся прежними, то таблица Д.И. Менделеева и таблица оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования вскоре сравняются по количеству элементов.

ПОНЯТИЕ И ЭТАПЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Заметим, что перечень нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования составлен на основе условных и неоднозначных по содержанию и вкладываемому в них смыслу критериев, разбавлен нескончаемым рядом примечаний к соответствующим статьям Особенной части УК РФ, устанавливающих специальные основания аннулирования уголовно-правовых претензий к лицу, совершившему общественно опасное деяние. Их многообразие впечатляет. По мнению профессора М.С. Шалумова, с которым нельзя не согласиться, максимально оптимальный список реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования может быть представлен в систематизированном варианте только путем научного толкования [4, с. 85].

Окончательная концептуализация в уголовно-процессуальном праве состоящего из нескольких субинститутов института прекращения уголовного дела и уголовного преследования сопровождается качественным изменением соответствующих научных представлений, что, как правило, воплощается в теоретическую концепцию или теоретическую модель, отвечающие на вопросы: какими будет объем нормативного материала и его структура (организация) с учетом решаемых институтом прекращения уголовного дела или уголовного преследования задач? каково его место в системе досудебного производства и уголовного процесса в целом? каким образом будут выстроены взаимосвязи уголовного материального и процессуального права при выборе процессуальной формы освобождения от уголовной ответственности по специальным основаниям, предусмотренным примечаниями к соответствующим статьям Особенной части УК РФ? за счет какой юридической

инфраструктуры будет реализовываться и развиваться институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования? какая научная методология будет применяться в ходе составления юридических прогнозов развития рассматриваемого уголовно-процессуального института?

Проведение серьезных теоретических дискуссий, монографических исследований, разработка доктринальных законопроектов с выходом на законодателя, подготовка учебников, учебных и учебно-практических пособий для специалистов в области право-ведения – все это будет свидетельствовать о накоплении определенной суммы новых научных знаний, их актуализации, включении в предмет научного исследования основного (производство по уголовному делу) и дополнительных процессуальных производств (отмена процессуального акта о прекращении уголовного дела, возобновление производства по уголовному делу, судебный порядок отмены прекращения производства по уголовному делу по прошествии года с момента принятия данного решения, изучение всех компонентов института прекращения производства по уголовному делу).

Примерно так и происходит окончательная концептуализация уголовно-процессуальных институтов, стадий уголовного процесса, когда за ними закрепляется соответствующее место в структуре уголовно-процессуального права исходя из их предназначения, внутренних и внешних (межотраслевых) взаимосвязей. Анализируя этапы становления и концептуализации стадии исполнения приговора, профессор Л.В. Головкин отмечает: «окончательная концептуализация стадии исполнения приговора, ее объема, структуры, места в системе уголовного процесса и т. д. произошла уже в советский период, причем особенно бурно после принятия УПК РСФСР 1960 г.» [5, с. 1249].

Такая постановка вопроса о критериях, признаках уголовно-процессуальных институтов обоснованна. Иначе, что нередко встречается в практике законодательствования, УПК РФ будет наполнен нормами-пустышками, «мертвыми» нормами, которые приняты в спешке, в порядке реагирования на резонансные события, происходившие либо происходящие в стране. Чаше подобные «доро-

гостоящие казусы» появляются в законе как следствие ангажированных квази-социально-политических кампаний, чьи идеологи-кураторы либо вовсе игнорируют научную составляющую законопроектов, либо «работают под прикрытием», страхуясь получением формальных лояльных отзывов (заключений) как из научно-исследовательских учреждений, так и от сердобольных ученых.

Убедительная иллюстрация к изложенному – введение Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ главы 32.1 «Дознание в сокращенной форме», против чего выступала профессионально подготовленная группа сотрудников МВД России – практиков и ученых. В последующем дознание в сокращенной форме дискредитировало себя как самостоятельный уголовно-процессуальный институт, в нем проявилась «инквизиционность», а сама юридическая конструкция дознания в сокращенной форме воспринимается не иначе как «откат назад» и возвращение к средневековому уголовному процессу, когда главным доказательством вины служило ее признание [5, с. 847–849].

Удивительно, что дознание в сокращенной форме, порицаемое и отвергнутое на доктринальном уровне, проявляет завидную живучесть и остается легальной формой установления обстоятельств преступления вопреки многочисленным прогнозам [6, с. 33–48; 7, с. 72–90; 8]. Во многом в этом заслуга дознавателей, демонстрирующих чудеса «процессуальной эквилибристики» в процессе применения норм УПК РФ, чтобы сгладить его пороки.

Анализ научных публикаций нескольких последних лет показывает, что в них авторы предпринимают попытки исследовать частные, локальные аспекты функционирования института прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Взятые в отдельности («вырванные из текста»), они не в состоянии раскрыть специфику такого сложного правового регулятора общественных отношений, каким является «мегаинститут» прекращения уголовного дела или уголовного преследования, объединяющий группу норм УПК РФ и УК РФ. Причем практика прекращения уголовного дела по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям на досудебных стадиях уголовного процес-

са или в суде заранее трудно просчитываема. «Скачкообразность» при применении отдельных оснований прекращения уголовного дела также часто неподвластна юридическим прогнозам. Для более полного уяснения масштаба феномена «прекращение уголовного дела или уголовного преследования» в структуре уголовного процесса, объема фактической уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в связи с применением норм УПК РФ, входящих в один из самых сложных и политически ангажированных правовых институтов, представляется целесообразным обратиться к литературным источникам. Их краткий обзор позволит определить компоненты института прекращения уголовного дела или уголовного преследования, которые можно охарактеризовать как теоретически мало либо хорошо разработанные, а также неизученные совсем. Последние принято называть «белыми пятнами».

Логично в начале указанного экскурса подчеркнуть важность в доктринальном и учебно-методическом аспектах соответствующих выводов и экспертных научных заключений по ключевым вопросам института прекращения уголовного дела и уголовного преследования. В частности, в монографических исследованиях А.Я. Дубинского, Г.П. Химичевой, О.В. Мичуриной, О.В. Химичевой, Е.Г. Васильевой прослеживается позиция, согласно которой прекращение уголовного дела выступает не только в качестве решения, завершающего производство по уголовному делу, и не носит сугубо технического характера, но и является одной из форм окончания предварительного расследования. Учеными также обоснована точка зрения о понимании процессуального акта прекращения уголовного дела как процессуального решения, порождающего различные уголовно-процессуальные и уголовно-правовые последствия [9, с. 25–75; 10, с. 13; 11, с. 239].

Серьезным научным исследованием, не потерявшим актуальности, является монография Л.В. Головки о проблемах реализации в уголовном судопроизводстве альтернативных уголовному преследованию мер, освобождающих лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности [12, с. 205–224, с. 443–461]. В контексте проводимого иссле-

дования института прекращения уголовного дела или уголовного преследования большую информационную ценность представляет раздел монографии, посвященной процессуальным формам освобождения от уголовной ответственности, а также соотношению понятий «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования».

В юридической литературе также основательно проработаны вопросы условий и порядка прекращения уголовных дел в зависимости от конкретных оснований и самих оснований прекращения [11, с. 239; 13, с. 20–36].

Оригинальную позицию по вопросу о правовой природе института освобождения от уголовной ответственности отстаивает А.В. Ендольцева. По ее мнению, данный институт является межотраслевым правовым институтом, представляющим собой комплексное материально-процессуальное образование в виде системы уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, регулирующих однородные общественные отношения. Кроме того, А.В. Ендольцева считает целесообразным переименовать новый институт, назвав его институтом освобождения от уголовного преследования, и в дальнейшем использовать это название в соответствующих статьях УПК РФ [14, с. 19–20]. Признавая существующие проблемы взаимоотношений уголовного материального и процессуального права, на стыке которых исследуются межотраслевые правовые образования, все же полагаю, что замена термина «освобождение от уголовной ответственности» на «освобождение от уголовного преследования» принципиально не может изменить правовую природу рассматриваемых феноменов. Более того, понятие уголовного преследования относится к области уголовно-процессуального права и уголовного процесса, в связи с чем им осторожно пользуются представители теории уголовного права.

Будучи сторонниками курса на повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, О.В. Качалова и В.И. Качалов придерживаются следующей позиции: «Требования эффективности уголовного судопроизводства диктуют условия, при которых уголовно-правовой конфликт должен быть разрешен в скорейшие сроки и с наименьшими затратами» [15, с. 30]. Поддерживая авторов

в стремлении не допустить неоправданного, «невынужденного» удорожания уголовно-процессуальной деятельности, связанной с прекращением уголовных дел, исключить волокиту при их рассмотрении судом, трудно понять, каким образом эти установки начнут действовать и что заставит их работать, какие стимулы потребуются для разрешения уголовно-правового конфликта на основе компромисса, при разумном балансе частных и публичных интересов, без осуждения лица, совершившего преступление. Об этом мечтает каждый правоприменитель. Нормы института прекращения уголовного дела или уголовного преследования никаких прямых предписаний по данному поводу не содержат и не способны зеркально изменить практику прекращения уголовных дел с приятием указанных решений дознавателем, следователем.

В изложенной позиции прослеживается уже неоднократно заявленная и предлагаемая в уголовно-процессуальной теории идея медиации, рассматриваемая отдельными учеными как самостоятельный правовой институт с большинством элементов уголовно-процессуальной природы. УПК РФ «не продвинулся» в данном направлении. Заменяющие медиацию в сфере уголовного процесса правовые инструменты, регулируемые ст. 28 УПК РФ, ничем себя не дискредитировали. Оценивать же их эффективность следует, применяя соответствующие методики, активно разрабатываемые в последнее время в теории уголовного-процессуального права [16; 17; 18].

В статье Ю.В. Кувалдиной анализируются способы преодоления конкуренции институтов, закрепленных в ст. 25 и 25.1 УПК РФ. По мнению автора, целесообразно предусмотреть в законе положение, что дело о преступлении, которым потерпевшему причинен вред, прекращается в связи с назначением судебного штрафа только в случае недостижения сторонами примирения [19, с. 25–26]. Смысл предлагаемой корректировки УПК РФ в рассматриваемой части понятен, и не трудно догадаться, какие аргументы может привести автор в обоснование своей точки зрения. Однако при таком подходе фактически стирается грань между самостоятельными видами прекращения уголовных дел и они становятся взаимозаменяемыми.

Субинститут прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ), история которого пишется прямо на наших глазах, обнажил ряд системных проблем уголовного досудебного и судебного производства, в эпицентре которого оказались незаконные действия дознавателя, следователя, прокурора, судьи, связанные с применением соответствующих норм УК РФ и УПК РФ [20]. Находясь под жестким администрированием, практика назначения судебного штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера складывалась стихийно и отличалась массовыми нарушениями, что привело к снижению интереса к данной мере со стороны органов уголовной юстиции. Так, в 2022 г. было вынесено 5524 решения о назначении судебного штрафа, в 2023 г. – 2783, в 2024 г. – 2092. Для сравнения укажем, что еще в 2019 и 2020 г. судебный штраф был назначен соответственно 30,2 тыс. и 32,4 тыс. лицам.

Значительная часть исследователей и практических работников искренне убеждены в оптимальности закрепленной в ст. 75.1 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ конструкции «судебный штраф» без подтверждения и проверки этой позиции эмпирическим путем. Глядя на статистику первых нескольких лет после того, как судебный штраф получил «прописку» в Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, может возникнуть ошибочное мнение, что анализируемая мера уголовно-правового воздействия работает как «швейцарские часы», ежегодно расширяет круг подозреваемых и обвиняемых, подвергаемых судебному штрафу. В данном случае неправильное прочтение статистических отчетов искажает реальную картину правоприменения, а значит, может спровоцировать несвоевременность и неадекватность реагирования на складывающуюся криминологическую ситуацию.

В продолжение сказанного подчеркну актуальность приведения к единому знаменателю ряда статистических отчетов, которые, к примеру, адаптированы к деятельности уголовной юстиции, ведутся всеми субъектами, реализующими функцию борьбы с преступностью, частично дублируются, а иногда и расходятся в оценке актуальности конкретных показателей. На этом фоне объяснима позиция

отдельных авторов, которые, словно фанаты, уверовавшие в способность своего «кумира» к самогенерации, утверждают о широком распространении в судебной практике штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера. Однако сектор ее присутствия в уголовной политике, как отмечалось ранее, резко сократился и стал символическим.

Еще один важный аспект института прекращения уголовного дела или уголовного преследования стал чаще упоминаться в юридической литературе в связи с признанием Конституционным Судом РФ постановлением от 18 июля 2022 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта "в" части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова» несоответствующими Основному закону страны ч. 2 ст. 27 УПК РФ и п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ. Обсуждаются фактически два вопроса: 1) на каком основании прекращать уголовное дело в случае прекращения уголовного преследования по ч. 2.2 ст. 78 УПК РФ; 2) допустимо ли прекращать уголовное преследование в порядке ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ не в связи с непричастностью, а по иным реабилитирующим основаниям [21, с. 54–55].

Таким образом, «плотность» научных изысканий по вопросам прекращения и возобновления производства по уголовному делу более чем скромна. В текущий момент интенсивных теоретических исследований указанная проблематика не разрабатывается. Появляющиеся на страницах юридической печати статьи, тезисы докладов и сообщений, издаваемые по итогам состоявшихся конференций, частично приоткрывают завесу над ситуациями правовой неопределенности, которые выявляются в ходе применения норм УПК РФ. Очевидный минус подобного научного сопровождения одного из самых рабочих, сложных и несущих на себе огромную процессуальную нагрузку правовых механизмов – института прекращения уголовного дела или уголовного преследования – заключается в разрозненности осуществляемых теоретических разработок, отсутствии их координации, хроническом увлечении «мелкотемьем», пассивности и боязни исследователей приступить к подготов-

ке фундаментального теоретического труда с включением в предмет его рассмотрения всех субинститутов.

Откровенно слабую степень научной работанности института прекращения уголовного дела или уголовного преследования во многом восполняют научные исследования А.Р. Шариповой, характеризующиеся высокой информативностью, нетрадиционным подходом в восприятии ряда ключевых понятий (к ним относится и понятие прекращения уголовного дела и уголовного преследования) процессуальных отраслей права [2].

На фоне нелестной характеристики научно-теоретической составляющей института прекращения уголовного дела или уголовного преследования еще более удручающими выглядят перспективы внедрения и адаптации судебной процедуры возобновления производства по прекращенному уголовному делу спустя год после принятия решения о его прекращении (ч. 1.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ). Указанный правовой феномен удивительным образом не попадает в сферу научных интересов большинства исследователей, хотя пересекается со многими уголовно-процессуальными институтами и может позиционироваться как субинститут сложного института прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Более того, он натурализовался в УПК РФ в порядке реализации соответствующей правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в постановлении от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко».

В связи с этим в контексте интерпретации и практического применения ч. 1.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ актуализировались вопросы следующего плана: какое место среди основного, особых и дополнительных уголовно-процессуальных производств занимает судебная процедура получения разрешения об отмене постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования как производство со специфическими задачами и стадийностью? каковы предпосылки для автономизации и нормативного обособления в структуре уголовного процесса

процессуальной формы получения судебного разрешения на отмену процессуального акта о прекращении производства по уголовному делу? можно ли положениями одной статьи УПК РФ (ст. 214.1), состоящей из шести частей, половина из которых представлены одним предложением и, по сути, являются техническими предписаниями (например, направление копий судебных решений различным адресатам, установление сроков обжалования), исчерпывающе регламентировать многогранные общественные отношения, возникающие в указанном сегменте уголовного судопроизводства? какими нормами УПК РФ следует руководствоваться, применяя их по аналогии закона при необходимости преодоления пробела в регулировании производства по разрешению судом вопроса об отмене постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования? Поставленные вопросы нельзя отнести даже к малоисследованным, поскольку в уголовно-процессуальной теории их специально не касался ни один из современных ученых [22; 23; 24; 25; 26]. Поэтому здесь как раз и можно вспомнить о «белых пятнах» в уголовно-процессуальной науке.

В юридической литературе встречается также позиция, согласно которой судебный порядок отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по истечении года с момента его вынесения распространяется только на категорию дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям [22, с. 37]. До принятия Федерального закона от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ подобная точка зрения имела право на существование, поскольку до внесения изменений в УПК РФ правоприменитель руководствовался правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 14 ноября 2017 г. № 28-П.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном уголовно-процессуальном праве феномен прекращения уголовного дела или уголовного преследования, если воспользоваться бальзаковским слогом, является яркой иллюстрацией его «блеска и нищеты». И пусть излишне эмоциональный читатель не возмущается столь вольным обращением.

«Блеск и нищета» – выражение, используемое для описания явлений, сочетающих в себе внешнее величие, показной успех и внутренний упадок, пустоту, как никакое иное подходит к характеристике нынешнего состояния института прекращения уголовного дела.

В чем «блеск» акта прекращения уголовного дела? Думается, в первую очередь в том, что именно он, как никакой иной уголовно-процессуальный акт, своей природой напоминает акт высшей силы, венец процессуальной деятельности – приговор. Постановление или определение о прекращении уголовного дела, как и приговор, призвано разрешить уголовное дело по существу, от прямого подчеркивания чего многие авторы по какой-то причине, даже как бы несколько стыдливо, предпочитают уклоняться. А между тем с 2015 по 2024 г. общее количество лиц, в отношении которых судами уголовные дела были прекращены по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям, составило 1 млн 837 тыс. 757, или 27 % от общего числа подсудимых по всем уголовным делам.

Несмотря на свое решающее значение, внешнюю близость к приговору, акт прекращения уголовного дела – это все-таки не приговор. И в этом его слабость. В современной парадигме уголовно-процессуального закона, которая во многом характерна для нашей правовой традиции, акт прекращения уголовного дела – единоличное решение следователя-чиновника, представителя исполни-

тельной власти, продукт его индивидуального «миропонимания» (в процессуальном смысле, конечно). По сути, прекращая уголовное дело, следователь или дознаватель становятся вровень с судом, определяя границы правосудия. И вот в этом акт прекращения уголовного дела ни в какое сравнение не может идти с приговором – результатом судебного разбирательства, в ходе которого стороны имели возможность высказаться и отстоять свои интересы.

Являясь реально альтернативной формой разрешения уголовного дела, нормы указанного правового массива представляют собой мощнейший политико-правовой инструмент, распоряжаясь которым недобросовестный пользователь может произвольно, в угоду конъюнктурным предпочтениям правоохранительных органов, их ложным интересам «вершить» суррогат правосудия в обход суда. Руководствуясь указанными мотивами, органы предварительного расследования и прокурор, формально оставаясь в рамках процессуальных форм, предусмотренных УПК РФ, с помощью жесткого администрирования могут, наоборот, перегрузить судебную систему. Причем в первом случае, когда процессуальный акт о прекращении уголовного дела подменяет собой приговор, разрешение уголовного дела не подразумевает соблюдения хоть каких-то гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности, действие которой оговорено и в Конституции РФ, и в УПК РФ исключительно по отношению к приговору.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волынская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования : монография / О.В. Волынская. – Москва, 2007. – 351 с.
2. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / А.Р. Шарипова. – Нижний Новгород, 2022. – 503 с.
3. Перетокин С.Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.Н. Перетокин. – Москва, 2006. – 25 с.
4. Шалумов М.С. Некоторые вопросы обеспечения процессуального порядка прекращения судом уголовного дела по нереабилитирующему основанию / М.С. Шалумов // Российское правосудие. – 2025. – № 2. – С. 82–92.

REFERENCES

1. Volynskaya O.V. Termination of Criminal Cases and Criminal Prosecution. Moscow, 2007. 351 p.
2. Sharipova A.R. Conceptual Foundations of Inter-Sectoral Convergence in Criminal Proceedings. *Doct. Diss.* Nizhny Novgorod, 2022. 503 p.
3. Peretokin S.N. Protection of Human and Civil Rights and Freedoms Upon Termination of Criminal Cases. *Cand. Diss. Thesis.* Moscow, 2006. 25 p.
4. Shalumov M.S. Some Issues of Ensuring the Procedural Procedure for the Termination of a Criminal Case by a Court on a Non-Rehabilitating Basis. *Russian Justice*, 2025, no. 2, pp. 82–92. (In Russian).
5. Golovko L.V. (ed.). Course of Criminal Procedure. Moscow, 2021. 1328 p.

5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – Москва, 2021. – 1328 с.
6. Пиюк А.В. Роль суда в доказывании обстоятельств уголовного дела в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации : монография / А.В. Пиюк. – Москва, 2020. – 256 с.
7. Свиридов М.К. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации : монография / М.К. Свиридов, А.В. Пиюк. – Томск, 2019. – 345 с.
8. Филиппов Д.В. Сокращенное дознание следует заменить новой формой расследования преступлений – особым порядком досудебного производства / Д.В. Филиппов // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 3 (67). – С. 167–175.
9. Дубинский А.Я. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования / А.Я. Дубинский. – Киев, 1975. – 132 с.
10. Химичева Г.П. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела : монография / Г.П. Химичева, О.В. Мичурина, О.В. Химичева. – Рязань, 2001. – 107 с.
11. Васильева Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу / Е.Г. Васильева. – Москва, 2006. – 312 с.
12. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве : монография / Л.В. Головки. – Санкт-Петербург, 2002. – 544 с.
13. Букша Н.Ю. Назначение института прекращения уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве : научно-практическое пособие / Н.Ю. Букша. – Краснодар, 2005. – 112 с.
14. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08, 12.00.09 / А.В. Ендольцева. – Москва, 2005. – 50 с.
15. Качалова О.В. Прекращение уголовного преследования и вопросы эффективности уголовно-процессуальной деятельности / О.В. Качалова, В.И. Качалов // Российская юстиция. – 2025. – № 6. – С. 37–45.
16. Даровских О.И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.И. Даровских. – Челябинск, 2022. – 538 с.
17. Диваев А.Б. Теоретические основы эффективности уголовно-процессуального воздействия / А.Б. Диваев // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – № 2 (95). – С. 184–191.
18. Диваев А.Б. Юридическое прогнозирование и эффективность уголовно-процессуального воздействия / А.Б. Диваев // Уголовная юстиция. – 2024. – № 23. – С. 54–62.
19. Кувалдина Ю.В. Конкуренция некоторых реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела: есть ли проблема? / Ю.В. Кувалдина // Российский судья. – 2025. – № 10. – С. 21–26.
20. Николук В.В. Прекращения уголовных дел органами предварительного расследования: политико-правовые вопросы / В.В. Николук // Уголовный процесс и криминалистика. Правовые основы, теория, практика, дидактика (к 90-летию со дня рождения профессора В.А. Михайлова) : сборник / под ред. Ю.В. Гаврилина, Б.Я. Гаврилова, Л.В. Лазаревой. – Москва : Академия управления МВД России, 2025. – С. 77–83.
21. Piyuk A.V. The Role of the Court in Proving the Circumstances of a Criminal Case in Modern Criminal Proceedings in the Russian Federation. Moscow, 2020. 256 p.
22. Sviridov M.K., Piyuk A.V. Theoretical Foundations of Simplifying the Forms of Resolution of Criminal Cases by the Court in the Russian Federation. Tomsk, 2019. 345 p.
23. Filippov D.V. Reduced Inquiry Should be Replaced by a New Form of Investigation of Crimes – a Special Procedure for Pre-trial Proceedings. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (67), pp. 167–175. (In Russian).
24. Dubinsky A.Ya. Termination of a Criminal Case at the Preliminary Investigation Stage. Kyiv, 1975. 132 p.
25. Khimicheva G.P., Michurina O.V., Khimicheva O.V. Termination of a Preliminary Investigation by Termination of a Criminal Case. Ryazan, 2001. 107 p.
26. Vasilyeva E.G. Legal and Theoretical Problems of Termination of Criminal Prosecution and Proceedings in a Criminal Case. Moscow, 2006. 312 p.
27. Golovko L.V. Alternatives to Criminal Prosecution in Modern Law. Saint Petersburg, 2002. 544 p.
28. Buksha N.Yu. Purpose of the Institute of Termination of Criminal Cases and Criminal Prosecution in Russian Criminal Proceedings: Scientific and Practical Manual. Krasnodar, 2005. 112 p.
29. Endoltseva A.V. Institute of Exemption from Criminal Liability: Theoretical, Legislative, and Law Enforcement Problems. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2005. 50 p.
30. Kachalova O.V., Kachalov V.I. Termination of Criminal Prosecution and the Issues of Efficiency of the Criminal Procedure Activities. *Russian Justice*, 2025, no. 6, pp. 37–45. (In Russian).
31. Darovskikh O. I. Theoretical, Legal, and Organizational Foundations for Ensuring the Efficiency of Criminal Procedure Activity. *Doct. Diss.* Chelyabinsk, 2022. 538 p.
32. Divaev A.B. Theoretical Foundations of the Effectiveness of Criminal Procedural Impact. *Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*, 2023, no. 2 (95), pp. 184–191. (In Russian).
33. Divaev A.B. Legal Forecasting and Effectiveness of Criminal Procedural Impact. *Russian Journal of Criminal Law*, 2024, no. 23, pp. 54–62. (In Russian).
34. Kuvaldina Yu.V. Competition Between Some Non-Exonerating Criminal Case Termination Grounds: Is There a Problem? *Russian Judge*, 2025, no. 10, pp. 21–26. (In Russian).
35. Nikolyuk V.V. Termination of Criminal Cases by Preliminary Investigation Bodies: Political and Legal Issues. In Gavrilin Yu.V., Gavrilov B.Ya., Lazareva L.V. (eds.). *Criminal Procedure and Forensic Science. Legal Foundations, Theory, Practice, Didactics (on the 90th Anniversary of the Birth of Professor V.A. Mikhailov)*. Collection. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2025, pp. 77–83. (In Russian).
36. Dulkarnaev M. S. Termination of Criminal Prosecution Outside the Statute of Limitations: Law Enforcement Issues. *Criminal Procedure*, 2025, no. 8, pp. 54–58. (In Russian).

21. Дулкарнаев М.С. Прекращение уголовного преследования за пределами срока давности : вопросы правоприменения / М.С. Дулкарнаев // Уголовный процесс. – 2025. – № 8. – С. 54–58.

22. Ларин Е.Г. Новые правила отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям / Е.Г. Ларин, А.В. Павлов // Законодательство и практика. – 2018. – № 1 (40). – С. 37–40.

23. Угольникова Н.В. Обоснованность возобновления прекращенного уголовного дела / Н.В. Угольникова // Академическая мысль. – 2019. – № 3 (8). – С. 32–34.

24. Аристархов А.Л. Особенности применения ст. 214.1 УПК РФ в досудебном производстве / А.Л. Аристархов // Российское правосудие. – 2022. – № 2. – С. 89–95.

25. Канцеляров А.В. Суд как гарант реабилитации граждан, подвергнутых незаконному уголовному преследованию / А.В. Канцеляров, Д.В. Васильев // Законность. – 2022. – № 12. – С. 34–36.

26. Ендольцева А.А. Судебно-контрольные процедуры в досудебном производстве по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.А. Ендольцева. – Москва, 2023. – 268 с.

22. Larin Ye.G., Pavlov A.V. New Regulations of Canceling a Court Order on Dismissal of a Criminal Case (Criminal Prosecution) on Rehabilitating Grounds. *Legislation and Practice*, 2018, no. 1 (40), pp. 37–40. (In Russian).

23. Ugolnikova N.V. The Justification for the Resumption of a Discontinued Criminal Case. *Academic Thought*, 2019, no. 3 (8), pp. 32–34. (In Russian).

24. Aristarkhov A.L. Features of the Application of Article 214.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Pre-trial Proceedings. *Russian Justice*, 2022, no. 2, pp. 89–95. (In Russian).

25. Kantselyarov A.V., Vassiliev D.V. The Court as the Guarantor of Rehabilitation of the Citizens Exposed to Unlawful Criminal Prosecution. *Zakonnost*, 2022, no. 12, pp. 34–36. (In Russian).

26. Endoltseva A.A. Judicial Control Procedures in Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case. *Cand. Diss. Moscow*, 2023. 268 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николюк Вячеслав Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolyuk Vyacheslav Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 06.02.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 25.02.2026. The article was submitted 06.02.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Научная статья
УДК 343.102
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.11

Original article

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович
Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Россия,
s.rossinskiy@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

ROSSINSKY Sergey Borisovich
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ТЕНДЕНЦИИ К УПРОЩЕНИЮ ДОЗНАНИЯ: ВОЗВРАТ К ИСТОКАМ, УСТРЕМЛЕННОСТЬ В БУДУЩЕЕ ИЛИ ПУТЬ В НИКУДА?

TRENDS TOWARD SIMPLIFICATION OF INQUIRY: RETURNING TO THE ROOTS,
ENVISIONING THE FUTURE, OR A DEAD END?

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью оценки перспективности бытующих в настоящее время правотворческих тенденций, связанных с упрощением уголовно-процессуальной деятельности органов дознания и направленных на снижение возлагаемой на них служебной нагрузки, сокращение сроков выполнения стоящих перед ними задач, уменьшение выделяемых на их содержание бюджетных ассигнований, достижение иных позитивных результатов. Цель: выявить причины, предопределившие возникновение известных, но так и неразрешенных проблем, присущих сокращенному дознанию как одной из современных форм предварительного расследования уголовного дела. При подготовке статьи использовались следующие общенаучные методы: диалектический – для всестороннего исследования правовых явлений; системный – для изучения сложных явлений как структурных частей единой системы; структурно-функциональный – для установления особенностей и пробелов правового регулирования; логический – для установления связей между фактами и др., а также частнонаучные методы: формально-юридический – для установления структуры правовых явлений и процессов, определения их видов, места и роли в иерархии иных правовых явлений, установления особенностей взаимодействия и взаимозависимости правовых категорий с применением правил формальной логики и норм действующего законодательства; историко-правовой – для оценки рассматриваемых явлений с позиции прошлого состояния их формы, содержания и сущности и др. Результаты: определены факторы, обусловившие противоречивость правил проведения сокращенного дознания и его слабую востребованность в правоприменительной практике: 1) диссонанс с глубоко укоренившимися представлениями о механизмах досудебного производства по уголовному делу;

Abstract. The relevance of this article is determined by the necessity to evaluate the prospects of current law-making trends related to the simplification of criminal procedure activities of investigative bodies. These trends are aimed at reducing their official workload, shortening the timeframes for completing their tasks, decreasing budget allocations for their maintenance, and achieving other positive results. Purpose: To identify the causes that predetermined the emergence of well-known yet unresolved problems inherent in abbreviated preliminary inquiry as one of the modern forms of pre-trial criminal investigation. In preparing the article, the following general scientific methods were used: the dialectical method for a comprehensive study of legal phenomena; the systemic method for examining complex phenomena as structural parts of a unified system; the structural-functional method for identifying features and gaps in legal regulation; the logical method for establishing connections between facts, etc., as well as specific scientific methods: the formal-legal method for studying the structure of legal phenomena and processes, determining their types, place, and role in the hierarchy of other legal phenomena, establishing the features of interaction and interdependence of legal categories using the rules of formal logic and norms of current legislation; the historical-legal method for evaluating the phenomena under consideration from the perspective of their past form, content, and essence, etc. Results: the article identifies the factors that led to the inconsistency of the rules for conducting an abbreviated inquiry and its limited use in law enforcement practice: 1) discordance with deeply entrenched perceptions of the mechanisms of pre-trial criminal proceedings; 2) the presence of a number of additional conditions

2) обремененность рядом дополнительных, несвойственных ординарному дознанию условий; 3) низкое качество соответствующих положений закона. Констатируется производность таких факторов, их предопределенность общей первопричиной большинства присущих сокращенному дознанию недостатков – редуционной природой данной формы предварительного расследования, сведением ее сущности исключительно к набору изъятий из общего порядка дознания, то есть к неприемлемому для правотворчества упрощению ранее усложненного механизма решения стоящих перед органами дознания задач. Сделан вывод об изначальной неудачности соответствующих замыслов и, следовательно, о бесперспективности любых предполагающих упрощение дознания правотворческих тенденций.

Ключевые слова: дознание, досудебное производство, общий порядок дознания, орган дознания, ординарное дознание, предварительное расследование, сокращенное дознание

Для цитирования: Россинский С.Б. Тенденции к упрощению дознания: возврат к истокам, устремленность в будущее или путь в никуда? / С.Б. Россинский. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 103–111.

unusual for a standard inquiry; 3) poor quality of the relevant legislative provisions. The article states that such factors are derivative and stem from a common root cause of most shortcomings inherent in abbreviated inquiry – the inherently reductive nature of this form of preliminary investigation. This reduces its essence exclusively to a set of exceptions from the general inquiry procedure, i.e., to an unacceptable simplification for law-making purposes of a mechanism that was previously complex, for solving the tasks facing the bodies of inquiry. The article concludes that the underlying ideas were inherently flawed, and consequently, any legislative trends aiming to simplify inquiry are unpromising.

Keywords: inquiry, pre-trial proceedings, general inquiry procedure, inquiry body, ordinary inquiry, preliminary investigation, abbreviated inquiry

For citation: Rossinsky S.B. Trends Toward Simplification of Inquiry: Returning to the Roots, Envisioning the Future, or a Dead End? *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 103–111. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.11.

ВВЕДЕНИЕ

Оптимизация досудебного производства по уголовному делу – не просто модный тренд. Сегодня потребность в кардинальных изменениях нормативных и практических подходов к работе органов предварительного расследования, их взаимоотношений с прокуратурой, судами, невластными участниками процесса вызвана целым рядом вполне объективных причин. И далеко не в последнюю очередь такую потребность можно объяснить неоправданно высокой заформализованностью досудебного производства, его перегруженностью избыточными условиями и предписаниями, приводящими к необходимости проведения явно излишних процессуальных действий и вынесению достаточно бессмысленных процессуальных решений, разрастанию количества соответствующих документов, усилению бюрократизации и т. д., а в итоге – к неимоверному расширению объемов уголовных дел, увеличению возлагаемой на дознавателей и следователей

служебной нагрузки, а также сроков выполнения стоящих перед ними задач, повышению общей «стоимости» уголовной юстиции и прочим негативным последствиям.

Уже не первый год к данным проблемам приковано внимание ученых-процессуалистов, государственных и общественных деятелей, руководителей и даже рядовых сотрудников правоохранительных органов, иных практических работников. Высказывались и продолжают высказываться самые разные мнения вплоть до фантасмагоричных предложений о полной депроцессуализации российского досудебного производства и его превращении в полицейскую деятельность англосаксонского типа. Однако господствующими оказались менее «креативные» взгляды – о необходимости создания редуционных (то есть упрощенных) порядков предварительного расследования, прежде всего дознания, предназначенных для установления обстоятельств очевидных и не имеющих большой общественной опасности преступных деяний.

В марте 2013 г. некоторые подобные идеи были воплощены в жизнь: УПК РФ претерпел целый ряд изменений и дополнений, нашедших отражение в так называемом двадцать третьем федеральном законе¹, предполагающих появление еще одной, как бы альтернативной и упрощенной формы дознания – предусмотренного гл. 32.1 УПК РФ сокращенного дознания (дознания в сокращенной форме). Причем в официально опубликованной пояснительной записке к соответствующему законопроекту² прямо говорится о стремлении к прекращению нерационального расходования сил и ресурсов государства на нужды уголовной юстиции, к уменьшению сроков досудебного производства по не представляющим сложности уголовным делам о достаточно очевидных преступлениях.

Однако институт сокращенного дознания вполне ожидаемо удостоился далеко не однозначных оценок. В частности, многие авторы признали появление такой формы предварительного расследования безусловным шагом вперед – своевременной, разумной и давно назревшей мерой, важным этапом на пути реформирования досудебного производства, как и уголовно-процессуальной деятельности в целом [1, с. 33; 2, с. 4 и др.]. Правда, некоторые ученые, признавая общую потребность в подобных упрощениях, все же говорили и продолжают говорить о несовершенстве введенных новаций, о необходимости дальнейших корректировок правил работы органов дознания [3, с. 2; 4, с. 174 и др.]. Отдельные специалисты разглядели в легализации сокращенного дознания первую ступень на пути к столь необходимому, по их убеждению, отказу от следственной парадигмы доказывания [5, с. 89]. К слову, самым активным сторонником такой точки зрения был наделавший некогда много шума, а затем сошедший с научной дистанции профессор А.С. Александров.

Другие ученые, напротив, оценили сокращенное дознание как некий «возврат к

истокам» – увидели в нем признаки существовавших ранее классических подходов к деятельности правоохранительных органов полицейского типа в сфере выявления, раскрытия и расследования преступлений. Были высказаны гипотезы о схожести сокращенного дознания с работой царской полиции и жандармерии, а также со свойственным раннесоветскому уголовному процессу «неполнообъемным» дознанием [6, с. 107 и др.].

Наконец, третьи авторы отказались признавать введенный двадцать третьим законом институт сокращенного дознания, фактически посчитав его «путем в никуда». Заявлялось о противоречивости, несправедливости и нежизнеспособности данной формы предварительного расследования, о ее несоответствии базовым канонам уголовного процесса, главным образом подходам к доказыванию, и т. п. [7, с. 58; 8, с. 24; 9, с. 107 и др.]. Конечно, некоторые из таких скептических оценок, к сожалению, были связаны с банальным нежеланием «отречься» от привычных стереотипов и переосмыслить существовавшие годами, нередко «впитанные с молоком матери» установки, то есть ментально допустить давно назревшую потребность в оптимизации предварительного расследования. Однако считать подобные оценки абсолютно лишеными разумности, обусловленными только кондовым консерватизмом, интуитивным сопротивлением каким-либо новшествам и подсознательной боязнью перемен тоже нельзя – они не лишены изрядной доли здравого смысла. К тому же многие сделанные в этой связи негативные прогнозы оказались чуть ли не пророческими, о чем будет сказано далее.

Таким образом, возникает закономерный вопрос: чем все-таки надлежит считать принятую в 2013 г. попытку упрощения дознания – возвратом к истокам, устремленностью в будущее или путем в никуда? Разрешению данной дилеммы, вернее даже трилеммы, посвящена настоящая статья.

ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВИВШИЕ НЕВОСТРЕБОВАННОСТЬ СОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ

Уже нет никаких сомнений в том, что сокращенное дознание не оправдало возложенных на него надежд. Оно так и не смогло

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Пояснительная записка к законопроекту № 33012-6 [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания РФ : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/33012-6> (дата обращения: 15.11.2025).

превратиться в реальную альтернативу ординарному дознанию, то есть дознанию, проводимому в общем порядке, стать хорошим подспорьем в решении стоящих перед досудебным производством по уголовному делу задач, завоевать популярность у сотрудников полиции и других правоохранительных органов, снискать благосклонное отношение прокуратуры, развеять вполне ожидаемые сомнения адвокатского сообщества, подозреваемых, потерпевших в безопасности упрощения формы предварительного расследования и т. д. Другими словами, воплощенные в двадцать третьем законе замыслы оказались не вполне жизнеспособными, по крайней мере, мало пригодными для практического использования в работе наделенных дознавательскими полномочиями правоохранительных органов, прежде всего полиции. Причем сегодня тщетность этого опрометчиво сделанного в 2013 г. правотворческого шага получила чуть ли не официальное признание.

В настоящее время разрабатываются и активно обсуждаются новые пути упрощения досудебного производства в целом и оптимизации дознавательской практики в частности, предлагаются очередные редуccionные модели дознания. Например, в МВД России подготовлен поражающий своими масштабами пакет поправок к УПК РФ, помимо прочего предполагающий ликвидацию сокращенного дознания с его заменой так называемым особым порядком досудебного производства – новой вариацией упрощения работы правоохранительных органов³. Правда, ввиду множества нареканий к данному законопроекту его внесение для рассмотрения Федеральным Собранием РФ пока отложено. Вполне вероятно, что эти правотворческие намерения вообще останутся нереализованными.

Чем же можно объяснить весьма слабую и к тому же постоянно снижающуюся востребованность сокращенного дознания в правоприменительной практике? Отвечая на этот вопрос, стоит обратить внимание на три ча-

стично перекликающихся, но тем не менее предполагающих собственный смысл, во всяком случае, имеющих индивидуальные оттенки негативных фактора.

Во-первых, несостоятельность сокращенного дознания можно увязать с его нахождением в явном диссонансе с глубоко укоренившимися в доктрине и правоприменительной практике, признаваемыми большинством специалистов в качестве само собой разумеющихся представлениями о механизмах досудебного производства по уголовному делу. Другими словами, легализованные в двадцать третьем законе инновационные подходы к предварительному расследованию, изначально основанные на разрыве существовавшего в течение нескольких десятков лет позднесоветского шаблона, оказались не вполне пригодными к должному восприятию, а точнее – к принятию профессиональным сообществом. Практические работники оказались явно не готовы к введению сокращенного дознания, а если говорить на языке психологии – к отказу от устоявшегося поведенческого паттерна, к выходу из своеобразной зоны комфорта. Ни сами дознаватели, ни их руководители, ни прокуроры, ни суды, ни, разумеется, адвокаты так и не смогли справиться с недоверием к возможности установления имеющих значение для уголовных дел обстоятельств посредством «неполноценных» когнитивных приемов. Соответствующие познавательные результаты так и не заслужили требуемого отношения, невзирая на предпринятую одновременно с введением сокращенного дознания попытку усиления статусности, значимости и формализации способов собирания ряда подобных «средств доказывания» (ч. 1.1, 1.2 ст. 144 УПК РФ). Их надежность, пригодность к использованию в качестве заменяющих традиционные доказательства информационных суррогатов и ценность для нужд уголовной юстиции по-прежнему видятся большинству правоприменителей достаточно сомнительными.

Во-вторых, нежизнеспособность сокращенного дознания можно объяснить его обремененностью целым рядом предусмотренных ст. 226.1 и 226.2 УПК РФ дополнительных, несвойственных ординарному дознанию условий. Такое множество правовых запретов и предписаний уже само по себе представляется

³ О проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» [Электронный ресурс] // МВД России : сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_departament/Publikacii_i_vistuplenija/item/3079668/ (дата обращения: 15.11.2025).

явным перебором, а их одновременное выполнение – более чем затруднительным. И в этой связи количество подходящих для дознания в сокращенной форме уголовных дел уже изначально являлось достаточно умеренным, а соответствующие возможности полиции и других правоохранительных органов – весьма ограниченными. Тогда как в реальности подобные условия вполне ожидаемо оказались еще менее выполнимыми. Прежде всего, заинтересованные в исходе уголовных дел субъекты – подозреваемые, обвиняемые (в том числе подсудимые), потерпевшие, стремясь к осуществлению различных корыстных замыслов либо, наоборот, намереваясь «отомстить» за упущенные выгоды, следуя рекомендациям «мудрых советчиков» либо просто поддавшись беспричинным капризам и причудам, принялись активно злоупотреблять предоставленными им процессуальными правами, главным образом отказываясь от ранее выраженных волеизъявлений. Кроме того, проявились и другие практические препоны, сильно осложнившие выполнение правовых условий сокращенного дознания. Разработанные для этих нужд прикладные технологии мгновенно обросли свойственными российской системе уголовной юстиции бюрократическими ритуалами, привели к очередному увеличению количества «бумаг» и, следовательно, к разрастанию материалов досудебных производств. Одновременно дознавателям пришлось тратить дополнительные усилия на работу с потерпевшими и т. п.

Наконец, в-третьих, говоря о причинах практической несостоятельности и слабой востребованности сокращенного дознания, нельзя проигнорировать недопустимо низкое, не выдерживающее никакой критики качество двадцать третьего закона. Ведь несмотря на всю резонансность предопределивших появление сокращенного дознания правотворческих замыслов, положения гл. 32.1 УПК РФ представляются более чем неудачными, не способствующими ни должному уяснению нормативных посылов, адресованных субъектам соответствующих правоотношений, главным образом профессиональным участникам уголовного судопроизводства (дознавателям, начальникам органов и подразделений дознания, прокурорам, судьям, адвокатам и т. д.),

ни продуктивному использованию предоставленных возможностей. Многие из этих положений в очередной раз свелись к замысловатым, достаточно путаным, противоречивым, в связи с чем непригодным к надлежащему толкованию или вообще способным завести в тупик формулировкам.

Думается, что такие несуразности далеко не в последнюю очередь возникли вследствие неуверенности причастных к созданию соответствующего законопроекта лиц в допустимости и целесообразности затеваемых преобразований. По крайней мере, в положениях гл. 32.1 УПК РФ отчетливо усматривается какая-то нерешительность «коллективного законодателя», угадываются явные сомнения в необходимости столь серьезных упрощений. Создается впечатление, что разработчики двадцать третьего закона испугались собственных замыслов, а потому проявили изрядную осторожность и побоялись делать резкие движения. Поэтому каждое предложенное послабление режима работы органов дознания было с лихвой компенсировано дополнительными процессуальными гарантиями, в первую очередь перманентными опциями, позволяющими возвратиться «на исходные позиции» в любой момент производства по уголовному делу, вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Не исключено, что предпосылки подобной неуверенности состояли в интуитивном опасении «выпускания джина из бутылки», то есть создания пагубного правотворческого прецедента, способствующего разрушению привычных стереотипов (дескать, оказывается, так было можно!) и усилению тенденций к упрощению иных форм предварительного расследования. Однако основная причина колебаний создателей законопроекта усматривается несколько в другом – в изначальной неразработанности четкой и, главное, целостной концепции сокращенного дознания, отсутствии ясных представлений о сущности и характере предлагаемых нововведений, об условиях их имплантации в устоявшуюся систему уголовной юстиции и корреляции с ordinariaми формами и методами деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда.

**РЕДУКЦИОННАЯ ПРИРОДА СОКРАЩЕННОГО
ДОЗНАНИЯ – ПЕРВОПРИЧИНА
ЕГО ПРАКТИЧЕСКОЙ НЕВОСТРЕБОВАННОСТИ**

Исходя из сказанного, возникает вопрос: имеются ли принципиальные возможности создания более продуктивной и пригодной к активному использованию вариации сокращенного дознания либо какой-нибудь иной упрощенной формы предварительного расследования с аналогичным, во всяком случае, схожим предназначением? Другими словами, хотелось бы «взвесить» реальные шансы устранения либо нивелирования рассмотренных выше и приведших к низкой востребованности сокращенного дознания негативных факторов.

С одной стороны, такие шансы вроде бы существуют и могут быть использованы для формирования более приемлемой для дознавательской практики нормативной модели упрощенного производства. Прежде всего, ничто не мешает попытаться отступить от современных подходов к разработке вносимых в УПК РФ коррективов, постараться наконец отказаться от поспешной и сумбурной реализации перманентно возникающих правотворческих прожектов и предпринять исчерпывающие меры к созданию четкой и целостной научной концепции сокращенной формы работы органов дознания, поручить сравнительно небольшой группе авторитетных в этой области ученых-процессуалистов подготовить отвечающий всем канонам юридической техники законопроект. Вполне вероятно, что в таком случае удастся частично сгладить и другие повлиявшие на низкую востребованность сокращенного дознания негативные факторы: заметно сократить количество необходимых для его проведения правовых условий, избежать замысловатости, путанности соответствующих положений закона, добиться уменьшения свойственных им противоречий.

Вместе с тем, с другой стороны, эти старания не принесут никаких ощутимых результатов, ведь имеющиеся у «коллективного законодателя», но пока не использованные шансы состоят лишь в возможности частичного преодоления присущих сокращенному дознанию проблем, в первую очередь устранения сильно осложняющих правоприменительную практику нормативных излишеств и несуразностей.

Не исключено, что такие усилия смогут привести к несколько большей популярности данной формы предварительного расследования, к некоторому увеличению количества соответствующих уголовных дел, но добиться чего-то более значительного все равно не получится. Никаких реальных перспектив полного устранения негативных факторов, предопределивших нежизнеспособность, по крайней мере, достаточно низкую востребованность сокращенного дознания, нет. Проще говоря, соответствующие правотворческие намерения уже изначально обречены на провал.

Указанные негативные факторы никоим образом нельзя признавать первопричинами ущербности и практической непопулярности сокращенного дознания. Правильнее рассматривать их как производные обстоятельства, возникшие в силу глобальных тенденций, свойственных развитию национальной уголовной юстиции в целом и предварительного расследования в частности, а подлинную первопричину провальности воплощенных в двадцать третьем законе правотворческих замыслов надлежит связывать с более общим и важным явлением – с *редукционной природой сокращенного дознания*, то есть со сведением его сущности исключительно к набору упрощений ординарного порядка дознания (изъятий из гл. 32 УПК РФ).

На первый взгляд подобное утверждение может быть воспринято как достаточно странное и даже абсурдное. Казалось бы, какой вред правоприменительной практике может причинить очевидное, само собой разумеющееся, четко синхронизированное с легальным наименованием данной формы предварительного расследования и к тому же прямо предусмотренное уголовно-процессуальным законом положение о редукционности сокращенного дознания – о его преимуществах по отношению к общему порядку дознания и одновременной обусловленности некоторыми упрощениями (изъятиями). А между тем именно это положение и является основным детерминантом ущербности и нежизнеспособности сокращенного дознания; именно в ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ и «зашифровано» подлинное объяснение его не востребоваемости для нужд досудебного производства по уголовному делу.

Ведь суть любого упрощения состоит в сведении чего-то исконно сложного к более простому и примитивному. А в части упрощения уголовно-процессуальной формы подобные задачи надлежит решать посредством послабления некоторых процедурных требований, то есть снижения изначально высокой степени обремененности тех или иных правоотношений юридическими гарантиями доброкачественности соответствующих результатов. Однако реализованные в двадцать третьем законе идеи о редукции ординарного дознания представляются не вполне укладывающимися в эту парадигму. Так, вытекающий из смысла гл. 32 УПК РФ общий, вроде бы базовый порядок дознания – далеко не стандартная, не типичная для уголовной юстиции форма работы правоохранительных органов, вовсе не исконно свойственная предварительному расследованию правовая данность.

В публикациях автора настоящей статьи неоднократно обращалось внимание, что бытующие сегодня подходы к ординарному дознанию возникли относительно недавно – в результате начатых в 1920-х годах и проводимых в течение всех последующих лет перманентных преобразований советского и постсоветского досудебного производства. Кроме того, указывалось, что ввиду целого ряда причин некогда существовавшее в дореволюционной России классическое полицейское дознание со временем превратилось в полноценную уголовно-процессуальную деятельность, а некоторые присущие ему и, к слову, достаточно простые формы и методы выявления и раскрытия преступных деяний, сохранения следов произошедшего, установления и задержания подозреваемых и т. п. сильно усложнились, обросли множеством процессуальных гарантий и стали схожи с формами и методами работы органов предварительного следствия [10, с. 62–63]. Другими словами, к моменту появления сокращенного дознания предусмотренное гл. 32 УПК РФ ординарное дознание являлось далеко не базовой, а сильно усложненной формой классической работы правоохранительных органов полицейского типа. Кстати, в этой связи нельзя согласиться с отдельными коллегами, усматривающими в положениях гл. 32.1 УПК РФ те или иные признаки существовавших ранее правил работы

царской полиции и жандармерии либо раннесоветского «неполнообъемного» дознания. В силу редукционной природы сокращенного дознания, его изначальной предопределенности общими условиями и правилами предварительного расследования подобные параллели видятся совершенно неуместными [11, с. 51], а якобы обнаруженные сходства – несколько надуманными.

Таким образом, введение сокращенного дознания привело к возникновению правового парадокса. В двадцать третьем законе была предпринята достаточно странная редукционная попытка упрощения ранее усложненного (!), то есть долгожданного избавления дознания от навьюченных на него процессуальных тяжестей, подобно освобождению гондолы теряющего высоту воздушного шара от заранее запасенных балластных мешков с песком. В этом и состояла основная весьма грубая и непростительная ошибка «коллективного законодателя». Она была предопределена игнорированием общей парадигмы упрощений уголовно-процессуальной формы – упрощать можно лишь нечто исконно сложное, а не ставшее таковым в результате более ранних преобразований. Следовательно, вознамерившись подвергнуть редукции предварительно усложненные механизмы ординарного дознания, разработчики двадцать третьего закона вполне ожидаемо смогли ограничиться лишь точечными мерами, выраженными во фрагментарном послаблении отдельных правовых требований, наименее коррелированных с прочими запретами, дозволениями, предписаниями – тех самых балластных мешков с песком. Тогда как в противном случае пришлось бы посягать на неприкасаемое и «переписывать» добрую половину УПК РФ – перекраивать всю систему дознания и даже досудебного производства в целом, то есть не сбрасывать мешки с песком, а облегчать конструкцию самой гондолы. Поэтому избавить сокращенное дознание от основной массы свойственных ординарному дознанию и возникших в советский период юридических гарантий, равно как и соответствующих процессуально-процедурных компонентов, конечно, не удалось. Напротив, потребовались дополнительные правовые рычаги, способствующие возмож-

ности реализации подобных гарантий, например, никуда не девшихся прав подозреваемых, обвиняемых, потерпевших в условиях действия вводимых новшеств. В этой связи нетрудно предположить, что к точно таким же парадоксам, скорее всего, приведут любые новые правотворческие шаги, состоящие в упрощении предусмотренного гл. 32 УПК РФ дознания как изначально усложненной формы работы правоохранительных органов полицейского типа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бытующие в настоящее время тенденции к появлению редуцированных форм предварительного расследования, в первую очередь к упрощению дознания, – это не возврат к истокам и не устремленность в будущее, а прямой путь в никуда. И поэтому направленные на создание сокращенной формы дознания правотворческие замыслы неизбежно потерпели фиаско: с одной стороны, введенные новшества оказались бессмысленными, не приносящими никакой практической пользы, тогда как с другой – привели к дополнительным рискам и трудностям в работе наделенных дознавательскими полномочиями правоохранительных органов. Иначе говоря, справиться с поставленными задачами и внедрить максимально простой, скоротечный и, что немаловажно, достаточно дешевый меха-

низм расследования нетяжких преступлений наподобие дореволюционного или раннесоветского дознания «коллективному законодателю» было не под силу. Ввиду тех же причин такими же провальными будут и все последующие правотворческие инициативы, связанные с редукцией общей формы процессуальной деятельности органов дознания, в том числе разработанные МВД России предложения о введении особого порядка досудебного производства, о которых говорилось выше. Любые попытки упрощения ранее усложненного неминуемо потерпят фиаско.

В завершение остается лишь добавить, что реальные перспективы упрощения, ускорения и удешевления дознавательской практики полиции и других правоохранительных органов могут усматриваться лишь в общем изменении подходов к проведению дознания, в ослаблении предъявляемых к нему требований, в полной или частичной реставрации существовавшей ранее и достаточно сильно отличающейся от предварительного следствия модели дознавательской деятельности, например, некогда существовавшей протокольной формы досудебной подготовки материалов, направленной на оперативное выяснение обстоятельств случившегося и скорейшую передачу сформированных материалов в суд. Не исключено, что в таком случае потребность в каких-либо сокращениях, упрощениях или ускорениях дознания отпадет сама собой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Качалова О.В. Доказывание при сокращенной форме дознания / О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2013. – № 6. – С. 32–36.
2. Гирько С.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения / С.И. Гирько // Российский следователь. – 2013. – № 21. – С. 2–5.
3. Гаврилов Б.Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства / Б.Я. Гаврилов // Российский следователь. – 2011. – № 16. – С. 10–13.
4. Калачева А.В. Уголовно-процессуальная форма деятельности органов дознания / А.В. Калачева // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 3 (60). – С. 170–175.
5. Пастухов П.С. Теоретическая модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества / П.С. Пастухов. – Москва : Московская академия экономики и права, 2014. – 296 с.

REFERENCES

1. Kachalova O.V. Proof in Abbreviated Inquiry Proceedings. *Criminal Procedure*, 2013, no. 6, pp. 32–36. (In Russian).
2. Girko S.I. Execution of the Contracted form of Inquiry in a Criminal Case: Prognoses and Opinions. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 21, pp. 2–5. (In Russian).
3. Gavrilov B.Ya. On Measures for Legislative Improvement of Pre-Trial Proceedings. *Russian Investigator*, 2011, no. 16, pp. 10–13. (In Russian).
4. Kalacheva A.V. Criminal and Procedural Form of Activity of Inquiry Bodies. *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2025, no. 3 (60), pp. 170–175. (In Russian).
5. Pastukhov P.S. Theoretical Model of Improving Criminal Procedure Evidence in the Context of the Information Society. Moscow Academy of Economics and Law Publ., 2014. 296 p.

6. Киселев А.А. Положение потерпевшего в рамках сокращенного досудебного и упрощенного судебного производства уголовного процесса России / А.А. Киселев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 1. – С. 107–113.

7. Шейфер С.А. Следует ли отказаться от допустимости как необходимого свойства доказательств? / С.А. Шейфер, М.А. Кошелева // Уголовная юстиция. – 2013. – № 1 (1). – С. 56–58.

8. Смирнов А.В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов / А.В. Смирнов // Уголовный процесс. – 2013. – № 6. – С. 22–30.

9. Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. / О.Л. Васильев // Закон. – 2013. – № 8. – С. 100–108.

10. Россинский С.Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса / С.Б. Россинский // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 58–65.

11. Кувалдина Ю.В. Сокращенное дознание: соответствует ли процедура назначению уголовного судопроизводства? / Ю.В. Кувалдина, В.А. Лазарева // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11/1 (122). – С. 50–61.

6. Kiselev A.A. The Position of the Victim in the Framework of Abbreviated Pre-Trial and Simplified Court Proceedings of the Criminal Procedure of Russia. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2014, no. 1, pp. 107–113. (In Russian).

7. Sheifer S.A., Kosheleva M.A. Should Permissibility Be Abandoned as a Necessary Property of Evidence? *Russian Journal of Criminal Law*, 2013, no. 1 (1), pp. 56–58. (In Russian).

8. Smirnov A.V. Pre-trial Investigation in Abbreviated Form: Once Again About the Spirit of the Laws. *Criminal Procedure*, 2013, no. 6, pp. 22–30. (In Russian).

9. Vasiliev O.L. New Stage of Reform of Pre-Trial Stages of Criminal Procedure. Critical Analysis of the 2013 Innovations. *Zakon*, 2013, no. 8, pp. 100–108. (In Russian).

10. Rossinskiy S.B. The Russian System of Pre-Trial Proceedings as a Synthesis of Different Types of Criminal Procedure. *State and Law*, 2023, no. 4, pp. 58–65. (In Russian).

11. Kuvaldina Yu.V., Lazareva V.A. Abbreviated Inquiry: Does the Procedure Comply with the Purpose of Criminal Justice? *Vestnik of Samara University*, 2014, no. 11/1 (122), pp. 50–61. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 31.01.2026; принята к публикации 02.02.2026. The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 31.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.12

Original article

РУСМАН Галина Сергеевна
Южно-Уральский государственный
университет (Национальный
исследовательский университет),
Челябинск, Россия,
galina-rusman@ya.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7776-2538>

RUSMAN Galina Sergeevna
South Ural State University
(National Research University),
Chelyabinsk, Russia

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РАЗРЕЗЕ ПООЩРИТЕЛЬНЫХ ФОРМ

THE NATIONAL IDENTITY OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT
OF INCENTIVE-BASED FORMS

Аннотация. Современное российское уголовное судопроизводство характеризуется увеличением поощрительных процедур, целеполагание которых заключается в рациональном разрешении уголовно-правовых конфликтов и в процессуальной экономии. Однако прагматическая ориентация поощрительных уголовно-процессуальных форм на целевую рациональность и эффективность может порождать системные риски, ставящие под угрозу нормативно-правовую целостность уголовного процесса как сбалансированной системы, основанной на соответствующих принципах, в первую очередь на принципе законности. Такие риски проявляются в размывании институциональных границ между функциями стороны обвинения и судом, в неучете особенностей доказывания в поощрительных процедурах, а также в допущении вторичности интересов потерпевшего перед публичными целями. Цель: выявить присущие поощрительным уголовно-процессуальным формам противоречия, представляющие собой вызовы национальной идентичности уголовного судопроизводства, и предложить пути их разрешения. Методы: метод анализа использовался для выявления целерациональности уголовно-процессуальных поощрительных форм и определения ее границ; формально-юридический – для изучения нормативной конструкции поощрительных форм; правового моделирования – для обоснования необходимости введения стандарта поощрительного доказывания; структурно-системного анализа и синтеза – для выявления и обоснования ситуаций дисбаланса уголовного судопроизводства при применении поощрительных форм; конкретно-социологический – для демонстрации формализма и ошибок при оценке условий применения поощрительных норм. Результаты:

Abstract. Modern Russian criminal proceedings are characterized by an increase in incentive-based procedures, the aim of which is the rational resolution of criminal law conflicts and procedural economy. However, the pragmatic orientation of incentive-based criminal procedure forms toward goal-oriented rationality and efficiency can generate systemic risks that jeopardize the normative and legal integrity of criminal procedure as a balanced system founded on relevant principles, primarily the principle of legality. Such risks manifest in the blurring of institutional boundaries between the functions of the prosecution and the court, in the disregard for the specifics of evidence in incentive-based procedures, and in the allowance of the victim's interests being secondary to public goals. The purpose is to identify the inherent contradictions in incentive-based criminal procedure forms that pose challenges to the national identity of criminal proceedings, and to propose ways to resolve them. The analytical method is used to identify the purposefulness of incentive-based forms in criminal procedure and determine its boundaries; the formal-legal method is used to study the normative construction of incentive-based forms; the legal modeling method is employed to justify the necessity of introducing a standard for incentive evidence; the structural-system analysis and synthesis method is used to identify and justify situations of imbalance in criminal proceedings when applying incentive-based forms; the concrete sociological method is used to demonstrate formalism and errors in assessing the conditions for applying incentive-based norms. Results: The article concludes that incentive-based mechanisms in criminal proceedings could disrupt the systemic coherence of criminal procedure as a

сформулирован вывод, что поощрительные формы уголовного судопроизводства могут привести к дисбалансу в системной целостности уголовного процесса как неотъемлемого элемента российского права, обусловленного целью справедливого разрешения по существу уголовно-правового конфликта. Действительная эффективность уголовно-процессуальных поощрительных форм возможна посредством усиления восстановительной их сущности и роли судебного контроля.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, поощрительные формы, целерациональность, процессуальная экономия, упрощенные процедуры, освобождение от уголовной ответственности, нереабилитирующие основания, прекращение уголовного дела, публичные интересы

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03308, <https://rscf.ru/project/25-28-03308/> «Концептуальная модель оптимизации поощрительных форм уголовного судопроизводства в контексте гуманизации и цифровой трансформации судопроизводства».

Для цитирования: Русман Г.С. Национальная идентичность уголовного судопроизводства в разрезе поощрительных форм / Г.С. Русман. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 112–119.

fundamental component of Russian law, given its purpose of ensuring a fair resolution of criminal law conflicts on substantive grounds. The actual effectiveness of criminal procedure incentive-based forms is possible through strengthening their restorative essence and the role of judicial control.

Keywords: criminal proceedings, incentive-based forms, purposefulness, procedural economy, simplified procedures, exemption from criminal liability, non-rehabilitating grounds, termination of criminal proceedings, public interests

Financing. The research is funded by Russian Science Foundation Grant No. 25-28-03308, <https://rscf.ru/project/25-28-03308/>, titled “A Conceptual Model for Optimizing Incentive-Based Forms of Criminal Proceedings in the Context of Humanization and Digital Transformation of Justice”.

For citation: Rusman G.S. The National Identity of Criminal Proceedings in the Context of Incentive-Based Forms. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 112–119. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.12.

ВВЕДЕНИЕ

Современное российское уголовное судопроизводство характеризуется внедрением поощрительных форм, представляющих собой совокупность процедур, гарантий и условий, направленных на реализацию целей уголовного судопроизводства, фиксацию оснований применения поощрения и разрешения уголовно-правового конфликта при позитивном, одобряемом государством и обществом поведении лица, привлекаемого к уголовной ответственности [1, с. 22], и интенсификацией их применения. В общем смысле данные формы призваны стимулировать социально полезное поведение обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) с целью скорейшего окончания производства по уголовному делу. Рассматриваемые формы, включая прекращение уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, специальные основания освобождения

от уголовной ответственности, предусмотренные в Особенной части УК РФ, особые порядки судебного разбирательства (гл. 32.1, 40, 40.1 УПК РФ), не являются случайными новеллами в уголовно-процессуальном законодательстве. Они представляют собой целенаправленное воплощение целерациональности¹ в уголовно-процессуальных отношениях, направленной на оптимизацию уголовно-процессуальных ресурсов, в том числе на сокращение

1 М. Вебер рассматривал целерациональность как «идеальную модель работы с решениями», связанную с обеспечением разумной организации человеческой деятельности, которая опирается на знания и опыт, накопленный в соответствующей сфере; знания о содержании процессов и устройстве социальных объектов, подлежащих перестройке; на адекватность решения о специфике ситуации, в которой субъект действует. Рациональность в данном случае представлена связкой «цель – средство», которая предполагает выбор средств, адекватных поставленной цели. Г. Ленк одним из значений рациональности называет целерациональность, рациональность «цель – средство», или инструментальная рациональность, в смысле минимизации результатов при данных не подлежащих обсуждению задачах [см.: 2; 3; 4; 5].

процедурных сроков и снижение социальной напряженности между лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, потерпевшим, государством и обществом, возникшей в результате совершенного преступления.

В то же время именно в рамках поощрительных уголовно-процессуальных форм, казалось бы, сугубо рациональных, а значит, «разумно обоснованных, целесообразных»² конструкций, проявляются элементы (симптомы), угрожающие национальной идентичности уголовного процесса как целостной, логически непротиворечивой системы, основанной на балансе эффективности, законности и справедливости. Стремление к прагматической эффективности уголовного судопроизводства посредством насыщения его поощрительными процедурами, несмотря на множественные положительные ожидания и результаты, может привести к трансформации сущности уголовно-процессуальной формы.

ДИСБАЛАНС ЦЕЛЕРАЦИОНАЛЬНОСТИ ПООЩРИТЕЛЬНЫХ ФОРМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Представляется, что поощрительные формы уголовного судопроизводства, направленные на эффективное разрешение уголовно-правового конфликта посредством сотрудничества лица, привлекаемого к уголовной ответственности, потерпевшего, общества и государства, носят выраженный прагматический, целерациональный характер, что непосредственно проявляется в признаках рассматриваемых форм, а именно в гибкости, взаимовыгодности и экономической целесообразности. При этом гибкость уголовно-процессуальных поощрительных форм характеризуется, на наш взгляд, потенциальной возможностью участников уголовного процесса неоднократно инициировать поощрительные процедуры на различных стадиях; взаимовыгодность выражается в полезном сотрудничестве лица, привлекаемого к уголовной ответственности, потерпевшего, общества и государства, удовлетворяющих свой интерес в ускорении и упрощении судопроизводства, в снижении затрат на него; экономи-

ческая целесообразность и рационализация поощрительных процедур направлены на достижение эффективности судопроизводства, отличающегося простотой и высокой социальной значимостью такого сотрудничества.

А.И. Цыреторов в результате исследования рациональных основ уголовного судопроизводства в разрезе социологических техник пришел к выводу, что прагматизму «чистого» рационализма созвучна эффективность, которая предполагает соотношение затрат и результата (эффекта). В то же время высокая эффективность, отмечает автор, предполагает оперативное и максимально полное достижение поставленных целей с минимальными издержками. «Подобный подход порой означает необходимость упрощения в ущерб должной правовой процедуре как фактору, усложняющему деятельность правоприменителя» [6, с. 156].

Эффективность – это оценочная категория, с помощью которой определяется уровень функциональности механизма индивидуального правового регулирования в динамическом состоянии [7, с. 139]. Оценивая эффективность и рациональность конкретной уголовно-процессуальной формы, нельзя не учитывать, что в ходе производства по уголовному делу наряду с уголовно-правовым конфликтом между сторонами возникают множественные уголовно-процессуальные противостояния. Это сказывается на функциональности и качестве результата применения действующих форм судопроизводства, поскольку сохраняется заформализованность процесса, что может проявляться в том числе в отстаивании служебного интереса, широких дискреционных полномочиях должностных лиц и иметь последствием недостаточное обеспечение прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Применительно к сущностной основе поощрительных уголовно-процессуальных форм – эффективности и процессуальной экономии – следует подчеркнуть важный тезис, сформулированный А.А. Тарасовым: «Эффективность уголовного процесса в конечном счете – это эффективность использования властных полномочий должностных лиц и органов государства для защиты прав и законных интересов людей, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства» [8, с. 106].

² Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985. С. 583.

Поощрительные институты проектировались в уголовно-процессуальном законодательстве как ответ на системные проблемы избыточной формализации и длительности ординарных процедур, перегруженность следственной деятельности и судебной системы. В таком понимании они являют собой логичный и обоснованный с точки зрения теории рационального выбора шаг, направленный на своего рода разгрузку уголовного судопроизводства и переориентацию его участников на сотрудничество, в рамках которого лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, исходя из конформистского отношения к происходящему порядку оценивает закрепленные в законе условия применения конкретной поощрительной формы и возможную «выгоду», избирает стратегию, минимизирующую потенциальные негативные последствия, позволяющую завершить уголовное дело с наиболее благоприятным для себя исходом.

Однако парадокс рациональности поощрительных форм уголовного судопроизводства заключается в том, что, будучи внедренными в систему уголовного процесса, они начинают размывать институциональные границы этой системы. Во многом это обусловлено симбиозом материально-правовых и процессуальных отношений в рамках данных форм, где существование одних невозможно без реализации других.

Поощрительные уголовно-процессуальные правоотношения можно определить как взаимозависимые и взаимообусловленные правовые отношения, складывающиеся в рамках уголовного судопроизводства при реализации материально-правовых поощрительных норм и уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок данной реализации.

Корреляция материально-правового и процессуального содержания в рамках поощрительных правоотношений в уголовном судопроизводстве является безусловной. Ввиду того, что уголовно-процессуальное поощрение реализуется в форме уголовно-процессуальных поощрительных правоотношений, институт поощрения выступает в качестве механизма правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности в целом. При этом применение поощрительных норм, предусмотренных действующим законода-

тельством, а значит инициирование и реализация поощрительных правоотношений, осуществляется в рамках особого порядка – поощрительной формы уголовного судопроизводства [9, с. 47–48]. Следовательно, в материально-правовом смысле поощрение предполагает конкретный результат (освобождение от уголовной ответственности, сниженный размер наказания), в процессуальном смысле «поощрительная форма судопроизводства» – процедурный порядок инициирования и реализации поощрительных правоотношений.

Вместе с тем, как правильно отмечает Л.В. Головкин, фундаментальной особенностью российского уголовного права является его влияние в силу исторических причин на институциональные границы уголовного процесса, что привело к их видоизменению, «уничтожив применительно к предварительному расследованию классическое разграничение между полицией и юстицией за счет "полицизации" предварительного следствия и "квазиюстицизации" полицейского дознания и установив на его месте новое разграничение между "процессуальной деятельностью" и "непроцессуальной деятельностью"» [10, с. 92].

Поощрительные уголовно-процессуальные формы усугубляют обозначенную тенденцию, привнося в публично-правовые по своей природе уголовно-процессуальные отношения квазидоговорные элементы, что обусловлено в том числе широкими дискреционными полномочиями должностных лиц. Особенно это проявляется, например, в особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон и др. Соответствующее процессуальное решение (об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующему (оценочному) основанию, о назначении более мягкого наказания в связи с выраженным согласием с предъявленным обвинением и т. п.) de facto становится предметом согласования между сторонами обвинения и защиты, где деятельность суда порой направлена не столько на установление доказанности обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, сколько на легитимацию достигнутого сторонами «соглашения». Подобный подход при реализации поощри-

тельных форм уголовного судопроизводства может привести к некой «административизации» судебной функции, что противоречит российской классической модели разделения процессуальных функций.

Чтобы не нагнетать ситуацию, стоит оговориться, что уголовно-процессуальные правоотношения не могут носить «договорного» характера, которому присуще равенство сторон, поскольку они невозможны без обязательного участия государства как субъекта такого правоотношения в лице его уполномоченных должностных лиц или судей, обладающих существенно бóльшим объемом правомочий, в том числе инструментами принуждения по отношению к вовлеченным в уголовный процесс лицам.

Относительная трансформация процесса доказывания в уголовно-процессуальных поощрительных формах, его усечение по сравнению с общим порядком уголовного судопроизводства посредством, например, сокращения судебного следствия и минимизации объема исследуемых доказательств является в определенной степени риском, не согласующимся с целерациональностью исследуемых процессуальных форм. Судебная практика показывает, что доказывание в поощрительных формах уголовного судопроизводства порой строится на формальном установлении наличия или отсутствия условий применения конкретной поощрительной формы, признании обвиняемым предъявленного ему обвинения без надлежащей проверки и оценки необходимой совокупности доказательств судом или следователем (дознавателем) вопреки требованиям ст. 17 и 88 УПК РФ. Подобные ситуации создают риск принятия ошибочного решения, что может повлечь последующее его обжалование, нивелирующее признак процессуальной экономии, присущий рассматриваемым формам, ненадлежащую реализацию прав и законных интересов потерпевшего, обвиняемого (подсудимого).

Как справедливо указывает В.Н. Исаенко, ошибки в квалификации преступлений находятся в непосредственной связи с ошибками в оценке доказательств в их совокупности и достоверности каждого из доказательств, а неверная их оценка лежит в основе судебных ошибок [11, с. 61, 63]. Таким образом,

рациональность как экономия процессуальных ресурсов в поощрительной уголовно-процессуальной форме вступает в прямой конфликт с рациональностью – установлением достоверных оснований для применения материального закона не только с точки зрения статей Особенной части УК РФ, но и оснований и условий применения конкретной поощрительной формы, ставя под угрозу принцип законности как в его материальном, так и в процессуальном воплощении.

Чтобы не быть голословной, приведу пример из судебной практики Верховного Суда РФ, иллюстрирующий формальный подход к оценке основания и условий применения поощрительной формы уголовного судопроизводства, в частности освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

В феврале 2023 г. М. через общедоступный российский сайт объявлений о продаже товаров и услуг в нарушение требований законодательства продал К., участвовавшему в оперативно-розыскном мероприятии проверочная закупка, специальное техсредство, предназначенное для негласного получения информации – GPS-трекер (ст. 138.1 УК РФ «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации»). Суд первой инстанции рассмотрел ходатайство защитника о прекращении уголовного дела в отношении М. в соответствии со ст. 76.2 УК РФ и пришел к выводу, что с учетом данных о личности подсудимого и обстоятельств дела возможно освобождение М. от уголовной ответственности с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, поскольку М. ранее к уголовной ответственности не привлекался, обвиняется в совершении преступления средней тяжести, вину в инкриминируемом преступлении признал полностью, в содеянном раскаялся, сделал пожертвование в благотворительный фонд помощи больным детям. Апелляция оставила в силе это судебное постановление.

Однако Четвертый кассационный суд общей юрисдикции не согласился с решениями нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение, указав, что судами не учтена направленность совершенного М. пре-

ступления против прав и свобод, предусмотренных ст. 23 Конституции РФ, что признание М. вины и раскаяние в содеянном нельзя признать мерой, направленной на заглаживание причиненного преступлением вреда, что пожертвование в благотворительный фонд сделано не по инициативе М.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, изучив материалы дела и доводы сторон, в своем определении напомнила, что под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства, что уголовный закон не предусматривает ограничений для освобождения лица от уголовной ответственности по указанным основаниям в зависимости от объекта преступления, а вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Верховный Суд РФ отметил, что М. пожертвовал в благотворительный фонд помощи больным детям 205 000 руб. Оценив указанные действия подсудимого как направленные на восстановление нарушенных в результате преступления законных интересов общества и государства, суд признал их соразмерными и достаточными для принятия решения об уменьшении степени общественной опасности содеянного и прекращении дела. Данный вывод обоснован и подтверждается представленными стороной защиты доказательствами.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ, приняв во внимание конкретные обстоятельства дела, а именно то, что М. продал специальное техсредство, ранее приобретенное для обеспечения безопасности своей семьи, положительные данные о его личности, наличие на иждивении троих несовершеннолетних детей, факт совершения преступления средней тяжести впервые, признание своей вины и ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, пришла к выводу, что суд первой инстанции

законно освободил подсудимого от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. При этом, заметил Верховный Суд, указание Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, что сумма пожертвования определена не по инициативе подсудимого, не может быть определяющим обстоятельством при решении вопроса о применении ст. 76.2 УК РФ, поскольку уголовный закон не предусматривает его в качестве обязательного условия для освобождения лица от уголовной ответственности по этим основаниям³.

В устранении подобной «деформации» уголовно-процессуальной деятельности при реализации поощрительных форм и формировании единообразной практики положительную роль может сыграть разработка стандарта поощрительного доказывания. Такой стандарт должен иметь, с одной стороны, усеченный по отношению к ординарной форме характер, с другой – включать в себя подлежащие доказыванию обстоятельства, не предусмотренные ст. 73 УПК РФ, направленные на установление соблюдения соответствующих условий, например, наличия и формы заглаживания вреда, действительного примирения с потерпевшим, согласия на поощрительную форму, удовлетворенности последнего принесенными извинениями и т. д.

Еще одним риском применения поощрительных уголовно-процессуальных форм, связанным с их межинституциональностью и нравственными началами уголовного процесса, является баланс частных и публичных интересов, надлежащая защита прав потерпевшего.

Острота дисбаланса, порождаемая отдельными поощрительными формами (например, прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время), проявляется в превалировании публичного интереса над интересами потерпевшего. И.Э. Звечаров

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.11.2025 № 18-УД 25-33-К4 [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2499326 (дата обращения: 04.02.2026).

ский указывает, что расширение оснований освобождения от уголовной ответственности (материально-правовая поощрительная норма) часто происходит в ущерб интересам потерпевшего, процессуальные механизмы защиты которого остаются неразвитыми [12, с. 25]. Преследуя целью скорейшее разрешение уголовно-правового конфликта, государство в лице должностных лиц может отодвинуть на второй план частный интерес потерпевшего, при этом реализуя соответствующий публичный интерес и даже в относительной степени восстанавливая социальную справедливость (например, постановление обвинительного приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве). Однако в данном случае нельзя не учитывать специфику уголовно-процессуальной сферы и не согласиться с мнением А.А. Тарасова: «Частный интерес, попавший в сферу уголовно-процессуальных правоотношений, перестает быть собственно частным интересом – он защищается и ограничивается, прежде всего, в интересах правосудия, которое всегда было, есть и будет объектом публичного интереса» [13, с. 161]. Для минимизации остроты проблемы, связанной с восстановлением прав и законных интересов потерпевшего в обозначенных поощрительных формах, законодатель предусмотрел соответствующий механизм, позволяющий потерпевшему реализовать право требовать возмещения вреда, причиненного преступлением, в рамках гражданского судопроизводства.

Таким образом, чтобы поощрительные формы уголовного судопроизводства не выступали причиной дисбаланса национальной системы уголовного процесса, а являлись гармоничным ее элементом, следует исходить из

восстановительного подхода, неизменности соблюдения уголовно-процессуальных гарантий, особого предмета доказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поощрительные формы уголовного судопроизводства, концентрируя основные дилеммы между эффективностью и справедливостью, между стремлением к упрощению процедуры и соблюдением законности, обеспечением уголовно-процессуальных гарантий участвующим лицам, между частными и публичными интересами, являются своего рода «полигоном» проверки национальной идентичности уголовного процесса. Несмотря на целерациональный характер уголовно-процессуальных поощрительных форм, ориентированных на процессуальную экономию, чрезмерно прагматичный подход к их реализации демонстрирует некоторые риски, связанные с размыванием институциональных границ между стороной обвинения и судом, ненадлежащим уровнем доказывания, «вторичностью» интересов потерпевшего.

Национальная идентичность уголовного процесса в его поощрительном преломлении должна отражать согласованность и целостность процессуальных норм, институтов и процедур, направленных на достижение эффективного результата при минимальных процессуальных издержках, где рациональность является основой оптимизации, исключающей иррациональные элементы. Развитие и рационализация поощрительных форм уголовного судопроизводства должны заключаться в усилении восстановительной их сущности, в том числе посредством повышения контролирующей роли суда, а не в дальнейшем упрощении в угоду процессуальной экономии.

Список источников

1. Русман Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Г.С. Русман. – Челябинск, 2023. – 564 с.
2. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Lenk H. Typen und Systematik der Rationalität / H. Lenk // Zur Kritik der wissenschaftlichen Rationalität / Hrsg. E. Agazzi, H. Link. – München : Alber, 1986. – S. 20–21.

REFERENCES

1. Rusman G.S. Incentive-based Forms of Criminal Proceedings. *Doct. Diss.* Chelyabinsk, 2023. 564 p.
2. Weber M. Selected Works. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.
3. Lenk H. Typen und Systematik der Rationalität. In Agazzi E., Link H. (Hrsg.). *Zur Kritik der wissenschaftlichen Rationalität*. München, Alber, 1986. S. 20–21. (In German).

4. Гайдено П.П. Научная рациональность и философский разум / П.П. Гайдено. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
5. Щербина В.В. Целеформирующие и целеобеспечивающие рационализирующие социальные технологии / В.В. Щербина // Социологические исследования. – 2016. – № 4 (384). – С. 50–58.
6. Цыреторов А.И. Рациональные основы уголовного судопроизводства: взгляд через призму социологических воззрений / А.И. Цыреторов // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 3. – С. 150–167.
7. Григорьев А.С. Механизм индивидуального правового регулирования общественных отношений / А.С. Григорьев. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 139 с.
8. Тарасов А.А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса / А.А. Тарасов // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 100–112.
9. Русман Г.С. Взаимосвязь уголовного права и процесса на примере поощрительных правоотношений / Г.С. Русман // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 43–49.
10. Головкин Л.В. Фундаментальные особенности российского уголовного права и процесса с точки зрения сравнительного правоведения / Л.В. Головкин // Закон. – 2013. – № 7. – С. 88–96.
11. Исаенко В.Н. Неправильное применение уголовного закона как следствие несоблюдения требований уголовно-процессуального закона / В.Н. Исаенко // Уголовное право. – 2025. – № 7 (179). – С. 61–71.
12. Звечаровский И.Э. Материальное и процессуальное уголовное право: некоторые рассогласованности и пути их преодоления / И.Э. Звечаровский // Российская юстиция. – 2025. – № 8. – С. 25–31.
13. Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 152–163.
4. Gaidenko P.P. Scientific Rationality and Philosophical Reason. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2003. 528 p.
5. Shcherbina V.V. Goal-Forming and Goal-Supporting Rationalizing Social Technologies. *Sociological Studies*, 2016, no. 4 (384), pp. 50–58. (In Russian).
6. Tsyretorov A.I. Rational Foundations of Criminal Proceedings: A View through the Prism of Sociological Considerations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2024, vol. 19, no. 3, pp. 150–167. (In Russian).
7. Grigoriev A.S. Mechanism of Individual Legal Regulation of Public Relations. Moscow, YurLitinform Publ., 2012. 139 p.
8. Tarasov A.A. The Rational and the Irrational in Discussions about the Development of the Russian Criminal Process. *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 3, pp. 100–112. (In Russian).
9. Rusman G.S. Interrelation of Criminal Law and Proceedings on the Example of Incentive Legal Relations. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 43–49. (In Russian).
10. Golovko L.V. Fundamental Features of Russian Criminal Law and Procedure from the Point of View of Comparative Law. *Zakon*, 2013, no. 7, pp. 88–96. (In Russian).
11. Isaenko V.N. Incorrect Application of the Criminal Law as a Result of Non-compliance with the Requirements of the Criminal Procedure Law. *Criminal Law*, 2025, no. 7 (179), pp. 61–71. (In Russian).
12. Zvecharovsky I.E. Substantive and Procedural Criminal Law: Certain Misalignments and Ways to Overcome Them. *Russian Justice*, 2025, no. 8, pp. 25–31. (In Russian).
13. Tarasov A.A. On the Relativity of the Limits of Public and Private Interests in Criminal Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 152–163. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Русман Галина Сергеевна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rusman Galina Sergeevna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Expertise.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 02.03.2026. The article was submitted 05.02.2026; approved after reviewing 01.03.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.13

Original article

СОЛОВЬЁВ Сергей Александрович
Государственный академический университет
гуманитарных наук (ГАУГН); Адвокатское бюро
города Москвы «Сословие»,
Москва, Россия,
solovievsa@gaugn.ru

SOLOVIEV Sergey Alexandrovich
State Academic University for the Humanities
(GAUGN); Moscow City Law Office "Soslovie",
Moscow, Russia

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА

REFLECTIONS ON THE ROLE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE POLITICAL AND
LEGAL CONCEPT OF THE STATE

Аннотация. Признавая взаимосвязь политико-правовой концепции государства и его уголовного судопроизводства на аксиоматическом уровне, представляется важным определить значение идеологических основ государства для формирования суверенной модели уголовного процесса. Отказ от идеологической составляющей в России в период с 1990 по 2020 г., совершенный в угоду так называемой западной цивилизации, формирование политико-правовой концепции вопреки исторической преемственности в развитии Российского государства (ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ), некритическое принятие за основу западных образцов государственно-правового регулирования правоотношений, в том числе и в вопросах организации уголовного судопроизводства, привело к риску возникновения угрозы суверенитету государства, обусловленного явной декларативностью целого ряда конституционных и иных нормативных положений, подражательно привнесенных в позитивно-правовую систему, не обеспеченных в интеллектуальном и институциональном смысле подготовкой общества к таким изменениям, а в ряде случаев – внедрением таких изменений при очевидном их противоречии исторически сложившемуся механизмам осуществления конкретных правоотношений. Цель исследования заключается в обосновании значения идеологических факторов для формирования как политико-правовой концепции государства, так и национальной модели уголовного процесса. Основные методы исследования: исторический и сравнительный (использовались для демонстрации идентичности способов трансформации политико-правового устройства Российского государства в петровский и постсоветский периоды), системно-структурный (позволил рассмотреть уголовное судопроизводство как объект политико-правовой системы государства), корреляционного анализа

Abstract. Recognizing the axiomatic interconnection between the political and legal framework of the state and its criminal proceedings, it is important to define the significance of the state's ideological foundations for the formation of a sovereign model of criminal procedure. The rejection of the ideological component in Russia between 1990 and 2020, made in service to the so-called Western civilization, the formation of a political and legal concept contrary to the historical continuity in the development of the Russian state (Part 3 of Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation), coupled with the uncritical adoption of Western models of state law regulation of legal relations as a basis, including in matters of organizing criminal proceedings, have led to the risk of a threat to state sovereignty. This threat is caused by the explicitly declarative nature of numerous constitutional and other normative provisions, that were mechanically incorporated into the positive legal system. These provisions were neither intellectually nor institutionally prepared for by society, and in some cases were introduced despite their clear contradiction to historically established mechanisms for the exercising specific legal relations. The purpose of the research is to substantiate the significance of ideological factors in the formation of both the political and legal concept of the state and the national model of criminal procedure. Main research methods: historical and comparative methods are used to demonstrate the identity of the methods of transformation of the political and legal structure of the Russian state during the Petrine and post-Soviet periods; the system-structural method enables the consideration of criminal proceedings as an element of the state's political and legal system; correlation analysis reveals the relationship between the ideological component in the state and the political and legal

(позволил показать взаимосвязь между идеологической составляющей в государстве и политико-правовым устройством, включая модели уголовного процесса), юридико-догматический и толкования правовых норм (использовались при анализе Конституции РФ, а также уголовно-процессуального законодательства советского и постсоветского периодов), логический (позволил сформулировать выводы по результатам исследования). Результаты: сделан вывод о необходимости приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с трансформированной в 2020 г. (в том числе путем конституционного закрепления идеологических основ) политико-правовой концепцией государства, что невозможно сделать путем внесения отдельных изменений в УПК РФ, а требует разработки и принятия нового Уголовно-процессуального кодекса.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, государственный суверенитет, уголовно-правовая концепция развития государства, идеология государства, участники уголовного судопроизводства, метод всесторонности, полноты и объективности, изменение уголовно-процессуального законодательства

Для цитирования: Соловьёв С.А. Размышления о роли уголовного судопроизводства в политико-правовой концепции государства / С.А. Соловьёв. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 120–130.

structure, including models of criminal procedure; the legal-dogmatic method and the interpretation of legal norms are used in the analysis of the Constitution of the Russian Federation, as well as the criminal procedural legislation of the Soviet and post-Soviet periods; the logical method allows for formulating the conclusions based on the research results. Results: The article concludes that it is necessary to bring criminal procedure legislation into line with the political and legal concept of the state transformed in 2020 (including through the constitutional entrenchment of ideological foundations). This cannot be achieved by introducing individual amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, but rather requires the development and adoption of a new Criminal Procedure Code.

Keywords: criminal proceedings, state sovereignty, criminal law concept of state development, ideology of the state, participants in criminal proceedings, method of comprehensiveness, completeness and objectivity, changes in criminal procedure legislation

For citation: Soloviev S.A. Reflections on the Role of Criminal Proceedings in the Political and Legal Concept of the State. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 120–130. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.13.

Право есть начало, постепенно осуществляющееся в истории...
П.И. Новгородцев

ВВЕДЕНИЕ

Публично-правовая форма отправления уголовного судопроизводства в Российской Федерации позволяет на уровне аксиомы утверждать о существовании безусловной взаимосвязи между способами организации и механизмами осуществления указанного вида судопроизводства и политико-правовой концепцией государства. Вместе с тем главным, по нашему мнению, на сегодняшний день является вопрос как о существовании концептуально-го оформления уголовно-процессуальной политики в государстве, так и о существовании концепта в политико-правовой организации государства. Тот факт, что и уголовно-процессуальная политика государства оценивается

в настоящий момент как находящаяся на этапе становления [1, с. 43], и политико-правовая идеология¹ в современной России характеризуется эклектицизмом [4], является свиде-

¹ Применительно к целям настоящей статьи термины «идеология» и «концепция» использованы как синонимы, что соотносится с принимаемой нами позицией Т.Г. Понятовской, согласно которой концепт есть основополагающая, изначальная идея, не требующая доказательств ее исторической достоверности, обусловленная наличием системы обязательных элементов, расположенных в логической последовательности и находящихся в полной зависимости от концепта, а «концепция, в отличие от теории, не описывает предмет, а сама формулирует его» [2, с. 15]. У С.С. Алексеева читаем: «В принципе правовые идеи (представления, понятия, концепции и др.) в содержание того явления, которое обозначается термином "право" и тем более "позитивное право", не входят. Правовые идеи во всем своем многообразии – это главное содержание иного явления в юридической сфере – правосознания» [3, с. 56].

тельством взаимосвязанного существования этих двух феноменов, где «турбулентность» первого находится в очевидной зависимости от нестабильности второго.

Первопричиной этого явления, на наш взгляд, стал отказ от конституционного закрепления идеологических векторов жизнедеятельности государства, что в первую очередь повлияло на формирование всего законодательства, включая, безусловно, и уголовно-процессуальное.

Данный наш вывод соотносится с позицией С.С. Алексеева, утверждавшего, что «правоведение в его общетеоретических подразделениях – общей теории права, социологии права, а также философских разработках – оказалось одной из наиболее идеологизированных областей знаний» [3, с. 22].

Право на идеологию всегда оставалось за государством, несмотря на положения ст. 13 Конституции РФ, формирующей через идеологическое многообразие (ч. 1 ст. 13) и невозможность установления какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной (ч. 2 ст. 13) фактический запрет на идеологию как таковую.

Вместе с тем вопрос о фактическом или, скорее, герменевтическом существовании идеологии в государстве через дискуссию о необходимости трансформации положений ст. 13 Конституции РФ уже вышел в публичное пространство. Так, министр юстиции К. Чуйченко считает, что «"ни одна страна мира" не имеет в своей конституции запрета на идеологию, как в России», которая «в свое время по совету наших так называемых партнеров взяла на себя эти "повышенные обязательства"», а по мнению Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, «сам Основной закон имеет "идеологическое значение". Поскольку Конституция обладает высшей юридической силой и общеобязательным характером (для всего населения и на всей территории страны), закрепленная ею система ценностей имеет общенациональное *идеологическое* (курсив наш. – С. С.) значение, т. е. выступает в роли идеологии конституционализма»².

² Министр юстиции начал дискуссию об отмене запрета на идеологию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/12/974675-ministr-yustitsii-nachal-diskussiyu-ob-otmene-zapreta-na-ideologiyu?ysclid=mjzxn1lx1133802422> (дата обращения: 04.01.2026).

Подтверждением позиции В.Д. Зорькина являются нормативные новеллы, появившиеся в Конституции РФ после внесения в нее в 2020 г. поправок. Новая для Конституции РФ ст. 67.1, содержащая положения о сохранении памяти предков, вере в Бога, защите исторической правды, дополнения к конституционным положениям, изложенным в ст. 68, 72, 114 о русском языке как языке государствообразующего народа, о роли культуры как уникального наследия многонационального народа Российской Федерации, о защите семьи, материнства, отцовства и детства, институте брака как союза мужчины и женщины и о сохранении традиционных семейных ценностей, позволяют согласиться с мнением бывшего советника Президента РФ М. Федотова и говорить о достаточном «идеологическом наполнении Конституции РФ»³.

Чем же был обусловлен «идеологический маятник» периода 1990–2022 гг., который, на наш взгляд, стал причиной как разбалансировки политико-правовой концепции, так, соответственно, и уголовно-процессуальной политики в государстве?

КРАТКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАВЕ, ИДЕОЛОГИИ И СВОБОДЕ

Мы далеки от мысли построить работу по принципу «раньше было лучше». Вместе с тем представляется, что во взаимосвязи с недавно закрепленным положением ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ, определяющим, что Российская Федерация является правопреемницей Союза ССР на своей территории, сравнительный анализ и оценка политико-правовых концепций РСФСР и современной России, а также используемой и реализуемой в определенные временные периоды уголовно-процессуальной политики в государстве не просто могут, а должны использоваться и уже фактически используются как методологический прием.

С.С. Алексеев, преломив через учение И. Канта о праве, как «самом святом, что есть у Бога на земле», и подвергнув во многом обоснованной критике модель общественного устройства Советского государства, породившую «идеологию иллюзий, искушения и нетерпения – марксистскую, ленинско-сталинскую

³ Там же.

доктрину "научного" социализма и коммунизма», сформулировав вывод, что «большевизм, неизменно прикрываясь внешне благообразными, обманчивыми лозунгами, олицетворяет проклятие коммунизма, его суть – господство в обществе неограниченного произвола, насилия, беспредела, подавления человека, его достоинства и неотъемлемых прав» [5, с. 224–239], вывел некую триаду политико-правовых «язв» советской концепции государственного устройства: 1) отсутствие гуманистических начал в праве; 2) замена равенства всех в праве на реально невозможное «равенство во имя социальной справедливости в материальном положении людей»; 3) негативный взгляд на частную собственность⁴ [5, с. 224–239].

О «подавлении начала свободы и гипертрофировании начала власти» в советскую эпоху пишет и В.Д. Зорькин, отмечая, что социально-политическая конструкция в указанный период существования государства «держалась за счет жесткого тоталитарного диктата, подавляющего свободу личности» [7, с. 9], а основная особенность советского права, как справедливо отмечает Л.В. Головкин, заключалась в «...его полном бессилии перед фундаментальными конфликтами социально-политического характера. Именно в этом состояла очевидная и фатальная слабость советского права, связанная не столько с правом как таковым или, допустим, некомпетентностью советских юристов, а с теми условиями, в которые оно было поставлено» [7, с. 106].

Попав, по меткому выражению В.Д. Зорькина, в «ловушку смертельного маятника» [8, с. 10], многие из нас стали свидетелями его движения в обратную сторону, причем со скоростью, настолько превышающей движе-

ние в предыдущем направлении, что предоставленная обществу свобода моментально превратилась в произвол, а демократические преобразования юридической системы страны были отторгнуты и, как отмечал С.С. Алексеев (в 1989 г. – член Верховного Совета РСФСР), «...вследствие этого заранее обречены на бесплодность: такого рода изменения и новеллы неизбежно оказывались размытыми и в конечном итоге обескровленными, смятыми, неспособными дать ожидаемого эффекта» [9, с. 48].

В медицине отторжение инородного органа (трансплантата) оценивается как иммунологическая реакция организма. В юриспруденции отторжение новых нормативных установлений, рассматриваемых на первоначальном этапе как безусловно демократические, обусловленные либеральной трансформацией государственного устройства, свидетельствовало, что их внедрение в юридическо-правовую ткань государства не учитывало не только неготовность общества как «организма» к принятию нового правового устройства («трансплантата»), но и столкнулось с массовым противодействием трансформируемым правовым основам государства⁵, так как «общество не успело внутренне (интеллектуально и институционально) подготовиться» к таким изменениям [8, с. 9]. Поиск антипода советскому праву был недолгим, так как при общей оценке предыдущего этапа существования государства как тоталитарного, недемократического и антиправового все взгляды были обращены на организацию правового устройства Европы, которая, как отмечали правоведы, в отличие от России, «прошла историческую полосу Возрождения» [5, с. 254].

Вступление России в феврале 1996 г. в Совет Европы, ратификация 30 марта 1998 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, установление моратория на смертную казнь, внедрение в российскую жизнь массовых «программ сотрудничества», финансируемых как Европейским союзом, так и западными фондами и организа-

4 Вступая в дискуссию с профессором В.Н. Кудрявцевым, утверждавшим, что «на привычной для нас материалистической почве трудно возродить идеи естественного права» [6, с. 7], С.С. Алексеев высказал предположение, что именно исходя из вышеуказанных представлений о естественном праве «...специалисты, которые на завершающем этапе, непосредственно перед референдумом (от 12.12.1993 о Всенародном голосовании по проекту Конституции РФ – С. С.), отработывали и редактировали текст Конституции Российской Федерации и в ходе такой отработки и редактирования из него исключили формулировки, отражающие естественно-правовое видение прав человека (в том числе – что особенно прискорбно – формулировку о частной собственности как естественном праве человека)» [3, с. 28].

5 В Послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 05.11.2008, озвученному в год 15-летия Конституции РФ, было отмечено: «справедливо и то, что этой проблемой – пренебрежения к праву – мы еще системно и глубоко не занимались» (см.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

циями в декларируемых целях обеспечения в Российской Федерации развития, подтверждающего приверженность «идеалам и принципам гуманизма и демократии», а также многие другие действия со стороны Российского государства демонстрировали, на наш взгляд, открытые и искренние намерения по нашей интеграции в семью европейских народов.

Важным публичным показателем трансформации правовой системы приближающейся новой России⁶ явилось постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. «О Концепции судебной реформы в РСФСР», обеспечивающей, как следует из первой строки ее преамбулы, «возвращение Отечества в лоно мировой цивилизации», которое, согласно п. 1 указанного постановления, является необходимым условием функционирования РСФСР как демократического правового государства и одним из приоритетных направлений законопроектной деятельности⁷. Надо отметить, что данное положение явно подтверждает взаимосвязь между механизмами отправления судопроизводства в государстве и политико-правовой концепцией его развития и существования.

Однако, как показал дальнейший ход событий, «цивилизованный Запад» видел в России не равноправного субъекта правоотношений, а исключительно объект этих отношений, управляемый им в собственных интересах под прикрытием идеологии о свободе и демократии, о построении в России государства либерального типа. То есть ровно то, что критиковалось всеми, в том числе западными странами, в системе уголовного судопроизводства Советского государства, в котором обвиняемый был не полноправным субъектом уголовно-процессуальных правоотношений, а исключительно объектом их приложения со стороны государства. Ровно такой же формат взаимоотношений предлагался России,

но уже на государственном уровне, при котором властное управление будет практически полностью делегировано наднациональным органам (Европейскому парламенту, Европейскому совету, Суду Европейского союза и т. д.). Такой подход явно противоречил классической формуле либерализма, выработанной И. Кантом, указывающей, как писал С.С. Алексеев, на «саму суть концепции свободы человека» [5, с. 241]. «Никто, – писал И. Кант, – не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет (так, как он представляет благополучие других людей); каждый вправе искать своего счастья на том пути, который ему самому представляется хорошим, если только он этим не наносит ущерба свободе других стремиться к подобной цели – свободе, совместимой по некоторому возможному всеобщему закону со свободой каждого другого...» [10, с. 285].

В настоящий момент уже на самом высшем уровне управления государством отмечается, что на начальном этапе трансформации политико-правовой концепции Россия и ее руководители наивно полагали, что коллективный Запад увидел и позитивно оценил происходящие в государстве изменения. Так, Президент РФ В.В. Путин в своем интервью от 17 декабря 2023 г. отметил, что у него «было наивное представление о том, что весь мир, и прежде всего так называемый цивилизованный мир понимает, что произошло с Россией, что она совсем стала другой страной, что идеологического противостояния уже нет, а значит нет основы для конфронтации»⁸. Негативные тенденции в политике западных стран в отношении России (в этой связи приведен пример поддержки западом сепаратизма и терроризма на территории России) В.В. Путин «по наивности своей» относил к «инерции мышления и действий»⁹.

Начиная с 2014 г., и тем более с 24 февраля 2022 г. – даты начала специальной военной операции, всем рационально мыслящим людям и в Отечестве, и за его пределами стало

6 Нами отмечается, что данное постановление было принято еще за несколько месяцев до официального упразднения СССР, но, как точно подмечено в научной литературе, используемая в нем терминология уже свидетельствовала о суверенном вычленении РСФСР из Союзного государства в вопросе отправления уголовного судопроизводства [1, с. 130].

7 О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=4&nd=102012853&ysclid=mk586jra9l732203854 (дата обращения: 08.01.2026).

8 Интервью В.В. Путина 17 декабря 2023 года политическому обозревателю ВГТРК Павлу Зарубину в рамках программы «Москва. Кремль. Путин» телеканала «Россия-1» / Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/12/17/putin-priznal-chto-v-2000-e-bylnaivnym.html?ysclid=mmjbb2napt307955714> (дата обращения: 07.01.2026).

9 Там же.

очевидно, что действия руководства «цивилизованного Запада» против Российской Федерации не являются инерционными и не могут квалифицироваться как «фантомные боли» от существования Советского Союза, а демонстрируют исполнение давно сверстаных планов по, как сейчас принято говорить, нанесению Российской Федерации стратегического поражения.

В этом же ракурсе есть основания рассматривать механизмы и способы влияния в указанный период времени, с 1990 по 2020 г., бывших партнеров нашего государства на формирование политико-правовой концепции развития России¹⁰, обоснованно рассматриваемой как система взглядов на государство и право, где все элементы системы «находятся во взаимосвязи, логически вытекают один из другого и находятся в строгом подчинении у "концепта" – идеи о происхождении государства» [2, с. 15].

В этой связи изменения в Конституции РФ 2020 г., что, в сущности, и является трансформацией политико-правовой концепции государства, были первым зримым ответом на вышеуказанные действия объединенного Запада, формирующим на конституционном уровне основы самых главных идеологических направлений, позволяющих на институциональном уровне обеспечить защиту суверенитета государства, в том числе путем трансформации позитивного права, действующего в Отечестве, включая, безусловно, и уголовно-процессуальное законодательство.

Л.В. Головкин справедливо отмечает, что «уголовный процесс всегда институционально принадлежит какому-либо государству, создается им, приводится в действие» и именно государство «является в формальной плоскости единственным источником легитимности уголовно-процессуального права» [11, с. 6].

¹⁰ Введение в 2003 г. в России Болонской системы образования – суть программа из этой же категории влияния на формирование зависимости нашего государства от единых европейских образовательных стандартов, принятых вне России, но обязательных к реализации. То есть опять не естественный ход развития образовательной сферы, а рекомендации от наднациональных органов, что называется, «спущенные сверху». Фактически выход Российской Федерации из Болонского процесса, по нашему мнению, взаимосвязан с трансформацией и конституционным закреплением идеологической составляющей нашего государства, призванной определять политико-правовую концепцию ее дальнейшего развития.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НЕОБХОДИМОСТИ И СПОСОБАХ УСТРАНЕНИЯ СУЩЕСТВЕННЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

В своих передачах Н.С. Михалков неоднократно отмечал вошедшее в России в привычку известное заблуждение все приходящее с Запада незамедлительно объявлять совершенным, что объясняется пошедшим еще от времен Петра I разделением между интеллигенцией и народом. Как отмечает В.Н. Синюков, «классические, строгие черты институтов и структур московского права» в петровский период нормотворчества «заменяются и разрыхляются назидательностью, метафоричностью, морализаторством правовых предписаний империи», что, по мнению ученого, дает основания считать Петра I «родоначальником западного правового миссионерства в России» [12, с. 100].

Отторжение своего через призму послышки, что ничего хорошего в Отечестве не может быть в принципе, стало катализатором и обоснованием тех судебных реформ, которые были проведены в России в 1990–2000 гг., так как единственная надежда на светлое будущее правовой системы страны виделась реформаторам в «скорейшем отрешении от прошлого и восприятии либеральных институтов и структур» [12, с. 7]. Умышленно или исподволь возобновив тем самым практику XVIII в., все правовое реформирование превратилось в «массированные интервенции "переводного" законодательства и в копирование зарубежных институтов – от управленческих до образовательных» [12, с. 7].

Отказ от мысли, что у России может быть другой путь и в политико-правовой концепции развития государства, и, таким образом, в организации судопроизводства, включая уголовное, привел к уже указанной эклектике и в идеологическом поле, и в уголовно-процессуальном¹¹.

¹¹ Справедлив в этой части В.Н. Синюков, говоря о большом соблазне и искушении «имея достаточно систематизированную и категориально отработанную историю западноевропейских народов, "вместить" в нее и российский путь, "совместив" схему развития страны с соответствующими этапами европейской цивилизации» [12, с. 93].

С.С. Алексеев, входивший в 1990-х годах в состав группы ученых-правоведов, занимавшихся формированием новой правовой системы России, оценивая полученные в этой связи результаты, с грустью говорил о планировавшихся, но не достигнутых результатах реформы, что, оказывается, «...демократическое преобразование юридической системы, сложившейся в условиях тоталитарного режима, состоит не столько в отмене тех или иных реакционных правовых положений и во включении в действующее право, казалось бы, передовых демократических установлений с использованием искусного юридического инструментария, сколько в том, чтобы, во-первых, осуществить преобразование ведущих, основополагающих факторов всей общественной жизни... и во-вторых, изменить саму настроенность, внутреннюю органику, природу юридической системы, достигнуть того, чтобы она стала ДРУГОЙ, соответствующей требованиям демократического общества. А что значит "другой"? Ответа на этот вопрос в те годы, годы только-только разворачивающихся в России демократических преобразований, еще не было» [9, с. 48].

Российская правовая система – самостоятельный правовой феномен, отмечает В.Н. Синюков. Ее трагедия или, как пишет сам автор, драма обусловлена тем, что «...волею своих политических, исторических, научно-познавательных судеб» она была механически включена в романо-германскую правовую семью, где стала рассматриваться как «"отклоняющийся" от нормы рудиментарный элемент» [12, с. 82]. Такой вывод В.Н. Синюков делает применительно к общей структуре правовой системы страны, но что тогда можно сказать о ее отдельном блоке, коим является уголовно-процессуальное право, которое, сохраняя преемственность с УПК РСФСР 1960 г. в целом ряде институтов советского уголовно-процессуального права (стадия возбуждения уголовного дела, использование советской теории доказательственного права), в основе своей имея «континентальную уголовно-процессуальную инфраструктуру» [1, с. 134], сохраняющую явную аффилированность с отечественным уголовно-процессуальным законодательством 1864 г., одновременно содержит правовые концептуальные направления

англосаксонской правовой семьи, заключающиеся: а) в конституционном закреплении универсального по отношению ко всем видам судопроизводства принципа состязательности и равноправия сторон; б) во введении института сторон с весьма спорным субъектным их наполнением; в) в максимальном снижении активной роли суда в уголовном процессе. Характеристика действующего уголовно-процессуального законодательства при таких вводных данных как «эkleктичного» [1, с. 135] представляется весьма мягкой и толерантной.

Оформляя модернизацию уголовно-процессуальной системы в государстве, мы пошли весьма дискуссионным путем заимствования идеи права или, как писал Н.Г. Стойко, «тотальной юридической аккультурацией или рецепцией» [14, с. 110], сопровождающейся радикальным изменением всех основ правовой системы государства, с отдельными «вкраплениями» элементов советского права. Отказ от замены обусловлен не отсутствием в той системе права, которая используется для заимствования, концепции решения сохраняемых советских элементов, а невозможностью преодоления внутриобщественного противостояния тотальной подражательной культуре в формировании новой российской системы уголовно-процессуального права. Факт того, что с момента распада СССР до момента принятия УПК РФ прошло больше одиннадцати лет, является, на наш взгляд, безусловным подтверждением, что механизм заимствования идей права привел к юридической декультурации, обусловленной, с одной стороны, полным и безмотивным отказом от национальной правовой традиции, выраженной в устоявшейся системе уголовно-процессуального права, а с другой стороны, как нами уже отмечалось, непринятием новой правовой системы по причине ее несоответствия сложившейся национальной правовой традиции.

Надо отметить, что оценка советского периода в государстве с использованием прилагательного «тоталитарный»¹² была обусловлена в первую очередь системой и механизмами отправления именно уголовного судопроизводства. Признав в уже упоминавшемся нами постановлении Верховного Сове-

¹² Хотя некоторые ученые считают возможным характеризовать его форму как «эпатажно-аберративную» [12, с. 97].

та РСФСР «О Концепции судебной реформы в РСФСР» одной из главных задач защиту и неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека, конституционных прав граждан в судопроизводстве, закрепив в Конституции РФ, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (ст. 2), государственная политико-правовая концепция, как справедливо отметил Ю.Е. Пермяков, была обязана учесть безусловную необходимость ограничить власть государства как предметно, так и процессуально. «Конституционное признание личности и человеческой жизни высшей ценностью государственной политики, если не наделять этот принцип исключительно декларативным содержанием, обозначает пределы политической власти... Власть ограничивает посредством прав человека также и процессуальные полномочия государственных учреждений: отныне они легитимны лишь в пределах соблюдения прав человека» [13, с. 42–43].

Вместе с тем человекоцентристское направление в политико-правовой концепции государства формировалось через нарушение исторически сложившегося стиля правовой инновации, при которой, как отмечает В.Н. Синюков, модернизация идет путем постепенного угасания древнего источника, наслоения на него современного толкования, сохранения старой правовой почвы [12 с. 119].

Применительно к уголовному процессу в механизмах его тотальной модернизации в 1990–2000 гг. имеет место «сумбур вместо музыки», выраженный, на наш взгляд, в первую очередь через отказ от конституционной дифференциации судопроизводств, перечисленных в ч. 2 ст. 119 Конституции РФ и осуществляемых судебной властью путем исключения административного и уголовного судопроизводств из числа отправляемых на началах состязательности и равноправия сторон. Действующая формулировка ч. 3 ст. 123 Конституции РФ применительно к указанным видам судопроизводств, имеющих публично-правовую форму их организации, обеспечила негативную декларативную составляющую данной нормы, что повлекло полную дезорганизацию как в научном толковании

искомой состязательности и равноправия сторон, так и вопросах правоприменительной деятельности. И вот уже одни ученые говорят о современном уголовном процессе как о «публично-состязательном, предоставляющем сторонам не только формальное, но и функциональное равенство» [15, с. 321]; другие – о смешанной форме уголовного судопроизводства, где «предварительное расследование основано на началах публичности и носит розыскной (инквизиционный) характер, а судебное разбирательство осуществляется на последовательно состязательных началах» [16, с. 410]; третьи рассматривают принцип состязательности и равноправия сторон для целей уголовного судопроизводства как «ключевое экзистенциальное противоречие современного уголовно-процессуального права» [11, с. 306–307].

Увлеченные и обнадеженные принципом состязательности и равноправия сторон безвластные участники уголовного процесса, в первую очередь защитники и обвиняемые, в попытке сравняться в полномочиях с публичными органами власти, в чью компетенцию входит расследование уголовных дел, выдвигают различные идеи, от полномочий защитника по самостоятельному расследованию (sic!) обстоятельств совершенного преступления, до подготовки в декабре 2025 г. по инициативе Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации законопроекта «О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 58 и 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым, как указывается в публикации, посвященной направлению этого законопроекта в Верховный Суд РФ и Правительство РФ, «уравниваются заключения специалиста и эксперта»¹³. Нельзя в этой связи не упомянуть гл. 40 УПК РФ, появившуюся в отечественном уголовном процессе, как уже открыто указывают в научной литературе, благодаря двум финансируемым бюджетом США американским специалистам [11, с. 133], что привело к тому, что к 2018 г. из общего

13 По инициативе ФПА подготовлен законопроект, уравнивающий заключение специалиста и эксперта // Адвокатская газета. 2025. 19 дек. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/po-initsiative-fpa-podgotovlen-zakonoproekt-uravnivayushchiy-zaklyucheniya-spetsialista-i-eksperta/> (дата обращения: 22.12.2025).

числа рассмотренных судами общей юрисдикции уголовных дел 79,95 % было рассмотрено в особом порядке [17, с. 9], что было признано одной из главных причин ухудшения качества расследования в государстве даже на уровне руководства Генеральной прокуратуры РФ¹⁴. Изменения, внесенные в ч. 1 ст. 314 УПК РФ Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ, исключившим из процедуры особого порядка принятия судебного решения уголовные дела о тяжких преступлениях, некоторым образом скорректировали приведенную чудовищную статистику, фактически превратившую обычный порядок рассмотрения уголовного дела в исключительный. В корреляции с указанными доводами находится и насаждавшийся в уголовном судопроизводстве через решения Европейского суда по правам человека принцип «равенства оружия», декларативность которого, с учетом отнесения к стороне обвинения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения и начальника органа дознания, а также прокурора, у рационально оценивающих властные возможности указанных представителей государственных органов сомнений не вызывает¹⁵. В этой связи сложно не согласиться с И.А. Исаевым, который отметил, что «подлинность наших верований никак не измеряется истиной их предмета» [18, с. 7].

Признавая объективную необходимость трансформации конституционных положений, в том числе путем наполнения Конституции РФ идеологическими маркерами, во взаимосвязи с согласием большинства граждан России с указанными изменениями, выраженными в итогах голосования по вопросу внесения изменений в Конституцию РФ, общество фактически признало в одном случае неточность, а в другом даже ошибочность тех положений, которые были закреплены в Основном законе в 1993 г. Убедены, что в настоящий

момент есть все основания признать ошибочность структуры и концептуального содержания действующего уголовно-процессуального законодательства, не соответствующего исторически сложившейся форме его отправления. Фактически в 1990-х – 2000-х годах в России произошло повторение социального переворота XVIII в., случившегося в результате сословных реформ Петра I, который, на наш взгляд, оказал разрушительное влияние на постсоветское формирование именно русской, российской государственности и права. Стоит отметить и сущностное, смысловое совпадение современных объяснений необходимости произведенных изменений в политико-правовом устройстве России, включая ее уголовно-процессуальное законодательство, с обоснованиями изменений, осуществленных в XVIII в., когда на фоне насаждения мысли о «русской политико-правовой отсталости» на российскую почву механически переносятся внешне привлекательные и актуальные государственные формы, которые *всегда* «ломали естественный ход жизни русского государства и права, выступая тормозом самостоятельного развития России» [12, с. 132].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уголовно-процессуальная деятельность, как справедливо отмечает Л.В. Головкин, неразрывно связана с идеей государственного суверенитета, а «уголовно-процессуальная ткань является более тонкой: в ней речь часто идет о закономерностях не только и не столько объективно универсальных, сколько исторических, культурных, сравнительно-правовых, что и предопределяет наличие у каждого государства своей неповторимой уголовно-процессуальной системы» [11, с. 19]. Признание этого дает достаточные поводы и основания для организации работы по формированию именно нового уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, которое во всех своих положениях будет отвечать конституционным положениям о преемстве Российской Федерации Союзу ССР на своей территории и объединенной тысячелетней истории, сохраняющей память о предках, передавших нам идеалы и веру в Бога, преемственности в развитии Российского государ-

14 Из стенограммы выступления Генерального прокурора РФ Чайки Ю.Я. на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры РФ с участием Президента РФ 19.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60100> (дата обращения: 18.01.2026).

15 «ЕСПЧ просто использует концепцию "равенства оружия" для того, чтобы поставить государство в положение вечно оправдываемой стороны, выбраться из которого оно при всем желании не в состоянии ввиду совершенной неадекватности предъявляемых к нему в данном аспекте требований» [11, с. 315].

ства с признанием исторически сложившегося государственного единства.

Никакие уточнения и «заплаточные» изменения не смогут сформировать истинно новый российский уголовный процесс. Пример современного уголовно-процессуального закона, изменения в который стали вноситься еще до его вступления в действие, во взаимосвязи с последующими масштабными изменениями и дополнениями, исчисляемыми сотнями, меняющими порой тот или иной институт уголовно-процессуального права самым кардинальным образом (например, трансформация за время действия УПК РФ положений ст. 125 или 237), является ярким подтверждением этому тезису.

Возвращаясь к эпиграфу настоящей статьи, мы должны признать ошибку в отказе от постепенного осуществления права в новой постсоветской истории. Вопреки утверждениям С.С. Алексеева, время показало, что деформация права может происходить не толь-

ко в ситуации полного подчинения власти правовых институтов, в их обработке и введении «в государственную систему, чтобы они стали послушной игрушкой в руках властвующих государственных и политических учреждений, безропотно реализовывали (и – что не менее важно – юридически оправдывали или даже возвеличивали) неправомерные требования власти, а то творили прямой произвол» [3, с. 76], но и в обратной ситуации, когда через искусственное насаждение в большей степени нормативных правовых деклараций, направленных на необоснованное уменьшение роли и значения ценности общественного интереса и самого государства предпринята попытка сформировать такой механизм уголовно-процессуальных правоотношений, при котором правовая защищенность граждан гарантируется не самим государством, а «приобретается в состязательной битве с ним» [11, с. 319] с использованием совершенно непонятного «равного» оружия.

Список источников

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2025. – 1041 с.
2. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права / Т.Г. Понятовская. – Ижевск. Изд-во Удмуртского университета, 1996. – 232 с.
3. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. Философия права и теория права / С.С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – 520 с.
4. Геращенко А.И. Политико-правовая идеология в современной России / А.И. Геращенко, И.Г. Геращенко // *Studia Humanitatis*. – 2017. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://st-hum.ru/content/gerashchenko-ai-gerashchenko-ig-politiko-pravovaya-ideologiya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 03.01.2026).
5. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. Линия права. Отдельные проблемы концепции / С.С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – 549 с.
6. Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности / В.Н. Кудрявцев // *Государство и право*. – 1994. – № 3. – С. 3–8.
7. Головки Л.В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте / Л.В. Головки // *Проблемы постсоветской теории и философии права : сборник статей*. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – С. 92–126.
8. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России : монография / В.Д. Зорькин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2016. – 416 с.

REFERENCES

1. Golovko L.V. (ed.). *Course of Criminal Procedure*. 4th ed. Moscow, Statut Publ., 2025. 1041 p.
2. Ponyatovskaya T.G. *Conceptual Foundations of the System of Concepts and Institutions of Criminal and Criminal Procedure Law*. Udmurt University Publ., 1996. 232 p.
3. Alekseev S.S. *Collected Works*. Moscow, Statut Publ., 2010. Vol. 7. 520 p.
4. Gerashchenko A.I., Gerashchenko I.G. Political and Legal Ideology in Modern Russia. *Studia Humanitatis*, 2017, no. 1. Available at: <https://st-hum.ru/content/gerashchenko-ai-gerashchenko-ig-politiko-pravovaya-ideologiya-v-sovremennoy-rossii>.
5. Alekseev S.S. *Collected Works*. Moscow, Statut Publ., 2010. Vol. 5. 549 p.
6. Kudryavtsev V.N. On the Understanding of Law and Legality. *State and Law*, 1994, no. 3, pp. 3–8. (In Russian).
7. Golovko L.V. Post-Soviet Theory of Law: Difficulties of Positioning in Historical and Comparative Context. *Problems of Post-Soviet Theory and Philosophy of Law. Collection of Articles*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. pp. 92–126. (In Russian).
8. Zorkin V.D. *Civilization of Law and the Development of Russia*. 2nd ed. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2016. 416 p.
9. Alekseev S.S. *Collected Works*. Moscow, Statut Publ., 2010. Vol. 4. 544 p.
10. Kant I. *Works in German and Russian*. Moscow, AO Izami Publ., Vol. 1. 1994. 584 p.

9. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. Линия права. Концепция: сочинения 1990-х – 2009 годов / С.С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – 544 с.
10. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. Трактаты и статьи (1784– 1796) / И. Кант. – Москва : АО Izami, 1994. – 584 с.
11. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головкин. – Москва : Городец, 2022. – 464 с.
12. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – Москва : Норма, 2019. – 672 с.
13. Пермяков Ю.Е. Лекции по философии права : учебное пособие / Ю.Е. Пермяков. – Самара : Изд-во Самарского университета, 1995. – 120 с.
14. Стойко Н.Г. Уголовный процесс России: история и перспективы развития / Н.Г. Стойко // Уголовное судопроизводство и практика / под ред. Н.А. Колоколова. – Москва : Юрайт, 2011. – С. 110–127.
15. Гармаев Ю.П. Принцип состязательности и необходимость реформы дидактики в юридических вузах России / Ю.П. Гармаев // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 1 (2). – С. 320–327.
16. Шейфер С.А. Смешанный или состязательный: каким законодатель хочет видеть российский уголовный процесс / С.А. Шейфер, А.А. Тарасов // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сборник научных статей. Вып. 2 / под ред. А.А. Напреенко. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2006. – С. 408–425.
17. Соловьев С.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) : монография / С.А. Соловьев ; под ред. Л.Н. Масленниковой. – Москва : Норма, 2021. – 296 с.
18. Исаев И.А. Воображаемая государственность. Пространство без территории: монография / И.А. Исаев. – Москва : Прогресс, 2024. – 224 с.
11. Golovko L.V. The State and Its Criminal Proceedings. Moscow, Gorodets Publ., 2022. 464 p.
12. Sinyukov V.N. The Russian Legal System. Introduction to General Theory. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2019. 672 p.
13. Permyakov Yu.E. Lectures on the Philosophy of Law. Samara University Publ., 1995. 120 p.
14. Stoyko N.G. Criminal Procedure in Russia: History and Development Prospects. In Kolokolov N.A. (ed.). Criminal Procedure and Practice. Moscow, Yurait Publ., 2011, pp. 110–127. (In Russian).
15. Garmaev Yu.P. The Principle of Competitiveness and the Necessity of Didactics Reform in Legal Institutions of Higher Education in Russia. *The Criminalist's Library*, 2012, no. 1 (2), pp. 320–327. (In Russian).
16. Sheifer S.A., Tarasov A.A. Mixed or Adversarial: What the Legislator Wants to See in Russian Criminal Procedure. In Napreenko A.A. (ed.). State and Law: Issues of Methodology, Theory, and Practice of Functioning. Collection of Scientific Articles. Samara University Publ., 2006. Iss. 2, pp. 408–425. (In Russian).
17. Soloviev S.A.; Maslennikova L.N. (ed.). Favor Defensionis. Moscow, Norma Publ., 2021. 296 p.
18. Isaev I.A. Imaginary Statehood. Space Without Territory. Moscow, Progress Publ., 2024. 224 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьёв Сергей Александрович – кандидат юридических наук, научный сотрудник кафедры публичного права юридического факультета; адвокат, управляющий партнер.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Soloviev Sergey Alexandrovich – Candidate of Sciences (Law), Researcher at the Department of Public Law of the Faculty of Law; lawyer, managing partner.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 06.02.2026. The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 06.02.2026.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.14

Original article

СМИРНОВ Александр Витальевич
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия;
Санкт-Петербургская академия Следственного
комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия,
excelsiorsm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1756-8941>

SMIRNOV Alexander Vitalievich
North-Western Branch of the Lebedev
Russian State University of Justice;
Saint Petersburg Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia

РОССИЙСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: В ПОИСКАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE: IN SEARCH OF CIVILIZATIONAL IDENTITY

Аннотация. Концепт «цивилизация», отражающий ценностные и нормативные идеалы общественного устройства, в XX в. стал пониматься преимущественно применительно к понятию локальных цивилизаций, точно так же как понятие идентичности – лишь в национальном ключе. Однако такой подход следует признать ограниченным, поскольку он не позволяет охватить универсальные признаки и ценности, определяющие место каждой локальной традиции в общем историческом развитии человечества. В статье рассматривается проблема поиска цивилизационной идентичности российского уголовного процесса через призму философско-правового подхода к пониманию цивилизации. Цивилизационная идентичность, по мысли автора, включает трансцендентное измерение, связанное с представлениями о добре, справедливости и духовных основаниях правопорядка. Цель исследования – осмыслить эволюцию российского уголовного судопроизводства как индикатора цивилизационной принадлежности страны. В работе использован комплекс философско-правовых и сравнительно-исторических методов. Первый – для выявления ценностных основ уголовного права и процесса как отражения цивилизационного мировоззрения, второй – для анализа генетических и культурных параллелей между российской и западноевропейской моделями правосудия. Результаты исследования показывают, что с момента становления государственности Россия развивалась в русле европейской цивилизации, заимствуя ее правовые и культурные образцы. Уголовное судопроизводство как одно из наиболее показательных выражений цивилизационной идентичности демонстрирует постоянное колебание между локальными историко-национальными особенностями и европейскими идеалами правосудия. Сделан вывод о необходимо-

Abstract. The concept of “civilization” reflecting the value and normative ideals of social order, came to be understood predominantly in the 20th century in relation to the notion of local civilizations, just as the concept of identity was understood solely in a national key. However, such an approach must be recognized as limited, as it fails to encompass the universal characteristics and values that define the place of each local tradition in the overall historical development of humanity. The article examines the problem of identifying the civilizational identity of Russian criminal procedure through the prism of a philosophical and legal approach to understanding the concept of civilization. The author posits that civilizational identity includes a transcendent dimension connected with notions of good, justice, and the spiritual foundations of the rule of law. The purpose of the study is to comprehend the evolution of Russian criminal proceedings as an indicator of the country’s civilizational affiliation. The research employs a combination of philosophical-legal and comparative-historical methods. The former is used to identify the value foundations of criminal law and procedure as a reflection of civilizational worldview, while the latter analyzes the genetic and cultural parallels between the Russian and Western European models of justice. The research results indicate that since the establishment of its statehood, Russia has developed within the framework of European civilization, adopting its legal and cultural models. Criminal justice, as one of the most illustrative expressions of civilizational identity, demonstrates a constant oscillation between local historical and national features and European justice ideals. The article concludes that Russian criminal

сти видеть в российском уголовном процессе не изолированный национальный феномен, а часть широкой цивилизационной традиции, формирующей духовно-нравственные основания права.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, европейская цивилизация, информационная цивилизация, формальная система доказывания, морфологические типы процесса, судебные реформы

Для цитирования: Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: в поисках цивилизационной идентичности / А.В. Смирнов. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.14 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 131–141.

procedure should be viewed not as an isolated national phenomenon, but as part of a broad civilizational tradition that shapes the spiritual and moral foundations of law.

Keywords: civilizational identity, European civilization, informational civilization, formal system of proof, morphological types of procedure, judicial reforms

For citation: Smirnov A.V. Russian Criminal Procedure: In Search of Civilizational Identity. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 131–141. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.14.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «цивилизация» пересекается с представлениями о ценностных и нормативных идеалах организации и жизни человеческого общества. В современном мире начиная с XX в. благодаря трудам О. Шпенглера, А. Тойнби, В. Шубарта, П.А. Сорокина цивилизационный подход стал отождествляться в основном с понятием локальных цивилизаций, подразумевающим многообразие исторических путей развития человечества. Рассматриваемый подход сменил господствовавшие в эпоху Просвещения идеи линейного универсализма и европоцентризма, связывавшие понятие цивилизации с достижением определенной степени социального и технического прогресса, являющейся, в свою очередь, итогом эволюционного исторического развития, траектория которого в своих основных признаках предполагалась единой для всех стран и народов. В локальной цивилизации видят «существующую в определенное время и на определенной территории систему, в рамках которой действует социокультурная общность с присущей ей совокупностью политико-экономических, культурных, духовных, конфессиональных, характеристик»¹. Однако нетрудно заметить, что сведение феномена цивилизационного развития лишь к локальным его проявлениям, хотя необходимо и полезно с фактологической точки зрения, недостаточно для

понимания его сущности, поскольку, сосредотачиваясь на особенных и частных признаках, затрудняет понимание роли и значения каждой локальной цивилизации в общем историческом мейнстриме. Поэтому цивилизационную идентичность не следует сводить лишь к идентичности локальной, или национальной, ибо это историософское понятие намного шире и глубже частных национально-исторических особенностей.

Российский геополитик и политический философ В.Л. Цымбурский, например, полагал, что неотъемлемым признаком самостоятельности всякой истинной цивилизации является идеология, которая соотносит государственное строительство народов, их социальные предпочтения и культурный стиль с предполагаемым трансцендентным назначением человечества, своего рода «сакральной вертикалью», устремленной к высшим представлениям о смысле разумного существования, добре и справедливости [1, с. 57].

Таким образом, цивилизационная идентичность, как в целом, так и в отдельных своих феноменальных проявлениях, включает признаки и ценности общечеловеческого порядка, которые данная социальная общность (нация или группа наций) открыла для всех в своем развитии.

В РУСЛЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Для России ее национальная идентичность со времен Рюрика всегда находилась в тени цивилизационной идентичности христианской

¹ Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты : энциклопедический словарь / отв. ред. М.П. Мchedлов. М. : Республика, 2001. С. 3.

Европы (достаточно взглянуть на флорентийские мотивы архитектуры Московского Кремля или зодчество Санкт-Петербурга). Именно в ней она черпала образцы для своего государственного строительства (феодалная система, сословно-представительная монархия, абсолютизм, парламентаризм и др.) и культуры. Одним из безошибочных маркеров цивилизационной идентичности служит строй уголовного судопроизводства. Он в числе первых отражает генезис цивилизационного развития, поскольку именно взгляды на преступное поведение и способы борьбы с ним в наиболее острой и неприкрытой форме отражают в качестве охраняемых объектов те представления о добре и зле, должном и недопустимом, которые составляют идеологический стержень цивилизационной «сакральной вертикали». Эти объекты, как и формы их защиты, на протяжении веков в общем и целом перекликались в России со своими западноевропейскими «сородичами». При этом поиски цивилизационной идентичности уголовного судопроизводства в разное время шли у нас разными путями, то сближаясь, то отдаляясь от тех или иных морфологических (национально-исторических), но всегда европейских моделей.

В своем развитии российский уголовный процесс прошел те же ступени, что и западноевропейские типы. Древнее судопроизводство периода Русской Правды (XI–XIII вв.) было в основном обвинительным. Доказательства имели характер подтверждений формальными средствами заявленных перед судом требований. Для этого использовались такие средства доказывания, как признание, испытания (ордалии) железом и водой, поле (судебный поединок), «послухи» (соприсяжники), «рота» (очистительная присяга), крестное целование. Однако применялись и такие средства, которые требовали свободной судебной оценки: «видоки» (свидетели, очевидцы) и поличное (вещественные доказательства, найденные у подозреваемого лица), а также использующие презумпцию виновности последнего владельца («свод») и круговую поруку общины, в которую приведет след («гонение следа»).

Создание централизованного Московского государства, как и в Западной Европе, сопровождалось в XIV–XVII вв. возникновением процесса розыскного типа («сыска»). Он стал

действовать параллельно с «судом», то есть ординарным обвинительным, а с отходом от ордалий и судебных поединков и частно-исковым судопроизводством. Обычно считается, что розыск возник в России «без всяких иноземных влияний, а вследствие лишь выяснившихся потребностей» [2, с. 33]. Тем не менее констатируется «поразительное сходство основных черт развития розыскного процесса в Западной Европе и в Московской Руси» [3, с. 209]. Это сходство неслучайно, оно связано с тем, что социально-политические условия России и Западной Европы до XVI в. расходились тогда еще не слишком заметно. «В тот период Русь находилась в условиях, когда она изначально могла пойти по западному пути развития» [4, с. 59]. С учетом этого нельзя отрицать и возможности влияния западного права на формирование русского судопроизводства. «Сыск», если не считать преследования государственных преступников в виде царской опалы, не был примитивной уголовно-административной расправой. Он практически совпадал с тем, что в Западной Европе называли «дознанием через местных людей», или обвинительным жюри. Фактически о таком обвинительном жюри под названием «извода перед 12 мужами» в случае «запирательства» обвиняемого речь идет и в краткой редакции Русской Правды (XI в.), известной как Правда Ярослава (ст. 15) [5, с. 47–48]. Следует учитывать, что Правда Ярослава была составлена в 1016 г. «ввиду острой необходимости урегулировать отношения новгородцев и варягов после завоевания великокняжеской власти Ярославом Мудрым» [6, с. 30]. Естественно предположить, что исконный норманнский обычай чинить суд через собрание из местных людей («12 мужей») вполне мог быть включен тогда в текст нового компромиссного закона. Причем не исключено, что не только «извод», но и круговая порука («гонение следа») является изначально норманнским изобретением. При схожих обстоятельствах круговая порука была введена норманнами и в Англии в округах-сотнях (hundred, wapentake) сразу после прихода к власти датчанина Кнуда Великого, а происходило это практически в то же самое время (1017), что и на Руси (1016) [7, с. 134–135]. О том, что это не просто совпа-

дение, а результат своего рода системы обмена правовым опытом в среде норманнских завоевателей-викингов, свидетельствует, например, отмеченный датским исследователем факт проникновения в скандинавскую раннесредневековую Исландию славянского государственно-правового термина «полюдь» (*polutasvart*), обозначавшего принятую тогда на Руси систему сбора князьями дани [8, с. 125]. Таким образом, весьма вероятно, что этими институтами уголовный процесс как на Западе, так и на Востоке обязан именно норманнской экспансии.

На Руси извод применялся при задержании «татя, душегубца и разбойника и грабежника» на месте преступления, как было зафиксировано, например, в договоре 1398 г. между великим князем Московским и великим князем Тверским [3, с. 651]. В XVI в., при Иване IV Грозном, извод принимает форму «большого повального обыска» (аналог английского обвинительного, или большого жюри), проводимого для выявления все более широкого круга преступлений выборными судьями – губными старостами и целовальниками. Розыск состоял из опроса «съезда» представителей всех сословий – «с выти по человеку». «Лихих людей» доставляли к губному старосте для дальнейшего расследования («довода») – простого расспроса, допроса под пыткой и очных ставок [9, с. 87–88]. Затем выносился приговор. Этот же порядок был сохранен Соборным уложением 1649 г.

Таким образом, российский «сыск» XIV–XVII вв. по своей форме почти полностью дублировал западноевропейский розыскной процесс того же периода, который был первоначально не плодом рецепции имперского римского права, а развитием самостоятельного германо-скандинавского наследия. Это значит, что русский уголовный процесс уже с древнейших времен формировался под сильным германским влиянием, что стало еще более очевидным с начала XVIII в., когда при Петре I и его преемниках с Запада рецептируется немецкий инквизиционный, а затем («Наказ» Екатерины II) и следственный порядок по Своду законов 1832–1857 гг.²

2 Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. 964 с.

Следствие, как и в немецком процессе, распадалось на предварительное (*inquisitio generalis*), начинавшееся в силу закона при наличии определенных поводов, и формальное (*inquisitio specialis*), по пунктам; в нем тоже присутствовали сословные депутаты – аналог немецких «шеффенов», прокуроры и стряпчие, действовала формальная система доказательств. Причем последняя следовала тому же пути, по которому теория доказательств шла в Западной Европе.

Это хорошо видно на примере книги второй XV тома Свода законов («Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках»). В Своде были подвергнуты глубокой систематизации и консолидации все российские законы, изданные с 1649 г., что явилось одним из важнейших этапов развития отечественного права. При этом в нем была закреплена формальная система доказывания, согласно которой доказательства делились на совершенные и несовершенные, когда «одного совершенного доказательства достаточно для признания осуждения несомненным» (ст. 306).

Тем не менее российский дореформенный уголовный процесс нельзя считать основанным целиком на формальной системе, поскольку он допускал и оценку доказательств судьями по внутреннему убеждению. Так, в Своде говорится: «Доказательства виновности почитаются совершенными, когда они исключают всякую возможность к показанию невиновности подсудимого» (ст. 305). И наоборот: «Доказательства виновности почитаются несовершенными, когда они не исключают возможности к показанию невиновности подсудимого» (ст. 307). Иначе говоря, совершенное доказательство считалось таковым не в силу формального статуса, а потому, что исключало в результате свободной по сути оценки все возможные версии невиновности подсудимого («всякую возможность к показанию невиновности»). Но подобное же сочетание формальных доказательств и внутреннего убеждения было присуще и континентальным правовым системам в средневековой Европе, где, как пишет английский профессор Дж.Х. Лангбейн, внутреннее убеждение всегда использовалось судьями для разрешения случаев неполного набора формальных доказательств со времен уже каролингских капитуляриев

[10, p. 145–147]. Мирьян Дамашка, американский и хорватский правовед, известный своими работами в области сравнительного уголовного правосудия, также пишет: «Правовые системы континентальной Европы средневековой эпохи придерживались так называемой теории полного доказательства (*probatio plena*), которая предписывала определенный набор доказательств, необходимых для осуждения по серьезным делам – обычно двух очевидцев, или признания, подтвержденного другими уликами. Этот формализм оставлял мало места для судебного усмотрения. Тем не менее даже в этих жестких системах судьи иногда прибегали к своему внутреннему убеждению для дополнения неполных доказательств, особенно по мелким преступлениям или когда формальные требования не выполнялись, но существовала моральная уверенность» [11, p. 78–80].

Однако после принятия 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) немецкий курс был временно оставлен и российский уголовный процесс всецело отдался новым – в целом либеральным – французским симпатиям, сохранив от старого порядка доказывания лишь «дознание через окольных людей». Пореформенный уголовный процесс России – это по сути французский морфологический тип, установленный Кодексом уголовного следствия Наполеона (1808). Предварительное расследование складывалось из полицейского дознания, не отягощенного особыми формальностями, и предварительного следствия, которое проводили судебные следователи, состоявшие членами окружных судов. Однако в отличие от французского или немецкого следственного судьи русский судебный следователь был более специализированным органом: он назначался не на краткий срок или тем более не *ad hoc* из числа судей, а бессрочно, на определенный следственный участок и не мог быть членом судебного присутствия, рассматривающего то же самое дело. Как и на французском *instruction preparatoire*, прокурор имел довольно значительные полномочия по отношению к судебному следователю, который не мог отказаться от исполнения требований прокурора, касающихся исследования обстоятельств дела и собирания доказательств (ст. 281–282 УУС); именно прокурор определял, произведено ли следствие с доста-

точной полнотой, и мог обратиться к дознанию (ст. 512 УУС), он составлял также обвинительный акт (ст. 519 УУС); по предложению прокурора следователь мог быть переведен из одного участка в другой (ст. 227 Учреждения судебных установлений). Таким образом, юридический статус судебного следователя, подобно положению французского следственного судьи (*juge d'instruction*), был до известной степени связан полномочиями обвинительной власти. Имея в виду эту ситуацию, известный российский юрист, профессор Н.Н. Полянский, писал: «Опыт, однако, показал, что там, где... законодателем сделана попытка установить грань между дознанием и предварительным следствием по самому существу их задач, эта грань на деле неизбежно стирается и следователь превращается в помощника прокурора» [12, с. 18].

Вместе с тем в русском процессе прокурорская власть была менее активна, чем по французскому Кодексу 1808 г., так как все меры, необходимые для производства следствия, мог принимать только судебный следователь по своему собственному усмотрению (ст. 264, 266 УУС). Прокурор не имел права вмешиваться в проведение следственных действий, а мог лишь присутствовать при этом и знакомиться на месте с материалами дела (ст. 280 УУС). На практике роль прокурора была еще менее активной, обычно она ограничивалась «одной лишь внешней стороной, то есть понуканием следователя и исправлением формальных упущений с его стороны» и почти не касалась «сути дела, содержания исследуемой области и границ ее» [13, с. 359–360]. Это оставляло следователю больше самостоятельности, но, с другой стороны, мешало налаживанию взаимодействия с полицией как органом дознания, которая находилась в «непосредственной зависимости от прокуратуры» (ст. 279 УУС) и никогда не была полицией судебной. Российский судебный следователь не был связан контролем со стороны такого органа, как следственная совещательная камера, которого Устав не знал. Что касается правового положения обвиняемого и защитника, то здесь надо отметить следующее: защитник допускался в дело лишь в период подготовительных к суду распоряжений, то есть уже по окончании следствия (ст. 557 УУС).

Однако русский процесс выгодно отличало от французского то, что обвиняемый на предварительном следствии пользовался широкими правами (некоторых из них у него нет и по сей день): мог присутствовать при осмотре и освидетельствовании, обыске, выемке, допросе свидетелей, дознании через окольных людей, рассматривать все производство по окончании следствия и др. (ст. 316, 359, 444, 455, 459, 462, 463, 466, 468, 469, 475–478, 491 УУС). Предание суду, как и во французском процессе, было делом камеры предания суду, в качестве которой выступала судебная палата (ст. 534, 543 УУС), однако последняя никогда не была в русском процессе руководителем судебного следователя. Российский Устав устанавливал такие положения, касающиеся деятельности судебных палат, которых нет во французском Кодексе и по сей день. Так, он разрешал обжалование всех следственных действий всеми участвующими в деле лицами, в то время как во Франции на это до сих пор уполномочен лишь прокурор (ст. 185 УПК Франции 1958 г.), а обвиняемый и потерпевший могут принести жалобу лишь на юрисдикционные постановления следственного судьи, причем потерпевший – лишь на решения об отказе в уголовном преследовании, о прекращении дела, причем только тогда, когда они связаны с его гражданско-правовыми интересами. В отличие от французского законодательства, по русскому Уставу круг лиц, которые могли обратиться на предварительном следствии за защитой своих прав в апелляционную инстанцию, был предельно широк – не только стороны, но и другие участники процесса (свидетели, понятые и т. д.). По французскому «лекалу» был скроен суд присяжных, отличавшийся резким разделением судебного следствия от прений сторон подробным допросом подсудимых председателем суда, имевшим большие дискреционные полномочия (ст. 613 УУС). Из французского процесса пришли к нам апелляционный и кассационный порядки пересмотра дел. В целом русское уголовное судопроизводство образца 1864 г. можно определить как смешанный процесс французского морфологического типа с преобладанием на смешанном предварительном расследовании следственно-розыскных признаков и состязательных – на последующих судебных стадиях.

25 мая 1922 г. был принят первый советский Уголовно-процессуальный кодекс, который имел переходный характер, поскольку соединил французский тип предварительного расследования и судебные стадии, построенные по германскому образцу. Следователь в принципе рассматривался как носитель судебной функции. Организационно он был независим от прокуратуры, ибо состоял в ведомстве губернского, а затем областного суда. Этот суд назначал следователя на должность, отстранял от производства, рассматривал жалобы на его действия (ст. 126–127 УПК 1922 г.). Однако судебная функция по-прежнему была недостаточно отделена от функции уголовного преследования: прокурор, как и раньше, мог давать следователю обязательные указания о направлении и дополнении следствия (ст. 121), а следователь мог лишь обжаловать в суде некоторые важнейшие его указания (ст. 151).

Однако в дальнейшем произошла фактическая ликвидация предварительного следствия, если понимать под ним судебную часть предварительной подготовки дел. Следователь из представителя судебной власти, из «маленького судьи» превратился в «маленького прокурора». За это на IV и V съездах деятелей советской юстиции (1922, 1924) активно выступал прокурор Верховного Суда СССР А.Я. Вышинский. Он предлагал отказаться от «старой» точки зрения на предварительное следствие как на судебную деятельность и рассматривать ее как однопорядковую с дознанием³. Против реализации этой идеи высказались видные советские юристы. Н.Н. Полянский констатировал, что в результате этих изменений в советском уголовном процессе прекратило существование предварительное следствие в его традиционном понимании [12, с. 24]. В дальнейшем этот момент станет важнейшей чертой советского уголовного процесса, которую в полной мере переняли потом все позднейшие российские УПК. Для прекращения научной дискуссии потребовался беспрецедентный шаг, акт силового давления – постановление объединенного заседания коллегий наркоматов Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) СССР и РКИ РСФСР от 10 сентября 1927 г. о полной передаче народных

3 См.: Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. 10–15 марта 1924 г. Тезисы. Стенографический отчет. Резолюции. М., 1924. С. 193–194.

следователей в подчинение прокуратуры и превращение их в «местных агентов прокурорского надзора»⁴. Постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г., ЦИК и СНК СССР от 30 января 1929 г. следственный аппарат был передан в прокуратуру⁵. Результатом этих событий стало упразднение в отечественном уголовном процессе предварительного следствия, которое фактически превратилось в инквизиционное по своей сути прокурорско-полицейское дознание. Уголовный преследователь получил возможность создавать судебные доказательства. Задачи суда были приравнены к задачам органов предварительного расследования и прокуратуры, а адвокатура *de facto* превратилась в государственное учреждение. Все эти преобразования означали, что российский уголовный процесс вернулся на рельсы германского типа судопроизводства, по которым он шел до Судебной реформы Александра II.

Важнейшим образчиком советского уголовного процесса стал УПК РСФСР 1960 г. По сравнению с предшествующим советским уголовно-процессуальным законодательством он обладал рядом несомненных достоинств. Так, в нем были подробно сформулированы права участников процесса, в первую очередь обвиняемого, и встречные обязанности государственных органов; подозреваемый стал самостоятельной процессуальной фигурой; защитник был допущен – хотя и в ограниченных случаях – на стадию предварительного расследования; в законе получили формальное закрепление принципы независимости судей и осуществления правосудия только судом, равенства граждан перед законом и судом, гласности, обеспечения обвиняемому права на защиту и т. д. Принципиальное значение имело и указание на то, что признание виновности может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении ее совокупностью доказательств. С точки зрения юридической техники УПК РСФСР 1960 г. был явным шагом вперед в сопоставлении со «спартанскими» кодексами 1922 г. и 1923 г. – все процедуры, условия и основания процессуальных действий были разработаны в нем более под-

робно, логично и точно. Однако в целом УПК РСФСР 1960 г. реализовывал смешанный тип уголовного процесса того же морфологического (германского) типа, что и предшествующее советское законодательство. В нем были воспроизведены: следственно-розыскное предварительное расследование (по сути, прокурорско-полицейское дознание), а также внешне облеченные в состязательные формы судебные стадии, где гипертрофированная роль председательствующего тем не менее склоняла чашу весов опять-таки в инквизиционную сторону.

Очередным поворотным моментом в цивилизационных поисках стал для российского уголовного процесса УПК 2001 г. Предшествующая обновлению законодательства Концепция судебной реформы 1991 г. провозглашала, что реформа будет направлена «на пробуждение общественной совести во имя достижения правды в экстремальных условиях борьбы человека за свою жизнь, свободу и доброе имя». Для уголовного судопроизводства это должно означать защиту прав человека и внедрение в процесс реальной состязательности сторон. При разработке УПК РФ ставилась задача привести российское уголовно-процессуальное законодательство в соответствие с принципами уголовного судопроизводства и нормами о защите прав человека, провозглашенными в Конституции РФ, Концепции судебной реформы в Российской Федерации и международно-правовых актах. Кодекс должен был послужить «пропуском» новой России в сообщество цивилизованных государств, которые и сами придают реформам уголовной юстиции большое значение. Всеобщее осознание необходимости новой философии и практики в борьбе с преступностью породило в Европе череду судебных преобразований. В целом ряде стран (Великобритания, Германия, Испания, Италия, Финляндия, Франция, большинство государств так называемого постсоветского пространства и др.) как на теоретическом, так и на законодательном уровне с тем или иным успехом продолжают поиски эффективных моделей уголовного процесса, отвечающих новым реалиям. Удалось ли УПК 2001 г. найти свою собственную цивилизационную нишу?

УПК РФ закрепляет смешанный, следственно-состязательный (континентальный) тип процесса с преобладанием (по крайней

⁴ Еженедельник советской юстиции. М., 1927. № 40. С. 125.

⁵ Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 117, ст. 733 ; Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1929. № 3, ст. 106.

мере, по букве закона) состязательных элементов, но фактически остающийся в русле следственной парадигмы. Состязательность более всего проявляется в судебных стадиях. Провозглашается, что суд не является органом уголовного преследования, он не должен выступать ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, лишь создавая необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15). Так, суд приступает к рассмотрению дела только по обвинению, представленному уголовным преследователем, и не вправе выходить за рамки, очерченные в обвинении (ст. 252). Он не имеет права возбуждать уголовные дела, поскольку движущей силой состязательного процесса является лишь спор сторон по поводу обвинения. По той же причине полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет прекращение уголовного дела либо уголовного преследования в целом или в соответствующей его части (ч. 7 ст. 246). УПК РФ формально не предусмотрено право суда возвращать уголовные дела для производства дополнительного расследования. Сторона защиты получила право самостоятельно, хотя и в весьма ограниченном объеме, собирать доказательства (ч. 3 ст. 86), вызывать в суд свидетелей и специалистов, представлять другие необходимые ей доказательства (п. 6 ч. 1 ст. 220, п. 6 ч. 1 ст. 225, п. 4 ч. 2 ст. 231, ч. 4 ст. 271), что до известной степени могло бы уравнивать ее в процессе доказывания со стороной обвинения. Усилено действие состязательного принципа непосредственности исследования в суде доказательств: оглашение и использование в судебном разбирательстве протоколов допросов не явившихся в судебное заседание свидетелей и потерпевших допускается (по крайней мере, по первоначальному замыслу творцов этого закона) только с согласия сторон (ч. 1 ст. 281).

В некоторых своих чертах российский уголовный процесс впервые в истории отечественного законодательства обнаруживает тенденцию к сближению с англо-американской моделью уголовного судопроизводства. При этом речь идет не только об английском по своему происхождению институте суда

присяжных, который в первый раз был введен в России еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., а в Российской Федерации воссоздан в 1993 г. Важнейшим англо-американским заимствованием является так называемое правило об исключении доказательств. Согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми». Однако следует отметить, что в уголовном процессе Англии, и особенно США, оно не имеет универсального характера, распространяясь лишь на отдельные ситуации, связанные с получением тех или иных видов доказательств (недопустимость показаний с чужих слов, результатов предъявления опознания без участия защитника, недопустимость признательных показаний, полученных без надлежащего предупреждения задержанного о его процессуальных правах, и т. д.). Норма же, закрепленная в ч. 1 ст. 75 УПК РФ, звучит слишком категорично и при буквальном ее толковании охватывает все без исключения случаи процессуальных нарушений, допущенных при собирании и проверке доказательств, невзирая на то, насколько существенным является каждое из них. Некритическое восприятие данного правила продуцирует трудности и разноречивость в судебной и следственной практике. Экзотическим заимствованием из уголовного судопроизводства США являются так называемые сделки о признании, которые, правда, были восприняты УПК РФ скорее в их европейской интерпретации. Этот институт с недавних пор был усвоен уголовно-процессуальным законодательством ряда западноевропейских государств (например, Испании, Италии). Согласно УПК РФ обвиняемый также вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести (ст. 314).

Тем не менее общее требование Кодекса, чтобы уголовное судопроизводство осуществлялось на основе состязательности сторон (ч. 1 ст. 15), нельзя признать полностью реализованным. Прежде всего потому, что на

досудебных стадиях процесса законодатель сохранил существенные элементы следственного (инквизиционного, или розыскного) порядка судопроизводства, при котором уголовный преследователь сосредотачивает в своих руках не только обвинительную, но и значительную часть судебной власти, то есть права принятия решений по делу. Так, следователь и дознаватель могут на досудебном производстве принимать окончательное решение по существу дела, прекращая уголовное дело или уголовное преследование не только по реабилитирующим, но и по так называемым нереабилитирующим основаниям, устанавливая при этом виновность лица в совершении преступления (гл. 4). Именно уголовный преследователь (дознаватель, следователь) выносит на предварительном расследовании решение об отводе своих процессуальных противников – защитника или представителя гражданского ответчика (ст. 72). Но главное наследие инквизиционного порядка в российском уголовном процессе состоит в том, что следователь и дознаватель наряду с судом собирают и используют доказательства, с помощью которых устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 74), то есть сразу получают судебные доказательства, фактически присваивая себе это важнейшее судебное полномочие. Именно органы предварительного расследования в российском уголовном процессе фактически решают вопрос, какие ходатайства стороны защиты и других участников процесса о приобщении к материалам дела доказательств удовлетворить, а какие – нет (ст. 159). То есть уголовные преследователи – следователь и дознаватель – на досудебном производстве фактически выступают не стороной в деле, а «хозяевами процесса», подменяя судью, что и является главным признаком инквизиционной модели судопроизводства.

Инквизиционные рудименты проявляются и в судебных стадиях. Под видом направления судом дела прокурору для исправления недостатков обвинительного заключения уже фактически реанимирован инквизиционный институт дополнительного расследования. Вновь введено заочное судебное разбирательство по делам о ряде преступлений, а также

в отступление от принципа *res judicata* разрешен пересмотр вступивших в законную силу оправдательных приговоров и обвинительных приговоров в сторону, неблагоприятную для осужденного.

Вместе с тем в 2007 г. в российском уголовном процессе произошла «тихая революция», последствия которой до сих пор по достоинству не оценены. Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"»⁶ прокурор полностью освобожден от ответственности за руководство следователем, который формально отнесен (гл. 4 УПК РФ) к стороне обвинения, что само по себе уникальная новация, не встречающаяся более нигде. Теперь функция обвинения (уголовного преследования) осуществляется прокурором на предварительном следствии в основном лишь постольку, поскольку он участвует в подготовке и формировании будущего государственного обвинения в суде. Она проявляется здесь главным образом на завершающем этапе расследования – в полномочиях прокурора при рассмотрении уголовного дела, поступившего к нему от следователя с обвинительным заключением (гл. 31 УПК РФ).

На наш взгляд, такое преобразование теоретически открывает перед российскими органами предварительного следствия перспективу отойти от роли уголовного преследователя (которым традиционно должен являться прокурор) и принять на себя новую функцию – расследования, лишенную односторонней обвинительной (впрочем, как и оправдательной) окраски. Ее целью должна быть объективная независимая проверка выдвинутого прокурором обвинения (подозрения), с тем чтобы исключить обвинительный уклон, неизбежный для уголовного преследователя. В целом это могло бы обеспечить равенство сторон и реальную состязательность досудебной подготовки, которая невозможна до тех пор, пока обвиняемому и защитнику здесь противостоит в качестве обвинителя могущественное государство. Впрочем, при ближайшем рассмотрении подобная новация не придаст российскому уголовному процес-

⁶ Собрание законодательства РФ. 2007. № 24, ст. 2830.

су характер новой идентичности, даже если обновленным следственным органам был бы придан независимый статус, равный судейскому. Как справедливо указывают авторы «Курса уголовного процесса», «для уголовного процесса смешанной формы классическим стало выделение уголовно-процессуальных функций обвинения, предварительного следствия и разрешения дела. Наиболее яркое воплощение такой подход нашел... в уголовном процессе Франции – страны, сформировавшей к началу XIX столетия теоретические основы современного уголовного процесса континентального типа. При этом следует иметь в виду, что предварительное следствие есть в данном случае судебная функция, осуществляемая особым следственным судьей. Значение выделения названных функций заключается в обеспечении беспристрастности участников процесса путем воспрещения возложения нескольких функций на одно лицо. В частности, запрет соединения функций обвинения и предварительного следствия приводит к тому, что следственный судья не связан выводом о наличии признаков преступления, сделанным прокурором при возбуждении уголовного преследования (публично-го иска)» [14, с. 108].

Признаки формирования новой идентичности

В последнее время наметился и иной путь развития уголовного процесса, действительно претендующий на новую цивилизационную идентичность. Речь идет о введении на стадии предварительной подготовки дела института следственных судей, а точнее «судей-над-следствием», целью которых является обеспечение обеим сторонам – и обвинения, и защиты – если не равных, то функционально достаточных возможностей для собирания и проверки доказательств за счет так называемых судейских следственных действий (главным образом допросов и проведения экспертиз). При этом на предварительном следствии возникает предпосылка для осуществления так называемого свободного доказывания, при котором за рамками судейских действий «разрешено все, что не запрещено»,

что будет на руку в том числе и органам расследования. Другим последствием такой реформы может быть переход процесса к «системе двух файлов», предполагающей, что материалы, собранные органом предварительного расследования единолично (без обращения к следственному судье), не имея статуса доказательств судебных, в суд, как правило, не поступают, а все доказательства формируются сторонами лишь в судебном разбирательстве дела по существу. Представляется, что процесс подобных преобразований уже успешно запущен в соседних с Россией государствах – бывших союзных республиках (Армения, Грузия, Казахстан, Литва, Молдова, Киргизия, Узбекистан, Украина, Эстония), где был введен институт следственных судей (фактически «судей-над-следствием»), осуществляющих по требованию сторон так называемое депонирование доказательств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По какому сценарию будет развиваться в дальнейшем российский уголовный процесс, пока неизвестно. Однако то, что изменения назрели, вполне очевидно, ибо в их основе лежит социальный запрос на индивидуальную справедливость, постоянно усиливающийся по мере возрастания в условиях современной информационной цивилизации роли как отдельной личности в качестве ее главной креативной силы, так и степени глобальной коммуникативной связанности всех членов общества. В этих условиях уголовное судопроизводство нуждается в дополнительных гарантиях прав личности и принципа равноправия сторон. Становится объективной потребностью самоограничение государства в пользу индивида, этой, как образно выразился когда-то известный российский правовед И.А. Покровский, «некогда безгласной овцы в человеческом стаде», а теперь «равноправной с государством державы» [15, с. 309–310]. Этим потребностям, как представляется, и корреспондируют названные (уже состоявшиеся и возможные в будущем) изменения форм уголовного судопроизводства, указывающие на процесс трансформации самой его цивилизационной природы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цимбурский В.Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII – XX веков / В.Л. Цимбурский. – Москва : Книжный мир, 2016. – 496 с.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург, 1996. – Т. I. – 552 с.
3. Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса / М.А. Чельцов-Бebutov. – Санкт-Петербург, 1995. – 846 с.
4. История России и мировые цивилизации / под ред. проф. М.В. Рубана. – Москва, 1997. – 326 с.
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – Москва, 1984. – Т. I. – 430 с.
6. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде / М.Б. Свердлов. – Москва, 1988. – 176 с.
7. Кондратчик А.Л. Английский суд присяжных: исторические корни и эволюция / А.Л. Кондратчик // Советское государство и право. – 1991. – № 6. – С. 133–138.
8. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков / В.Я. Петрухин. – Москва, 1995. – 320 с.
9. Крылов И.Ф. Розыск, дознание, следствие / И.Ф. Крылов, А.И. Баstryкин. – Ленинград, 1984 г. – 218 с.
10. Langbein J.H. The Origins of Adversary Criminal Trial / J.H. Langbein. – Oxford University Press, 2003. – 354 p.
11. Damaska M.R. Evidence Law Adrift / M.R. Damaska. New Haven : Yale University Press, 1997. – 176 p.
12. Полянский Н.Н. Новая редакция Уголовно-процессуального кодекса / Н.Н. Полянский. – Москва, 1924. – 40 с.
13. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. – Москва, 1997. – 448 с.
14. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л.В. Головки. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут. 2021. – 1327 с.
15. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – Москва, 1998. – 351 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Александр Витальевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnov Alexander Vitalievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 06.02.2026. The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 06.02.2026.

REFERENCES

1. Tsimbursky V.L. Morphology of Russian Geopolitics and the Dynamics of International Systems in the 18th –20th Centuries. Moscow, Knizhny Mir Publ., 2016. 496 p.
2. Foinitsky I.Y. Course in Criminal Procedure. Saint Petersburg, 1996. Vol. I. 552 p.
3. Cheltsov-Bebutov M.A. Course in Criminal Procedure Law. Essays on the History of the Court and Criminal Procedure. Saint Petersburg, 1995. 846 p.
4. Ruban M.V. (ed.). History of Russia and World Civilizations. Moscow, 1997. 326 p.
5. Chistyakov O.I. (ed.). Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. Moscow, 1984. Vol. 1. 430 p.
6. Sverdlov M.B. From Russian Law to Russian Truth. Moscow, 1988. 176 p.
7. Kondratchik A.L. English Jury Trial: Historical Roots and Evolution. *Soviet State and Law*, 1991, no. 6, pp. 133–138. (In Russian).
8. Petrukhin V.Ya. The Beginning of the Ethnocultural History of Rus' in the 9th–11th Centuries. Moscow, 1995. 320 p.
9. Krylov I.F., Bastrykin A.I. Search, Inquiry, Investigation. Leningrad, 1984. 218 p.
10. Langbein J.H. The Origins of Adversary Criminal Trial. Oxford University Press Publ., 2003. 354 p.
11. Damaska M.R. Evidence Law Adrift. New Haven, Yale University Press Publ., 1997. 176 p.
12. Polyansky N.N. New Edition of the Criminal Procedure Code. Moscow, 1924. 40 p.
13. Viktorsky S.I. Russian Criminal Procedure. Moscow, 1997. 448 p.
14. Golovko L.V. (ed.). Course in criminal procedure. 3rd ed. Moscow, Statute Publ., 2021. 1327 p.
15. Pokrovsky I.A. Main Problems of Civil Law. Moscow, 1998. 351 p.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.15

Original article

СМОЛЬКОВА Ираида Вячеславовна
Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия,
SmolkovaIV@mail.ru

SMOLKOVA Iraida Vyacheslavovna
Baikal State University,
Irkutsk, Russia

ПЕРЕДАЧА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (СУДОПРОИЗВОДСТВА) – НОВЫЙ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

TRANSFER OF CRIMINAL PROCEEDINGS: A NOVEL INSTITUTION OF RUSSIAN
CRIMINAL PROCEDURE

Аннотация. Институт передачи уголовного преследования (судопроизводства) в практике международного сотрудничества государств появился относительно недавно по сравнению, например, с экстрадицией. Механизм и процедурные особенности его реализации установлены Европейской конвенцией о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15 ноября 1972 г. В российском уголовном судопроизводстве данный институт был закреплен в 2001 г. с принятием УПК РФ, а реально начал функционировать с 27 октября 2008 г. после ратификации Европейской конвенции 1972 г. Передача уголовного преследования (судопроизводства) – особая форма международного сотрудничества, связанная с полной передачей юрисдикции от запрашиваемого государства запрашивающему государству, как правило, в случаях отказа в выдаче для уголовного преследования или невозможности применения иных форм возвращения лица, совершившего преступление, для уголовного преследования или исполнения приговора. В связи с изменившейся политической ситуацией, обусловленной проводимой на Украине СВО, в практике передачи уголовного преследования (судопроизводства), возникли проблемы, требующие разрешения. Цель: анализ норм международного и российского законодательства, регулирующих передачу уголовного преследования (судопроизводства), с учетом изменений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 27 октября 2025 г. № 392-ФЗ. При подготовке статьи использован комплекс общих и специальных методов научного познания, основным из которых является диалектический, позволивший всесторонне рассмотреть включенные в предмет исследования проблемы в их развитии и взаимосвязи. Результаты: обоснованы предложения по совершенствованию норм УПК РФ, регулирующих передачу уголовного преследования (судопроизводства), и более широкому использованию заочного рассмотрения уголовных дел, когда такая передача невозможна.

Abstract. The institution of transferring criminal proceedings in the practice of international state cooperation has appeared relatively recently compared, for example, to extradition. The mechanism and procedural features of its implementation are established by the European Convention on the Transfer of Proceedings in Criminal Matters of November 15, 1972. In Russian criminal proceedings, this institution was enshrined in 2001 with the adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and actually began to function on October 27, 2008, after the ratification of the 1972 European Convention. Transfer of criminal proceedings is a special form of international cooperation involving the complete transfer of jurisdiction from the requested state to the requesting state, typically in cases of refusal to extradite for criminal prosecution or the impossibility of applying other forms of returning a person who has committed a crime for criminal prosecution or the execution of a sentence. Due to the changed political situation, brought about by the ongoing Special Military Operation (SMO) in Ukraine, problems have arisen in the practice of transferring criminal proceedings that require resolution. Purpose: To analyze the provisions of international and Russian legislation governing the transfer of criminal proceedings, taking into account the amendments introduced to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation by Federal Law No. 392-FZ dated October 27, 2025. The article was prepared using a complex of general and special methods of scientific cognition, including the dialectical method, which enabled a comprehensive consideration of the problems within the research subject in their development and interrelationship. The article presents and supports proposals to enhance the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning the transfer of criminal proceedings, and advocates for wider application of ex parte criminal case review where such transfer is not feasible.

Ключевые слова: передача уголовного преследования (судопроизводства), выдача, экстрадиция, суверенитет, юрисдикция, договаривающееся государство, запрашивающее государство, запрашиваемое государство

Для цитирования: Смолькова И.В. Передача уголовного преследования (судопроизводства) – новый институт российского уголовного процесса / И.В. Смолькова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.15 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 142–155.

Keywords: transfer of criminal proceedings, surrender, extradition, sovereignty, jurisdiction, contracting state, requesting state, requested state

For citation: Smolkova I.V. Transfer of Criminal Proceedings: A Novel Institution of Russian Criminal Procedure. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 142–155. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.15.

ВВЕДЕНИЕ

Еще в XVII в., обосновывая необходимость оказания содействия государствам друг другу в преследовании и наказании лиц, совершивших преступления, голландский ученый Гуго Гроций сформулировал принцип *aut dedere aut judicare* (либо выдай, либо сам суди), ставший своеобразным прообразом институтов экстрадиции и передачи уголовного преследования (судопроизводства). В этой связи он писал: «...общее обязательство государства выдать или покарать существует в отношении всех правонарушений, посредством которых вред наносится другому государству» [1, с. 68].

Международное сотрудничество государств, формировавшееся на протяжении ряда столетий, выработало различные его формы. Наиболее распространенными являются выдача (экстрадиция)¹ лица для уголовного преследования или исполнения приговора (далее – выдача) и передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является. Передача уголовного преследования (судопроизводства) – относительно новая форма международного сотрудничества.

Термин «передача» используется во многих международных документах: «передача осужденных лиц к тюремному заключению или другим видам лишения свободы» (ст. 17 Конвенции ООН против организованной транснациональной преступности от 15 но-

ября 2000 г.², далее – Конвенция ООН от 15 ноября 2000 г.); «временная передача лица, находящегося под стражей, для личной явки в качестве свидетеля или для очной ставки», «отсрочка передачи или передача с условием», «передача собственности», «передача информации, предоставляемой договаривающейся стороной в связи с разбирательством дел в судах другой стороны» (ст. 11, 19, 20, 21 Европейской конвенции «О выдаче» от 13 декабря 1957 г.³); «передача просьб о взаимной помощи»; «передача информации в связи с судебным разбирательством» (п. 4 ст. 15, ст. 21 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г.⁴); «передача выданного лица», «передача предметов», «передача на время лица, находящегося под стражей или отбывающего наказание в виде лишения свободы» (ст. 67, 78, 78.1 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по

2 Против организованной транснациональной преступности : Конвенция ООН: принята Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15.11.2000 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 40, ст. 3882. Ратифицирована РФ Федеральным законом от 26.04.2004 № 26-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 18, ст. 1684.

3 О выдаче : Европейская конвенция (ETS № 24): принята правительствами государств – членом Совета Европы 13.12.1957 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 23, ст. 2348. Ратифицирована РФ Федеральным законом от 25.10.1999 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 43, ст. 5129).

4 О взаимной правовой помощи по уголовным делам : Европейская конвенция (ETS № 30): принята правительствами государств – членом Совета Европы 20.04.1959 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 23, ст. 2348. Ратифицирована РФ Федеральным законом от 25.10.1999 № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 43, ст. 5132.

1 В статье термины «выдача» и «экстрадиция» употребляются в качестве синонимов.

гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.⁵, далее – Минская конвенция); «передача уголовных дел, находящихся в производстве судов» (ст. 96 Конвенции СНГ «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» от 7 октября 2002 г.⁶, далее – Кишинёвская конвенция). Фигурирует данный термин и в УПК РФ: «передача» выдаваемого лица» (ст. 467), «передача предметов» (ст. 468), «передача лица, осужденного к лишению свободы», «передача исполнения наказания, не связанного с лишением свободы» (гл. 55).

Во всех перечисленных вариантах речь идет о передаче различных просьб, лиц, уголовных дел, информации, предметов, собственности в рамках оказания традиционной международной помощи и сотрудничества государств, при которых могут быть частично переданы юрисдикционные полномочия. При передаче же уголовного преследования (судопроизводства)⁷ происходит полная передача юрисдикции от одного государства другому, характерная только для этого вида передачи, что делает ее особым видом международного сотрудничества государств.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПЕРЕДАЧЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

В современном международном законодательстве институт передачи судопроизводства сформирован относительно недавно. Он не имеет столь древней истории, как, например, выдача (экстрадиция), насчитывающая более трех веков своего существования. Первым нормативным документом, установившим механизм и процедуру передачи

судопроизводства, стала Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам, принятая 15 мая 1972 г. (далее – Европейская конвенция 1972 г.)⁸, до настоящего времени являющаяся единственным специализированным международным актом, посвященным данному институту. Позднее, 14 декабря 1990 г., Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/118 был принят Типовой договор о передаче уголовного судопроизводства⁹ (далее – Типовой договор 1990 г.). В нем предложена процедура передачи судопроизводства, однако он не является нормативным документом, носит рекомендательный характер, руководствуясь которым различные государства могут оформлять договоры о передаче судопроизводства, взяв его за основу.

Передача судопроизводства упоминается (к сожалению, всего лишь упоминается) и в некоторых международных документах, посвященных оказанию взаимной правовой помощи государствам и их сотрудничеству в борьбе с отдельными группами преступлений.

В международной практике передача судопроизводства применяется в случаях невозможности проведения процессуальных действий в связи с отсутствием лица, совершившего преступление, в государстве, инициирующем уголовное преследование, либо невозможности использовать механизм выдачи (экстрадиции) при отсутствии ее оснований

5 О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : Конвенция: принята государствами – членами СНГ от 22.01.1993 в г. Минске // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17, ст. 1472. Ратифицирована РФ Федеральным законом от 04.08.1994 № 16-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 15, ст. 1684. С 28.06.2023 действует только в отношении государств – участников Конвенции 1993 г., не подписавших Конвенцию СНГ от 07.10.2002.

6 О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : Конвенция: принята государствами – членами СНГ от 07.10.2002 в г. Кишинёве [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.12.2025). Ратифицирована РФ Федеральным законом от 30.12.2021 № 16-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (ч. 1), ст. 21.

7 Далее – передача судопроизводства.

8 О передаче судопроизводства по уголовным делам : Европейская конвенция: принята 15.05.1972 [Электронный ресурс]. URL: http://Consultant.ru>document/cons_doc_LAW(дата обращения: 12.12.2025). Ратифицирована РФ Федеральным законом от 30.10.2007 № 237-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 45, ст. 5414. Начало действия в Российской Федерации – с 27.09.2008. 16.03.2022 Комитет министров Совета Европы принял решение об исключении Российской Федерации из членства Совета Европы из-за проводимой СВО. Федеральным законом от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» (Собрание законодательства РФ. 2023. № 10, ст. 1566) несколько европейских конвенций и протоколов к ним прекратили свое действие в Российской Федерации. Европейская конвенция 1972 г. в этот список не вошла. По нормам международного права все заключенные международные договоры продолжают действовать, пока они не денонсированы в установленном порядке. На этом основании Европейская конвенция 1972 г. продолжает свое действие в России, хотя и в ограниченных пределах.

9 О передаче уголовного судопроизводства : Типовой договор: принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/118 от 14.12.1990 // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 2016. С. 432–437.

или при отказе в ней [2, с. 13]. При таких обстоятельствах одним из возможных способов привлечения лица к уголовной ответственности является передача судопроизводства иностранному государству. Так, например, ч. 1 ст. 91 Кишинёвской конвенции предусмотрено, что передача судопроизводства осуществляется в отношении иностранных граждан, находящихся на территории запрашиваемого государства, в случаях, когда в их выдаче ранее было отказано.

В международных документах для обозначения анализируемого института используется различная терминология: «передача материалов уголовного разбирательства», «передача материалов для уголовного преследования правонарушителей» (ст. 8 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г.¹⁰), «передача производства в целях уголовного преследования» (ст. 21 Конвенции ООН от 15 ноября 2000 г.), «передача уголовного судопроизводства» (Типовой договор 1990 г.), «передача судопроизводства по уголовным делам» (Европейская конвенция 1972 г.), «передача для осуществления уголовного преследования» (ст. 18 Европейской конвенции о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г.¹¹), «осуществление уголовного преследования» (ст. 91–96 Кишинёвской конвенции).

Анализ соответствующих статей названных документов свидетельствует, что, по существу, речь в них идет об одном институте – передаче уголовного судопроизводства, то есть о передаче одного государства другому своей юрисдикции для привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления.

10 О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : Конвенция ООН: принята Конференцией ООН 20.12.1988 [Электронный ресурс]. URL: http://un.org/ru/documents/decl_conventions/drugs.shtml (дата обращения: 12.12.2025). Ратифицирована постановлением Верховного Совета СССР от 09.10.1990 № 171-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 42, ст. 842.

11 О предупреждении терроризма : Европейская конвенция (CETS № 196): принята государствами – членами Совета Европы 16.05.2005 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20, ст. 2393. Ратифицирована РФ Федеральным законом от 20.04.2006 № 56-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 17, ст. 1785.

В преамбуле Типового договора 1990 г. отмечено, что необходимо поощрять передачу судопроизводства, а в качестве ее направленности названы: укрепление международного сотрудничества и расширение взаимной помощи в области уголовного правосудия на основе принципов уважения национального суверенитета и юрисдикции; достижение эффективного отправления правосудия и сокращение случаев коллизий компетенций; способствование уменьшению численности лиц, содержащихся под стражей до суда или находящихся в тюремном заключении.

В международных документах понятие «передача судопроизводства» не раскрывается, хотя в некоторых из них приводятся ее отдельные признаки. В частности, в ст. 21 Конвенции ООН от 15 ноября 2000 г. под передачей судопроизводства понимается «взаимная передача производства в целях уголовного преследования», которая происходит в случаях, когда она: а) отвечает интересам надлежащего отправления правосудия; б) затрагивает несколько юрисдикций для обеспечения объединения уголовных дел.

В соответствии с положениями ст. 6 Европейской конвенции 1972 г. передача судопроизводства рассматривается как просьба о проведении судопроизводства. При любой форме международного сотрудничества речь должна идти именно о просьбе, учитывая принцип взаимности и доброй воли, но не о требованиях.

С точки зрения Ш. Бассиуни, эксперта в области международного права, передача судопроизводства представляет собой процедуру, в соответствии с которой одно государство передает уголовное дело (производство) в другое государство на основании принципа *forum conveniens*¹², а именно на основании выбора наиболее подходящего суда для разрешения конкретного спора в целях повышения эффективности и справедливости юридического процесса, соблюдения интересов сторон и осуществления правосудия [цит. по: 3, с. 12].

12 В переводе с латинского *forum conveniens* – удобный форум, удобное место для рассмотрения дела (Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 438). Юридическое понятие, используемое в частном праве и гражданском судопроизводстве для определения наиболее подходящего суда или юрисдикции для рассмотрения правового спора (см.: Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 675).

Представляется, что при передаче судопроизводства использовать принцип *forum conveniens* не совсем верно, поскольку он является принципом общего права и применяется преимущественно в гражданском и арбитражном процессах. При передаче судопроизводства главное – не в определении подходящего суда, а в реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности и наказания.

Основания принятия просьбы о передаче судопроизводства. Согласно ч. 1 ст. 8 Европейской конвенции 1972 г. основаниями принятия просьбы о передаче судопроизводства являются обстоятельства, если подозреваемое лицо:

а) имеет обычное место проживания в запрашиваемом государстве;

б) является гражданином запрашиваемого государства или это государство является государством его происхождения;

в) отбывает или будет отбывать наказание, связанное с лишением свободы, в запрашиваемом государстве, а также если:

г) судопроизводство за те же или другие правонарушения проводится в отношении подозреваемого лица в запрашиваемом государстве; кроме того, если договаривающееся государство считает, что:

д) передача судопроизводства оправдана интересами установления истины и, в частности, что наиболее важные элементы доказательства находятся в запрашиваемом государстве;

е) исполнение приговора, в случае его вынесения, в запрашиваемом государстве может улучшить перспективы социальной реабилитации осужденного;

ж) присутствие подозреваемого лица в ходе слушания дела не может быть обеспечено в запрашивающем государстве и что его личное присутствие в ходе слушания дела может быть обеспечено в запрашиваемом государстве;

з) оно само не сможет обеспечить исполнение приговора в случае его вынесения, даже прибегнув к процедуре выдачи, а запрашиваемое государство сможет это сделать.

Основания отказа в удовлетворении просьбы о передаче судопроизводства. В ст. 7 Типового договора 1990 г. в качестве оснований отказа в удовлетворении просьбы о передаче судопроизводства указаны следующие:

а) подозреваемое лицо не является гражданином запрашиваемого государства или последнее не является государством его обычного места жительства;

б) деяние является правонарушением по военным законам, но не является правонарушением в соответствии с обычным уголовным правом;

в) правонарушение связано с налогами, пошлинами, таможенными сборами или валютными операциями;

г) правонарушение рассматривается запрашиваемым государством как имеющее политический характер.

В Типовом договоре 1990 г. отмечено, что государства могут к этому перечню добавить другие основания для отказа или условия исходя, например, из характера и тяжести правонарушения или соображений общественного порядка (примечание 2 к ст. 7).

Согласно ст. 10 Европейской конвенции 1972 г. запрашиваемое государство не принимает мер в отношении выполнения просьбы, если:

а) она не соответствует положениям п. 1 ст. 6 (лицо должно подозреваться в совершении правонарушения в соответствии с законодательством договаривающегося государства) и п. 1 ст. 7 (правонарушение должно являться правонарушением в случае совершения его на территории запрашиваемого государства, а правонарушитель подлежал бы применению санкций в соответствии с его законодательством);

б) проведение судопроизводства противоречит положениям ст. 35 этой Конвенции (*ne/non bis in idem*);

в) на момент подачи просьбы истек срок, отведенный для судопроизводства по уголовному делу в запрашивающем государстве в соответствии с законодательством этого государства.

Кроме этого, согласно ст. 11 Европейской конвенции 1972 г. запрашиваемое государство может отказать в принятии просьбы и в случаях, если оно считает, что:

а) основания для обращения с просьбой не оправданны;

б) подозреваемое лицо не имеет обычного места проживания в запрашиваемом государстве;

в) подозреваемое лицо не является гражданином запрашиваемого государства и не имело обычного места проживания в этом государстве в момент совершения правонарушения;

г) правонарушение, в отношении которого запрашивается проведение судопроизводства, является правонарушением политического либо исключительно военного или финансового характера;

д) имеются существенные основания полагать, что просьба о проведении судопроизводства была мотивирована соображениями, связанными с расой, религией, национальностью или политическими убеждениями;

е) к правонарушителю уже применяется его собственное законодательство и на момент получения просьбы судопроизводство проводиться не может в связи с истечением срока, предусмотренного этим законодательством;

ж) правонарушение было совершено за пределами территории запрашиваемого государства;

з) передача судопроизводства противоречила бы международным обязательствам запрашиваемого государства;

и) передача судопроизводства противоречила бы принципам запрашиваемого государства;

к) запрашивающее государство нарушило какое-либо правило процедуры, установленной этой Конвенцией.

Для запрашиваемого государства предусмотрены следующие возможные последствия передачи судопроизводства: 1) мера наказания не должна быть более суровой, чем та, которая предусмотрена законодательством запрашивающего государства; 2) любое действие в связи с судебным разбирательством или процедурными требованиями, совершаемое в запрашивающем государстве, имеет такую же юридическую силу в запрашиваемом государстве, какую оно имело бы, если бы было совершено в том государстве или органами того государства (ст. 11 Типового договора 1990 г.).

Действие принципа *non/ne bis in idem* при передаче судопроизводства. Известный еще со времен римского права принцип *non/ne bis in idem* (не дважды за одно и то же) [4, с. 82] признается как на международном, так и на внутригосударственном уровне и в

настоящее время. Римские юристы (Ульпиан, Гай) формулировали его как *nemo debet bis puniri pro uno delicto* – никто не должен дважды нести наказание за одно и то же преступление, в сокращенном варианте – *non/ne bis in idem*¹³. В теории права он именуется концепцией «двойной угрозы», поскольку запрещает двойное осуждение одного и того же лица за одно и то же преступление. Ни выдача, ни передача судопроизводства не могут быть осуществлены, если компетентными органами запрашиваемого государства уже вынесено окончательное решение по факту совершения того же преступления, в связи с которым поступили в отношении него запрос или просьба.

Согласно ч. 2 ст. 8 Европейской конвенции 1972 г. если в отношении подозреваемого лица в договаривающемся государстве выносится окончательное решение суда, то это государство может обратиться с просьбой о передаче судопроизводства в указанных случаях лишь тогда, когда оно само не может обеспечить исполнение судебного решения, даже прибегнув к процедуре выдачи, и когда договаривающееся государство не признает в принципе исполнение судебного решения, вынесенного за границей, или отказывается исполнить такое решение.

В ч. 2 ст. 35 Европейской конвенции 1972 г. предусмотрено исключение из данного принципа, согласно которому договаривающееся государство, если только оно само не обратилось с просьбой о проведении судопроизводства, не обязано признавать последствия применения принципа *non/ne bis in idem*, если деяние, в связи с которым было вынесено судебное решение, было направлено против лица или учреждения, или любого объекта, обладающего публичным статусом в этом государстве, или если лицо, в отношении которого было вынесено решение, само обладает публичным статусом в этом государстве.

Последствия действия принципа *non/ne bis in idem* при передаче судопроизводства для запрашивающего государства названы в ст. 10 Типового договора 1990 г.: после принятия запрашиваемым государством просьбы о проведении судебного разбирательства в отношении подозреваемого лица запрашивающее

¹³ Баби́чев Н.Т. Словарь латинских крылатых слов. 2500 единиц / Н.Т. Баби́чев, Я.М. Боровский ; под ред. Я.М. Боровского. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1988. С. 511.

государство временно прекращает судебное преследование, за исключением необходимого расследования, включая оказание юридической помощи запрашиваемому государству, до тех пор, пока запрашиваемое государство не информирует запрашивающее государство о вынесении окончательного решения по данному делу. С этого момента запрашивающее государство окончательно воздерживается от дальнейшего судебного преследования в связи с тем же правонарушением.

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПЕРЕДАЧЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

С принятием УПК РФ институт передачи судопроизводства приобрел уголовно-процессуальный статус. До этого он рассматривался в рамках международно-правового института. Следует отметить, что анализируемый институт в российском уголовно-процессуальном законодательстве относительно новый. К сожалению, пока он недостаточно четко и полно регламентирован в законе и вызывает многочисленные споры в процессуальной науке.

Само словосочетание «передача уголовного преследования (судопроизводства)» в УПК РФ отсутствует, регулированию вопросов, связанных с ней, посвящены ст. 458 («Направление материалов уголовного дела для осуществления уголовного преследования за пределами территории Российской Федерации») и ст. 459 («Исполнение запроса об осуществлении уголовного преследования или возбуждения уголовного дела на территории Российской Федерации»). Именно они составляют его основное содержание и являются предметом исследования ученых-процессуалистов, анализирующих институт передачи судопроизводства.

В связи со сложной современной внешнеполитической обстановкой, связанной с проведением СВО на Украине, в некоторых положениях названных статей выявились пробелы и противоречия. Поэтому 27 октября 2025 г. Федеральным законом № 392-ФЗ¹⁴ в указанные статьи внесены существенные измене-

ния. Они связаны прежде всего с тем, что в УПК РФ не были учтены все возможности данного института. В частности, по условиям многих международных договоров Российской Федерации, законодательства иностранных государств и на основе принципа взаимности в другие государства могут передаваться уголовные дела с запросами об осуществлении уголовного преследования в отношении подозреваемых и обвиняемых независимо от их гражданства, от стадии уголовного судопроизводства (досудебной или судебной), а также от места совершения подпадающего под юрисдикцию Российской Федерации преступления (в России или за границей).

В формулировке ст. 458 УПК РФ не было учтено, что в международных договорах предусмотрены случаи передачи или возвращения лица вместе с передаваемым делом либо вслед за переданным делом в запрашиваемое государство, также не был предусмотрен порядок передачи судопроизводства в отношении лиц без гражданства¹⁵.

В пояснительной записке к проекту ФЗ-392 (№ 687676-8)¹⁶ в качестве целей внесения изменений в ст. 458 УПК РФ указывалось на необходимость устранения пробелов в законодательном регулировании обеспечения неотвратимости уголовной ответственности обвиняемых, включая подсудимых, скрывающихся за границей, в том числе постоянно проживающих там граждан Российской Федерации, ведущих из-за рубежа антироссийскую деятельность, в выдаче которых России иностранными государствами отказывается чаще всего по политическим мотивам, но одновременно подтверждается готовность осуществить у себя их преследование за совершение в Российской Федерации общеуголовного преступления.

По информации Генеральной прокуратуры РФ, с начала СВО резко возросло количество отказов в международной помощи и выдаче со стороны многих стран Евросоюза.

¹⁵ Возможность передачи судопроизводства в отношении лиц без гражданства предусмотрена Кишинёвской конвенцией. Однако ратифицирована Россией она была только в 2021 г.

¹⁶ Пояснительная записка к законопроекту ФЗ-392 (№ 687676-8) «О внесении изменений в статью 458 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.duma.ru/bill/687676-8> (дата обращения: 12.12.2025).

¹⁴ О внесении изменений в статьи 458 и 459 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 27.10.2025 № 392-ФЗ (вступил в действие 07.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2025. № 44, ст. 6497.

Так, в 2023 г. (с января по сентябрь) России было отказано в исполнении 85 запросов о выдаче, из них в 27 случаях – по политическим мотивам. Больше всего запросов отклонила Швейцария (22). Некоторые страны Евросоюза отказали в выдаче, даже не указав мотивы. В 2024 г. (с января по октябрь) страны Евросоюза и Канада 67 раз отказали в выдаче разыскиваемых лиц¹⁷.

С учетом сложившейся внешнеполитической ситуации при предположении об отказе в выдаче представляется целесообразным осуществлять процедуру передачи судопроизводства.

В ст. 458 УПК РФ (в новой редакции) предусмотрено, что в случае невозможности проведения в ходе досудебного или судебного производства процессуальных действий с участием лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, в связи с его нахождением за пределами Российской Федерации материалы уголовного дела для решения вопроса о возможности направления их в компетентные органы иностранного государства для осуществления уголовного преследования такого лица передаются в Генеральную прокуратуру РФ, которая при наличии оснований в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности обращается в компетентные органы иностранного государства с запросом об осуществлении уголовного преследования такого лица. В ходе судебного разбирательства решение о передаче материалов уголовного дела в Генеральную прокуратуру РФ принимается судом по ходатайству стороны или по собственной инициативе.

Согласно ч. 1 ст. 459 УПК РФ (в новой редакции) запрос компетентного органа иностранного государства об осуществлении уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления на территории иностранного государства и находящегося на территории Российской Федерации, рассматривается Генеральной прокуратурой РФ в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности.

Предварительное расследование и судебное разбирательство в таких случаях производятся в порядке, установленном УПК РФ.

Если лицо, подозреваемое в совершении преступления на территории иностранного государства, прибыло на территорию Российской Федерации до возбуждения в отношении него уголовного преследования по месту совершения преступления, при наличии оснований, предусмотренных ст. 12 УК РФ, уголовное дело может быть возбуждено и расследовано по материалам, представленным соответствующим компетентным органом иностранного государства в Генеральную прокуратуру РФ в соответствии с УПК РФ (ч. 2 ст. 459 в новой редакции).

До внесения изменений в ч. 1 ст. 459 УПК РФ в отношении граждан Российской Федерации за границу могли передаваться только копии материалов уголовных дел, поэтому некоторые авторы рассматривали передачу судопроизводства как «передачу информации без запроса», суть которой состояла в передаче не «живого» уголовного дела, а его материалов [5, с. 226].

Если до внесения поправок УПК РФ устанавливал различные правила для передачи уголовного преследования в другое государство в отношении иностранных (ст. 458) и российских (ст. 459) граждан, то после их внесения гражданство лица для данной процедуры не имеет значения. Для любых граждан, как иностранных, так и имеющих российское гражданство (в том числе лиц, имеющих двойное гражданство, одно из которых российское) и лиц без гражданства, установлено правило об их уголовном преследовании на территории Российской Федерации при условии прибытия ими на территорию Российской Федерации до возбуждения уголовного дела по месту совершения преступления.

Еще на стадии обсуждения указанного законопроекта некоторые авторы выступили со справедливой критикой, обращая внимание на его противоречие ст. 61 Конституции РФ, согласно которой российский гражданин не может быть выдан другому государству, отмечая при этом, что хотя формально и не предполагается физическая выдача граждан Российской Федерации, однако практическая реализация такого варианта закона может привести к их уголовному преследованию

¹⁷ РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://Ria.ru/20230403/genprokuratura=1862544928.html> (дата обращения: 12.12.2025).

в иностранном государстве¹⁸. Действительно, передача судопроизводства в отношении гражданина, имеющего российское гражданство (равно как и гражданина с двойным гражданством, одно из которых российское), в другое государство фактически выглядит как выдача, но в опосредованной форме.

ПОНЯТИЕ ПЕРЕДАЧИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКЕ

В силу новизны анализируемого института для российского уголовного процесса в юридической литературе немного работ, посвященных передаче судопроизводства. Наиболее активными авторами, исследующими данный институт, являются К.К. Клевцов [2; 3; 6; 7], П.А. Литвишко [5; 8], П.А. Смирнов [7; 9; 10], С.П. Щерба [10].

Анализ имеющихся публикаций свидетельствует, что ученые пока не определились с наименованием рассматриваемого института. Наиболее распространенным является «передача уголовного преследования (судопроизводства)» [3, с. 11; 11, с. 295; 12, с. 103], но используются и другие названия: «передача уголовного преследования» [13, с. 118], «передача материалов уголовного дела в компетентные органы иностранного государства для осуществления уголовного преследования» [6, с. 39], «передача уголовного судопроизводства» [14, с. 76], «передача судопроизводства по уголовным делам» [15, с. 11]. Хотя совершенно очевидно, что во всех случаях речь идет об одном и том же институте. В определенной степени различия в названиях связаны с его отсутствием в УПК РФ.

При передаче судопроизводства происходит полная передача юрисдикции¹⁹, то есть переход в полном объеме полномочий по расследованию и рассмотрению уголовного дела запрашивающему государству от запрашиваемого государства. На это прямо указано

в ст. 95 Кишинёвской конвенции, которая называется «Передача юрисдикции».

Согласно международно-правовым нормам положение о том, что юрисдикция одного государства не может осуществляться на территории другого государства, является аксиомой. В системе международного права юрисдикция определяется как реализация суверенных прав государства по отношению к другим субъектам права, в качестве проявления суверенитета государства в рамках и сферы действия государственной власти в границах определенной территории [16, с. 130].

В литературе сущность передачи судопроизводства рассматривается как полная передача юрисдикции по уголовному преследованию от одного государства другому, поскольку с момента направления материалов запрашиваемая сторона получает все необходимые полномочия по самостоятельному возобновлению уголовного судопроизводства и осуществляет расследование исключительно в соответствии со своим национальным законодательством, а нормы запрашивающего государства в этом случае применяться не могут [7, с. 7].

П.А. Смирнов справедливо выделяет существенный признак передачи судопроизводства, которым, в отличие от выдачи, является «глубина перехода уголовно-процессуальной юрисдикции от одного государства к другому», отмечая, что при передаче судопроизводства «перемещается практически весь объем полномочий – передается собственно уголовное дело, дальнейшее производство по которому осуществляется уже по праву запрашивающей стороны, суверенитет которой может обременяться лишь формальной обязанностью сообщить о результатах проведенной уголовно-процессуальной деятельности» [9, с. 31].

Если при других формах международно-правовой помощи происходит уступка или частичная передача юрисдикции [7, с. 7], то при передаче судопроизводства – полная передача юрисдикции, которая характерна только для данной формы международного сотрудничества государств. По этой причине можно считать ее вынужденной и в определенной мере даже исключительной.

Следует отметить, что при передаче судопроизводства передается юрисдикция, но

¹⁸ Глотов М., Калинин М., Корниенко С. Поправки к статье 458: спорные моменты // Адвокатская газета. 2024. 18 сент.

¹⁹ Юрисдикция (лат. *jus* – право + *dico* – говорю) – право производить суд, право судебных и административных органов по рассмотрению и разрешению дел в соответствии с их компетенцией (см.: Современный словарь иностранных слов. С. 730).

не суверенитет²⁰ государства, последний не передается другому государству, тем более в полном объеме. Суверенитет, как принцип верховенства и независимости государства внутри своей территории и по отношению к другим государствам, представляет собой основу для проявления юрисдикции государства, а юрисдикция, в свою очередь, является проявлением государственного суверенитета.

В классической правовой доктрине считается, что единство и неотчуждаемость суверенитета – сущностные признаки государства, суверенитет понимается как целостная, статичная, неделимая и неотчуждаемая категория [16, с. 130]. По этой причине юрисдикция не является и не может являться частью суверенитета, поэтому при передаче судопроизводства передается юрисдикция (юрисдикционные полномочия), но не суверенитет.

Некоторые государства исходят из того, что передача юрисдикции противоречит принципу национального суверенитета, и на этом основании отвергают саму идею передачи судопроизводства [6, с. 41]. Этой концепции придерживаются, например, США. С позиции американского права для уголовного преследования лиц, совершивших преступления против США, похищение этих лиц с территории иностранного государства вполне правомерно. Она основана на решениях Верховного суда США по делам *Ker v. Illinois* (1886), *Frisbi v. Cjllins* (1952) и *Unaited States v. Alvarez-Machain* (1992). Обстоятельства последнего дела состояли в следующем. Сотрудники федерального ведомства по борьбе с незаконным оборотом наркотиков похитили с территории Мексики гражданина этой страны, подозревавшегося в убийстве американского сотрудника указанного ведомства на территории Мексики, и вывезли его в США. Правительство Мексики потребовало вернуть своего гражданина. Верховный суд США пришел к выводу, что в подобных случаях действует «правило *Ker* и *Frisbi*», означающее, что суду незачем интересоваться, каким образом обвиняемый доставлен в суд [17, с. 1098–1099].

Аналогичная история произошла в 2010 г.: российский гражданин В. Бут, обвиненный в США в торговле оружием и поддержке терро-

ризма, был похищен из Таиланда. Адвокаты В. Бута называли произошедшее «фальсификацией юрисдикции»²¹. Еще более беспардонное и беспрецедентное похищение произошло в наши дни – захват и вывоз в США президента Венесуэлы Николаса Мадур и его жены, обвиненных президентом США в заговоре с целью наркотерроризма.

По мнению некоторых авторов, при передаче судопроизводства действие принципа «двойной криминальности» перетекает в механизмы передачи юрисдикции от одного государства другому, причем последнее значение формально оказывается в приоритетном положении, а принципы справедливости и гуманизма приносятся в жертву идее государственного суверенитета [10, с. 80]. С этим достаточно сложно согласиться, ибо передача юрисдикции составляет основной признак передачи судопроизводства, при которой, безусловно, также должны соблюдаться принципы справедливости и гуманизма, поскольку они являются международными стандартами.

СООТНОШЕНИЕ ПЕРЕДАЧИ СУДОПРОИЗВОДСТВА И ЗАОЧНОГО РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Передача судопроизводства непосредственно связана с заочным рассмотрением уголовных дел.

Согласно ч. 4 ст. 247 УПК РФ в случае заявления подсудимым ходатайства по уголовному делу о преступлении небольшой или средней тяжести о рассмотрении данного уголовного дела в его отсутствие судебное разбирательство может быть проведено в его отсутствие, то есть заочно.

В исключительных случаях по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, а также о преступлениях небольшой или средней тяжести, предусмотренных статьями, исчерпывающий перечень которых приведен в ч. 5 ст. 247 УПК РФ²², судебное разбиратель-

²¹ Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2011/01/22/fakinet> (дата обращения 12.12.2025).

²² Федеральный закон от 21.04.2025 № 101-83 «О внесении изменений в статью 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 2025. № 17, ст. 2130) расширил пределы применения ч. 5 ст. 247 УПК РФ, включив в нее ряд преступлений небольшой и средней тяжести, с приведением конкретного перечня, состоящего из 20 статей, устанавливающих уголовную ответственность за их совершение.

²⁰ Суверенитет (фр. *souverainete* – верховная власть) – независимость государства от других государств во внешних отношениях и верховенство во внутренних делах (см.: Современный словарь иностранных слов. С. 586).

ство может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, при условии, что это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу (ч. 5 ст. 247 УПК РФ)²³.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 22 декабря 2009 г. № 28²⁴, перечисляя исключительные обстоятельства для заочного рассмотрения дела в порядке ч. 5 ст. 247 УПК РФ, назвал и невозможность осуществления экстрадиции подсудимого. Это означает, что при отказе в экстрадиции возможно заочное рассмотрение уголовного дела в отношении скрывающихся за границей субъектов. При этом следует иметь в виду, что отказ в выдаче может быть связан с принципом гражданства, согласно которому государство не выдает своих граждан.

Заочное разбирательство уголовных дел производится в отношении лиц, находящихся вне юрисдикции России, либо российских граждан, постоянно проживающих за границей.

В пояснительной записке к проекту Ф3-392 от 27 октября 2025 г. обращалось внимание, что предлагаемый в нем императивный характер положения ст. 458 УПК РФ о передаче соответствующих уголовных дел в Генеральную прокуратуру РФ для направления в иностранные государства вступает в определенную коллизию с ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ о заочном рассмотрении дел, позволяющем решать вопросы возмещения ущерба потерпевшим, конфискации активов, применения штрафов и иных имущественных взысканий в доход Российской Федерации, и не всегда является целесообразным, в особенности по отношению к недружественным странам. В целях устранения этой коллизии предлагалось решать вопрос о передаче судопроизводства только в случае вывода о неприменимости ч. 4 (в частности, ввиду отсутствия соответствующего ходатайства под-

судимого) и ч. 5 (в частности, в силу отсутствия соответствующего исключительного случая) ст. 247 УПК РФ. Однако законодатель данное замечание не учел и оставил императивный характер ст. 458 УПК РФ.

С учетом сложившейся международной обстановки возникают большие сомнения в целесообразности передачи судопроизводства иностранному государству, которое ранее отказало в экстрадиции (за исключением обоснованных отказов), чем продемонстрировало свою недружественность и нежелание идти на сотрудничество. Необходимо также учитывать, что у России отсутствуют договоры с большинством государств по поводу процедур передачи судопроизводства.

Кроме того, как справедливо отмечает П.А. Литвишко, при возбуждении уголовных дел о преступлениях, совершенных за пределами территории Российской Федерации, направленных против ее интересов или российских граждан, также должны приниматься во внимание «судебная перспектива» дела в сопоставлении с параллельным расследованием по тому же факту в стране пребывания и процессуальная экономия – соразмерность процессуальным и логистическим затратам на его расследование [8, с. 348].

До недавнего времени случаи заочного рассмотрения уголовных дел и вынесения обвинительных приговоров носили единичный характер (Б. Березовский, Л. Невзлин²⁵), в теории уголовного процесса отношение к ним было (и сейчас остается) негативным, поскольку, по мнению многих процессуалистов, в этом случае грубо нарушаются права подсудимого.

Представляется, что в условиях сложившейся внешнеполитической ситуации в отношениях со странами Евросоюза более реально и эффективно вместо передачи судопроизводства использовать заочное рассмотрение уголовных дел. Такая практика уже имеет тенденцию к расширению. С 2023 г. по первое полугодие 2025 г. российскими судами заочно рассмотрено 2067 уголовных дел (в 2023 г. – 643, в 2024 г. – 867, за первое полугодие 2025 г. – 557)²⁶. По данным судьи Верховного Суда РФ И. Карлина, за совершение тяжких и особо

23 Часть 5 была введена в ст. 247 УПК РФ Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма" и Федерального закона "О противодействии терроризму"» (Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ст. 3452).

24 О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующего подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 2. С. 5.

25 Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

26 Совет Федерации хочет внести поправки в законы на фоне роста заочных приговоров [Электронный ресурс]. URL: <http://news.rambler.ru/politics/55750192> (дата обращения: 25.12.2025).

тяжких преступлений заочно осуждено (вынесены обвинительные приговоры к различным срокам лишения свободы) 802 человека (в 2024 г. – 283, за первое полугодие 2025 г. – 519)²⁷. Рост числа заочных обвинительных приговоров связан в том числе и с совершением преступлений, целью которых является дискредитация СВО и Российской армии.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 г. в российских судах в заочном порядке рассмотрено 47 уголовных дел в отношении 50 лиц, участвовавших в боевых действиях на стороне ВСУ на территории России, с заочным вынесением обвинительных приговоров²⁸.

За совершение действий, направленных на дискредитацию Российской армии в период проведения СВО, заочно осуждено к различным срокам лишения свободы более 40 человек, как граждане Российской Федерации (бывший лидер партии «Союз правых сил» Л. Гозман²⁹, писатель Б. Акунин³⁰, журналисты А. Невзоров³¹, Ю. Дудь³², блогер И. Варламов³³ и др.), так и иностранные граждане (девять судей Международного уголовного суда вместе с его председателем П. Хофманским, журналисты М. Наки³⁴, Р. Левиев³⁵ и др.)³⁶.

11 декабря 2025 г. в Совете Федерации проведен круглый стол, на котором с учетом

27 В Верховном Суде отметили рост числа заочных приговоров по тяжким преступлениям [Электронный ресурс]. URL: <http://senatinform.ru/news> (дата обращения: 25.12.2025).

28 Комсомольская правда. 2025. 9 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://Kp.ru/online/news/6171872> (дата обращения: 12.12.2025).

29 Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Включен Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.

30 Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Включен Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.

31 Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Включен Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.

32 Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

33 Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Включен Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.

34 Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

35 Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

36 Вести [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti.ru/article/4825516> (дата обращения: 03.01.2026) ; [Электронный ресурс]. URL: <http://forbes.ru/politics/14/08/2025/689dcd3d/9a79476e6b4240c1> (дата обращения: 03.01.2026).

последних событий многие его участники высказались за более широкое применение заочного рассмотрения уголовных дел и вынесение приговоров в заочном порядке³⁷.

Заочное рассмотрение уголовных дел в данных случаях могло бы составить достаточно реальную альтернативу передаче судопроизводства и способствовать реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности, а также позволить избежать бесперспективных обращений с просьбами о выдаче.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт передачи судопроизводства относительно новый как для международной практики (в отличие, например, от экстрадиции), оформленный законодательно Европейской конвенцией только в 1972 г., так и для российского уголовного судопроизводства, впервые установленный в 2001 г. с принятием УПК РФ, поэтому он находится в стадии становления и развития, о чем свидетельствуют последние изменения УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 27 октября 2025 г., вступившие в силу 7 ноября 2025 г.

Передача судопроизводства представляет собой весьма специфичный правовой институт, существенно отличающийся от других видов передач, поскольку предполагает полную передачу юрисдикции от одного государства другому, в силу чего является сложным, даже исключительным.

В связи с проводимой СВО на Украине серьезно осложнились отношения России с рядом стран, входящих в Европейский союз, что повлияло и на реализацию многих форм международного сотрудничества, в том числе на передачу судопроизводства. Учитывая отказы в оказании международной помощи в расследовании и рассмотрении уголовных дел со стороны недружественных по отношению к России стран, в качестве вполне реальной альтернативы передаче судопроизводства необходимо использовать заочное рассмотрение уголовных дел в отношении как российских граждан, скрывающихся за рубежом, так и иностранных граждан, совершивших преступления против Российской Федерации и ее граждан.

37 Практика вынесения заочных приговоров в судебной системе Российской Федерации: перспективы законодательного урегулирования: круглый стол в Совете Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://law.msu.ru/news_2025/12/12 (дата обращения: 03.01.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права. Кн. 2 / Г. Гроций. – Санкт-Петербург : Тип. П.П. Сойкина, 1902. – 868 с.
2. Клевцов К.К. Передача уголовного преследования (судопроизводства) как один из способов привлечения к уголовной ответственности лиц, находящихся за пределами территории Российской Федерации / К.К. Клевцов // *Matters of Russian and International Law* (Журнал российского и международного права). – 2016. – № 4. – С. 12–24.
3. Клевцов К.К. Понятие и правовая природа передачи уголовного преследования (судопроизводства) / К.К. Клевцов // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2018. – № 6. – С. 11–14.
4. Пономарева В.В. Ne bis in idem: правило или принцип римского права / В.В. Пономарева // *Научный компонент*. – 2019. – № 4. – С. 81–83.
5. Литвишко П.А. Осуществление уголовно-процессуальной юрисдикции государством пребывания в отношении лиц, пользующихся международно-правовым иммунитетом / П.А. Литвишко // *Библиотека криминалиста*. – 2012. – № 2. – С. 222–229.
6. Клевцов К.К. Правовые основы международной передачи и принятия уголовного преследования (судопроизводства) в зарубежных государствах: компаративистский анализ / К.К. Клевцов // *Вестник Томского государственного университета*. – Право. – 2024. – № 51. – С. 39–51.
7. Клевцов К.К. Система принципов передачи уголовного преследования (судопроизводства) в рамках международного сотрудничества / К.К. Клевцов, П.А. Смирнов, С.П. Щерба // *Вестник университета прокуратуры Российской Федерации*. – 2018. – № 5 (67). – С. 5–12.
8. Литвишко П.А. Международно-правовые аспекты производства по уголовному делу о нападении на Посольство Российской Федерации в Киеве / П.А. Литвишко // *Трагедия Юго-Востока Украины. Белая книга преступлений* / под. ред. А.И. Бастрыкина. – Москва, 2015. – С. 347–368.
9. Смирнов П.А. Проблемы процессуально-правового положения лица в рамках экстрадиционных правоотношений / П.А. Смирнов // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2017. – № 1. – С. 31–36.
10. Щерба С.П. Non bis in idem – алмаз, нуждающийся в огранке / С.П. Щерба, Е.Ю. Четвертакова, П.А. Смирнов // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. – 2014. – № 5 (43). – С. 77–82.
11. Быкова Е.В. Передача уголовного преследования (судопроизводства): правовое регулирование и некоторые проблемы / Е.В. Быкова, Т.А. Решетникова, В.С. Выскуб // *Библиотека криминалиста*. – 2015. – № 3. – С. 295–308.
12. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки, источники и основные формы // *Библиотека криминалиста*. – 2015. – № 4. – С. 99–117.
13. Шепелева Ю.Л. Некоторые аспекты правового регулирования института международной передачи уголовного преследования / Ю.Л. Шепелева // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2016. – № 3. – С. 118–120.

REFERENCES

1. Grotius G. On the Law of War and Peace. Three Books Explaining Natural Law and the Law of Nations, and the Principles of Public Law. Saint Petersburg, P.P. Soykin Publ., 1902. Vol. 2. 868 p.
2. Klevtsov K.K. Transfer of Criminal Prosecution (Proceedings) as a Way of Bringing to Justice Those Who Are Outside the Territory of the Russian Federation. *Matters of Russian and International Law*, 2016, no. 4, pp. 12–24. (In Russian).
3. Klevtsov K.K. The Concept and Legal Nature of Transfer of Criminal Prosecution (Proceedings). *International Criminal Law and International Justice*, 2018, no. 6, pp. 11–14. (In Russian).
4. Ponomaryova V.V. Ne bis in idem: A Rule or a Principle of Roman Law? *Scientific Component*, 2019, no. 4, pp. 81–83. (In Russian).
5. Litvishko P.A. Exercise of Criminal Procedural Jurisdiction by the Host State in Relation to Persons Enjoying International Legal Immunity. *Criminologist's Library*, 2012, no. 2, pp. 222–229. (In Russian).
6. Klevtsov K.K. Legal Framework for International Transfer and Acceptance of Criminal Prosecution (Proceedings) in Foreign States: A Comparativist Analysis. *Tomsk State University Journal of Law*, 2024, no. 51, pp. 39–51. (In Russian).
7. Klevtsov K.K., Smirnov P.A., Shcherba S.P. The System of Principles of Transfer of Criminal Prosecution (Legal Proceedings) within the Framework of International Cooperation. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2018, no. 5 (67), pp. 5–12. (In Russian).
8. Litvishko P.A. International Legal Aspects of Criminal Proceedings on the Attack on the Embassy of the Russian Federation in Kyiv. In Bastrykin A.I. (ed.). *The Tragedy of the South-East of Ukraine. White Book of Crimes*. Moscow, 2015, pp. 347–368. (In Russian).
9. Smirnov P.A. Problems of the Procedural and Legal Status of a Person in the Framework of Extradition Legal Relations. *Gaps in Russian Legislation*, 2017, no. 1, pp. 31–36. (In Russian).
10. Shcherba S.P., Chetvertakova E.Yu., Smirnov P.A. Non bis in idem: A Diamond that Needs Cutting. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2014, no. 5 (43), pp. 77–82. (In Russian).
11. Bykova E.V., Reshetnikova T.A., Vyskub V.S. Transfer of Criminal Prosecution (Proceedings): Legal Regulation and Some Problems. *Library of the Criminalist*, 2015, no. 3, pp. 295–308. (In Russian).
12. Volevodz A.G. International Cooperation in the Field of Criminal Procedure: Concept, Attributes, Sources and Basic Forms. *Library of the Criminalist*, 2015, no. 4, pp. 99–117. (In Russian).
13. Shepeleva Yu.L. Some Aspects of Legal Regulation of the Institution of International Transfer of Criminal Prosecution. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 2016, no. 3, pp. 118–120. (In Russian).
14. Abdulloev P.S. Formation of the Institution of Transfer of Criminal Prosecution Within the Framework of International Cooperation in the Post-Soviet Space. *Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*, 2015, no. 6, pp. 76–88. (In Russian).

14. Абдуллоев П.С. Формирование института передачи уголовного преследования в рамках международного сотрудничества на постсоветском пространстве / П.С. Абдуллоев // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 6. – С. 76–88.

15. Табалдиева Ч.С. Понятие и значение «передачи судопроизводства по уголовным делам» / Ч.С. Табалдиева // Российский следователь. – 2018. – № 18. – С. 11–12.

16. Терентьева Л.В. Соотношение понятий «юрисдикция» и «суверенитет» / Л.В. Терентьева // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 12. – С. 126–132.

17. Бернам У. Правовая система Соединенных Штатов Америки / У. Бернам ; науч. ред. В.А. Власихин. – 3-й вып. – Москва : Новая юстиция, 2006. – 1216 с.

15. Tabaldieva Ch.S. Concept and Meaning of “Transfer of Criminal Proceedings”. *Russian Investigator*, 2018, no. 18, pp. 11–12. (In Russian).

16. Terentyeva L.V. Correlation between the Concepts of “Jurisdiction” and “Sovereignty”. *Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, no. 12, pp. 126–132. (In Russian).

17. Burnham W.; Vlasikhin V.A. (ed.). *Legal System of the United States of America*. 3rd iss. Moscow, New Justice Publ., 2006. 1216 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, главный научный сотрудник Института правовых исследований.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smolkova Iraida Vyacheslavovna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, Chief Researcher of the Institute of Legal Research.

Статья поступила в редакцию 09.12.2025; одобрена после рецензирования 09.01.2026; принята к публикации 12.01.2026. The article was submitted 09.12.2025; approved after reviewing 09.01.2026; accepted for publication 12.01.2026.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.16

Original article

ТАРАСОВ Александр Алексеевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
aatar@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6743-5517>

TARASOV Aleksandr Alekseyevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

THE NATIONAL IDENTITY OF CRIMINAL PROCEDURE AS AN OBJECT
OF SCIENTIFIC RESEARCH

Аннотация. Под национальной идентичностью любого социально-правового явления, обладающего свойством идентичности, и правовой системы в целом понимается соответствие их тому уникальному историческому облику конкретного общества и государства, который они приобретают в процессе эволюции в результате взаимодействия множества разнообразных внутренних и внешних факторов. Система уголовного процесса любой страны столь же уникальна, поэтому ни один из процессуальных институтов не может быть в точности скопирован, не приобретя национальной специфики. В уголовно-процессуальной науке большая часть процессуальных институтов исследуется с позиций их национальной идентичности, даже если это словосочетание авторами не используется. Авторские суждения такого рода условно поделены в статье на два типа: принципиально-идеологический (анализ системы уголовного процесса на уровне его принципов и идеологической направленности правового регулирования) и конкретно-юридический (анализ конкретных процессуальных институтов с точки зрения закона, теории и практики в конкретный исторический период в конкретной стране). На примерах института следственного судьи и процессуальной формы предварительного следствия в статье анализируется феномен национальной идентичности уголовного процесса России, Германии и Республики Казахстан. Цель: доказать, что в контексте исследований проблем национальной идентичности уголовного процесса суждения принципиально-идеологического свойства, как правило, перенасыщены эмоциональными тезисами и аргументами, а потому грешат односторонностью и субъективизмом, тогда как конкретно-юридический уровень исследований всегда более предметный и продуктивный для развития правовой системы любого государства. Методы: исторический метод позволил проследить генезис сходных

Abstract. The national identity of any socio-legal phenomenon possessing the property of identity, and the legal system as a whole is understood as their conformity to the unique historical character of a particular society and state, which they acquire through the process of evolution as a result of the interaction of numerous diverse internal and external factors. The criminal procedure system of any country is equally unique, so no procedural institution can be exactly copied without acquiring some national specifics. In criminal procedure science, most procedural institutions are studied from the perspective of their national identity, even if this phrase is not used by the authors. Such authorial judgments in the article conditionally fall into two types: principled-ideological (an analysis of the criminal procedure system based on its principles and the ideological direction of legal regulation) and concrete-legal (an analysis of specific procedural institutions from the perspective of law, theory, and practice in a particular historical period and country). Using the example of the institution of the investigating judge and the procedural form of preliminary investigation, the article analyzes the phenomenon of national identity of criminal procedure in Russia, Germany, and the Republic of Kazakhstan. Purpose: To demonstrate that, in the context of research into the problems of national identity of criminal procedure, judgments of a principled-ideological nature are typically overlaid with emotional theses and arguments, and therefore suffer from one-sidedness and subjectivity, whereas the concrete legal level of research is always more substantive and productive for the development of any state's legal system. Methods: The historical method allowed tracing the genesis of similar procedural institutions in the

процессуальных институтов в истории разных правовых систем; сравнительно-правовой метод использован для демонстрации национальной уникальности сходных социально-правовых явлений; конкретно-юридический метод дал возможность провести предметный анализ соотношения нормативно-правовой регламентации и практики реализации отдельных процессуальных норм и институтов. Результаты: сформулирован и обоснован вывод о недопустимости односторонних (как положительных, так и отрицательных) оценок исторического опыта и современного состояния национальных систем уголовного судопроизводства, поскольку их неизбежный субъективизм влечет многократное возобновление кризисных явлений в будущем.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, следственный судья, судебный следователь, прокурор, предварительное следствие, прокурорское дознание, следственные органы, следственный аппарат, уголовно-процессуальный закон, реформирование уголовного процесса

Для цитирования: Тарасов А.А. Национальная идентичность уголовного процесса как объект научного исследования / А.А. Тарасов. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 156–172.

history of different legal systems. The comparative legal method was used to demonstrate the national uniqueness of similar socio-legal phenomena. The concrete legal method enabled a substantive analysis of the relationship between regulatory legal provisions and the practice of implementing individual procedural norms and institutions. Results: The article formulates and substantiates the conclusion that one-sided (both positive and negative) assessments of the historical experience and current state of national criminal justice systems are inadmissible, as their inherent subjectivity leads to the repeated recurrence of crisis phenomena in the future.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, investigating judge, judicial investigator, prosecutor, preliminary investigation, prosecutor's inquiry, investigative bodies, investigative apparatus, criminal procedure law, criminal procedure reform

For citation: Tarasov A.A. The National Identity of Criminal Procedure as an Object of Scientific Research. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 156–172. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.16.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос об исторической уникальности системы уголовного процесса России в том или ином контексте постоянно поднимается в отечественной уголовно-процессуальной литературе вне зависимости от тематики исследований. Национальная идентичность системы уголовного процесса – это ее соответствие особенностям исторического развития конкретного государства и потребностям общества на данном историческом этапе. «Приживаемость» конкретных уголовно-процессуальных институтов и норм на почве любой страны обеспечивается способностью этих норм и институтов к национальной адаптации. Сомнений в том, что должно и может быть только так, никто из исследователей не высказывает, поскольку систему уголовного процесса невозможно насадить извне. Во всяком случае, на скольконибудь длительный исторический период.

Так, например, суд присяжных в России до отмены крепостного права и последовав-

шей за этим Судебной реформы выглядел бы абсолютной нелепостью, так как факт физической личной зависимости одного человека от другого, в силу того, что первый является объектом права собственности второго, исключает равенство всех перед законом и судом. Идея суда присяжных – это возможность быть судимым равными тебе гражданами. Такой вывод не меняется даже с учетом того, что «непрофессиональный элемент» и при крепостном праве был представлен в российских судах так называемыми сословными представителями, которые, как известно, сохранились в российском правосудии и после введения суда присяжных. Столь же неважно, что кандидатами в присяжные на первых порах становились вовсе не сами освобожденные крепостные, поскольку для кандидатов был предусмотрен имущественный ценз. Принципиально важно иное: отказ от личной зависимости одного человека от другого сделал суд присяжных возможным.

Историческая преемственность системы уголовного процесса в целом и отдельных

процессуальных институтов в частности тоже не вызывает сомнений, поскольку традиции правовой системы влияют не только на содержание нормативно-правового регулирования, но и на общественное отношение к нему. Прав Н.Г. Стойко, обративший внимание на два фактора, объясняющих консерватизм уголовно-процессуального права любой страны: культурное наследие и естественное нежелание государств ограничивать монополию на власть [1, с. 3].

Однако история развития любого государства не строго последовательна, а потому бессмысленно делить ее на «хорошее» и «плохое», «наше» и «не наше», как бессмысленно делить соотечественников на «своих» и «чужих». И события, и люди – это продукты единого процесса исторического развития.

Научные исследования проблем национальной идентичности российского уголовного процесса по понятным причинам насыщены идеологическими и эмоциональными тезисами и аргументами. Это тоже закономерно, и изменить эту ситуацию не представляется возможным. Практически все авторы, ища подтверждение своим идеям в истории России, выбирают из этой истории то, что кажется им наиболее пригодным для подтверждения именно этих идей.

АВТОРСКИЕ ОЦЕНКИ ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЕЙ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Анализ современной научной литературы позволяет условно выделить два типа авторских суждений в оценках исторических корней российского уголовного процесса, обусловивших его национальную идентичность.

Первый тип основан на анализе принципов уголовного судопроизводства, таких как соотношение публичных и частноправовых начал в нем, истина в доказывании по уголовным делам, состязательность сторон либо отказ от нее, реализация в уголовном процессе каких-то особенностей национального российского менталитета и т. д.

Второй тип основан на анализе конкретных уголовно-процессуальных институтов на разных исторических этапах, выявлении тенденций и перспектив в развитии конкретных процедур производства по уголовным делам,

причин и последствий их разных исторических трансформаций в разных странах.

Первый тип суждений в объяснимо повышенной степени идеологизирован, поскольку, по прямому замыслу авторов, представляет уголовный процесс конкретной страны в конкретную историческую эпоху в виде символов, отражающих особенности менталитета народа этой страны. По этой причине именно этот уровень суждений в наибольшей степени отражает субъективное отношение авторов и к истории конкретного государства, и к особенностям национального менталитета. На этом уровне авторских рассуждений не всегда получается учесть, что историческое развитие не является плавным, строго последовательным и потому предсказуемым. Один период истории никогда в точности не повторяет другой, а одни и те же явления правовой действительности несут в себе одновременно и позитивный, и негативный заряды, которые необходимо оценивать применительно к конкретным историческим условиям. Кроме того, любой автор при необходимости может найти в истории, в частности в истории России, аргументы в пользу собственных идей и против идей оппонентов.

Утверждение, что «правда и справедливость, будучи основными духовными ценностями христианского православного учения, предопределили установку на достижение по уголовному делу объективной истины» [2, с. 110], хотя и не подтверждается какими-то конкретными юридическими аргументами или примерами, бесспорно, пронизано искренней любовью автора к российскому народу. Однако такой же любовью к российскому народу продиктована и прямо противоположная мысль: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман» (А.С. Пушкин). И правы наверняка оба: каждому народу, как и каждому человеку абсолютно необходимы светлые и красивые образы, олицетворяющие лучшие их черты, образцы для подражания. И напротив, склонность к самоуничтожению губельна и для отдельного человека, и для целого народа огромной страны, и чтобы верить в собственные силы и достигать успеха, всегда необходимо настраивать себя на победу.

В понятных и правильных по существу рассуждениях процитированного выше со-

временного автора об исторических корнях приверженности российского народа к правде и справедливости, к сожалению, не учтена традиционная многоконфессиональность нашей страны. Едва ли автор был намерен отказать в стремлении к правде и справедливости российским мусульманам или буддистам, а заодно и всем католикам и лютеранам, которые как минимум со времен правления Петра Первого составляли немалую часть российского населения и внесли значительный вклад в формирование правовой системы Российской империи. Вот здесь как раз очень не помешает перевести разговор в юридическое русло.

Уместно напомнить, что в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. фактор многоконфессиональности российского населения учитывался. Например, при определении порядка принесения присяги свидетелями (ст. 442) и присяжными заседателями (ст. 666–668) в присутствии священнослужителя той веры и по правилам той веры, которую исповедовал присягающий. И это притом, что основной текст этой присяги, приведенный в законе, был ориентирован на символы только христианской веры – «крест животворящий» и «святое Евангелие», что предполагало, естественно, отступление от закрепленного в законе текста представителями другой веры¹.

Развитие отечественной системы уголовного процесса после Октябрьской революции 1917 г., в силу радикального изменения идеологической составляющей государственной власти, в том числе и марксистско-ленинская установка на воинствующий атеизм, не могло не изменить процедурных форм обеспечения правдивости свидетельских показаний. Пришедшее на смену религиозной присяге предупреждение свидетелей, экспертов, специалистов об уголовной ответственности оказалось неэффективным и юридически небезупречным, как справедливо отмечает С.Б. Россинский, не отвергающий в принципе использования торжественной присяги в каком-то обновленном, светском варианте [3]. Идея присяги как способа предотвращения лжи в суде поддержана и другими современ-

ными авторами [4], из чего можно сделать вывод, что жизнеспособность практически любого процессуального института обеспечивается его приспособлением к конкретным историческим условиям существования государства, каким бы коренным преобразованиям ни подвергалась его правовая система на очередном рубеже эволюции. Здесь же подчеркнем, что лозунговый формат оценок социально-правовых явлений, снабженный не юридическими аргументами, а отсылками к желаемым или предполагаемым особенностям менталитета любого из народов, как правило, лишает теоретический анализ необходимой конкретики, а то и связи с исторической реальностью.

Одной из самых обсуждаемых в современной науке уголовного процесса в самых разных контекстах является проблема соотношения публичного и частного начал в нем, степени обеспеченности публичного и частного интересов в разных процедурах производства по уголовным делам [5; 6; 7].

Обосновывая идею приоритета публичного интереса над частным в российском уголовном процессе, авторитетный российский ученый пишет: «...традиционная соборность, стремление видеть высокую ценность не только собственного бытия, но прежде всего общественных идеалов, всегда предопределяли приоритеты публичного начала у россиян во многих отношениях, включая юридическую сферу жизни» [8, с. 34]. Этот же ученый в другой работе подчеркивает глобальный, цивилизационный масштаб этого феномена: «восточному типу цивилизации всегда были присущи – любовь, дружба, братство, доброта. В то же время западной цивилизации – эгоизм, выгода, стяжательство, жадность» [9, с. 133]. Метод историзма применен здесь исключительно прямолинейно, с безальтернативной расстановкой географических акцентов.

А.А. Давлетов и Н.В. Азарёнок «приоритет публичного начала перед частным» справедливо считают общей типовой характеристикой романо-германского уголовного процесса, то есть не только России, но и всех стран континентальной Европы» [10, с. 87]. Такой подход представляется более рациональным, поскольку связан не с особенностями национального менталитета или, во всяком случае, не только с ними, а с историческими условиями разви-

¹ Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 12.12.2025).

тия конкретных государств. История, как известно, не останавливается ни на миг, и применительно к 2020-м годам А.А. Давлетов и Н.В. Азарёнок обоснованно утверждают, что «в развитии современного российского уголовного процесса наблюдается тенденция гармонизации публичного и частного начал, в основе которой лежит признание их равной социальной ценности» [10, с. 124]. Более того, авторы считают, что правило о балансе публичного и частного интересов является принципом современного уголовного процесса России [11].

Уверенно согласимся с таким утверждением. Никакое общество и никакое государство не существуют вне конкретных людей, и противопоставление интересов некоего абстрактного носителя государственной власти (как бы он ни назывался) человеку – это на самом деле противопоставление одного человека, который сейчас при власти, людям, власти в данный момент не имеющим. Россия проходила это в своей истории многократно. Неуважение к правам и свободам человека, как правило, приводит к уничтожению одной части населения страны другой частью населения этой же страны.

Идея о невозможности и даже недопустимости гармонизации частных и публичных интересов, то есть достижения баланса между ними, в современной уголовно-процессуальной науке оказалась не просто довольно живучей, но и весьма популярной, объясняемой, как правило, недопустимостью ставить интересы одного человека выше интересов государства и общества, что на первый взгляд кажется очевидным [12; 13, с. 103]. Однако осмелимся утверждать, что при всем многообразии аргументов в пользу идеи непоколебимого приоритета публичных интересов над частными при ближайшем рассмотрении все они сводятся к одному – к делению общества на тех, кто «с нами» (публичное начало), и тех, кто «против нас» (частное начало). История России неоднократно доказывала, что такое деление, во-первых, всегда приводило к тяжелым для страны последствиям (Гражданской войне или массовым репрессиям, в том числе внесудебным), а во-вторых, на новом историческом витке непременно воспроизводилось в новых социально-политических условиях, только «наши» и «не наши» иногда менялись

местами. Бессмысленно отрицать, что государство, представляющее публичный интерес в уголовном процессе, играет в нем решающую роль, так как и обвинительная деятельность, и правосудие осуществляются в любой современной стране государственными органами, а процедуры их деятельности определяются законодательной властью этого же государства. Однако обеспечение защиты конституционных прав, свобод и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства, создание и реализация всех компенсационных процедурных механизмов для тех, кто по разным причинам лишен возможности самостоятельно защищать свои права и интересы, – это такой же публичный интерес, как и защита общества от преступлений, такой же объект заботы государства. Такой же объект заботы государства и такой же публичный интерес – это недопущение злоупотреблений властью со стороны должностных лиц государства, наделенных властными полномочиями в уголовном процессе. Избежать этих злоупотреблений или своевременно их выявить можно только одним способом: предоставив каждому участнику уголовного процесса возможность защищать свои права и свободы, не деля их на «плохих» и «хороших», «наших» и «не наших». С этой точки зрения каждый частный интерес, реализуемый и защищаемый в рамках уголовно-процессуальных отношений, – это интерес публичный, как бы парадоксально это ни звучало.

С начала 2000-х годов и до настоящего времени многие известные специалисты в области уголовно-процессуального права неудачи реформ, проводившихся на рубеже XX и XXI столетий, объясняют «жестким западным влиянием» на развитие нормативно-правовых основ российского уголовного процесса или послушным следованием какой-то части российских юристов «настоятельным советам американских гуру» [13, с. 9; 14, с. 19]. Поиск причин неудач в развитии любой национальной правовой системы вне собственного государства – явление в истории не новое и не уникальное для России. Оно создает иллюзию снятия с самих себя ответственности за происходящее в собственной стране. Но, во-первых, это действительно иллюзия, поскольку при более внимательном анализе всегда вы-

ясняется, что без создания благоприятных условий внутри страны никакое внешнее воздействие (кроме, пожалуй, внешней военной интервенции) не способно оказать решающего влияния на развитие правовой системы этой страны, особенно страны с таким колоссальным исторически сложившимся ментальным потенциалом, как Россия. Во-вторых, на наш взгляд, в обвинении «внешних сил» в решающем влиянии на развитие национальной правовой системы подспудно присутствует намек на принципиальную способность «кого-то извне» навязать свою волю народу великой страны, что очень похоже на неуважение к этому народу. И наконец, в-третьих, когда в недалеком будущем возникнут претензии к новым реформам, а они непременно возникают рано или поздно, начнется поиск новых «внешних враждебных сил» с теми же последствиями для собственного народа и для правовой системы собственной страны.

Известный и весьма компетентный автор написал в 2021 г.: «...попытка посредством нового Уголовно-процессуального кодекса принципиально изменить объективно сложившуюся форму отечественного уголовного процесса в полностью состязательное судопроизводство потерпела неудачу. Произошло это потому, что авторы Кодекса, руководствуясь политической конъюнктурой того времени, проигнорировали ментальные основы российского социума и отказались от исторической преемственности правовых систем» [14, с. 10]. Такое утверждение имеет смысл оценивать с учетом того, что все законы в России, в том числе и УПК РФ, принимаются Государственной Думой РФ, одобряются Советом Федерации и подписываются к опубликованию Президентом России. Именно это и произошло в декабре 2001 г. Едва ли всех названных субъектов государственной власти можно обвинить в «игнорировании ментальных основ российского социума», в слепом следовании политической конъюнктуре, как, впрочем, и невозможно поверить в то, что всех этих людей какая-то «внешняя сила» смогла столь глобально ввести в заблуждение. На конкретно юридическом уровне утверждение о «попытке превратить российский уголовный процесс в полностью состязательный» тоже вызывает некоторое недоумение.

Кроме очевидной «процедурной пустышки» в виде «права защитника собирать доказательства» (ч. 3 ст. 86 УПК РФ) даже в первоначальной редакции УПК РФ мало что напоминало о «полной состязательности».

Суждения первого (принципиально-идеологического) и второго (конкретно-нормативного) типов, как правило, сочетаются друг с другом в одних научных работах и естественным образом коррелируют между собой. Это и понятно: ни один специалист в области уголовного процесса, рассуждая о его типологических чертах и принципах, не может обойтись без анализа конкретных процедур производства по уголовным делам, в которых проявляются эти черты и реализуются принципы. На уровне анализа конкретных процессуальных институтов в совокупности с практикой их применения обнаруживается, что, во-первых, у каждого из них довольно разные этапы эволюции, во-вторых, мало какая страна смогла в точности скопировать эти институты и эти этапы у другой страны, а в-третьих, оценивались эти институты специалистами тоже очень по-разному и тоже исторически конкретно. Все сказанное касается и России, как в давней ее истории, так и в современности.

Публичность российского уголовного процесса в контексте его национальной идентичности

И.Я. Фойницкий по критерию реализации публичного начала делил историю уголовного процесса вообще и российского уголовного процесса в частности на три основных периода: «1) подчинение государственного начала частному; 2) поглощение государственным началом не только частного начала, но даже личности вообще и сведение процесса к безличному производству; 3) обеспечение в процессе права и участия личности при признании государственного начала уголовного процесса» [16, с. 18].

Всепоглощающая «идея государственно-сти» была характерна для дореформенного уголовного процесса Российской империи. В научной литературе по истории права реализуемое в таком абсолютизированном виде публичное начало называют в числе факторов, которые предопределили необходимость

глобальной судебной реформы. В этом же ряду названы такие явные пороки системы уголовного процесса, как запутанные правила о подсудности, неоправданная многостадийность (уголовное дело могло проходить до 14 стадий и разбираться годами) и связанные с этим волокита и формализм в рассмотрении дел в очередных проверочных стадиях, формальная теория доказательств и т. п. [17, с. 72].

Сказанное здесь об «идее государственности» отнюдь не порочит само по себе публичное (а в этом контексте – государственное) начало в уголовном процессе. И.Я. Фойницкий был не только ординарным профессором Петербургского императорского университета, но и образцовым и успешным государственным чиновником, сенатором. Он никогда не ставил под сомнение государственное начало уголовного судопроизводства и то, что ограничение прав и интересов отдельной личности допускалось и должно допускаться тогда и постольку, когда и поскольку это требуется для защиты интересов общества, которые представлены в уголовном судопроизводстве на всех его стадиях государственными должностными лицами. В своих жестких негативных оценках «поглощающей всё идеи государственности» И.Я. Фойницкий подчеркивал недопустимость гипертрофии государственного начала в уголовном процессе, его абсолютизации, когда судебный процесс утрачивает признаки спора, в котором нет самого понятия сторон. Ученый отдельно подчеркивал, что и государственные чиновники – обвинители и судьи – в этих условиях тоже утрачивают собственную личность, будучи связанными формальной теорией доказательств, строго предписанным порядком действий и лишенными права индивидуального властного усмотрения. Никакими интересами общества и государства невозможно оправдать превращение суда и всего, что с ним связано, в формальное бумаготворчество, а профессионалов – в бездумных канцелярских писарей.

Собственно канцелярская составляющая континентального уголовного процесса как неперенный спутник его публично-правового начала – это полностью письменная его форма в досудебной части и документальное оформление хода и результатов судебного разбирательства. Письменная форма уголов-

ного судопроизводства также заслуживает внимательного анализа в контексте его национальной идентичности.

Саму по себе письменность («бумажность») процесса И.Я. Фойницкий оценивал исключительно высоко за «прочные следы» судебных решений и доступность их для сторон и общества, за четкую фиксацию позиций сторон и их обращений к суду, за столь же четкую документальную фиксацию собираемых и исследуемых доказательств. Письменная форма превращала судебную деятельность в «крупный факт общественной жизни». Многие страны прошли в становлении национальных систем уголовного процесса этап массового распространения письменной формы, который специалисты справедливо связывают с повышением уровня грамотности и оценивают исключительно позитивно [16, с. 82–84]. Однако в дореформенном русском уголовном процессе специалисты-современники отмечали крайнюю форму его «бумажности», превращавшую в «вершителя дела» начальника канцелярии, секретаря, когда остальные участники процесса, в том числе и судьи – члены коллегии, лишь расписывались в подготовленных канцелярией бумагах. «Акцент в судопроизводстве смещался с судей на канцелярию, которая заботилась о разъяснении обстоятельств дел, составлении докладных записок и осуществлении самой активной части судебной процедуры – применении подходящего закона к конкретному судебному случаю. При полном отсутствии гласности и открытости именно это канцелярское оформление дела было решающим этапом дореформенного уголовного судопроизводства» [17, с. 72–73]. Такая ситуация налагалась на явно неудовлетворительный общий образовательный уровень основной массы полицейских и судебных чиновников, глобальное низкое качество оформления любых юридических документов и столь же глобальную коррумпированность полиции и судебной системы, когда получение большой или малой mzды на каждом этапе движения дела считалось обычным способом «кормления» чиновников любого ранга, многие из которых получали действительно ничтожное жалование [18]. Народная поговорка «Где суд – туда и несут» отражает доведенное до нетерпимой крайности положение вещей в дореформенном российском правосудии.

Каждое явление в истории отечественного уголовного процесса необходимо оценивать применительно к конкретной исторической ситуации, и нет реальных оснований окрашивать любое из этих явлений исключительно в белый или черный цвет. Например, навсегда, казалось бы, отвергнутая историей формальная теория доказательств, жестко ранжировавшая доказательства по их заранее установленной силе, иногда на основе иррациональных презумпций типа «показания духовного лица паче светского, показания лица мужеского пола паче женского» и т. д. в эпоху цифровизации приобретает принципиально иное звучание. В современных условиях обобщение большого объема следственной и судебной практики с применением новейших компьютерных технологий позволяет ранжировать по силе реально использованные доказательства, достоверность которых была проверена в ходе производства по многим уголовным делам о разных преступлениях, в разных регионах и т. д. В современных исследованиях авторы предлагают использовать так называемые «гибридные модели, сочетающие легальные алгоритмы с судебским усмотрением» [19, с. 11], что тоже соответствует общим историческим закономерностям развития отечественной правовой системы и объясняется на рациональном уровне.

Внутреннюю приверженность российского народа приоритету публичного начала над частным, готовность жертвовать личными интересами ради общественного блага некоторые современные авторы, как отмечалось выше, склонны связывать с традиционной «соборностью» российского народа. В литературе по истории права отмечается, что центральное для славянофильской идеологии первой волны понятие «соборность» нельзя считать научным, поскольку оно не отражает никаких социальных реалий. «Это скорее некоторый символ социальной веры, требующий "магической" расшифровки, а не понимания, хотя сами славянофилы, с одной стороны, требовали веры как убежденности, с другой – пытались искать "отблески" соборности в русской социальной действительности. Часто соборность сравнивали с "искусством колокольного звона"». Колокольный звон был «глубоким символом культуры» [20, с. 314.]. В реальности же «отечественная

правовая мысль XIX столетия развивалась под влиянием двух различных идеологических направлений: западничества и славянофильства» [20, с. 306]. Идея разнородности общественного сознания в российской культуре больше похожа на правду реальной жизни, чем утверждение о глобальной приверженности российского менталитета какой-то одной идеологии, да еще и связанной с постоянным самопожертвованием во имя некоего общего блага.

Возникновение обеих идеологий в российской истории было в равной степени закономерным, как стремление одних представителей общества все изменить по каким-то более прогрессивным, с их точки зрения, образцам (в данном случае – западноевропейским), так и стремление других представителей этого же общества не оторваться от привычных условий жизни, как они сами эти привычные условия понимали. В этой ситуации столь же закономерными были как позитивные проявления обеих идеологий, так и их издержки. Западники пытались пересадить на российскую почву то, что было пригодно для западноевропейских демократий с их историческими корнями, особенностями внутренней структуры населения (главным образом по признакам национальной принадлежности и вероисповедания) и сложившихся форм его самоорганизации на географически небольших (в сравнении с Россией) территориях проживания. Славянофилы же в оценке специфики действия тех же и подобных им объективных факторов нередко руководствовались иррациональными, интуитивно-чувственными критериями «духовного единства», «сочувственными нитями духовного общения» и т. п. [20, с. 311–312]. В реальности такое единство проявлялось только перед лицом внешней угрозы, как в 1612 и в 1812 гг. А единство с государством не было чем-то внутренне присущим российскому народу, о чем свидетельствуют, например, народные волнения масштабов так называемых крестьянских войн под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева наряду с многочисленными менее известными проявлениями русского бунта, «бессмысленного и беспощадного», в которых пресловутые «соборность» и «общинность» способствовали объединению отдельных групп российского населения отнюдь не ради обществен-

ного блага, а как раз против государственной власти в лице конкретных ее представителей.

В современных дискуссиях ученых-процессуалистов, основанных на констатации идеологического противостояния между Россией и «коллективным Западом», нетрудно заметить некий аналог спора между западниками и славянофилами. Полагаем, что и это обстоятельство является закономерным, не временным, а объективно сопровождающим любые научные дискуссии о перспективах развития отечественной правовой системы и российского правосудия. Скорее всего, и для этих дискуссий будет характерна уже многократно проявлявшаяся черта: любая крайность в оценках чревата односторонностью и субъективизмом. Национальная идентичность российского уголовного процесса формируется в противоборстве идей, кажущихся несовместимыми. Эта тенденция сохраняется уже несколько столетий и едва ли когда-то изменится.

Однако в любом случае перевод научных дискуссий с идеологического, эмоционально перегруженного уровня на рациональный уровень анализа конкретных процессуальных институтов всегда гораздо более продуктивен для развития отечественной системы уголовного процесса, нежели вечное сопоставление одних лозунгов с другими.

Проявление национальной идентичности уголовного процесса в конкретных процессуальных институтах (на примере следственного судьи или судебного следователя)

С самого начала современной судебной правовой реформы предметом оживленной полемики был вопрос о новом для уголовного процесса России представителе государственной власти – следственном судье или судебном следователе. Об этом судоустройственном и уголовно-процессуальном институте писали в самом разном ключе многие авторы. Кто-то – на уровне анализа общей идеи, кто-то – в контексте конкретных процедур деятельности этого потенциального субъекта уголовно-процессуальных отношений. Только обзору литературы по этому вопросу можно посвятить целую монографию, и не одну. Не ставя перед собой такую задачу, обратим внимание на некоторые частности.

В.П. Смирнов в своей диссертации (2003) упрекает законодателя в том, что тот «без достаточных к тому оснований ограничил составительное начало в досудебном производстве, не предусмотрев институты следственного судьи и (или) судебного следователя, которые как представители судебной власти стояли бы на страже прав и свобод граждан во всех конфликтных ситуациях, возникающих в ходе расследования дела» [21, с. 15]. Немаловажно отметить, что автор, на тот момент – действующий федеральный судья, о реальных проблемах практики как судебного, так и досудебного производства по уголовным делам осведомлен в полной мере и куда лучше многих.

Внимание к следственному судье с разной степенью активности проявлялось в специальной литературе и в более позднее время, иногда – с недвусмысленной констатацией ослабления научного интереса к этому вопросу [22].

В контексте настоящего изложения считаем необходимым обозначить свою позицию по более масштабному вопросу – о принципе состязательности сторон в уголовном процессе, который активно обсуждался в процессе подготовки и в начале действия УПК РФ, а процессуальная фигура следственного судьи рассматривалась в литературе именно как гарантия реализации состязательных начал в досудебном производстве по уголовным делам.

Осмелимся утверждать, что в современной российской уголовно-процессуальной науке уже стало практически общепризнанным, что принцип состязательности касается только судебных процедур. Буквальное прочтение ст. 15 УПК РФ дает основания только для такого вывода, ибо стороны обвинения и защиты равны только перед судом и состязаются только перед ним. В досудебном производстве по уголовным делам ни в каких континентально-европейских национальных системах уголовного процесса принцип состязательности не действует, за исключением судебных заседаний в порядке судебного контроля, в которых могут участвовать обе стороны. По понятным причинам судебное санкционирование (например, обыска в жилище) осуществляется без участия стороны защиты, поэтому и состязаться в таком заседании с заявителем ходатайства некому. Впрочем, и в англо-американском уголовном процессе состязательным является тоже только судеб-

ное разбирательство (по делу в целом или по какому-то отдельному вопросу), просто потому, что досудебных стадий в англосаксонском уголовном процессе никогда не было. Нам наиболее близка позиция Л.В. Головки по вопросу о состязательности уголовного процесса: «Государство не только не может, но и не должно состязаться со своими гражданами. Оно обязано сделать другое: во-первых, обеспечить подозреваемому и обвиняемому в ходе несостязательного предварительного расследования право на защиту; во-вторых, так организовать судебное разбирательство, разделив функции своих представителей (суда и прокурора) и наделив одного из них функцией стороны обвинения (без процессуальной власти), а другого – функцией правосудия (с полнотой процессуальной власти), чтобы судебное разбирательство было максимально состязательным. Никакой другой состязательности в уголовном процессе не бывает» [23, с. 117].

Однако вернемся к вопросу о следственном судье. В.П. Смирнов писал в начале 2000-х годов о судебном следователе или следственном судье именно в таком «двойном» варианте, то есть без разграничения названных понятий. Такое неразграничение нередко встречается в специальной литературе тех лет и объясняется довольно просто: поиски аналогов этой процессуальной фигуры велись главным образом в современных европейских странах, и в переводе на любой из европейских языков оба приведенных названия процессуальных статусов звучат приблизительно одинаково – в них непременно соединяются два корня: «следствие» и «судья». В немецком языке, например, для обозначения следственного судьи используется слово *Ermittlungsrichter*, в котором *Ermittlung* – расследование, а *Richter* – судья.

В Уставе уголовного судопроизводства предусматривалась процессуальная фигура судебного следователя, который являлся действительным членом окружного суда, но был уполномочен на производство предварительного следствия («Существо обязанностей и степень власти судебных следователей» – ст. 262–277, а также ст. 205 Учреждения судебных установлений). То есть в Российской империи судебные следователи были одновременно и следователями, собирающими доказательства по уголовным делам в досу-

дебном производстве, и судьями, которые по закону могли привлекаться к рассмотрению по существу уголовных дел, если они сами предварительного следствия по этим делам не проводили [24, с. 330]. Последнее обстоятельство было скорее исключением, допускавшимся при невозможности привлечения других членов суда к судебному разбирательству, но судейского статуса судебного следователя это не опровергало. В литературе отмечается, что должность судебного следователя воспринималась профессиональными юристами как промежуточная, как своеобразный «трамплин» на пути к прокурорской или судейской карьере [25, с. 69], но и это обстоятельство принадлежности судебного следователя к органам судебной власти тоже не опровергало.

Процессуальный институт представителя судебной власти, реализующего властные полномочия в досудебном производстве по уголовным делам, – яркий пример проявления национальной идентичности уголовного процесса стран, где существует процессуальная фигура судебного следователя или следственного судьи. На более поздних этапах на разницу между этими представителями судебной власти в досудебном производстве по уголовным делам, организованном по континентальному типу, все же обратили внимание в специальной литературе [26]. Французский вариант следственного судьи – это судебный следователь, который сам собирает доказательства по уголовному делу и принимает решения о применении для этого правоограничительных мер, требующих судебного решения. В схожем варианте функционировал и дореволюционный российский судебный следователь. Итальянский следственный судья – это судья, осуществляющий судебный контроль за деятельностью по расследованию преступлений полицией под руководством службы государственного обвинения – аналога российской прокуратуры. Следственный судья на этом основании сам тоже принимает решения, связанные с ограничением основных прав и свобод, но уже по ходатайству полиции, производящей предварительное расследование. Испанский следственный судья совмещает в своей деятельности и судебный контроль, и право непосредственно собирать доказательства.

Введенный в Республике Казахстан (далее – РК) в 2014 г. следственный судья – это судья, уполномоченный на осуществление действий, называемых в российском уголовном процессе судебным контролем, и реализующий при этом «полномочия суда», перечисленные в ст. 53 УПК РК и затем продублированные в специальной ст. 55 «Полномочия следственного судьи», ч. 1 которой посвящена досудебному производству². Большая часть этих полномочий совпадает с полномочиями российского суда в досудебном производстве: санкционирование процессуальных действий и решений органов предварительного расследования, ограничивающих основные права и свободы граждан, рассмотрение их жалоб на такие действия, решения и бездействие (ст. 29, 125 УПК РФ). Однако есть и специфические полномочия следственного судьи, для российского суда не характерные, связанные с собиранием доказательств. Сам следственный судья доказательств не собирает, за исключением случаев «депонирования в досудебном производстве показаний свидетелей и потерпевших» (п. 3 ч. 2 ст. 55 УПК РК) по ходатайствам невластных участников процесса в специально предусмотренной для этого процедуре (ст. 217 УПК РК). Под депонированием понимается судебная фиксация показаний, которые будут использованы в будущем при разбирательстве уголовного дела по существу другим составом суда. Следственный судья также уполномочен рассмотреть и разрешить по существу ходатайство адвоката-защитника или представителя о производстве следственных действий, если в этом было необоснованно отказано органами предварительного расследования.

Следственные судьи в Республике Казахстан существуют наряду со следователями – должностными лицами одного из четырех органов исполнительной власти (органов внутренних дел, органов национальной безопасности, антикоррупционной службы и службы экономических преступлений), уполномоченными на проведение досудебного расследования, которое, к слову, может осуществлять и прокурор (ст. 60 УПК РК). Совокупность на-

званных и иных особенностей процессуального статуса следственного судьи в уголовном процессе Казахстана не оставляет сомнений в том, что главная его задача – создать компенсационные процедурные возможности для реализации прав невластных участников процесса не только со стороны защиты, но и потерпевших и их представителей.

Как видим, в бывшей советской республике, а ныне – суверенном государстве, правовая система которого формировалась на основе весьма схожего с Россией советского опыта нормативно-правовой регламентации и организации предварительного расследования, институт следственных судей не повторил никакие современные европейские аналоги, не воспроизвел фигуру дореволюционного российского судебного следователя, но при этом приспособил сугубо полицейский вариант предварительного следствия к тенденциям внедрения в досудебное производство процедур судебного контроля. В результате получился абсолютно уникальный процессуальный институт, что нельзя не признать признаком национальной идентичности уголовного процесса.

С.Г. Коновалов, анализируя статью известного германского юриста Эриха Берндта «Следственный судья или прокурор?», рассматривает исторические трансформации института следственного судьи в германском уголовном процессе, который, по верному замечанию С.Г. Коновалова, до 1933 г. был аналогом российского пореформенного судебного следователя [27, с. 87–114].

Э. Берндт жестко критиковал возложение на представителя судебной власти следственных функций, то есть превращение его в так называемую «судебную полицию» по французскому или швейцарскому (в оригинале – бернскому) праву. Формально, имея судейский статус, следственный судья в этом случае перестает быть органом правосудия, разрешающим уголовное дело, и превращается в обвинителя, помогающего прокурору обосновать обвинение перед судом, деятеля уголовного преследования, снабженного «дополнительными полномочиями альтер эго прокурора» [27, с. 91].

Наверняка Э. Берндт был не единственным германским юристом, который критиковал рассматриваемый институт. Так или иначе, но с 1933 г. до конца Второй мировой

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (действующая редакция) [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 12.12.2025).

войны предварительное следствие в Германии осуществлялось как «прокурорское дознание» [27, с. 87], то есть предварительное расследование, производимое полицией под руководством прокурора, а точнее – должностных лиц прокуратуры как строго централизованной службы государственного обвинения, представители которой впоследствии поддерживают это обвинение в суде.

После Второй мировой войны система уголовного процесса разделенной на восточную и западную части Германии формировалась под воздействием оккупационных властей. В ГДР, как и во всем так называемом социалистическом лагере, система уголовной юстиции перестраивалась под ощутимым влиянием Советского Союза и его правовой системы. ФРГ же в 1945 г. была поделена на оккупационные зоны между США, Великобританией и Францией. По понятным причинам перестройка системы традиционно континентально-европейского уголовного процесса Западной Германии осуществлялась по французскому образцу. Именно поэтому, как полагаем, предварительное следствие вновь было передано следственным судьям в том варианте «судебных следователей», который существовал не только во Франции, но и в самой Германии до 1933 г. [27, с. 89].

Такое решение вопроса о процедурной форме расследования преступлений было одним из проявлений общего курса стран-победительниц на денацификацию и демилитаризацию Германии. Прежние правоохранительные органы были распущены как скомпрометировавшие себя в годы гитлеровской диктатуры, а новая их система, по мнению оккупационных властей, ничем не должна была напоминать нацистскую, и это подчас было главным мотивом преобразований [28, с. 23]. Судебная форма предварительного следствия по французскому образцу просуществовала в ФРГ по 1975 г., когда было возрождено «прокурорское дознание», существующее в Германии и сегодня [27, с. 89].

Такая форма предварительного расследования преступлений оказалась более пригодной для Германии. Полиция, в распоряжении которой всегда имеются технические и организационные возможности для выявления преступлений, раскрытия их и собирания сведений об их юридически значимых обстоятельствах, собирает эту информацию под

руководством прокуратуры. По-немецки прокуратура называется Staatsanwaltschaft, буквально – «государствозащита», или «защита государства», в отличие от немецкого наименования адвокатуры Rechtsanwaltschaft, буквально – «защита права», или «правозащита». Если в процессе собирания доказательств возникает необходимость в ограничении конституционных прав и свобод граждан или в избрании мер пресечения, связанных с таким ограничением, прокурор на основании сведений, собранных полицией, обращается в суд за санкцией на применение этих правоограничительных мер. Вот на этом этапе возникает фигура следственного судьи (Ermittlungsrichter), который уполномочен давать такую санкцию. Важно отметить, что Ermittlungsrichter в современной Германии – это не особый процессуальный статус и не особая должность в суде. Это судья, рассматривающий этот конкретный вопрос, касающийся досудебного производства, и принимающий по нему судебное решение. Завершается «прокурорское дознание» направлением государственного обвинения в суд для рассмотрения и разрешения по существу при участии сотрудника прокуратуры, поддерживающего обвинение. В настоящее время предварительное следствие в форме прокурорского дознания в Германии уже ничем не напоминает французское предварительное судебное следствие, в котором, как пишет Л.В. Головкин, «прокурор и следственный судья сдерживают друг друга в рамках процессуальной системы "сдержек и противовесов". Французский следственный судья без прокурора не может начать следствие, а прокурор после передачи возбужденного уголовного дела следственному судье полностью утрачивает над уголовным делом процессуальную власть» [29, с. 242–243].

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Рассмотренная нами схема германского предварительного расследования выглядит вполне логичной, и нельзя не заметить, что она напоминает современную российскую

процедурную схему предварительного расследования в форме дознания. Предварительное же следствие в современной России отличается от этой схемы одним примечательным исключением: с 2007 г. прокурор формально отстранен от процессуального руководства предварительным следствием за счет возложения организационно-распорядительных полномочий, связанных с производством предварительного следствия, на ведомственного начальника следователя, приобретшего процессуальный статус руководителя следственного органа (ст. 39 УПК РФ). Последнее обстоятельство по-разному оценено в отечественной уголовно-процессуальной науке. С.А. Шейфер проанализировал это явление в историческом аспекте и оценил его в целом негативно, поскольку сам всегда отстаивал идею процессуального руководства следствием со стороны прокурора как главного субъекта обвинительной власти [30, с. 95–104].

В отстранении прокурора от непосредственного руководства расследованием сторонники такого решения видели особые возможности для повышения объективности прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия с одновременным усилением процессуальной независимости следственного аппарата. В последних исследованиях даже высказывается сожаление, что это размежевание полномочий между прокурором и руководителем следственного органа не доведено до конца. Более того, утверждается, что «имеющаяся зависимость органов расследования от прокуратуры, не компенсированная эффективно работающим механизмом разрешения противоречий, угрожает нарушениями законности со стороны прокурора, а также несет в себе в том числе и коррупционные риски» [31, с. 19].

Российская практика сама распорядилась этим перераспределением полномочий: и следователи, и руководители следственных органов предпочитают информировать прокурора о ходе и промежуточных результатах следствия задолго до того, как уголовное дело с обвинительным заключением попадет к нему. Л.В. Головкин на основе анализа предварительного следствия в разных европейских странах – французского судебного следствия, германского прокурорского дозна-

ния и английского полицейского дознания – не без оснований назвал усиление иерархической организационной структуры российского следственного аппарата с одновременным ослаблением прокурорского надзора за предварительным следствием признаком «полицеизации» предварительного следствия и отметил, что в современном уголовном процессе наблюдается все большее удаление предварительного следствия от его «классических образцов» [29, с. 265–266].

В контексте нашего изложения необходимо понять, насколько идеи «полицеизации» предварительного следствия и «прокурорского дознания», во-первых, совместимы, а во-вторых, соответствуют (либо не соответствуют) идее национальной идентичности российского уголовного процесса.

С.А. Шейфер констатировал, что «переход к прокурорскому дознанию» был главной идеей реформы предварительного следствия конца 20-х годов XX в., и называл это «упразднением независимой следственной власти» бывшего дореволюционного судебного следователя [30, с. 68–70]. Реформы советского уголовного процесса конца 1950-х – начала 1960-х годов при многих демократических преобразованиях «периода оттепели» «прокурорское дознание» сохранили [30, с. 77–79].

К.В. Муравьев в своей докторской диссертации (2017) последовательно отстаивает идею реформирования отечественного досудебного производства по германскому типу, то есть с превращением его в полицейское дознание под «усиленным» надзором и руководством прокурора [32, с. 196]. Нетрудно усмотреть в этом «германском типе досудебного производства» совмещение идей «полицеизации» следствия и «прокурорского дознания».

Думается, что реальная современная российская практика, вне всякой связи с германскими или какими бы то ни было другими зарубежными образцами, уже давно приняла идею «прокурорского дознания» как оптимальную. В реализуемой сейчас процессуальной схеме присутствует, помимо следователя, руководителя следственного органа и прокурора, также и «следственный судья», действующий по уже проанализированному выше применительно к Германии образцу – как судья, рассматривающий ходатайства и жалобы

в порядке судебного контроля. Описанная процессуальная модель, хотя, возможно, и не без недостатков в реальной практике, оказалась более пригодной для системы современного российского уголовного процесса, чем любые другие. Сейчас не принято считать Следственный комитет РФ полицейской структурой, однако если не придавать термину «полицейский» какого-то негативного смысла, для чего реальных оснований не имеется, то иерархическая структура этого ведомства мало чем отличается от организации следственного аппарата в органах внутренних дел.

Основы «полицейского» предварительного следствия закладывались в советскую эпоху как минимум начиная с 1963 г., когда следственный аппарат был создан в системе органов внутренних дел и сразу стал самым многочисленным и ориентированным на расследование основной массы самых распространенных преступлений. Какое-то время по УПК РСФСР 1960 г. идея «полицейского следствия» существенно корректировалась наличием следственного аппарата в прокуратуре, а точнее – при прокуратуре, которая принципиально не считалась ни в Советском Союзе, ни где бы то ни было еще полицейской (в советском варианте – милицейской) структурой, а являлась органом надзора за законностью и государственного обвинения. В названии классовых чинов сотрудников прокуратуры использовались слова «юрист» либо «советник юстиции», что тоже подчеркивало дистанцированность кадрового корпуса прокуратуры, в том числе и ее следователей, от милиции (советского аналога полиции). В органах внутренних дел следователи имели специальные звания офицеров милиции вплоть до переименования в 2011 г. милиции в полицию, когда следователи органов внутренних дел стали именоваться офицерами юстиции. Офицерами юстиции, к слову, сейчас являются и сотрудники Следственного комитета РФ. Особый статус предварительного следствия в органах прокуратуры как следствия «не полицейского» долгое время подчеркивался «преимущественной прокурорской подследственностью» и возможностью непосредственного руководства расследованием со стороны прокурора в любой форме, вплоть до личного участия в нем. преимуще-

ственная прокурорская подследственность в ст. 126 УПК РСФСР была определена словом «также» при обозначении подследственности следователей двух других ведомств (Комитета государственной безопасности СССР, впоследствии – Федеральной службы безопасности РФ), кроме прокуратуры, названной в этой статье на первом месте. Прокурор обладал правами не только изымать из производства следователей двух других ведомств любое дело и поручать предварительное следствие по нему следователю прокуратуры, давать обязательные для исполнения указания следователям, независимо от их ведомственной подчиненности, создавать следственные группы из любых следователей, но также лично производить дознание или предварительное следствие.

В современных условиях становится все более очевидным, насколько следователи прокуратуры, по УПК РСФСР, были более процессуально самостоятельны, нежели их коллеги из других ведомств и пришедшие им на смену современные следователи Следственного комитета РФ. Процессуальный статус начальника следственного отдела (ст. 127.1 УПК РСФСР) на начальников следственных частей, отделов и управлений в прокуратуре не распространялся, поскольку их руководители пользовались процессуальным статусом прокурора с внутрпрокурорским распределением надзорных полномочий.

Идея «прокурорского дознания», то есть производимого следователями любых органов исполнительной власти предварительного следствия под непосредственным руководством и надзором прокурора, не просто не противоречит нашим историческим традициям. «Прокурорское дознание» давно реализуется на практике, хотя законодательная схема его организации ему не соответствует. Напомним, что оба этих явления – и «полицизация следствия», и «прокурорское дознание» – порознь оценивались видными российскими учеными негативно – как признаки отступления от классических образцов предварительного следствия (Л.В. Головкин) и как ослабление независимости «следственной власти» (С.А. Шейфер). Однако совмещение этих явлений не без оснований рассматривается современными учеными как оптимальная модель предварительного следствия для

современной России (К.В. Муравьев), что делает целесообразным и необходимым возвращение прокурору полномочий по процессуальному руководству расследованием и по распоряжению государственным обвинением в досудебном производстве.

Выводы

1. Уникальный исторический облик любой национальной системы уголовного процесса формируется под воздействием столь же уникального набора внутренних и внешних факторов. Универсальные или подобные процессуальные институты всегда приобретают в ходе эволюции тот вид, который наиболее соответствует правовой системе конкретного государства. Нет «хороших» и «плохих» процессуальных институтов, есть лишь пригодные и непригодные для реализации в конкретной национальной правовой системе.

2. Одни и те же процессуальные институты необходимо оценивать применительно к конкретным историческим условиям их возникновения и существования. «Лозунговый формат» научных дискуссий по поводу любых уголовно-процессуальных явлений, как и апелляции к особенностям национального менталитета в этих дискуссиях, всегда менее продуктивны, нежели собственно юридический анализ конкретных процедур производства по уголовным делам в конкретный период.

3. Идеологическая перегруженность уголовно-процессуальных научных исследований, как правило, влечет односторонность и субъективизм авторских суждений, игнорирование исторического и географического контекста развития национальных правовых систем, а потому чревата заблуждениями на доктринальном уровне и ошибками в законодательной и правоприменительной практике.

Список источников

1. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : монография / Н.Г. Стойко. – Санкт-Петербург, 2006. – 264 с.
2. Азаров В.А. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы. Отзыв официального оппонента о диссертации Азаренка Николая Васильевича, представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук / В.А. Азаров // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 1. – С. 107–118.
3. Россинский С.Б. Предупреждение об уголовной ответственности: эффективная мера уголовно-процессуальной профилактики или пережиток прошлого? / С.Б. Россинский // *Jus strictum*. – 2025. – № 3. – С. 27–34.
4. Латыпов В.С. Уголовно-процессуальный феномен присяги: правовой рудимент или недооцененная публично-правовая процедура? / В.С. Латыпов // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 98–103.
5. Герцен П.О. Реализация права на апелляционное обжалование и пересмотр промежуточных судебных решений, вынесенных в ходе досудебного производства: обеспечение баланса частных и публичных интересов : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / П.О. Герцен. – Томск, 2023. – 243 с.
6. Лукьянова А.А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.А. Лукьянова. – Томск, 2024. – 42 с.

REFERENCES

1. Stoyko N.G. Criminal Procedure in Western States and Russia: A Comparative Theoretical and Legal Study of the Anglo-American and Romano-Germanic Legal Systems. Saint Petersburg, 2006. 264 p.
2. Azarov V.A. The Concept of Improving the Russian Criminal Process Within Its Historical Form. A Review of the Official Opponent of the Dissertation Thesis of Nikolay V. Azarijonok, Submitted for the Degree of Doctor of Law. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no. 1, pp. 107–118. (In Russian).
3. Rossinskiy S.B. Notice of Criminal Liability: An Effective Measure of Criminal Procedure Prevention or a Relic of the Past? *Jus Strictum*, 2025, no. 3, pp. 27–34. (In Russian).
4. Latypov V.S. The Criminal Procedural Phenomenon of the Oath: A Legal Rudiment or an Undervalued Public Law Procedure? *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 98–103. (In Russian).
5. Gertsen P.O. Implementation of the Right to Appeal and Review of Interim Court Decisions Made During Pre-Trial Proceedings: Ensuring a Balance of Private and Public Interests. *Cand. Diss. Tomsk*, 2023. 243 p.
6. Lukyanova A.A. Implementation of the Right to Liberty and Personal Inviolability in Criminal Proceedings in Russia. *Cand. Diss. Thesis. Tomsk*, 2024. 42 p.
7. Demichev A.A. The Doctrinal Principle of Combining Persuasion and Coercion in Theory and Law Enforcement Practice. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 3, pp. 21–26. (In Russian).
8. Doroshkov V.V. Reasonable Combination of Public and Private Elements in Criminal Proceedings. *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 1, pp. 31–41. (In Russian).

7. Демичев А.А. Доктринальный принцип сочетания убеждения и принуждения в теории и правоприменительной практике / А.А. Демичев. // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 21–26.
8. Дорошков В.В. Разумное сочетание публично-го и частного в уголовном судопроизводстве / В.В. Дорошков // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 31–41.
9. Дорошков В.В. Уголовное правосудие в условиях метамодерна и умеренного консерватизма: монография / В.В. Дорошков. – Москва: Прометей, 2023. – 326 с.
10. Давлетов А.А. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития: монография / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2023. – 504 с.
11. Давлетов А.А. Методологические предпосылки признания баланса публичного и частного интересов принципом современного российского уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 32–40.
12. Азаров В.А. Существует ли (и должен ли существовать) баланс публичного и частного начал в уголовном процессе России? / В.А. Азаров. // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 8–17.
13. Победкин А.В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2024. – 328 с.
14. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. – Москва: Норма, 2021. – 408 с.
15. Азарёнок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Н.В. Азарёнок. – Омск, 2021. – 35 с.
16. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург: Альфа, 1996. – Т. 1. – 552 с.
17. Карнишина Н.Г. Судебная система Российской империи накануне проведения реформы 1864 г. (к 150-летию принятия Судебных Уставов) / Н.Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (29). – С. 69–76.
18. Тростянский А.Г. Судебная система дореформенной провинциальной России в 1840–1860 гг. (по материалам Самарской и Пензенской губерний) / А.Г. Тростянский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. История и политология. – 2010. – № 7. – С. 234–240.
19. Кузнецов М.С. Ретроспектива и перспектива теории формальной оценки доказательств в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / М.С. Кузнецов. – Нижний Новгород, 2025. – 32 с.
20. Царьков И.И. Развитие правопонимания в европейской традиции права / И.И. Царьков. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. – 346 с.
21. Смирнов В.П. Состязательное начало по уголовным делам в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.П. Смирнов. – Москва, 2003. – 24 с.
22. Маслов И.В. К вопросу о фигуре следственного судьи / И.В. Маслов // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. – Москва: Академия управления МВД России, 2019. – С. 238–243.
23. Doroshkov V.V. Criminal Justice in the Context of Metamodernism and Moderate Conservatism. Moscow, Prometheus Publ., 2023. 326 p.
24. Davletov A.A., Azarenok N.V. Criminal Procedure in Russia: Historical Roots, Current State, Prospects for Evolutionary Development. Ural State Law University Publ., 2023. 504 p.
25. Davletov A.A., Azarenok N.V. Methodological Prerequisites for Recognizing the Balance of Public and Private Interests as a Principle of Modern Russian Criminal Procedure. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 32–40. (In Russian).
26. Azarov V.A. Does It Exist (and Should It Exist) a Balance of Public and Private Principles in Russian Criminal Proceedings? *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 8–17. (In Russian).
27. Pobedkin A.V. Basic Provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a System of Guarantees of Publicity of Criminal Proceedings. Moscow, Yurlitinform Publ., 2024. 328 p.
28. Rossinsky S.B. Pre-trial Proceedings in a Criminal Case: Essence and Methods of Collecting Evidence. Moscow, Norma Publ., 2021. 408 p.
29. Azarenok N.V. Concept of Improving the Russian Criminal Procedure within the Framework of Its Historical Form. *Doct. Diss. Thesis*. Omsk, 2021. 35 p.
30. Foinitsky I.Ya. Course of Criminal Procedure. Saint Petersburg, Alfa Publ., 1996. Vol. 1. 552 p.
31. Karnishina N.G. Juridical System of the Russian Empire Before the Reform of 1864 (Commemorating 150 Years of Juridical Statutes). *University Proceedings. Volga Region. Humanities*, 2014, no. 1 (29), pp. 69–76. (In Russian).
32. Trostyansky A.G. The Judicial System of the Pre-reform Provincial Russia in 1840–1860 (According to Materials of Samara and Penza Provinces). *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2010, no. 7, pp. 234–240. (In Russian).
33. Kuznetsov M.S. Retrospective and Prospective of the Theory of Formal Evidence Assessment in Criminal Procedure. *Cand. Diss. Thesis*. Nizhny Novgorod, 2025. 32 p.
34. Tsarkov I.I. Development of Legal Understanding in the European Legal Tradition. Saint Petersburg, Juridical Center Press Publ., 2006. 346 p.
35. Smirnov V.P. Adversarial Principle in Criminal Cases in the Court of First Instance. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2003. 24 p.
36. Maslov I.V. On the Role of the Investigating Judge. *Criminal Procedure and Forensic Science: Theory, Practice, Didactics. Collection of Articles from the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference*. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2019, pp. 238–243. (In Russian).
37. Golovko L.V. State Participation in the Criminal Procedure: From “Equality of Arms” to Realistic Theories. *State and Law*, 2020, no. 6, pp. 107–118. (In Russian).
38. Khlebnikova G.A. Legal Status of the Investigating Judge in the Russian Empire According to the Judicial Statutes of 1864. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 4, pp. 327–331. (In Russian).
39. Nemytina M.V. Judicial Reform of 1864 in Russia and the Formation of a Legal Corporation. *Historical and Legal Problems: A New Perspective*, 2019, no. 3, pp. 66–75. (In Russian).

23. Головкин Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям / Л.В. Головкин // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 107–118.
24. Хлебникова Г.А. Правовой статус судебного следователя в Российской империи по судебным уставам 1864 года / Г.А. Хлебникова // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 4. – С. 327–331.
25. Немытина М.В. Судебная реформа 1864 года в России и формирование юридической корпорации / М.В. Немытина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2019. – № 3. – С. 66–75.
26. Ковтун Н.Н. «Следственный судья или судебный следователь»: судебная реформа требует определенности в терминах / Н.Н. Ковтун // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. – Самара : Самарский университет, 2010. – Вып. 5. – С. 335–341.
27. Коновалов С.Г. Следственный судья или прокурор? / С.Г. Коновалов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2023. – Т. 64, № 4. – С. 87–114.
28. Файк Г. Полиция возвращается. Из истории уголовной полиции ФРГ : пер. с нем. / Г. Файк. – Москва : Юридическая литература, 1983. – 240 с.
29. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головкин. – Москва : Городец, 2022. – 464 с.
30. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти : монография / С.А. Шейфер. – Москва : Норма, 2013. – 192 с.
31. Гусак В.В. Процессуальное руководство расследованием: проблемы и перспективы : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 5.1.4 / В.В. Гусак. – Омск, 2025. – 23 с.
32. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / К.В. Муравьев. – Омск, 2017. – 505 с.
26. Kovtun N.N. "Investigating Judge or Judicial Investigator": Judicial Reform Requires Clarity in Terms. In Lazareva V.A. (ed.). *Actual Problems of Modern Criminal Procedure in Russia: Inter-University Collection of Scientific Papers*. Samara University Publ., 2010, iss. 5, pp. 335–341. (In Russian).
27. Konovalov S.G. Investigating Judge or Prosecutor? *Lomonosov Law Journal*, 2023, vol. 64, no. 4, pp. 87–114. (In Russian).
28. Faik G. The Police Are Back. From the History of the Criminal Police of the FRG. Moscow, Legal Literature Publ., 1983. 240 p.
29. Golovko L.V. The State and Its Criminal Proceedings. Moscow, Gorodets Publ., 2022. 464 p.
30. Sheifer S.A. Pre-trial Proceedings in Russia: Stages of Development of Investigative, Judicial and Prosecutorial Authorities. Moscow, Norma Publ., 2013. 192 p.
31. Gusak V.V. Procedural Management of Investigation: Problems and Prospects. *Cand. Diss. Thesis*. Omsk, 2025. 23 p.
32. Muravyov K.V. Optimization of Criminal Procedure as a Form of Application of Criminal Law. *Doct. Diss.* Omsk, 2017. 505 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tarasov Aleksandr Alekseyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 25.11.2025; одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 15.12.2025. The article was submitted 25.11.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 343.14
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.17

Original article

ХАЛИКОВ АСЛЯМ НАИЛЕВИЧ
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
han010@yandex.ru

KHALIKOV Aslyam Nailevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

СОДЕРЖАНИЕ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

THE CONTENT AND EVALUATION CRITERIA OF EVIDENCE IN RUSSIAN AND FOREIGN
CRIMINAL PROCEDURE

Аннотация. Оценка доказательств – одно из важнейших направлений деятельности органов следствия и суда в уголовном судопроизводстве, однако правила такой оценки не всегда имеют воплощение в нормах права. Данный недостаток сказывается в правоприменительной деятельности. Цель – раскрыть проблему нормативной регламентации оценки доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве России и предложить пути ее решения. Методы: для подготовки статьи использованы материалы уголовных дел и статистические сведения, а также следующие методы: историко-правовой – при анализе генезиса норм об оценке доказательств; сравнительно-правовой – для сопоставления (сравнения) положений, посвященных оценке доказательств, в отечественном и зарубежном законодательстве; формально-юридический – для толкования норм об оценке доказательств и другие методы научного исследования. Результаты: предлагается ввести новый критерий оценки доказательств – независимость, который наравне с принципом свободы оценки доказательств и независимости судей будет способствовать объективной, полной и всесторонней оценке доказательств. Автор считает, что оценка доказательств имеет значение для всего процесса предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела. Практические и теоретические проблемы такой оценки свидетельствуют о необходимости разработки нормативных правил оценки доказательств, которые должны быть изложены в отдельной норме УПК РФ, где будут объединены все требования к оценке доказательств.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, оценка доказательств, познание, предварительное расследование, суд, уголовный процесс

Для цитирования: Халиков А.Н. Содержание и критерии оценки доказательств в уголовном процессе России и зарубежных стран / А.Н. Халиков. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 173–181.

Abstract. The evaluation of evidence is one of the most crucial areas of activity for investigative bodies and courts in criminal proceedings. However, the rules for such evaluation are not always embodied in legal norms. This deficiency is reflected in law enforcement practice. The purpose is to reveal the problem of normative regulation of evidence evaluation in Russian criminal procedure legislation and to propose solutions. Methods: The materials from criminal cases and statistical data are used for the preparation of this article, as well as the following methods: historical-legal (in analyzing the genesis of the norms regarding evidence evaluation); comparative-legal (for comparing the provisions dedicated to evidence evaluation in national and foreign legislation); formal-legal (for interpreting the norms regarding evidence evaluation); and other methods of scientific research. Results: the article proposes to introduce a new criterion for evaluating evidence – namely, independence, which, together with the principle of freedom of evidence evaluation and judicial independence, will contribute to an objective, complete and comprehensive evidence evaluation. The author argues that the evaluation of evidence is important for the entire process of preliminary investigation and judicial review in criminal cases. The practical and theoretical problems associated with this evaluation indicate the need to develop regulatory rules for assessing evidence. These rules should be codified in a separate article of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, consolidating all requirements for evidence evaluation.

Keywords: evidence, proving, evidence evaluation, cognition, preliminary investigation, trial, criminal procedure

For citation: Khalikov A.N. The Content and Evaluation Criteria of Evidence in Russian and Foreign Criminal Procedure. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 173–181. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.17.

ВВЕДЕНИЕ

Содержание уголовного процесса по своей сути – система доказывания виновности лица (лиц), совершившего преступление. Причем речь идет о доказывании именно виновности, поскольку, как известно, невиновность, в силу ее конституционной презумпции, признается априори и формально не требует доказательств. Сам процесс доказывания представляет собой практическую и теоретическую деятельность, и чем успешнее решены прикладные проблемы в виде собирания и проверки доказательств, тем легче провести мыслительную оценку результатов следственной и оперативной работы либо судебного разбирательства дела.

Правовая регламентация доказательственного процесса имеет разнообразные проявления в уголовно-процессуальных законах различных государств. В одних странах уголовно-процессуальные законы содержат отдельные разделы, где описаны общие императивные подходы к процессу доказывания и оценке его результатов, что можно назвать процессуальной теорией доказывания (Россия и страны ближнего зарубежья). В других существует некая избыточность процессуальных норм, где детализируются все шаги правоохранительных органов и суда при проведении следственных и судебных действий, но отсутствуют правила оценки доказательств. При этом нарушение процессуальных или процедурных норм влечет недопустимость, а следовательно, неприменение полученных сведений в уголовном деле, которые уже невозможно именовать доказательствами (Германия, Франция).

По упрощенной схеме, принятой в УПК РФ и ряде других стран (Республика Беларусь), процесс доказывания представляет собой собирание (по УПК Республики Азербайджана – получение), проверку и оценку доказательств. Существуют также дополнительные элементы или этапы доказывания в виде исследования доказательств и (или) их использования (УПК Республики Казахстан, УПК Республики Кыргызстан), что, в общем-то, не противоречит общему порядку системы доказывания. В этом русле собирание и проверка доказательств – это в целом практическая деятель-

ность в основном следователя, реже – суда. Роль последнего, как известно, больше заключается в оценке имеющихся доказательств.

Собирание доказательств в процессе доказывания состоит в получении различных их видов, перечисленных в ст. 74 УПК РФ, с учетом их правильного процессуального оформления и наполнения достоверным содержанием. Следующий шаг – проверка доказательств, то есть рассмотрение или исследование уже собранных доказательств, их практическое (а не теоретическое!) сопоставление с другими, установление их источников. На этом этапе может появиться необходимость в производстве новых следственных и иных (оперативно-розыскных, процессуальных) действий с целью убедиться в достоверности собранных доказательств, их происхождении, а следовательно, в соответствии реальной действительности при отсутствии противоречий их самим себе и друг другу. С практической стороны любые недостатки, искажения, некорректные в широком смысле слова или полученные незаконным способом доказательства ведут к дальнейшей активной деятельности по собиранию и проверке новых доказательств.

Вместе с тем оценка доказательств – это признание возможности их использования в доказывании по уголовному делу либо установление невозможности (непригодности) такого использования. Конечно, оценка доказательств ведется постоянно при их собирании и проверке на основе известных процессуальных критериев: относимости, допустимости, достоверности и в целом достаточности, с целью бесспорного доказывания виновности лица в совершении преступления. Тем самым этап оценки носит исключительно теоретический, интеллектуальный характер и зависит от уровня правосознания и мышления следователя, прокурора или судьи.

Правила оценки доказательств или результатов доказывания по уголовному делу изложены в процессуальном законе в основном формально, с позиций теории познания и логики. В прикладном значении считаем необходимым расширить критерии оценки доказательств на основе прав человека и гражданина, понятий морали и справедливости, а также соблюдения исторических законо-

мерностей познавательного процесса. Здесь для нас представляют интерес критерии уголовно-процессуальной оценки доказательств с учетом их общечеловеческих начал и индивидуальных различий на основе общего аксиологического подхода к человеческим ценностям с позиций философско-правового (онтологического, гносеологического) отношения.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Определенная система доказывания в виде перечисления доказательств издавна имеется в российском процессуальном законодательстве. Например, в ст. 18 Русской Правды говорится: «О недоказанном обвинении в убийстве. Если на кого будет недоказанное обвинение в убийстве, то выставить 7 свидетелей, чтобы они отвели обвинение; если же <обвиняемый> варяг или какой иной <иноземец>, то выставить двух свидетелей»¹.

Судебник 1497 г. при перечислении доказательств в воровстве, убийстве или поджоге уже содержит признаки, пусть слабой, но оценки доказательств: «О речах (показаниях) вора. Если вор на кого-либо возведет обвинение, то про того (оговоренного) расследовать; если (он) окажется человеком (и в прошлом подвергавшимся) оговору суликой (доказательством), то его подвергнуть допросу по обвинению в воровстве; если же на него не окажется оговора с уликой (доказательством) в каком-либо прежнем деле, то (одним) словам вора не верить, отдать его (оговоренного) на поруку до производства расследования» (ст. 14)².

Значимым политико-правовым актом в истории уголовного процесса России был «Наказ» 1767 г., составленный Екатериной II. Глава 10 «Наказа» посвящена обряду криминального суда, в ней говорится об уголовных проступках, системе наказаний и доказательствах. Оценке доказательств посвящены два пункта – 176 и 177, которые были довольно прогрессивными для своего времени. Так, согласно п. 176 «Можно доказательства престу-

плений разделить на два рода: совершенные и несовершенные. Я называю совершенными те, которые исключают уже все возможности к показанию невинности обвиняемого; а несовершенными – те, которые сей возможности не исключают». В п. 177 раскрываются понятия косвенных и недопустимых доказательств: «Что ж касается до несовершенных доказательств, то надлежит быть их числу весьма великому для составления совершенного доказательства: сиречь надобно, чтоб соединение всех таких доказательств исключало возможность к показанию невинности обвиняемого, хотя каждое порознь доказательство оные и не исключает. Прибавим к сему и то, что несовершенные доказательства, на которые обвиняемый не отвечает ничего, что бы довольно было к его оправданно, хотя невинность его и должна бы ему подать средства к ответу, становятся в таком случае уже совершенными»³.

Свод законов 1832 г. и Устав уголовного судопроизводства 1864 г. также содержат нормы о правилах оценки доказательств в уголовном процессе. Согласно ст. 200 Свода законов «По выслушании сторонъ и по соображении всѣхъ доказательствъ, имѣющихся въ дѣлѣ, Земскій Начальникъ или Городской Судья рѣшаетъ вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго по внутреннему своему убѣждению, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при разбирательствѣ»⁴, а согласно ст. 12 Устава: «Все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должны основывать решение на общем смысле законов»⁵.

Из изложенных положений теории доказывания, в частности понимания оценки доказательств, можно видеть, что начиная с «Наказа» Екатерины II Россия, несмотря на ее

1 Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 4. С. 499.

2 Судебник 1497 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://slavbratstvo.ru/index.php/blog/publikatsii/sudebnik-1497-goda> (дата обращения: 15.01.2026).

3 Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения [Электронный ресурс]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/nakaz_ekat2?ysclid=mmk862i5ex876806798 (дата обращения: 15.01.2026).

4 Свод законов Российской империи. Т. XV [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchre> (дата обращения: 15.01.2026).

5 Устав уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/> (дата обращения: 15.01.2026).

индивидуальные особенности, вступила на западный путь укрепления процессуальной теории доказывания. Общим направлением стала «красота соединения истины и справедливости, когда одно невозможно без другого» [1, с. 203]. И.Я. Фойницкий, рассуждая о формировании теории судебной оценки доказательств по аналогии с европейскими странами, писал, что свободная оценка доказательств «неизбежна во всяком процессуальном строе, в создании и развитии ее существенно заинтересовано государство, так как только ею в судах насаждается объективная правда на место личного произвола» [2, с. 205].

О значении свободной оценки доказательств для защиты прав личности и суда как посредника, сдерживающего произвол власти, писали и другие российские юристы – П.И. Люблинский, И.В. Михайловский, А.Ф. Кони и др. Так, по мнению Л.Е. Владимирова, уголовным доказательством называется «всякий факт, имеющий назначение вызвать в судье убеждение в существовании или несуществовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет судебного исследования» [3, с. 6].

Переходя к анализу послереволюционного периода, мы не видим смысла приводить отдельные декреты и иные нормы нового российского правительства, поскольку они принимались в чрезвычайных обстоятельствах войны и коммунистической диктатуры. Вместе с тем принятие УПК РСФСР 1923 г. показало, что развитие теории доказательственного права и его части по оценке доказательств не привело к радикальным изменениям логики российского уголовного процесса, формировавшейся после Судебной реформы 1864 г., хотя сама практика политических репрессий была далека от теории доказывания. Так, в ст. 57 УПК РСФСР 1923 г. содержится следующее правило свободной оценки доказательств: «Суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно. Присяга как доказательство не допускается». Других норм, содержащих теоретические основы оценки доказательств, в названном УПК не было. В то же время приведенная норма вполне созвучна теории свобод-

ной оценки доказательств, существовавшей в российской дореволюционной и в западно-европейской системе уголовного процесса.

Только в УПК РСФСР 1960 г. впервые категория оценки доказательств, относимая ко всем участникам процесса, была сформулирована в отдельной норме – в ст. 71: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы». Хотя данное определение не лишено недостатков, оно показывает индивидуальную ответственность судьи (иных должностных лиц) по отношению к оценке доказательств.

В противоположность теории оценки доказательств в развитии уголовно-процессуального права в России мы можем привести политические репрессии 30-х годов XX в., когда было допущено множество судебных ошибок при рассмотрении уголовных дел, а также незаконное осуждение политических узников в 70-е и 80-е годы XX в. Однако все эти теоретические и практические проблемы следует рассматривать как процесс становления теории доказывания и ее итоговой части – оценки полученных доказательств. На основе эволюционного взгляда все негативные моменты деятельности правоохранительной и судебной системы в России показывают необходимость дальнейшего развития исследований оценочной части теории доказывания.

СОВРЕМЕННЫЕ НОРМАТИВНЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В современном уголовно-процессуальном законодательстве России, как и в законодательстве большинства стран ближнего зарубежья, содержатся правила оценки доказательств в виде отдельных статей или совокупности положений, прописанных в нескольких статьях. Само по себе это придает большее значение в качестве нормативной базы эффективного сопровождения всего уголовно-процессуального механизма следствен-

ных и судебных действий, когда потенциально закладываются критерии прогнозируемого использования результатов этих действий в правоприменительной деятельности при вынесении приговоров и иных окончательных решений. В то же время любая нормативная оценка доказательств и результатов доказывания требует правильной их интерпретации на основе тех же правил доказывания и принципов уголовного судопроизводства.

Согласно ст. 17 УПК РФ исходя из принципа свободы оценки доказательств правоприменители оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Сами правила оценки доказательств изложены в ст. 88, в которой говорится, что «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела». Далее в продолжение требований ст. 75 УПК РФ приводятся правила допустимости доказательств. Однако полного понимания всех четырех приведенных критериев или понятий оценки доказательств законодатель не приводит.

В отличие от УПК РФ, в ст. 105 УПК Республики Беларусь более четко приведены те же четыре критерия оценки доказательств:

- относимости: «Относящимися к уголовному делу признаются доказательства, посредством которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для данного дела. Не являются относящимися к делу доказательства, которые не способны устанавливать или опровергать подлежащие доказыванию обстоятельства»;

- допустимости: «Допустимыми признаются доказательства, полученные органом, ведущим уголовный процесс, в установленном... Кодексом порядке и из предусмотренных законом источников. Доказательство признается недопустимым, если оно получено с нарушениями конституционных прав и свобод гражданина или требований настоящего Кодекса, связанными с лишением или ограничением прав участников уголовного процесса или нарушением иных правил уголовного процесса. Доказательства, полученные с нару-

шением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого обстоятельства...», указанного в Кодексе;

- достоверности: «Достоверными признаются доказательства, если они соответствуют действительности. В основу процессуальных решений, принимаемых органом уголовного преследования или судом, могут быть положены только достоверные доказательства»;

- достаточности: «Достаточными признаются доказательства, когда их совокупность позволяет установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу».

Примерно такие же критерии и такое же понимание оценки доказательств установлены в ст. 125 УПК Республики Казахстан, но более полно описано понятие достаточности доказательств: «Совокупность доказательств признается достаточной для разрешения уголовного дела, если собраны относящиеся к делу допустимые и достоверные доказательства, без всякого сомнения и неоспоримо устанавливающие истину обо всех и каждом из обстоятельств, подлежащих доказыванию».

В ст. 145 УПК Республики Азербайджан приведены оригинальные положения об оценке доказательств с определением иных критериев. В частности, указано: «Каждое доказательство должно быть оценено по его принадлежности, возможности, надежности. А все собранные по уголовному преследованию доказательства в их совокупности должны быть оценены для разрешения обвинения на основании их достаточности. Дознаватель, следователь, прокурор, судья оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении доказательств в их совокупности, руководствуясь законом и своей совестью. Если сомнения, возникающие при доказывании обвинения, невозможно устранить другими доказательствами, они истолковываются в пользу подозреваемого или обвиняемого». Таким образом, законодатель Азербайджана привел такие классические понятия, как внутреннее убеждение, всесторонность, полнота и объективность доказательств. При этом критерий достаточности доказательств изложен в отдельной норме – ст. 146 УПК Республики Азербайджан.

байджан с приведением следующих правил: «Под достаточностью доказательств, собранных по уголовному преследованию, понимается такой объем допустимых доказательств по подлежащим установлению обстоятельствам, который позволяет сделать надежный итоговый вывод для определения предмета доказывания. Достаточность доказательств по уголовному преследованию помогает достижению: целенаправленности проведения предварительного расследования или судебного разбирательства; своевременности установления судебной перспективы по уголовному преследованию; принятию правильного и обоснованного постановления по уголовному преследованию».

Статья 82 УПК Грузии также содержит краткую характеристику правил оценки доказательств: «Доказательство подлежит оценке с точки зрения его релевантности к уголовному делу, допустимости и достоверности. Доказательство не имеет заранее установленной силы. Для признания лица виновным по обвинительному приговору необходима совокупность согласующихся между собой доказательств, не вызывающих разумных сомнений». Вместе с тем в ст. 72 УПК Грузии дана более широкая трактовка понятия недопустимости доказательств: «Доказательства, полученные с существенным нарушением, и иные доказательства, законно полученные на основании таких доказательств, если они ухудшают правовое положение обвиняемого, являются недопустимыми и не имеют юридической силы. Доказательства также являются недопустимыми, если они получены с соблюдением порядка, установленного настоящим Кодексом, но не исключаются разумные сомнения относительно их возможной подмены, существенного изменения свойств и признаков или уничтожения оставшихся на них следов». Конечно, если исключить обвинительный уклон, то широкая интерпретация правил оценки доказательств в УПК Грузии, несомненно, способствует обеспечению прав человека и презумпции его невиновности.

УПК Латвии не имеет общей нормы об оценке доказательств, но в ст. 127–130 приводятся общие критерии их оценки. В частности, ч. 2 ст. 127 содержит общее понятие об оценке доказательств: «Вовлеченные в уголов-

ный процесс лица в качестве доказательств могут использовать только достоверные, относимые и допустимые сведения о фактах». В ст. 128 дается определение достоверности доказательств, а ст. 129 посвящена их относимости. Более подробно в УПК Латвии определено понятие допустимости доказательств. Согласно ст. 130 «недопустимыми и не используемыми в доказывании признаются такие сведения о фактах, которые получены: 1) с использованием насилия, угроз, шантажа, обмана или принуждения; 2) при процессуальном действии, осуществленном лицом, которое согласно настоящему закону не имело права на его осуществление; 3) с допущением особо указанных в настоящем законе нарушений, запрещающих использование конкретного доказательства; 4) с нарушением основных принципов уголовного процесса». Однако УПК Латвии признает, что такие сведения допустимы, если «...процессуальные нарушения не являются существенными или могут быть устранены; они не могли повлиять на достоверность полученных сведений или если их достоверность подтверждается остальными полученными в процессе сведениями».

В УПК Германии есть ст. 261 «Свободная оценка доказательств», указывающая: «О результатах исследования доказательств суд решает по своему свободному убеждению, сложившемуся на основании рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности».

В УПК Франции нет нормы, непосредственно посвященной оценке доказательств, как и в сложном (комплексном) уголовно-процессуальном законодательстве США и Великобритании. Нет такой нормы и в гл. 5 УПК Китая, посвященной доказательствам.

На наш взгляд, специальные нормы, регламентирующие правила оценки доказательств, являются более высокой ступенью развития процессуального права. Это объясняется, с одной стороны, тем, что нормы об оценке доказательств – часть или завершающий элемент общего института доказательственного права в уголовном процессе. Соответственно, данный институт представляет собой определенный интеллектуальный каркас всего уголовно-процессуального закона, на котором базируются все иные нормы, направленные на доказывание обстоятельств преступления органами предварительного расследования и суда.

С другой стороны, правила оценки доказательств, изложенные в отдельных нормах уголовно-процессуальных законов, будучи по своей природе широко толкуемыми, направлены как на логику правоприменителя, так и на его нравственные качества. Это означает, что следователь или прокурор, как представители стороны обвинения и как основные «оценщики» доказательств, могут остановить беззаконие, основываясь на четких нормах об оценке доказательств, интерпретируя их разумными доводами и логикой. Иными словами, наличие правил оценки доказательств с позиций как стороны обвинения, так и стороны защиты все же лучше, чем их отсутствие.

Вместе с тем, как мы указали, правила оценки доказательств не всегда прописаны в отдельных нормах УПК, они могут быть «разбросаны» по различным статьям. В определенной степени это свидетельствует об отсутствии совокупности норм, которую можно характеризовать как институт доказательственного права, что, однако, вовсе не говорит об отсутствии или недостатках понятия доказывания и понятия оценки доказательств. Это особенности зарубежного уголовно-процессуального законодательства и прецедентного права в целом, когда нормы о доказывании рассредоточены по разным статьям.

КРИТЕРИЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

С позиций философии науки оценка – это «суждение, дискурс, состоящие в сравнении конкретного положения дел в любой области познания и практической деятельности с теми общими или идеальными... образцами, системами единиц... нормами, которые являются основанием для соотнесения этого реально-го нахождения дел в определенной предметной области с идеальным, закономерным»⁶. Однако излагаемые правила оценки доказательств вряд ли достигают идеального состояния при установлении и доказывании обстоятельств совершенных преступлений. В силу сравнительно многих судебных ошибок при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, причем не только в России, но и в мировой юстиции, возникает проблема,

которая заключается в том, что несмотря на детальное изложение перечисленных в ряде уголовно-процессуальных законов правил оценки доказательств, на конечном этапе системы доказывания эти правила не всегда работают, а следовательно, не имеют должной эффективности. Из чего следует, что нормы об оценке доказательств не решают возложенной на них задачи – правильное рассмотрение уголовных дел и вынесение справедливого приговора или иного решения суда.

В то же время правила оценки доказательств, изложенные, к примеру, в УПК РФ, достаточно полно отражают законы логики и разумную сферу познания. Однако в социально-публичных отношениях судья или следователь являются представителями государства, хотя и имеют некие юридические гарантии своей самостоятельности. Последнее реализуется в процессуальных принципах о свободе оценки доказательств, в правилах такой оценки, но когда понятие свободы больше направлено на личную сферу лица, принимающего решение. В таком понимании свободы есть личная ответственность лица перед самим собой, но вне его отношений с внешним миром, а конкретно – с социальной действительностью и государством. В механизме уголовно-процессуальных отношений судья рассматривает уголовные дела от имени государства в лице его правоохранительных органов, заинтересованных в вынесении обвинительного решения. И в таких отношениях органов расследования и суда понятие свободы оценки доказательств не вполне отвечает задачам объективного отношения к доказательствам при наличии скрытого или открытого давления на судей. Об этом более откровенно высказалась Т.Г. Морщакова, прямо заявив, что в судах господствует психология страха. Это главное чувство, которое испытывает каждый судья, для него главное – защитить себя от упреков в своей адрес, когда он вынесет какое-то решение [4, с. 7].

Поэтому мы должны говорить как о свободе оценки доказательств, так и о независимости судей в процессе такой оценки, о чем несколько опосредованно изложено в ст. 8.1 УПК РФ, определяющей, что судьи рассматривают и разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на них. Отметим, что принцип независимости судей изложен в норме, которая удалена от нормы,

⁶ Лебедев С.А. Философия науки : краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М., 2008. С. 496.

содержащей правила оценки доказательств, хотя все это должно составлять единое целое и содержаться в одной норме об уголовно-процессуальном доказывании. Иными словами, сначала у суда должна быть независимость при оценке доказательств от любого внешнего влияния, а затем в условиях независимости суд использует принцип свободы оценки доказательств в рамках индивидуальных логических и гносеологических правил доказывания.

О независимости судей от органов власти пишет в своих работах Л.В. Головкин, выступая за их независимость и беспристрастность [5, с. 220–225]. О значении независимости судей говорят и английские юристы, отмечая, что «вся проблема в судьях – политизированных активистах, чьи политические идеалы напрямую отражаются на выносимых ими приговорах. Как следствие, последним не хватает единообразия, и доверие общественности тает» [6, с. 320]. Об этом же говорил и французский политолог Бертран де Жувенель, подчеркивая зависимость французских судов от действующей власти и должностных лиц [7, с. 417–418]. Проблема отсутствия независимости судей характерна и для США, даже с учетом рассмотрения уголовных дел присяжными заседателями [8], и для других стран.

На примере конкретных уголовных и гражданских дел автор столкнулся с зависимостью судей от, как они сами выразились, определенной «судебной политики». Так, по уголовному делу одни и те же действия гражданина М. были квалифицированы одновременно и как злоупотребление должностными полномочиями (ч. 3 ст. 285 УК РФ), и как получение взятки (ч. 5 и 6 ст. 290 УК РФ), причем в последнем случае срок лишения свободы составляет до 15 лет, а по ст. 285 – только 5 лет. Лишь Верховный Суд РФ в кассационном порядке отменил приговор по ст. 290 УК РФ за отсутствием состава преступления⁷.

Другой случай. Гражданин Ш. хранил деньги в банке и в результате телефонного мошенничества его деньги в размере 2 млн рублей были переведены преступниками за рубеж, хотя банк в соответствии с нормами Федерального закона «О национальной платежной системе» обязан был приостановить («заморозить») транзакцию на такую крупную сумму. В иске

гр. Ш. к банку о возмещении ущерба судами первой и апелляционной инстанций было отказано. И только Шестой кассационный суд общей юрисдикции отменил оба решения, на этом основании апелляционная инстанция полностью удовлетворила иск гр. Ш. к банку⁸.

В обоих случаях судьи судов первых инстанций, вынесшие решения, которые затем были отменены, жаловались, что изменилась «политика» в отношении дел названных категорий. Однако мы считаем, что подобная зависимость по делам публичного или частного-публичного обвинения характерна именно для судов первой, реже – второй инстанции, тогда как суды кассационных и надзорных инстанций более независимы в оценке доказательств и придерживаются закона, несмотря на «политические веяния». Опасность в том, что в таком случае суд трансформируется в орган исполнительной власти, настороженно отслеживающий линию правоохранительных или иных исполнительных органов власти при вынесении окончательных решений.

Таким образом, оценка доказательств не должна зависеть от любых внешних политических или иных влияний. Особенно это важно при постоянной смене политических направлений, когда преступление и подвиг иногда меняются местами [9]. Сегодня в действующем УПК РФ и в других рассмотренных уголовно-процессуальных законах оценка доказательств больше исходит из понятий внутренних убеждений, личной оценки, свободы в принятии решений, что относимо к внутренней, субъективной работе мышления, правосознания и морально-нравственной линии поведения личности [10, с. 210–212]. В случае же введения понятия независимости оценки доказательств личное отношение к доказательствам переходит на более высокий уровень независимости судебной власти от исполнительных органов (в первую очередь) и законодательных образований (во вторую очередь).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на дифференциацию уголовного процесса в различных странах, оценка доказательств практически всегда исходит из общих философских начал гносеологии, логики и

⁷ Определение суда кассационной инстанции от 29.06.2025. Уголовное дело № 49-УД/25-9-К6.

⁸ Гражданское дело № 33-580/2026 (33-18000/2025) Верховного Суда Республики Башкортостан.

этики. Уголовно-процессуальное доказывание в России в этом смысле не отличается от других стран в плане оценки доказательств, хотя криминалистические способы и методы собирания и проверки доказательств, конечно, различаются. Когда мы говорим об оценке доказательств, то данная функция в основном принадлежит суду, который занимает независимую позицию по отношению к сторонам обвинения и защиты. Более того, в странах Западной Европы суд может занимать в значительной степени пассивную позицию, анализируя доводы обеих сторон, но не вмешиваясь в процесс

собирания и представления доказательств [11, с. 12–17]. В таком случае главная обязанность суда – оценка доказательств, что, как мы указали, характерно для большинства стран.

Соответственно, правила оценки доказательств должны быть юридически закреплены, понятны как суду, так и сторонам по делу, относиться ко всем участникам уголовного судопроизводства. Такие правила не должны ограничивать независимость и свободу оценки всех доказательств по уголовному делу с позиций известных подходов объективности, всесторонности и полноты доказывания.

Список источников

1. Рикер П. Справедливое / П. Рикер. – Москва, 2005. – 304 с.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург, 1996. – Т. 2. – 608 с.
3. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула, 2000. – 464 с.
4. Интервью с заслуженным деятелем науки РФ, заведующим кафедрой судебной власти и организации правосудия ГУ-ВШЭ, судьей Конституционного Суда России в отставке, профессором Т.Г. Морщаковой // Юрист. – 2010. – № 6. – С. 4–11.
5. Суд и государство / под ред. Л.В. Головки, Б. Матьё. – Москва, 2018. – 272 с.
6. Тайный адвокат. Ложные приговоры, неожиданные оправдания и другие игры в справедливость. – Москва, 2020. – 416 с.
7. Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Б. де Жувенель. – Москва, 2011. – 546 с.
8. Стивенсон Б. Звонок за ваш счет. История адвоката, который спасал от смертной казни тех, кому никто не верил / Б. Стивенсон. – Москва, 2020. – 496 с.
9. Сорокин. П.А. Преступление и кара, подвиг и награда / П.А. Сорокин. – Москва, 2008. – 618 с.
10. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание / А.В. Победкин. – Москва, 2009. – 416 с.
11. Уголовный процесс европейских государств : монография. / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. – Москва, 2018. – 752 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khalikov Aslyam Nailevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 18.01.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 16.02.2026. The article was submitted 18.01.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

REFERENCES

1. Ricoeur P. Fair. Moscow, 2005. 304 p.
2. Foinitsky I.Ya. Course of Criminal Procedure. Saint Petersburg, 1996. Vol. 2. 608 p.
3. Vladimirov L.E. The Doctrine of Criminal Evidence. Tula, 2000. 464 p.
4. Interview with Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Judicial Authority and Organization of Justice at the HSE, retired judge of the Constitutional Court of Russia, Professor T.G. Morshchakova. *Jurist*, 2010, no. 6, pp. 4–11. (In Russian).
5. Golovko L.V., Matieu B. (eds.). The Court and the State. Moscow, 2018. 272 p.
6. The Secret Lawyer. False Convictions, Unexpected Excuses, and Other Games at Justice. Moscow, 2020. 416 p.
7. Jouvenel B. de. Power: A Natural History of Its Rise. Moscow, 2011. 546 p.
8. Stevensock B. Call at Your Expense: The Story of the Lawyer Who Saved Those Whom No One Believed from the Death Penalty. Moscow, 2020. 496 p.
9. Sorokin. P.A. Crime and Punishment, Feat and Reward. Moscow, 2008. 618 p.
10. Pobedkin A.V. Criminal Procedure Evidence. Moscow, 2009. 416 p.
11. Samarin V.I., Lutsik V.V. (eds.). Criminal Procedure of European States. Moscow, 2018. 752 p.

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.18

Original article

ХИМИЧЕВА Ольга Викторовна
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Москва, Россия,
olga-him@mail.ru

KHIMICHEVA Olga Viktorovna
Vladimir Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК НЕГАТИВНОЕ СЛЕДСТВИЕ ЭВОЛЮЦИИ УЧЕНИЯ О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЯХ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ABUSE OF LEGAL RIGHTS AS A NEGATIVE CONSEQUENCE
OF THE DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF PROCEDURAL
GUARANTEES IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Злоупотребление правом как уголовно-процессуальное явление, наносящее существенный вред реализации назначения уголовного судопроизводства, стало объектом пристальных научных исследований относительно недавно, требует теоретического осмысления и дальнейшей доктринальной разработки. Цель: выявление генезиса злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве, определение его сущности и выработка возможных путей нейтрализации данного негативного явления. Методы: диалектический метод познания позволил рассмотреть злоупотребление правом как следствие эволюции учения о процессуальных гарантиях; историко-правовой метод использован при анализе данного учения в его историческом ракурсе; сравнительно-правовой метод – при сопоставлении теоретических моделей процессуальных гарантий в различных государствах; формально-юридический метод применен при толковании правовых норм о процессуальных гарантиях прав участников уголовного процесса. Результаты исследования: злоупотребление правом со стороны вовлеченных в уголовное судопроизводство участников является негативным следствием развития в целом прогрессивного учения о процессуальных гарантиях в отечественном уголовном судопроизводстве. Последовательное и подчас необдуманное расширение в уголовно-процессуальном законе прав участников и их процессуальных гарантий обусловило на практике распространение использования невластными лицами, вовлеченными в уголовный процесс, своих субъективных прав вопреки их смыслу и в ущерб интересам правосудия.

Abstract. Abuse of legal rights as a criminal procedural phenomenon, causing significant harm to the realization of the purpose of criminal justice, has become an object of close scientific research relatively recently. It requires theoretical understanding and further doctrinal development. Purpose: To identify the genesis of abuse of legal rights in criminal proceedings, define its essence, and develop potential ways to neutralize this negative phenomenon. Methods: The dialectical method of cognition allows for the examination of abuse of legal rights as a consequence of the development of the doctrine of procedural guarantees; the historical-legal method is used to analyze this doctrine in its historical context; the comparative-legal method is employed to compare theoretical models of procedural guarantees in different states; the formal-legal method is applied to interpret legal norms concerning the procedural guarantees of the rights of participants in criminal proceedings. Research results: The abuse of legal rights by participants involved in criminal proceedings is a negative consequence of the development of the generally progressive doctrine of procedural guarantees in national criminal justice. The consistent and occasionally imprudent expansion of participants' rights and their procedural guarantees within criminal procedure law has, in practice, fostered the abuse of subjective rights by non-authoritative persons involved in the criminal process, acting contrary to the spirit of those rights and to the detriment of the interests of justice. This can be countered by establishing normative regulations for the

Противостоять этому возможно при нормативной регламентации признаков злоупотребления правом и способов его преодоления в сочетании с корректировкой понимания предназначения самого уголовного процесса.

Ключевые слова: назначение уголовного судопроизводства, модель уголовно-процессуальной политики, учение о процессуальных гарантиях, процессуальные гарантии правосудия, процессуальные гарантии прав личности, правовой статус участника уголовного процесса, злоупотребление правом

Для цитирования: Химичева О.В. Злоупотребление правом как негативное следствие эволюции учения о процессуальных гарантиях в отечественном уголовном судопроизводстве / О.В. Химичева. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.18 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 182–192.

indicators of abuse of legal rights and the means to overcome it, alongside a revised understanding of the very purpose of criminal procedure.

Keywords: purpose of criminal proceedings, model of criminal procedure policy, doctrine of procedural guarantees, procedural guarantees of justice, procedural guarantees of individual rights, legal status of a participant in criminal procedure, abuse of legal rights

For citation: Khimicheva O.V. Abuse of Legal Rights as a Negative Consequence of the Development of the Doctrine of Procedural Guarantees in Russian Criminal Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 182–192. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.18.

ВВЕДЕНИЕ

Двадцатипятилетний период действия УПК РФ продемонстрировал наличие проблем, связанных с введением в отечественный уголовно-процессуальный закон институтов, изначально ему не присущих либо не основанных на традиционном их понимании.

Многие ученые [1, с. 117–119; 2, с. 192–214; 3, с. 3, 16] отмечают, и с ними с уверенностью можно согласиться, что разработчики уголовно-процессуального закона, оказавшиеся под воздействием либеральной идеологии, игнорируя традиционные для отечественной уголовно-процессуальной доктрины подходы, имплементировали в него институты, по сути, являющиеся неудачной копией западных образцов. Конечно, к опыту других правовых порядков следует относиться с уважением, но только его тщательное изучение, отбор и творческое использование (а не бездумное копирование) может дать положительные результаты в конкретных условиях России [4, с. 35]. В этом отношении, как отмечает, в частности, И.Г. Щегловитов, позиция авторов Уставов середины XIX в. была более взвешенной, они, хотя и учитывали иностранный, прежде всего французский, опыт построения уголовного процесса, пошли гораздо дальше, создав собственную российскую модель [5, с. 50].

При нынешнем же реформировании уголовного процесса важно обратиться к отече-

ственной уголовно-процессуальной теории, которой накоплен собственный и весьма прогрессивный опыт разработки многих процессуальных институтов, адекватно отражающий реалии нашего государства и служащий решению задач, поставленных перед уголовным судопроизводством как деятельностью, осуществляемой в связи с совершенным преступлением. К числу таких достижений отечественной уголовно-процессуальной доктрины можно с полным правом отнести учение о процессуальных гарантиях, основанное на традиционных российских духовно-нравственных ценностях.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА, НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ

Уголовно-процессуальный закон, безусловно, служит воплощением, проводником уголовной политики государства, которую классики отечественной процессуальной науки в советское время в широком смысле определяли как стратегию и тактику искоренения преступности, борьбы с ней [6, с. 15–16]; позже в обиход вошли иные термины: противодействие преступности, преодоление преступности, противостояние преступности и др. Множество дефиниций уголовной политики, предложенных в современный период, акцентируют внимание на том или ином призна-

ке, что лишь подчеркивает многогранность этого понятия. Не ставя перед собой задачу углубляться в исследование сущности уголовной политики, отметим, что в Конституции РФ использован термин «борьба с преступностью» (п. «е» ч. 1 ст. 114). Именно его мы будем использовать в нашей работе.

В науке уже давно выделяют из общей уголовной политики уголовно-процессуальную, с присущей ей собственной стратегией и тактикой борьбы с преступностью, конкретное наполнение которых зависит от множества условий: исторических, политических, экономических, правовых и пр. Совершенно очевидно, что каждое государство определяет их в соответствии с национальными потребностями, теми ценностями, которые сложились в обществе. Но есть ли общемировые тренды в сфере борьбы с преступностью? Хрестоматийной стала концепция двух моделей уголовно-процессуальной политики, разработанная Гербертом Пэкером [7]: контроля над преступностью (Crime Control Model) и надлежащей правовой процедуры (Due Process Model).

Представляется, что существование в чистом виде какой-либо одной модели, Crime Control Model (быстрое, эффективное, «конвейерное» производство в целях защиты общества от преступлений, допускающее отступление от гарантий прав личности) либо Due Process Model (соблюдение установленных законом процедур с предоставлением максимальных гарантий прав личности, прежде всего обвиняемому), вряд ли возможно. Как отмечает профессор Л.В. Головкин, «они хотя и находятся в естественной конкуренции между собой, тем не менее постоянно взаимодействуют, заставляя каждую конкретную уголовно-процессуальную систему находиться в вечном поиске необходимого для общества баланса. В этом смысле уголовно-процессуальную политику можно сравнить с маятником, который находится в постоянном движении, но, как только достигает крайней точки (опасного для общества рубежа), сразу же начинает обратный ход» [8, с. 42].

Действительно, в конкретных исторических условиях тактика и стратегия борьбы с преступностью отличаются, в соответствии с основными направлениями государственной политики видоизменяются и цели уго-

ловного судопроизводства. Применительно к отечественному уголовному судопроизводству такие «колебания маятника» особенно очевидны. Можно утверждать, что в советское время преобладала Crime Control Model, а в постсоветское маятник качнулся в другую сторону, и в период разработки УПК РФ во главу угла были поставлены сформулированные в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. императивы о преодолении наследия «тоталитарного режима», «возвращении Отечества в лоно мировой цивилизации», «провозглашении целью уголовной юстиции не борьбы с преступностью, а защиты прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции (обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков)»¹.

Но, реализуя указанную Концепцию, авторы УПК РФ при формулировке назначения уголовного судопроизводства отказались не только от одиозного, по их мнению, термина «борьба с преступностью» (который, кстати, в УПК РСФСР 1960 г. не фигурировал), вместе с ним выпала и задача защиты общества от преступлений. Мы получили Due Process Model, где в качестве цели уголовного процесса отмечены только правозащитные требования, сформулированные в ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

Ущербность нормы о назначении уголовного судопроизводства состоит в искажении сущности данной деятельности, которая вместо средства защиты интересов государства и общества от преступлений определена как поле противостояния исключительно частных лиц – потерпевшего и обвиняемого [8, с. 40]. Профессор Л.В. Головкин не без оснований видит в этом воплощение идеи «сервисного государства», отмечая, что «весь государственный уголовно-процессуальный механизм превращается в одну большую "услугу", оказываемую потерпевшему, доводя в уголовно-процессуальном смысле до крайности философию индивидуализма» [1, с. 353].

Между тем к деятельности, которая осуществляется в связи с совершенным преступлением, вряд ли применимы гражданско-правовые способы решения конфликта, а рассмотрение уголовного судопроизводства в контексте исковой природы, правового спо-

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

ра, состязания сторон с противоположными частными интересами искажает его суть.

Дело в том, что в уголовном судопроизводстве предметом является не частноправовой деликт, а преступление, определенное уголовным законом как общественно опасное деяние (ст. 14 УК РФ). Именно признак общественной опасности, выражающийся в нанесении преступлением вреда не только конкретному частному лицу, но и обществу в целом, определяет публичную цель государства по реализации конституционных задач по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью. Поэтому и предназначение уголовного судопроизводства как государственной деятельности не может быть сведено только к защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (как это представлено в ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Оно состоит также в защите общества и государства от преступлений, в чем реализуется общая и частная превенция как цели наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Уголовный процесс не может рассматриваться как правовой спор частных участников, неслучайно правосудие, предварительное расследование и уголовное преследование (за исключением дел частного обвинения) осуществляются от имени государства [10, с. 11].

Сказанное подтверждает мнение, в частности профессора А.В. Победкина [2, с. 200], о необходимости пересмотра ст. 6 УПК РФ, определяющей назначение уголовного судопроизводства с позиций понимания его как публичной, государственной деятельности, направленной на обеспечение безопасности государства, общества и каждого его члена от преступных проявлений.

«Технологическая теория», впервые сформулированная Е.Б. Мизулиной в работе «Уголовный процесс: концепция самоограничения государства» (1991) и положенная в основу УПК РФ, согласно которой «уголовный процесс – всего лишь совокупность технологических правил, защищающих личность от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» [11], по мнению ученых [12, с. 14–15], в России не прижилась, поэтому в уголовно-процессуальном законе реанимированы многие положения,

характерные для публичного судопроизводства (к примеру, возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования), направленные на защиту страны и ее населения от преступности как угрозы национальной безопасности. «Маятник» пошел в сторону Crime Control Model!

Между тем публичность уголовного судопроизводства, нацеленного на защиту общества и государства от преступлений, не следует противопоставлять защите прав его участников. Еще Н.Н. Полянский утверждал, что интересы правосудия (следовательно, интересы государства) всегда соответствуют законным интересам личности [13, с. 181]. Значит, интерес потерпевшего получить защиту от преступления и интерес обвиняемого не быть незаконно или необоснованно подвергнутым уголовному преследованию не противоречат интересу государства защитить общество от преступлений. Следует согласиться с профессором А.А. Тарасовым, что формулировка назначения уголовного судопроизводства в ст. 6 УПК РФ через универсальную категорию «защита» тоже отражает объективный общественный интерес [9, с. 156].

Эволюция учения О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЯХ

Две руководящие идеи – революционной законности и охраны законных интересов личности – возникли в отечественной теории уголовного процесса еще до принятия первого советского Кодекса. Но в период становления советской государственности было распространено мнение о первостепенном значении быстроты процесса, его упрощении и технизации, превалирующих над законными интересами обвиняемого и прочими формальностями, вытекающими из буржуазного права (Н.В. Крыленко и др.). Во второй половине 1920-х годов популярной стала так называемая меновая концепция права, согласно которой всякое право, включая советское, является выражением рыночных отношений буржуазного общества, а принцип состязательности в уголовном процессе, с которым связана целая система процессуальных гарантий, сравнивался с конкуренцией торговцев на рынке. «Характеристика его как принципа, по своей

природе буржуазного, отрицательно отразилась на всей этой системе процессуальных гарантий, а вместе с тем ослабляла интерес к научной разработке» [14, с. 40].

Тем не менее постепенно пришло осознание, что процессуальные гарантии являются необходимым средством обеспечения эффективности уголовного процесса, а «в социалистическом обществе не может быть противоречия между интересами общества и законными интересами личности и ... защита интересов личности входит в задачу социалистического правосудия...» [14, с. 35], то есть в современных реалиях это означает, что легитимная защита частного интереса является элементом интереса публичного [1, с. 320].

Начало системного развития учения о процессуальных гарантиях положено выдающимся процессуалистом М.С. Строговичем еще в конце 30-х годов прошлого столетия. В его широко известной работе «Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности» процессуальные гарантии (хотя уже и исследованные многими процессуалистами, в том числе дореволюционными) приобрели иное качество, они обозначены как своего рода несущие конструкции уголовно-процессуальной теории, на которых впоследствии строились фундаментальные научные исследования [15, с. 6].

«Процессуальные гарантии, – отмечал позже М.С. Строгович, – это установленные процессуальным законом средства, которые обеспечивают правильное осуществление по каждому уголовному делу задач социалистического правосудия. Вся система процессуальных форм и процессуальных отношений в советском уголовном процессе построена так, что для органов следствия, прокуратуры и суда создаются все условия, обеспечивающие правильное расследование и разрешение уголовных дел, выяснение по ним всех существенных обстоятельств, соответствие действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах дела.

Особым видом процессуальных гарантий правосудия являются те процессуальные гарантии, прямым и непосредственным назначением которых является охрана прав и законных интересов участвующих в производ-

стве по уголовному делу лиц, граждан – обвиняемого, потерпевшего и др.» [16, с. 28–29].

Из единства интереса государства, состоящего в принятии справедливого решения, то есть в наказании действительно виновного в совершении преступления и освобождении от уголовного преследования невиновного, и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве возникла и концепция единства процессуальных гарантий. Вплоть до реформы 1958–1961 гг. самостоятельного учения о гарантиях прав отдельных участников не выделялось (конечно, работы, затрагивающие гарантии прав подсудимого, были, но носили «точечный» характер), поскольку процессуальные гарантии прав участников рассматривались и оценивались с позиций их значения для правосудия.

И тем не менее мнение о единстве гарантий правосудия, которые органически включают в себя понятие гарантий прав личности, не стало мейнстримом. Развитие отечественной процессуальной науки не пошло по этому пути, и с начала 1960-х годов и в последующие годы исследовались разные аспекты гарантий правосудия и гарантий прав личности: как общие проблемы их сущности, системы, видов, так и конкретные процессуальные средства [6, с. 56–57].

Не является случайным то, что в период реформы 1958–1961 гг. стало развиваться и учение о правовом статусе участников уголовно-процессуальной деятельности, причем как общего порядка, так и посвященное отдельным участникам уголовного судопроизводства.

Надо признать, что стимулом в развитии учения об участниках процесса стали решения съездов КПСС того периода, своего рода документы стратегического планирования, констатирующие окончательную победу в нашей стране социализма и начало строительства коммунистического общества, характеризующегося особым вниманием к охране интересов личности в социалистическом обществе. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. четко закрепили линию на дальнейшее расширение и гарантии прав личности в советском уголовном процессе (в их числе допуск защитника с этапа предварительного

расследования, определение правового статуса подозреваемого, потерпевшего и др.). Соответственно, уголовно-процессуальные кодексы союзных республик 1959–1961 гг. воспроизвели и развили положения Основ 1958 г. в части прав личности в уголовном процессе [6, с. 11–12].

Таким образом, развитие учения о гарантиях прав участников уголовного процесса стало симбиозом двух общих учений: о гарантиях правосудия и об участниках уголовного процесса. В этом русле подготовлен целый ряд научных исследований [17; 18; 19; 20; 21], ставших классикой отечественной науки уголовного процесса и не утративших актуальности до настоящего времени. Современные ученые-процессуалисты отмечают, что эти исследования стали магистральными и подходы, выработанные советскими учеными, корректируются лишь вследствие объективно изменяющихся условий политического, экономического, социального и правового характера [22, с. 40].

И действительно, в последние годы научные разработки гарантий прав участников процесса очень востребованы, без обращения к этим проблемам не обходится практически ни одна фундаментальная или прикладная работа, и объем научных знаний в данной области существенно вырос. Во многом столь широкому развитию в отечественной доктрине уголовного процесса учения о процессуальных гарантиях участников способствует провозглашение в качестве назначения уголовного процесса и в числе его принципов приоритетной защиты прав конкретных участников.

Более того, в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве наблюдается устойчивая тенденция к расширению гарантий прав участников, в частности за счет наполнения новым содержанием давно известных в уголовном процессе положений. Показателен в этом отношении пример последовательного смещения на самые ранние этапы производства, в том числе на стадию возбуждения уголовного дела, установленно-го ст. 49 УПК РФ момента допуска защитника. В этом же ключе нужно расценивать и появление новых процессуальных возможностей по защите прав (в частности, права обвиня-

емого, заключенного под стражу, иметь свидания с нотариусом, предусмотренного п. 9.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Кстати, этот вектор не является новым для современного отечественного процесса. Еще профессор Э.Ф. Куцова считала тенденцией развития советского уголовно-процессуального права последовательное возрастание обязанностей лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда, служащих обеспечению прав и законных интересов участвующих в уголовном судопроизводстве граждан [19, с. 154; 23, с. 70].

Действительно, в уголовном процессе деятельность должностных лиц есть важнейшая процессуальная гарантия, ограждающая права участников от незаконных стеснений, обеспечивающая реализацию прав. Однако сами эти права и их гарантии предоставлены государством невластным участникам процесса для использования в целях, не противоречащих защите общества от преступных посягательств.

Ученые, ратуя за расширение прав участников судопроизводства, видели также оборотную сторону этого процесса и отмечали, что совершенствование их гарантий не может осуществляться в отрыве от «задачи ограждать интересы правосудия от злоупотребления процессуальными правами» [19, с. 10–11]. Так в рамках учения о процессуальных гарантиях прав невластных участников уголовного процесса возникло его ответвление о злоупотреблении правом в уголовном процессе.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК «ОБОРОТНАЯ» СТОРОНА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ

В целом позитивная тенденция расширения в уголовно-процессуальном законе прав частных лиц и их процессуальных гарантий, однако подпитанная гипертрофированным вниманием либеральной общественности к правам личности, породила негативное явление – злоупотребление правом. Недобросовестное использование своих субъективных прав вовлеченными в производство лицами вопреки истинному смыслу и назначению, нарушающее интересы правосудия и права других лиц, в последнее время все активнее

проникает в правоприменительную практику и негативно влияет на нормальную деятельность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Научная проблема злоупотребления правом долгое время оставалась «в недрах» теории государства и права либо исследовалась как гражданско-правовая категория, а в уголовно-процессуальной теории затрагивалась фрагментарно. Но в последние несколько лет вопросы злоупотребления правом в уголовном процессе захватили внимание ученых-процессуалистов [24; 25; 26; 27]. Анализ этих обстоятельных исследований позволяет констатировать появление нового научного направления, по своей сути представляющего следующую «ветвь» в древе учений о процессуальных гарантиях и о правовом статусе участников, основы которых заложила советская процессуальная наука.

Надо отметить, что изучение злоупотребления правом как уголовно-процессуальной категории свойственно именно отечественной науке.

Так, для англо-американской правовой семьи злоупотребление правом – это гражданско-правовая категория, хотя применительно к уголовному процессу можно встретить термин *abuse of process* (процессуальные злоупотребления), который относится к злоупотреблениям полномочиями обвинителем и судом. Такое «злоупотребление процессом» можно назвать нарушениями закона в ходе расследования, злоупотреблением обвинительными полномочиями [28, с. 146; 29, с. 192–195], однако к отечественному «злоупотреблению правом» такое понимание процессуальных злоупотреблений не подходит, поскольку оно связано исключительно с деятельностью должностных лиц при осуществлении конкретных процессуальных действий в отношении частных лиц.

В отечественных исследованиях вопрос о субъектах злоупотребления правом рассматривается иначе – более широко, применительно ко всем фигурирующим в уголовном судопроизводстве и властным, и невластным участникам [30; 31, с. 33]. Но и такой подход тоже ошибочный.

Полагаем, что понятие «злоупотребление правом» не может распространяться в равной степени на публичных и частных лиц, поскольку первые наделены полномочиями, а вторые – субъективными правами. Невластные участники действуют исключительно от своего имени и удовлетворяют свои законные интересы путем свободного распоряжения принадлежащими им субъективными правами (а значит, есть вероятность и злоупотребления ими), в то время как должностные лица всегда действуют в публичных интересах посредством предоставленных им полномочий, ни о каком свободном распоряжении говорить не приходится [32].

В отличие от частных лиц, должностное лицо всегда обязано мотивировать и обосновывать любое свое решение, как справедливо отмечает профессор Л.В. Головкин, причем не только с точки зрения наличия у него формальных полномочий, но и прежде всего исходя из того, в какой мере принятие того или иного решения в рамках реализации основанного на законе дискреционного усмотрения соответствует достижению задач уголовного судопроизводства и интересам правосудия [8, с. 226–227]. Поэтому недобросовестность публичного участника, пусть даже допущенная в рамках дискреционных полномочий, не может рассматриваться как злоупотребление; это нарушение является основанием для различных видов ответственности: от процессуальной (в виде отмены незаконного или необоснованного решения или признания доказательства недопустимым) до дисциплинарной и даже уголовной [33, с. 36].

Иными словами, злоупотребление правом должно рассматриваться исключительно в контексте использования участниками уголовного процесса своих субъективных прав. Это еще раз подтверждает уникальность данного явления именно для отечественного уголовного судопроизводства. Ведь учение о правовом статусе невластных участников уголовного процесса с обстоятельной разработкой субъективных процессуальных прав для других правопорядков несвойственно, а многие государства вовсе не выделяют некоторых участников процесса, например потерпевшего, как самостоятельных.

Так, американская доктрина, не выделяя субъективных прав участников процесса, тем не менее акцент делает на процессуальных гарантиях при производстве конкретных процессуальных действий (право на защиту, презумпция невиновности, право допрашивать свидетелей, показывающих против лица, и т. д.), которые гарантируют само отправление правосудия, а не права частных лиц. Действительно, само понятие *due process* дословно означает «надлежащая процедура», и потому гарантии для обвиняемого развиваются именно в русле необходимости нормального обеспечения уголовного процесса (в этом данная концепция перекликается с тем, что писали Н.Н. Полянский и М.С. Строгович), а не как учение о субъективных правах личности.

При этом обвиняемого как активного участника уголовного процесса признают все правовые порядки, чего нельзя сказать о потерпевшем. В Англии и США он вообще не допускается как участник, выступая лишь «источником доказательств», а во Франции потерпевший самостоятельно действует лишь в случае предъявления гражданского иска [1, с. 340]. Иными словами, если право конкретного участника отсутствует, то говорить о злоупотреблении правом не приходится.

Если вернуться к современному отечественному понятию злоупотребления правом, то для нашего уголовного процесса данная проблема существенна, поскольку правовые статусы действующих участников расширяются, появляются предложения (не всегда обоснованные) о наделении процессуальными правами все новых лиц. Вот почему научные исследования этой проблемы востребованы – они подготовили почву для ее нормативного решения².

В силу публичного характера уголовного процесса законодательный запрет на злоупотребление правом должен охранять прежде всего интересы общества, государства, иначе говоря, интересы правосудия. Это мнение адекватно суждению профессора О.В. Глады-

шевой о необходимости стирания весьма условной границы между процессуальными гарантиями законности уголовного судопроизводства и гарантиями прав личности в силу того, что публичные интересы направлены как на раскрытие преступления, так и на обеспечение прав личности [22, с. 43].

С другой стороны, в силу принципа охраны прав и свобод человека и гражданина, закрепленного в ст. 11 УПК РФ, от злоупотреблений нужно защитить и права других участников. Так, уголовное судопроизводство не может служить инструментом частных лиц для сведения счетов, в частности для реализации незаконного интереса потерпевшего [34, с. 152–164].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Получившее на практике широкое распространение явление злоупотребления правом со стороны вовлеченных в уголовное судопроизводство участников можно считать побочным результатом эволюции учений о процессуальных гарантиях правосудия, о правовом статусе и процессуальных гарантиях прав отдельных участников в отечественном уголовном судопроизводстве.

В условиях воплощенных в современном уголовно-процессуальном законе идеологических установок о приоритете защиты прав личности и забвения задачи по защите всего общества от преступных посягательств возникновение в отечественном уголовном процессе негативного по своей сути концепта злоупотребления субъективным правом является побочным следствием не всегда обоснованного расширения прав невластных участников и их процессуальных гарантий.

С учетом потребности в переоценке назначения уголовного судопроизводства возникает и необходимость регламентации в уголовно-процессуальном законе признаков злоупотребления частными участниками субъективными правами и установления запрета на их использование вопреки смыслу и в ущерб интересам правосудия. Научная разработка этих проблем – следующий этап эволюции отечественного учения о процессуальных гарантиях.

² Попытка сформировать правовую позицию предпринята Верховным Судом РФ в постановлении Пленума от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», но она коснулась только права обвиняемого на защиту и оказалась явно недостаточной.

Список источников

1. Головки Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головки. – Москва : Городец, 2022. – 464 с.
2. Победкин А.В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства : монография / А.В. Победкин. – Москва : Юрлитинформ, 2024. – 327 с.
3. Андреева О.И. Понятие и назначение уголовного судопроизводства. Источники уголовно-процессуального права : учебное пособие / О.И. Андреева, А.М. Баранов, Ю.В. Деришев. – Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2025. – 120 с.
4. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головки, Б.А. Филимонов. – 2-е изд., доп. и испр. – Москва : Зерцало-М, 2002. – 528 с.
5. Щегловитов И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. / И.Г. Щегловитов. – Петроград : Т-во И.Д. Сытина, 1915. – 70 с.
6. Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса : монография / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1980. – 251 с.
7. Packer H.L. Two Models of the Criminal Process // *University of Pennsylvania Law Review*. – 1964. – Vol. 113, No 1. – P. 1–68.
8. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л.В. Головки. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2025. – 1041 с.
9. Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе / А.А. Тарасов // *Правовое государство: теория и практика*. – 2025. – № 1. – С. 152–163.
10. Химичева О.В. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных ориентиров российского общества / О.В. Химичева // *Журнал российского права*. – 2025. – Т. 29, № 1. – С. 5–16.
11. Мизулина Е.Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сборник статей и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина ; науч. ред. Е.Б. Мизулина. – Москва : Юристъ, 2006. – С. 68–87.
12. Григорьев В.Н. Уголовный процесс : учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – Москва : Эксмо, 2023. – 960 с.
13. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский ; под ред. проф. Д.С. Карева. – Москва : Изд-во Московского университета, 1956. – 271 с.
14. Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 212 с.
15. Головки Л.В. Идеи М.С. Строговича и современность: переосмысливая принцип состязательности / Л.В. Головки // *Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича : материалы конференции 24–25 октября 2019 г.*, Москва. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – С. 5–13.
16. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 703 с.

REFERENCES

1. Golovko L.V. The State and Its Criminal Proceedings. Moscow, Gorodets Publ., 2022. 464 p.
2. Pobedkin A.V. Basic Provisions of the Criminal Procedure Code of Russia as a System of Guarantees of Publicity of Criminal Proceedings. Moscow, Yurлитinform Publ., 2024. 327 p.
3. Andreeva O.I., Baranov A.M., Derishev Yu.V. Concept and Purpose of Criminal Proceedings. Sources of Criminal Procedure Law. Tomsk State University Publ., 2025. 120 p.
4. Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. Criminal Procedure of Western States. 2nd ed. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2002. 528 p.
5. Shcheglovitov I.G. The Influence of Foreign Legislation on the Drafting of the Judicial Statutes of November 20, 1864. Petrograd, I.D. Sytin Company Publ., 1915. 70 p.
6. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. Essay on the Development of the Science of Soviet Criminal Procedure. Voronezh University Publ., 1980. 251 p.
7. Packer H.L. Two Models of the Criminal Process. *University of Pennsylvania Law Review*, 1964, vol. 113, no. 1, pp. 1–68.
8. Golovko L.V. (ed.). Course of Criminal Procedure. 4th ed. Moscow, Statut Publ., 2025. 1041 p.
9. Tarasov A.A. On the Relativity of the Limits of Public and Private Interests in Criminal Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 152–163. (In Russian).
10. Khimicheva O.V. The Principles of Criminal Justice as the Embodiment of the Moral Guidelines of Russian Society. *Journal of Russian Law*, 2025, vol. 29, no. 1, pp. 5–16. (In Russian).
11. Mizulina E.B. On the Technological Theory of Criminal Procedure. In Mizulina E.B., Pligin V.N. (eds.). *Lessons of Criminal Justice Reform in Russia (based on the work of the Interdepartmental Working Group for Monitoring the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and in Connection with the Fifth Anniversary of Its Adoption and Entry into Force). Collection of Articles and Materials*. Moscow, Yurist Publ., 2006, pp. 68–87. (In Russian).
12. Grigoriev V.N., Pobedkin A.V., Yashin V.N. Criminal Procedure. Moscow, Eksmo Publ., 2023. 960 p.
13. Polyansky N.N.; Karev D.S. (ed.). Issues of the Theory of Soviet Criminal Procedure. Moscow University Publ., 1956. 271 p.
14. Polyansky N.N. Essay on the Development of Soviet Criminal Procedure Science. USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 212 p.
15. Golovko L.V. Ideas of M.S. Strogovich and Modernity: Rethinking the Adversarial Principle. *The Nature of Russian Criminal Procedure and the Adversarial Principle: On the 125th Anniversary of M.S. Strogovich's Birth. Proceedings of the Conference on October 24–25, 2019, Moscow*. Moscow, Yurлитinform Publ., 2020, pp. 5–13. (In Russian).
16. Strogovich M.S. Course of Soviet Criminal Procedure. USSR Academy of Sciences Publ., 1958. 703 p.
17. Lukashevich V.Z. Guarantees of the Rights of the Accused in Soviet Criminal Proceedings. Leningrad University Publ., 1959. 167 p.
18. Kutsova E.F. Guarantees of Individual Rights in Soviet Criminal Proceedings. Moscow University Publ., 1972. 114 p.

17. Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе / В.З. Лукашевич. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1959. – 167 с.
18. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе / Э.Ф. Куцова. – Москва : Изд-во Московского университета, 1972. – 114 с.
19. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание) / Э.Ф. Куцова. – Москва : Юридическая литература, 1973. – 199 с.
20. Мартынич Е.Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции / Е.Г. Мартынич. – Кишинёв : Штиинца, 1975. – 218 с.
21. Выдря М.М. Участники судебного разбирательства и гарантии их прав / М.М. Выдря. – Краснодар : КубГУ, 1979. – 101 с.
22. Гладышева О.В. Тенденции развития уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности в современном отечественном уголовном судопроизводстве / О.В. Гладышева // Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности: к 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ Э.Ф. Куцовой : материалы II ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», Москва, 4 апреля 2025 г. – Москва : Юрлитинформ, 2025. – С. 39–53.
23. Советский уголовный процесс : учебник / под ред. проф. Д.С. Карева. – Москва : Высшая школа, 1968. – 552 с.
24. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.И. Даровских. – Челябинск, 2013. – 211 с.
25. Желева О.В. Злоупотребление обвиняемым субъективными правами в ходе предварительного расследования: понятие, виды и пути его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Желева. – Томск, 2018. – 240 с.
26. Доника Д.А. Злоупотребление субъективным правом участниками уголовного процесса в ходе предварительного расследования и уголовно-процессуальные средства его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д.А. Доника. – Москва, 2022. – 254 с.
27. Богатырев Д.В. Основания и механизмы преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Д.В. Богатырев. – Москва, 2023. – 255 с.
28. Махов В.Н. Уголовный процесс США (досудебные стадии) : учебное пособие / В.Н. Махов, М.А. Пешков. – Москва : Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. – 208 с.
29. Филяшин А.С. Англо-американская модель расследования уголовных дел: становление и современное состояние : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.С. Филяшин. – Москва, 2024. – 238 с.
30. Чабукани О.А. Злоупотребление процессуальными правами и реализация дискреционных прав властными субъектами в досудебном производстве: понятие и соотношение / О.А. Чабукани // Закон. – 2024. – № 4. – С. 40–51.
31. Желева О.В. Злоупотребления правом на досудебных стадиях уголовного процесса: виды и способы их преодоления / О.В. Желева // Закон. – 2024. – № 4. – С. 32–39.
32. Шаров Д.В. Powers of Officials and Government Agencies as a Means of Satisfying Legitimate Interests. *Criminal Proceedings: Current State and Development Strategy. Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 7, 2024*. Moscow University of the MIA of the Russian named after V.Ya. Kikot Publ., 2025, pp. 173–178. (In Russian).
33. Kutsova E.F. Guarantees of Individual Rights in Soviet Criminal Proceedings (Subject, Purpose, Content). Moscow, Legal Literature Publ., 1973. 199 p.
34. Martynchik E.G. Guarantees of the Rights of the Accused in the Court of First Instance. Chisinau, Shtiintsa Publ., 1975. 218 p.
35. Vydrya M.M. Participants in the Trial and Guarantees of Their Rights. Kuban State University Publ., 1979. 101 p.
36. Gladysheva O.V. Trends in the Development of Criminal Procedure Guarantees of the Rights and Legitimate Interests of the Individual in Modern National Criminal Proceedings. *Criminal Procedure Guarantees of the Rights and Legitimate Interests of the Individual: On the 100th anniversary of the birth of Honored Professor of Moscow State University E.F. Kutsova. Proceedings of the 2nd Annual All-Russian Scientific and Practical Conference "Actual Problems of Russian Criminal Procedure", Moscow, April 4, 2025*. Moscow, YurLitinform Publ., 2025, pp. 39–53. (In Russian).
37. Karev D.S. (ed.). Soviet Criminal Procedure. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1968. 552 p.
38. Darovskikh O.I. Abuse of Rights in Criminal Proceedings in Russia. *Cand. Diss.* Chelyabinsk, 2013. 211 p.
39. Zheleva O.V. Abuse of Subjective Rights by the Accused During the Preliminary Investigation: Concept, Types and Ways to Overcome it. *Cand. Diss.* Tomsk, 2018. 240 p.
40. Donika D.A. Abuse of Subjective Rights by Participants in Criminal Proceedings During Preliminary Investigation and Criminal Procedural Means of Overcoming it. *Cand. Diss.* Moscow, 2022. 254 p.
41. Bogatyrev D.V. Grounds and Mechanisms for Overcoming Abuse of Rights in Pre-Trial Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Moscow, 2023. 255 p.
42. Makhov V.N., Peshkov M.A. Criminal Procedure in the USA (Pre-Trial Stages). Moscow, Business School "Intel-Synthesis" Publ., 1998. 208 p.
43. Filyashin A.S. Anglo-American Model of Criminal Investigation: Formation and Current State. *Cand. Diss.* Moscow, 2024. 238 p.
44. Chabukiani O.A. Abuse of Procedural Rights and the Exercise of Discretionary Rights by Authorities in Pre-Trial Proceedings: Concept and Relationship. *Zakon*, 2024, no. 4, pp. 40–51. (In Russian).
45. Zheleva O.V. Abuse of Rights at Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings: Types and Ways to Overcome Them. *Zakon*, 2024, no. 4, pp. 32–39. (In Russian).
46. Sharov D.V. Powers of Officials and Government Agencies as a Means of Satisfying Legitimate Interests. *Criminal Proceedings: Current State and Development Strategy. Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 7, 2024*. Moscow University of the MIA of the Russian named after V.Ya. Kikot Publ., 2025, pp. 173–178. (In Russian).

32. Шаров Д.В. Полномочия должностных лиц и государственных органов как средство удовлетворения законных интересов / Д.В. Шаров // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 7 ноября 2024 г. – Москва : Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. – С. 173–178.

33. Химичева О.В. Реализация учения профессора Э.Ф. Куцовой о гарантиях прав личности в современном российском уголовном процессе (к вопросу о понятии «злоупотребление правом» / О.В. Химичева // Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности: к 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ Э.Ф. Куцовой : материалы II ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», Москва, 4 апреля 2025 г. – Москва : Юрлитинформ, 2025. – С. 30–39.

34. Тарасов А.А. Потерпевший как субъект злоупотребления правом / А.А. Тарасов // Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве : сборник материалов Всероссийского круглого стола с международным участием. – Санкт-Петербург : Астерион, 2024. – С. 152–164.

33. Khimicheva O.V. Implementation of the Teachings of Professor E.F. Kutsova on Guarantees of Individual Rights in Modern Russian Criminal Proceedings (to the Issue of the Concept of "Abuse of Rights"). *Criminal Procedural Guarantees of the Rights and Legitimate Interests of the Individual: On the 100th Anniversary of the Birth of Honored Professor of Moscow State University E.F. Kutsova. Proceedings of the 2nd Annual All-Russian Scientific and Practical Conference "Actual Problems of Russian Criminal Procedure"*, Moscow, April 4, 2025. Moscow, YurLitinform Publ., 2025, pp. 30–39. (In Russian).

34. Tarasov A.A. The Victim as a Subject of Abuse of Rights. Protection of the Rights and Legitimate Interests of the Victim in Criminal Proceedings. *Proceedings of the All-Russian Round Table with International Participation*. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2024, pp. 152–164. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры уголовного процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 28.01.2026. The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 28.01.2026; accepted for publication 28.01.2026.

Научная статья
УДК 347
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.19

Original article

ШАРИПОВА Алия Рашитовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
nord-wind23@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

SHARIPOVA Aliya Rashitovna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ УСТРАНЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ОШИБОЧНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

DEVELOPING A NATIONAL MODEL OF LEGAL REMEDIES FOR ELIMINATING THE
CONSEQUENCES OF ERRONEOUS CRIMINAL PROCEDURE DECISIONS

Аннотация. Согласно УПК РФ лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, имеет право на возмещение вреда, однако одного лишь законодательного указания на это недостаточно. Современные судебные процедуры возмещения вреда, причиненного государством, требуют модификации. Цель: исследовать современное состояние процедуры возмещения ущерба, причиненного государством. Методы: при помощи общих методов познания проведен анализ текущего состояния применения исследуемой нормы; метод моделирования позволил сконструировать отдельный институт, отличающийся от института реабилитации, который носит смешанный уголовно-процессуальный и гражданско-процессуальный характер. Результаты: автор считает, что институт возмещения вреда, причиненного государством, должен предусматривать судебный или внесудебный способ признания незаконным применение мер принуждения, уточнять список этих мер, круг лиц, имеющих право на возмещение вреда, и круг государственных органов, которым могут быть адресованы требования, процессуальный порядок заявления соответствующих требований и их рассмотрения, включая подсудность, сроки, обжалование, денежный размер возмещения и субсидиарную ответственность должностных лиц, виновных в причинении вреда. Создание работоспособной процедуры возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, превратит соответствующие преимущественно декларативные законоположения в реально действующие.

Abstract. According to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a person unlawfully subjected to procedural coercive measures during criminal proceedings has the right to compensation. However, a mere legislative provision to this effect is insufficient. Modern judicial procedures for redressing state-caused damages require modification. Purpose: To investigate the current status of the procedure for redressing state-caused damages. Methods: Through the application of general cognitive methods, the article analyzes the current status of application of the researched norm. The modeling method facilitates the construction of a separate institution, distinct from the rehabilitation institution, possessing a mixed criminal procedural and civil procedural nature. Results: The author believes that the institution of compensation for state-caused damages should provide for a judicial or extrajudicial method of recognizing the unlawfulness of coercive measures, clarify the list of these measures, the circle of persons entitled to compensation for damages, and the circle of state bodies to which claims can be addressed, the procedural order for filing and considering such claims, including jurisdiction, deadlines, appeals, the monetary amount of compensation, and the subsidiary liability of officials responsible for causing damages. Establishing an effective procedure for redressing damages resulting from the illegal use of criminal procedural coercive measures will turn the corresponding legal provisions from largely declarative into truly actionable ones.

Ключевые слова: меры уголовно-процессуального принуждения, судебный контроль, возмещение вреда, должностные лица

Для цитирования: Шарипова А.Р. Формирование национальной модели правовых средств устранения последствий ошибочных уголовно-процессуальных решений / А.Р. Шарипова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.19 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 193–199.

Keywords: criminal procedural coercion measures, judicial control, compensation for damages, officials

For citation: Sharipova A.R. Developing a National Model of Legal Remedies for Eliminating the Consequences of Erroneous Criminal Procedure Decisions. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 193–199. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.19.

ВВЕДЕНИЕ

Современные значимые изменения уголовного процесса, ориентированные на защиту прав человека, в целом направлены на предотвращение ошибок при принятии процессуальных решений, их обнаружение и исправление в случае совершения. К соответствующим процедурам можно отнести судебный контроль и пересмотры в провальных инстанциях. Тот и другой институты объединяет серьезный недостаток – констатация незаконности проверяемого процессуального решения, необеспеченного исполнительным производством. Объяснимо, что главное «исполнительное» последствие уголовно-процессуальных решений регламентировано уголовно-исполнительным правом, хотя к соотношению процедур есть масса вопросов [1]. Но нужно констатировать проблемность УПК РФ в части регулирования исполнения промежуточных решений, а также поворота исполнения. Разумеется, этот институт цивилистического процесса мы называем здесь по аналогии, он наверняка применим только к требованиям имущественного характера, каких в уголовном процессе меньшинство. Однако это важнейшая гарантия интересов ответчика, защищающая его от исполнения предъявленных ему необоснованных требований [2]. Если судебное решение, принятое не в пользу ответчика, было исполнено полностью или частично, а впоследствии отменено, то новый судебный акт в обязательном порядке и без дополнительных просьб и рассмотрений указывает на поворот исполнения. Это означает, что взысканное с ответчика должно быть ему возвращено, а при отсутствии добровольного исполнения может быть выдан исполнительный документ.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ГОСУДАРСТВОМ

В уголовном процессе все иначе. Субъектный состав участников судопроизводства и специфика рассматриваемого материально-правового спора не позволяют напрямую экстраполировать механизмы поворота исполнения, но они не меняют сквозной процессуальной идеи, что ошибки должны быть исправлены. Простая их констатация способствует укреплению авторитета суда гораздо в меньшей степени, чем зримое и реальное устранение их последствий.

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» называет в числе традиционных ценностей служение Отечеству и ответственность за него. Думается, что защита таких ценностей наиболее эффективна, когда ее осуществляют в каждодневной деятельности государственные органы. А ответственность за Отечество подразумевает и ответственность за авторитет его властных органов, законность и обоснованность принимаемых ими решений и реальность исправления допущенных ошибок, обусловленную существованием понятной всем участникам и доступной для использования процедуры. В настоящее время с такими процедурами существуют проблемы и неясности.

Лицо, в отношении которого установлено право на реабилитацию, ничего, кроме извинений, «автоматически» не получает, у него есть лишь право требовать возмещения причиненного вреда, причем в части морального вреда – в порядке гражданского судопроизводства.

ства (ст. 136 УПК РФ). Еще менее благоприятная ситуация с возмещением вреда в случаях, когда он причинен незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения (ч. 3 ст. 133 УПК РФ). Упоминание о последнем имеет в УПК РФ настолько отрывочный характер, что несколько лет после принятия Кодекса специалисты практически не обращали на него внимания¹. Однако за этим вскользь упомянутым положением в действительности должен стоять полноценный уголовно-процессуальный институт. В контексте вопроса о формировании подходов к ответственности государства за причиненный вред он представляет наибольший интерес, и ему посвящена недавно защищенная докторская диссертация действующей судьи О.А. Мядзелец «Институт возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения: теория, законодательство, правоприменение» [3].

Вообще внимание исследователей уголовного процесса в последние годы стало смещаться с традиционных центров притяжения в сторону менее изученных институтов, в том числе правовых статусов «неназванных» в УПК РФ участников уголовного судопроизводства [4]. Указанный институт в Кодексе обозначен лишь пунктирно, поэтому нуждается в обосновании отдельного от реабилитации существования и нормативного закрепления. При этом, несмотря на его неразработанность на нормативном уровне, он весьма интересен в научном и практическом плане. Кроме того, нужно понимать, что реальность применения данного института демонстрировала бы принципиально новый уровень ответственности государства за причиненный им вред.

В этом плане абстрактное понимание того, что неверно адресованное уголовное преследование требует какой-то «сатисфакции» не только в тех случаях, которые охватываются реабилитацией, но и в ряде иных процессуальных ситуаций, нуждается в наполнении конкретным содержанием.

Тут нужно отметить, что даже реабилитация как частный случай возмещения вреда, незаконно причиненного государством частному лицу, не так проста, как кажется, в плане обоснования общественной необходимости,

пределов и оснований. Можно прибегнуть к простому аргументу, что государство располагает огромной властью, а значит, должно отвечать за каждый случай ее использования «во вред», независимо от чьей-либо вины в этом и причин такого использования. Но при более пристальном взгляде на проблему становится очевидным, что в каждом конкретном случае, включая меры уголовно-процессуального принуждения, власть применяет не государство в целом, а отдельные должностные лица. Логично предположить, что широкомасштабное развитие возмещения причиненного ими вреда станет одним из значимых факторов, определяющих повседневную деятельность этих лиц. В контексте уже известных цивилистических правовых форм в этой схеме видится логичной возможность регрессного требования государства к конкретным виновникам, но этот вариант может породить и вовсе непредсказуемые последствия.

Меры процессуального принуждения – инструменты, обеспечивающие нормальный ход процесса, но не его цель. Совершенно очевидно, что «опасные» инструменты без контроля могут быть применены не ради достижения целей, значит, их применение должно быть взвешенным и продуманным. С другой стороны, чрезмерная зарегулированность оснований применения и высокий риск несения ответственности за неверное применение таких инструментов могут «обезоружить» правоприменителя, опасаящегося, например, заключить под стражу невиновного.

Уголовно-процессуальная деятельность по своей сути имеет риски причинения «побочного» вреда, и, возможно, имеет право на существование идея, что общество должно разделять с государством бремя несения этих рисков, особенно если государство воспринимается обществом не как узурпатор власти.

Максимально упрощенно эту идею можно сформулировать так: если мы хотим, чтобы преступления были эффективно расследованы, а виновные в их совершении привлечены к ответственности, то мы должны дать должностным лицам для этого широкие полномочия и допустить – хоть и без восторга – право на ошибку. Во всяком случае, должностное лицо государства, применяя власть, должно руководствоваться прежде всего интересами дела, а вовсе не страхом перед возможным наказанием его лично [5, с. 121].

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина, М.П. Полякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2006. 1123 с.

В рискованной деятельности ошибки случаются. Современное общество уже получило проблему «защитной медицины», когда стало привлекать к ответственности врачей за все их ошибки. Примерно тем же общество рискует и применительно к уголовно-процессуальной деятельности.

С одной стороны, развитие института возмещения ущерба, причиненного незаконным применением мер принуждения, помимо собственного значения, способствовало бы ответственному применению названных мер. Их принудительная сила велика, степень ограничения прав варьируется от значительной до максимальной, но при этом только в отношении заключения под стражу более или менее существует понимание необходимости экономного его использования. Такая мера пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении, на практике воспринимается как отсутствие всякой меры пресечения и назначается по остаточному принципу. По нашим данным, за последние годы практически нет уголовных дел, по которым бы в отношении известного подозреваемого или обвиняемого не было избрано ни одной из них, хотя избрание мер пресечения – это право, а вовсе не обязанность властвующих субъектов. При этом межотраслевое сопоставление мер пресечения с обеспечительными мерами в арбитражном процессе, мерами обеспечения в гражданском процессе и мерами предварительной защиты в административном процессе демонстрирует колоссальный разрыв, ведь доля дел с их применением составляет около 1 %².

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМ ПРИМЕНЕНИЕМ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Проблема определения границ, когда возмещение вреда, причиненного государством, необходимо, очень сложная и интересная для

исследования. И если реабилитация как правовой институт в определенной степени исследована, то возмещение вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, нуждается в обосновании как идея, как норма и как институт. В настоящее время это формирующийся институт, который носит смешанный характер: часть его норм принадлежит уголовно-процессуальному праву, часть – гражданскому процессуальному и административному процессуальному.

Производство по уголовному делу имеет целый ряд сателлитов (судебный контроль, производство по возмещению процессуальных издержек, производство по исполнению приговора, реабилитация), которые, обладая всеми или большинством признаков процессуальной деятельности, урегулированы законом фрагментарно. Это в каждом случае требует «достройки» с помощью аналогии закона, теоретических разработок и др. Специфика субъектного состава, доказывания, преюдициального значения иных решений для производства о возмещении вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, не позволяет использовать для регулирования рассматриваемых отношений общий гражданский процессуальный порядок возмещения вреда.

Теоретическая достройка фрагментарно урегулированного института возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, начата в упомянутой диссертации О.А. Мядзелец. Автору удалось обосновать существование общественной потребности в функционирующем механизме возмещения вреда, доказать автономность комплекса норм, регулирующих такое возмещение, отделяющую его от института реабилитации и позволяющую считать его самостоятельным правовым институтом. Разумным выглядит и предложение о возможном законодательном оформлении отдельного института в рамках существующего в УПК РФ раздела IV «Меры процессуального принуждения». При этом важно понимать, что меры процессуального принуждения, незаконное применение которых требует компенсации, не обязательно следует понимать в узком смысле раздела IV, так как принудительной силой и способно-

² Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2024 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79.&item=8945> (дата обращения: 16.09.2025) ; Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79.&item=8942> (дата обращения: 16.09.2025).

стью причинять имущественный и иной вред обладают многие процессуальные, в частности следственные, действия.

В условиях законодательного умолчания важнейших структур описываемого института приходится говорить о его системной проблемности. Только общее понимание уголовного процесса, его назначения, принципов, аналогия с иными фрагментарно урегулированными УПК РФ процедурами позволяют его достроить. Так, например, обязательной частью процедуры возмещения вреда является признание незаконными мер принуждения, которые повлекли причинение вреда. Такое признание может быть судебным или внесудебным, но должно состояться в уголовном, а не в гражданском судопроизводстве. Не хватает в УПК РФ и информации о составе мер принуждения, вред от применения которых подлежит возмещению, круге лиц, имеющих право на подобное возмещение, процессуальном порядке заявления соответствующих требований и их рассмотрения, включая подсудность, сроки, обжалование, денежный размер подобного возмещения и т. п. Изучение судебной практики может дать ответы на некоторые из этих вопросов, но понятно, что в условиях нормативной неопределенности формирование этой практики идет очень медленно и приводит к выводу, что зачастую возмещение вреда, предусмотренное ч. 3 ст. 133 УПК РФ, не отграничивается от реабилитации, единственным основанием отказа в удовлетворении требований является отсутствие статуса реабилитируемого лица³.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМ ПРИМЕНЕНИЕМ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Подход, не разделяющий возмещение ущерба и реабилитацию, представляется необоснованным, поскольку отнесение положения, указанного в ч. 3 ст. 133 УПК РФ, к институту реабилитации лишает его собственного смысла. Полагаем, что это положение и весь институт, который должен на его основе сфор-

мироваться, являются резервными по отношению к реабилитации. О.А. Мядзелец верно отмечает, «что из сферы применения ч. 3 ст. 133 УПК РФ не должны исключаться уголовно-преследуемые лица» [3, с. 256], поскольку в ней речь идет о «любых лицах». Однако возникает вопрос: могут ли быть основания для возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер принуждения к обвиняемому, который был впоследствии осужден (либо по другим причинам не имеет права на реабилитацию)? Вопрос, как нам представляется, важный. Если исходить из того, что вред незаконным применением мер принуждения может быть причинен только лицу, которое не совершало преступления, то означает ли это, что к лицу, совершившему преступление (при обретении им процессуальных статусов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного и др.), можно применять любое процессуальное принуждение? Это означало бы, что принуждение обусловлено не процессуальной необходимостью движения уголовного дела, собирания доказательств, обеспечения возможности исполнения приговора и т. п., а фактом совершения преступления. Если не предполагать карательной сущности мер процессуального принуждения (а мы ее не предполагаем), значит, более справедливо предположение, что даже по отношению к виновному лицу (при наличии у него процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого и т. д.) применение мер процессуального принуждения должно быть законным и соразмерным. Причем не только в формальном смысле с точки зрения соблюдения процессуальной формы принятия соответствующих мер, но и с точки зрения реальной обоснованности и необходимости. Примеры ситуаций, когда к осужденному (соответственно, не имеющему права на реабилитацию) были применены чрезмерно (относительно совершенного преступления) жесткие меры принуждения, не так редки. Например, обвиняемый в совершении особо тяжкого преступления был заключен под стражу на период длительного расследования, а возможно, и суда, затем был осужден, но не за особо тяжкое преступление, а за преступление небольшой тяжести (вместо ч. 2 ст. 105 УК РФ ч. 1 ст. 109 УК РФ). Может ли он претендовать на

³ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.06.2025 № 88-9137/2025 (здесь и далее, если не указано, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

возмещение вреда, причиненного ему применением чрезмерно строгой меры пресечения?

Примеры из практики противоречивы: применение мер пресечения к лицу по обвинению, по которому впоследствии преследование его прекращено, при наличии другого обвинения, по которому лицо осуждено, влечет отказ и в возмещении вреда по ч. 3 ст. 133 УПК РФ, и в удовлетворении требований⁴.

Необходимость развития рассматриваемого института явно видна из его современного законодательного состояния. Значимые его положения выводятся не из закона, а из других источников, таких, например, как постановления Пленума Верховного Суда РФ по гражданским делам (см. п. 39 постановления от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»).

Такое положение вещей как бы ставит возмещение вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием и применением мер уголовно-процессуального принуждения, в один ряд со всеми остальными основаниями возмещения морального вреда, такими как драка несовершеннолетних, не повлекшая вреда здоровью⁵, нарушения прав потребителей (несвоевременное подключение электроэнергии⁶, продажа матраса нестандартного размера⁷, неверная оценка стоимости восстановительного ремонта по договору ОСАГО или КАСКО⁸). Неслучайно в качестве примеров мы привели кажущиеся не самыми судьбоносными случаи, в том числе касающиеся нарушений прав потребителей, по которым компенсация морального вреда присуждается судом при установлении самого факта нарушения имущественных прав (ст. 15 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав

потребителей», п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33).

Для более широкого применения рассматриваемого института на практике требуется решение многих вопросов. Так, в теме определения границ обязательств, которые несет государство в связи с причинением вреда незаконной уголовно-процессуальной деятельностью, отдельного внимания заслуживает вопрос о персональной ответственности должностных лиц, принявших незаконные процессуальные решения, причинившие вред. Наверняка уже сейчас есть примеры привлечения к ответственности следователей или других должностных лиц в случаях, когда вред, причиненный их процессуальными решениями, был возмещен.

Другим требующим законодательного решения вопросом является субъектный состав лиц, которым должны быть адресованы требования о возмещении вреда. В судебной практике большинство таких требований адресовано Министерству финансов РФ⁹, по ряду дел – Минфину и органу, осуществлявшему уголовное преследование, например, Следственному комитету РФ¹⁰, по другим – только такому органу¹¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соображения по поводу формирования института возмещения вреда, причиненного незаконной уголовно-процессуальной деятельностью, приведены в большей степени в порядке постановки проблемы, чем для предложения конкретных способов ее решения. Они требуют глубокого исследования и детальной разработки, однако не вызывают сомнений востребованность подобной работы в свете обретения и осознания современной отечественной правовой системой своей идентичности.

4 Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2025 № 88-8725/2025.

5 Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.09.2025 № 88-19173/2025.

6 Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2025 № 88-12216/2025.

7 Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.09.2025 № 88-21214/2025.

8 Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.09.2025 № 88-21755/2025.

9 Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26.03.2025. по делу № 88-8454/2025.

10 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.12.2022 № 88-25954/2022 по делу № 2-487/2022.

11 Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 20.03.2018 № 33-2164/18.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николук В.В. К вопросу о соотношении уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства / В.В. Николук // Журнал российского права. – 2023. – № 10. – С. 99–115.
2. Зайков Д.Е. Поворот исполнения судебного акта в арбитражном процессе: проблемы правоприменительной практики / Д.Е. Зайков // Российский юридический журнал. – 2017. – № 3. – С. 118–128.
3. Мядзелец О.А. Институт возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения: теория, законодательство, правоприменение: дис. ... д-ра юрид. наук / О.А. Мядзелец. – Москва, 2025. – 360 с.
4. Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Мурылева-Казак. – Москва, 2023. – 221 с.
5. Тарасов А.А. Следователь – участник процесса на стороне обвинения: зло или благо? / А.А. Тарасов // Журнал российского права. – 2024. Т. 28, № 8. – С. 113–126.

REFERENCES

1. Nikolyuk V.V. On the Question of Correlation of Criminal Procedure and Penal Enforcement Legislation. *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 10, pp. 99–115. (In Russian).
2. Zaykov D.E. Restitution of Judicial Act in Arbitration Proceedings: The Law Enforcement Problems. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 118–128. (In Russian).
3. Myadzelets O.A. Institute of Compensation for Harm Caused to a Person by Unlawful Application of Procedural Coercive Measures: Theory, Legislation, Law Enforcement. *Doct. Diss.* Moscow, 2025. 360 p.
4. Muryleva-Kazak V.V. Procedural Means of Protecting the Property Rights of Persons Who Are Not Parties to Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Moscow, 2023. 221 p.
5. Tarasov A.A. The Investigator Is a Participant in the Process on the Side of the Prosecution: Evil or Good? *Journal of Russian Law*, 2024, vol. 28, no. 8, pp. 113–126. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарипова Алия Рашитовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sharipova Aliya Rashitovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 16.12.2025. The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 16.12.2025.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 342
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.20

МАЛЫЙ Александр Фёдорович
Казанский (Приволжский)
Федеральный университет,
Казань, Россия,
afm-10@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-9983-4894>

Original article

MALYI Alexander Fedorovich
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

DIGITALIZATION OF PUBLIC RELATIONS AND HUMAN RIGHTS

Аннотация. Появление цифровых технологий открыло большие возможности для продвижения средств коммуникации в различные сферы деятельности. Человечество получило мощный инструмент, позволяющий эффективно решать многие задачи, в том числе предоставлять и получать услуги, совершать платежи, обмениваться информацией. Но этот инструмент таит в себе и широкие возможности для нарушения прав личности. Цели: акцентировать внимание на нарушениях прав граждан, вызванных широким внедрением цифровых технологий, открывающих доступ к личным данным человека; рассмотреть возможность согласования таких конкурирующих конституционных принципов, как неприкосновенность частной жизни и обеспечение безопасности личности. Методы: диалектический метод позволил показать динамику появления проблемы конкуренции конституционных принципов; метод формальной логики дал возможность обосновать актуальность рассмотренных проблем; сравнительно-правовой метод применялся для анализа содержания правовых норм; метод толкования использовался в процессе обоснования возможных путей решения обозначенных в статье проблем; описательный метод дал возможность показать существующий опыт правового регулирования цифровой коммуникации. Результаты: рассмотрено влияние цифровизации на реализацию основополагающих прав и свобод человека и гражданина; исследована проблема юридической конкуренции норм, закрепляющих право на неприкосновенность частной жизни и право на безопасность. В основу исследования положена правовая позиция Конституционного Суда РФ,

Abstract. The emergence of digital technologies has opened up great opportunities for the promotion of communication means in various spheres of human activity. Humanity has gained a powerful tool that enables the efficient tackling of many problems, including providing and receiving services, making payments, and sharing information. However, the same tool is fraught with wide opportunities for violating the rights of the individual. Purposes: To focus on violations of citizens' rights caused by the widespread introduction of digital technologies that allow access to personal data; to consider reconciling competing constitutional principles such as privacy and personal security. Methods: The dialectical method made it possible to reveal the dynamics behind the emergence of the issue of competing constitutional principles; the method of formal logic provided the means to justify the relevance of the problems considered; the comparative legal method was applied to analyze the content of legal norms; the method of interpretation was used in the process of justifying possible solutions to the problems identified in the article; the descriptive method made it possible to show the existing experience of legal regulation of digital communication. Results: The article considers the impact of digitalization on the implementation of fundamental human and civil rights and freedoms. The problem of legal competition of norms enshrining the right to privacy and the right to security is investigated. The research is based on the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, which admitted the existence of a "legal contradiction" of constitutional norms-

который допустил существование «юридического противоречия» конституционных норм-принципов и возможность ограничения одного из них в пользу другого. Высказано предположение о дальнейшем ограничении права на неприкосновенность частной жизни и расширении контроля за частной жизнью людей в целях обеспечения безопасности. Приведен пример Китая, где введен рейтинг социального доверия, позволяющий контролировать поведение граждан.

Ключевые слова: конституция, цифровизация, права человека, безопасность, конкуренция норм, социальный рейтинг

Для цитирования: Малий А.Ф. Цифровизация общественных отношений и права человека / А.Ф. Малий. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.20 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 200–206.

principles and the possibility of restricting one of them in favor of another. The article suggests a further restriction of the right to privacy and an expansion of control over people's private lives for security purposes. The article highlights China as an example, where a social credit system has been put in place to control citizens' behavior.

Keywords: constitution, digitalization, human rights, security, competition of norms, social credit

For citation: Malyi A.F. Digitalization of Public Relations and Human Rights. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 200–206. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.20.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация стала нормой повседневной жизни. Мы все являемся пользователями услуг, которые предоставляются с использованием ресурсов интернета. Сегодня можно не выходя из дома работать, получать зарплату, оплачивать услуги (связь, ЖКХ и др.), покупать товары, билеты и т. д. Межличностное общение в значительной степени тоже осуществляется в дистанционном формате. Привычными стали видеоконференции, обмен официальными рассылками, сообщениями, фото и видео. Все это делает нашу личную жизнь открытой.

Цифровизация общественных коммуникационных отношений и управленческих процессов в системе государственного управления актуализирует проблему обеспечения прав и свобод граждан. В научной литературе рассматривается широкий круг проблем, порождаемых цифровизацией общественной жизни [1, с. 26; 2, с. 22; 3, с. 78].

Наиболее общественно значимыми и резонансными являются вопросы обеспечения таких конституционных прав, как право на неприкосновенность частной жизни и право на безопасность. В рассматриваемом ракурсе они взаимосвязаны, поскольку механизм защиты частной жизни в равной мере обеспечивает и защиту лиц, представляющих опасность для

общества в силу их преступной деятельности в части планирования и совершения преступлений большой общественной опасности (террористические акты, наркоторговля). Использование цифровых технологий в преступных целях позволяет правонарушителям более эффективно осуществлять коммуникацию, что упрощает реализацию их намерений.

Предупреждение преступных планов возможно при введении государственного контроля за цифровой коммуникацией, что дает возможность усилить профилактику преступных посягательств. Но в этом случае в сферу контроля попадают и законопослушные граждане, их частная жизнь становится «прозрачной» и уязвимой.

Возможности цифровых технологий

Цифровые технологии позволяют не только государству, но и частным лицам (имеющим определенную подготовку) получить доступ к электронной почте и читать личную переписку граждан, знакомиться с содержанием конфиденциальных текстов, документов. Возникает дилемма: закон равным образом защищает права как законопослушных граждан, так и преступников, но для эффективного выявления противоправного поведения лица необходим доступ к его личной цифровой коммуникации.

При оценке обозначенных ситуаций возникают не только этические, но и юридические вопросы, поскольку закрепленные в Конституции РФ и законах права человека и гражданина подлежат государственной защите, а допустимость их нарушений государством должна быть юридически обоснована. Возможность ограничения конституционного права предусмотрена ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая гласит: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Примеров такого ограничения можно привести достаточно, но в рассматриваемом случае речь не столько о частичном ограничении прав и свобод, сколько о полном доступе к личным данным, что нивелирует право на неприкосновенность частной жизни. При всеобщей цифровизации общественных отношений есть только один путь защитить свою жизнь от чужих глаз и ушей – отказаться от всех благ, которые дает цифровизация, и вести затворнический образ жизни. Даже если человек не пользуется мобильной связью и средствами современной коммуникации, он вынужден контактировать с органами публичной власти (налоги, штрафы), публично-частными и частными структурами (ЖКХ, торговля, услуги и пр.), которые хранят данные в цифровом формате, доступном для подготовленных в профессиональном плане недобросовестных пользователей и откровенных мошенников. Остается одно средство защиты от чрезмерного «внимания» государства – жизнь отшельника, ведущего натуральное хозяйство, что в современном обществе практически невозможно.

На повестке дня экономического развития современного государства стоит совершенствование искусственного интеллекта (ИИ) [4; 5, с. 136]. Результаты его появления и влияния на многие стороны жизни людей мы ощущаем уже сегодня. Чувствительными сферами влияния ИИ на человека являются культура, здравоохранение, образование, наука [6], то есть те сферы, где происходит формирование идеологической составляющей мыслительного процесса, внедрение стереотипов пове-

дения. Использование ресурсов интернета позволяет ИИ дистанционно влиять на формирование поведенческих установок, в том числе направленных на совершение противоправных действий.

КОНКУРЕНЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ

Говоря о механизме защиты права на неприкосновенность частной жизни со стороны государства, нельзя не обратить внимание и на другое важное право – право на безопасность. Оно не закреплено в конкретной конституционной норме, но имплицитно содержится в ряде норм, в том числе закрепляющих обязанности государства, его органов и должностных лиц. Государство гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 45), что предполагает и создание безопасных условий проживания на всей территории страны. В ст. 56 Конституции РФ нашла отражение обязанность государства обеспечить безопасность при возникновении угрозы жизни или здоровью граждан. Президент РФ является гарантом прав и свобод человека и гражданина (ст. 80), для чего наделяется полномочиями по обеспечению в том числе безопасности личности (п. «ж» ст. 83). Правительство РФ обязано защищать права и свободы граждан, принимать меры по охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью (п. «е» ч. 1 ст. 114).

Государство, закрепляя в Конституции РФ право на жизнь, формулирует и основные постулаты его охраны и защиты. Одним из важнейших элементов правоохранительного механизма является предусмотренная Конституцией система нормативных правовых предписаний. В их числе можно обозначить нормы, провозглашающие человека высшей ценностью, возможность введения чрезвычайного положения в целях обеспечения безопасности граждан, принятие главой государства исчерпывающих мер в целях гарантирования прав и свобод личности. Принимая присягу, президент клянется уважать и охранять права и свободы человека и гражданина.

Провозглашаемая в Конституции РФ защита прав и свобод человека и гражданина предполагает защиту от угроз, вызванных противоправными действиями отдельной

личности, организованного сообщества или иностранного государства (его органов и представителей). Конкретизация способов и мер защиты находит отражение в нормативных предписаниях, закрепляющих права и обязанности уполномоченных органов. Правовое оформление мер защиты осуществляется посредством закрепления в нормативных правовых актах обязанностей органов публичной власти, учреждений, оказывающих услуги гражданам, юридическим и физическим лицам, использующих информационно-телекоммуникационные сети для обработки персональных данных. Основным актом, определяющим содержание нормативного регулирования в этой сфере, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹.

Развитие цифровых технологий и возникновение соответствующих рисков в сфере нарушения личных прав граждан требует совершенствования законодательства. На защиту прав граждан направлен, например, Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»².

В отраслевых законах определяются задачи, которые стоят перед государством в связи с решением проблем безопасности. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» в числе основных приоритетов при обеспечении безопасности называет соблюдение и защиту прав человека и гражданина (п. 1 ст. 2), при этом норма сформулирована как основополагающий принцип³. В таком контексте рассматриваются проблемы безопасности личности и в специальной литературе [7, с. 54].

Обеспечение безопасности – актуальная проблема для многих государств, поскольку террористические акты совершаются с регулярной периодичностью в различных точках мира. Способы борьбы с этой угрозой напря-

мую затрагивают права человека, информационную сферу [8]. Одно дело – быстро реагировать на совершенный террористический акт, задерживать исполнителей и жестко наказывать, другое – предотвращать акты терроризма на стадии подготовки, а еще лучше – прогнозировать их, бороться с носителями экстремистских идей.

Сегодня площадкой для этой борьбы является информационное цифровое пространство. Экстремистские идеи распространяются в интернете, поиск исполнителей также во многом осуществляется через Сеть, контакты заказчиков и исполнителей оставляют следы, что позволяет выявлять их. Перед правоохранителями стоит задача организации контроля за распространяемой в интернете информацией. Но в сферу контроля попадают и законопослушные граждане, каждый из которых надеется на гарантированную конституцией и законом личную тайну, неприкосновенность частной жизни.

Инструменты, используемые государством для защиты своих граждан, могут быть различными, в том числе реализуемыми с использованием IT-технологий, ИИ. При этом возникает коллизия – конкуренция норм, закрепляющих основополагающие права человека: на неприкосновенность частной жизни и на безопасность.

Практика разрешения коллизии при конкуренции норм имеется, она отражена в решениях Конституционного Суда РФ. Показательным является постановление от 17 ноября 1998 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"»⁴. Суд рассмотрел обращение Саратовской областной Думы, депутаты которой усмотрели нарушение конституционного принципа равенства при формировании одномандатных избирательных округов. Согласно Федеральному закону «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» одномандатные избирательные округа (мажоритарная избирательная система) формируются с примерно равным количеством избирателей (порядка

1 Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3451.

2 Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. 1), ст. 19.

3 Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 2.

4 Собрание законодательства РФ. 1998. № 48, ст. 5969.

500 тыс.), проживающих в каждом избирательном округе. Закон предусматривает возможные отклонения в 10–15 % от числа зарегистрированных в избирательном округе избирателей. Поскольку закон закрепляет избрание депутатов Государственной Думы от каждого субъекта Российской Федерации (реализация принципа федерализма и равноправия субъектов), а в некоторых субъектах число избирателей значительно меньше установленной нормы представительства, то нарушается принцип равенства избирательных округов по числу избирателей. В некоторых субъектах Российской Федерации проживает менее 50 тысяч жителей (избирателей еще меньше), что значительно ниже установленной нормы представительства, но они имеют своего депутата в парламенте.

Конституционный Суд констатировал наличие «юридического противоречия», которое возникает в силу необходимости «примирить» три конституционных принципа: равных выборов, с одной стороны, федерализма и равноправия субъектов Российской Федерации – с другой. Понятие «равное избирательное право» (субъективное право) [9, с. 446] суд в данном постановлении уравнивал с понятием «равное представительство» (равная норма представительства или равные выборы). Применяв норму ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, суд сделал вывод о возможности ограничения равного избирательного права «в целях сохранения целостности федеративного государства». Не останавливаясь на содержании понятий «равное избирательное право», «равные выборы», «равная норма представительства», выделим главное в решении суда: разрешение «юридического противоречия» при возникшей конкуренции конституционных принципов осуществляется посредством предпочтения одного из них по усмотрению представительного органа. Такое право есть у законодателя, который в рассматриваемом случае посчитал более важным следовать принципу федерализма.

Признание законодателем конституционной нормы приоритетной влечет ограничение права, закрепляемого другой нормой, в случае их «юридического противоречия», которое точнее будет именовать юридической конкуренцией. Содержание потенциально конкурирующих норм самодостаточно, оно закрепляет

различные правовые отношения и имеет механизм реализации. Конкуренция возникает тогда, когда необходимо применить одну норму за счет ограничения другой. Как правило, это нормы-принципы, которые закрепляют идеологический по своему содержанию постулат, определяющий содержание управомочивающих, обязывающих и запрещающих норм.

Современное развитие цифровых технологий и базирующиеся на их основе средства коммуникации со всей остротой ставят вопрос защиты личности от злоупотребления этими технологиями. Конкуренция нормы, закрепляющей неприкосновенность частной жизни, и норм, закрепляющих право на обеспечение безопасности личности, актуализирует вопрос о возможности ограничения права на неприкосновенность частной жизни и расширения правовых средств охраны и защиты жизни и здоровья человека, используемых уполномоченными органами государства.

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ

Можно с большой долей уверенности предположить, что законодатель пойдет по пути ограничения права на неприкосновенность частной жизни посредством расширения права государственных структур осуществлять контроль за этой сферой. По такому пути пошли в Китае, где реализован проект поистине масштабного контроля за поведением граждан с использованием цифровых технологий.

В КНР введен так называемый социальный рейтинг (рейтинг социального доверия). Поведение каждого гражданина оценивается по 1000-балльной шкале. Законопослушные граждане получают высокие баллы (учитываются добрые дела – волонтерство, благотворительность), баллы снижаются за правонарушения, недобросовестное выполнение обязанностей. Составляются красные и черные списки. Человек, попавший в черный список (низкий рейтинг), может получить отказ в выдаче кредита, заграничного паспорта, зачислении ребенка в частную школу и т. д. Гражданин, имеющий высокий рейтинг, поощряется возможностью получить кредит на льготных условиях, бесплатно пользоваться прокатом автомобилей, иметь низкие тарифы на мобильную связь и др. Источником информации для составления списков являются налого-

вые органы, финансовые учреждения, ЗАГСы, правоохранительные органы, учреждения образования, данные с камер видеонаблюдения и пр. В сельской местности (где нет интернета) положительные поступки и недостойные дела записываются в специальные блокноты⁵.

Идея формирования социального рейтинга появилась в КНР не сразу и была вызвана экономическими причинами. С началом реформ Дэн Сяопина необходимо было решить проблемы коррупции и прозрачности бизнеса. Целью реформ являлось привлечение иностранных инвесторов, повышение их доверия к ведению дел в КНР. Система социального доверия оказалась востребованной, поскольку позволяла решать многие задачи. Постепенно категория лиц, вносимых в списки не вполне благонадежных граждан, расширялась. Сегодня социальный рейтинг стал обыденностью. Возникает вопрос: можно ли в этих условиях сохранить неприкосновенность частной жизни? Очевидно, что личная жизнь каждого гражданина КНР становится прозрачной.

Сбор данных о человеке из социальных сетей и официальных органов (налоговых, таможенных, МВД и пр.) позволяет вне зависимости от его желания формировать полное представление о нем, в том числе и о частной жизни. С одной стороны, это дает возможность получать и анализировать информацию, касающуюся обеспечения безопасности, с другой –

вызывает вопросы относительно охраны и защиты иных конституционных прав.

Нарушает ли составление социального рейтинга конституционные права человека в том понимании прав человека, к которому мы привыкли? Конечно, нарушает. Что с этим делать? Выход один – изменить устоявшееся понимание содержания прав. Оно возникло и формировалось в совершенно иное время, когда не было интернета, о Всемирной паутине писали только фантасты, а общественные отношения складывались на основе понятных и прогнозируемых принципов. Сегодня мы живем в иной реальности, в иных форматах организации общественной жизни и не учитывать их невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие цифровых технологий с неизбежностью приводит к трансформации понимания конституционных принципов, что меняет правовое содержание и законодательных установлений. Все более настойчиво заявляют о себе новые форматы взаимоотношений субъектов права, характер которых предстоит оценить с точки зрения права, «вписать» их в систему устоявшихся правоотношений. Высказываются и иные варианты решения проблемы «нахождения баланса между безопасностью и свободой», например, установление «более плотного взаимодействия между государством и гражданским обществом» [10, с. 33].

⁵ Социальный рейтинг: что это и как работает в Китае [Электронный ресурс]. URL: <http://style.rbc.ru/life643d3f839a7947afd12e9f35> (дата обращения: 15.01.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Липчанская М.А. Цифровизация электорального пространства: современные угрозы и перспективы / М.А. Липчанская // Гражданин. Выборы. Власть. Избирательная система современной России: проблемы и перспективы : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию избирательной комиссии Саратовской области. – Саратов, 2019. – С. 26–31.
2. Комкова Г.Н. Информационно-коммуникативная культура как условие реализации обязанности органов публичной власти по предоставлению информации гражданам / Г.Н. Комкова, Е.Н. Тогузаева // Юридический мир. – 2021. – № 7. – С. 21–25.

REFERENCES

1. Lipchanskaya M.A. Digitalization of the Electoral Space: Modern Threats and Prospects. *Citizen. Elections. Power. The Electoral System of Modern Russia: Problems and Prospects. A Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 25th Anniversary of the Electoral Commission of the Saratov Region*. Saratov, 2019, pp. 26–31. (In Russian).
2. Komkova G.N., Toguzaeva E.N. The Information and Communications Culture as a Condition for the Performance of the Duty of Public Government Authorities to Disclose Information to Citizens. *Juridical World*, 2021, no. 7, pp. 21–25. (In Russian).

3. Нигметзянов А.А. Правовые основы цифровизации контроля граждан за деятельностью органов публичной власти / А.А. Нигметзянов // *Lex Russica* (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 8 (201). – С. 77–87.
4. Бегишев И.Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники / И.Р. Бегишев // *Международное публичное и частное право*. – 2021. – № 1. – С. 37–40.
5. Полякова Т.А. «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права / Т.А. Полякова, Г.Г. Камалова // *Правовое государство: теория и практика*. – 2021. – № 3 (65). – С. 133–145.
6. Малый А.Ф. Может ли нейросеть подготовить качественную выпускную квалификационную работу? / А.Ф. Малый // *Юридическая орбита : материалы IV Нижегородских юридических чтений*. – Нижний Новгород, 2023. – С. 49–51.
7. Федотова Ю.Г. Обеспечение безопасности государства через обеспечение безопасности личности / Ю.Г. Федотова // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2015. – № 8. – С. 54–58.
8. Романовский Г.Б. Права человека и борьба с терроризмом: зарубежный опыт / Г.Б. Романовский, О.В. Романовская. – Москва, 2021. – 192 с.
9. Малый А.Ф. О методике исследования конституционного субъективного права / А.Ф. Малый // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. – 2023. – Т. 23, вып. 4. – С. 446–449.
10. Володина С.В. Роль институтов гражданского общества в реализации принципа доверия в цифровой среде // *Конституционное и муниципальное право*. – 2025. – № 12. – С. 30–34.
3. Nigmatzyanov A.A. Legal Foundations of Digitalization of Citizens' Control over the Activities of Public Authorities. *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 8 (201), pp. 77–87. (In Russian).
4. Begishev I.R. International Law Bases of Regulation of Artificial Intelligence and Robotic Engineering. *Public International and Private International Law*, 2021, no. 1, pp. 37–40. (In Russian).
5. Polyakova T.A., Kamalova G.G. "Law of Artificial Intelligence" and Its Place in the System of Information Law. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 3 (65), pp. 133–145. (In Russian).
6. Malyi A.F. Can a Neural Network Prepare a High-Quality Graduation Thesis? *Legal Orbit: Proceedings of the 4th Nizhny Novgorod Legal Readings*. Nizhny Novgorod, 2023, pp. 49–51. (In Russian).
7. Fedotova Yu.G. State Safety Provision Through the Person Security Protection. *State Power and Local Self-government*, 2015, no. 8, pp. 54–58. (In Russian).
8. Romanovsky G.B., Romanovskaya O.V. Human Rights and the Fight against Terrorism: Foreign Experience. Moscow, 2021. 192 p.
9. Malyi A.F. Methodology of Research into Constitutional Subjective Law. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 446–449 (in Russian).
10. Volodina S.V. The Role of Civil Society Institutions in Implementing the Principle of Trust in the Digital Environment. *Constitutional and Municipal Law*, 2025, no. 12, pp. 30–34. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малый Александр Фёдорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Malyi Alexander Fedorovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 24.11.2025. The article was submitted 27.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья
УДК 342.3
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.21

Original article

РОМАШОВ Роман Анатольевич ✉
Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия,
romashov_tgp@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

ROMASHOV Roman Anatolyevich
Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russia

РОМАШОВА Галия Талгатовна
Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия,
Romashova-gt@ranepa.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0069-8678>

ROMASHOVA Galiya Talgatovna
North-West Institute of Management
(RANEPA St. Petersburg),
Saint Petersburg, Russia

САФИН Завдат Файзрахманович
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Казань, Россия,
zsafin56@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-6010-618X>

SAFIN Zavdat Fayzrahmanovich
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУЧНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

PUBLIC LAW FOUNDATIONS FOR ENSURING SCIENTIFIC SOVEREIGNTY WITHIN
THE CIS SPACE

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стремлением государств – членов СНГ к обеспечению научного суверенитета. В условиях широкомасштабного внедрения цифровых технологий во все сферы общественной и государственной жизнедеятельности возрастает значение науки как важнейшей составляющей механизма социального развития. При этом неразрывная связь науки с государством обуславливает как теоретическую, так и практическую значимость проблемных вопросов, связанных с публично-правовыми основами организации научной деятельности. Цель исследования – конструирование теоретико-прикладной модели, в рамках которой осуществляется терминологический анализ понятия «наука», проводится аналитическое сопоставление категорий «государственный суверенитет» и «научный суверенитет», выявляются особенности формирования и реализации научного суверенитета в рамках этатистского и либертарного подходов, определяются публично-правовые основания научного суверенитета.

Abstract. This research is relevant due to the aspiration to ensure the scientific sovereignty of the CIS member states. In the context of the widespread adoption of digital technologies across all spheres of public and state life, the importance of science as a crucial component of the social development mechanism is increasing. Consequently, the intrinsic connection between science and the state highlights the theoretical and practical importance of the challenges concerning public law foundations for organizing scientific activity. The purpose of the research is to construct a theoretical and applied model, within which a terminological analysis of the concept of “science” is carried out, an analytical comparison of the categories “state sovereignty” and “scientific sovereignty” is conducted, features of the formation and implementation of scientific sovereignty within the framework of statist and libertarian approaches are identified, and the public law foundations of the scientific sovereignty of the CIS member states are determined. The article

та государств – участников СНГ. При подготовке статьи использовались общенаучные, специальные и частные методы познания с акцентированием внимания на методе междисциплинарного синтеза, позволяющем гармонично соединить данные общегуманитарных наук с достижениями теоретической юриспруденции. Основные выводы свидетельствуют, что научный суверенитет следует рассматривать как комплекс параметрических характеристик, определяющих состояние национальной (государственной) науки, в рамках которого формируется самостоятельная (с точки зрения организационного, материально-технического, финансового, кадрового обеспечения) система осуществления научных исследований и подготовки научно-педагогических кадров.

Ключевые слова: государственно-правовая система, государственный суверенитет, научный суверенитет, этатизм, либертаризм, наукометрические показатели

Для цитирования: Ромашов Р.А. Публично-правовые основания обеспечения научного суверенитета в пространстве СНГ / Р.А. Ромашов, Г.Т. Ромашова, З.Ф. Сафин. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.21 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 207–214.

was prepared using general scientific, special, and specific methods of cognition, underpinned by the method of interdisciplinary synthesis facilitating the harmonious connection of data from general humanities with advancements in theoretical jurisprudence. The main findings indicate that scientific sovereignty should be considered as a complex of parametric characteristics that define the condition of national (state) science. This condition encompasses the formation of an autonomous system (in terms of organizational, material-technical, financial, and personnel support) for carrying out scientific research and educating scientific and pedagogical staff.

Keywords: state law system, state sovereignty, scientific sovereignty, statism, libertarianism, scientometric indicators

For citation: Romashov R.A., Romashova G.T., Safin Z.F. Public Law Foundations for Ensuring Scientific Sovereignty Within the CIS Space. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 207–214. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.21.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир находится на переходном этапе, предопределяющем необходимость переосмысления ряда традиционных представлений, в совокупности образующих парадигму мировосприятия. На смену биполярной модели мироустройства, определявшей вектор цивилизационного развития на протяжении большей части XX в., пришла многополярная система. В рамках ее формируются региональные межгосударственные союзы, одним из которых является СНГ.

Возникшее в качестве альтернативы Союзу ССР Содружество Независимых Государств первоначально воспринималось как геополитическая форма «цивилизованного развода» (В.В. Путин) и в подобном представлении мыслилось в качестве переходного состояния до формирования в бывших союзных республиках фактического государственного суверенитета, до «отработки» технологий межгосударственных коммуникаций в новых исторических условиях. Однако в дальнейшем

СНГ стало рассматриваться как долговременное региональное межгосударственное объединение, участники которого в настоящее время выступают равноправными партнерами в отношениях, связанных с экономическим, социальным, культурным развитием, обеспечением коллективной безопасности и т. п. Немаловажное значение в складывающихся отношениях имеют вопросы, касающиеся выработки общих принципов и стандартов научной деятельности, от эффективности которой во многом зависит решение задачи обеспечения конкурентоспособных позиций государств – членов СНГ в условиях формирующегося многополярного мироустройства.

НАУКА И ГОСУДАРСТВО: К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ, СООТНОШЕНИИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Термин «наука» относится к числу общепотребительных. Однако легальной дефиниции науки до настоящего времени не сформулировано. В Федеральном законе «О науке

и государственной научно-технической политике»¹ определены понятия «научная деятельность», «научный результат», «научный проект» и др., но о том, что такое наука, законодатель почему-то ничего не говорит, скорее всего, полагая данное явление общеизвестным и в силу этого не нуждающимся в нормативной интерпретации. Вместе с тем проблема понимания сущности, структуры и содержания науки не является однозначной, что обуславливает необходимость ее аналитического исследования.

В рамках данной статьи предлагается рассматривать науку в следующих смыслах:

1) наука – средство изучения объекта познания путем получения новой информации о нем, проверки достоверности и систематизации полученного знания с последующим его применением для достижения практических целей и решения конкретных задач (прикладная наука) либо для теоретического моделирования природных и культурных явлений (теоретическая наука);

2) наука – сфера профессиональной научной деятельности (научная специальность, научная работа), характеризующаяся атрибутивными (наличие ученой степени, ученого звания и должности, занимаемой в структуре бюрократического научного аппарата), компетентностными (наличие специальных знаний, умений, навыков, позволяющих решать определенные научные задачи), возмездными (денежные средства, награды и привилегии, получаемые субъектом за занятие научной деятельностью) признаками.

В первом случае занятие научной деятельностью означает осуществление научно-исследовательского поиска, предполагающего достижение научных результатов с их последующим внедрением как в прикладную, так и в теоретическую сферы познания. Во втором речь идет о науке как о виде профессиональной трудозанятости, в рамках которой научный сотрудник выступает в качестве работника, деятельность которого определяется условиями трудового договора (контракта) с работодателем и осуществляется в соответствии с требованиями трудовой

дисциплины (время труда и отдыха, размер зарплаты, материальная и дисциплинарная ответственность и т. д.). В таком понимании научный труд практически ничем не отличается от других видов работ, измеряемых критериями, исходящими от работодателя, и обеспечиваемых им же установленными гарантиями и санкциями.

Авторов в рамках обозначенной проблематики в первую очередь интересует наука в ее первом значении, а именно как сфера инновационной деятельности, направленной на получение и внедрение научных результатов, посредством которых усиливается эффективность практических механизмов, расширяется, углубляется, конкретизируется область теоретического моделирования.

В подобном понимании наука как социально-культурное явление, выраженное в определенных организационных формах (университеты, институты, академии и т. п.) и направлениях (прикладная, теоретическая, отраслевая и т. п.), возникает на определенном этапе государственно-правового развития и претерпевает трансформационные и содержательные изменения в процессе политико- и правогенеза [1; 2]. Неразрывная связь науки с государственно-правовой системой предполагает выработку определенных форматов их соотношения и взаимодействия, которые с определенной долей условности могут быть сведены к двум теоретическим моделям – этатистской и либертарной.

В рамках этатистской модели государство выступает как единоличный собственник науки, воспринимающий последнюю в качестве предмета владения, пользования, распоряжения [3]. В таком понимании государство определяет направления научной политики, средства и технологии ее реализации, устанавливает целеполагание научных исследований, осуществляет материально-техническое обеспечение научной деятельности, формирует стимулы, ограничения и запреты в данной области, обеспечивает межгосударственное взаимодействие в сфере научной деятельности.

Либертарный подход предполагает выстраивание научно-образовательной системы по принципу солидарности государства и гражданского общества. В рамках этого подхода государство, институты гражданского

¹ О науке и государственной научно-технической политике : Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35, ст. 4137.

общества, отдельные человеческие личности являются равными в своем субъектном статусе участниками правоотношений [4]. При этом право и закон – взаимосвязанные, но не тождественные категории. Исходящий от государства закон становится правовым, только когда обеспечивает корреспонденцию прав и обязанностей вовлеченных в правоотношения физических и юридических лиц, в число которых входит и государство, представленное органами государственной власти и государственными чиновниками.

Изучение исторического опыта становления и развития университетской системы в государствах Западной Европы и США свидетельствует, что изначально университеты как научно-образовательные центры возникали вследствие «симбиоза» городских магистратов, с одной стороны, профессорского и студенческого сообществ – с другой. Причем именно студенты определяли на первом этапе как содержание образовательного процесса, так и его структуру [5]. Соотношение государства и науки в контексте либертарного подхода целесообразно рассматривать на примере Британского королевства, где Лондонское королевское общество (британский аналог Российской академии наук), созданию которого в 1660 г. предшествовала Незримая коллегия, собиравшаяся с 1645 г. в Лондоне, а с 1648 г. – в Оксфорде, являло собой частный клуб интеллектуалов-единомышленников, придание которому официального академического статуса королевской хартией в 1662 г. не повлекло наделения членов какими бы то ни было материальными привилегиями [6]. Вплоть до настоящего времени Британская академия наук представляет собой своеобразное клубное объединение, членство в котором является почетным, однако не предполагает наделения «академиков» формальным государственным статусом.

В рамках российской государственно-правовой системы возникновение науки как выраженного в организационных формах и специализированных технологиях социально-культурного явления неразрывно связано с петровскими преобразованиями и в первую очередь с созданием Академии наук и художеств (1724), соединившей в себе как собственно научное, так и образовательное на-

правления познавательной деятельности [7]. При этом Петровская академия являла собой яркий пример проявления суверенитета российского императора в области организации науки и образования. Обеспечить научный суверенитет России в тот исторический момент не представлялось возможным по причине фактического отсутствия русских (как и русскоговорящих) профессоров и преподавателей [8]. В дальнейшем государственный подход к организации науки претерпел существенные изменения. Их результатом стало формирование собственно российской науки, которая начиная со второй половины XIX в. неизменно занимала одно из ведущих мест в системе мировых научных достижений [9].

Проведенный исторический анализ организационно-правовых форм российской науки на всех стадиях исторического развития государственно-правовой системы России (монархической/имперской, советской, постсоветской) позволяет сделать вывод о ее непосредственной зависимости от государства и говорить об этатистской модели соотношения и взаимодействия государства и науки, а это, в свою очередь, актуализирует проблему понимания и соотношения категорий «государственный суверенитет» и «научный суверенитет».

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ И СООТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И НАУЧНОГО СУВЕРЕНИТЕТОВ

Вплоть до настоящего времени понятие «суверенитет» рассматривается в неразрывной связи с государством. Вместе с тем все более активно в понятийный аппарат как общей теории права, так и отраслевых юридических наук внедряются категории, содержащие термин «суверенитет» в его различных смысловых коннотациях. Можно услышать о суверенной демократии [10], суверенном рунете [11], электоральном суверенитете [12] и даже о суверенитете личности [13].

Подобное многообразие объясняется, прежде всего, тем, что исследователи используют понятия «суверенитет» и «суверенный» безотносительно их этимологии. Постараемся этот недостаток исправить.

Термин «суверенитет» ввел в широкий научный оборот выдающийся французский мыслитель Ж. Боден. В своей книге «Les Six Livres de la République» («Шесть книг о республике») он оперировал общими понятиями *république* (общая собственность, благо) и *imperium* (высшая власть). В понимании Ж. Бодена республика – это любая форма правления (монархия, аристократия, демократия), в которой субъекты, наделенные высшими властными полномочиями – империи (монарх, бюрократическая элита, народное представительство), выступают в качестве индивидуальных (коллективных) суверенов, что, по сути, означает их идентификацию в качестве высшей государственной власти, получившей впоследствии наименование государственного суверенитета [14]. Таким образом, понятие «суверенитет» по своему смыслу аналогично термину *imperium* и означает исключительные властные правомочия, которыми обладает их носитель – индивидуальный либо коллективный суверен.

Определившись с этимологией термина «суверенитет» и государством (а точнее, органами государственной власти) как его носителем (сувереном), следует определиться с пониманием лингвистических конструкций «суверенитет науки» и «научный суверенитет» и ответить на вопрос: можно ли рассматривать их в качестве идентичных? Ответ: безусловно, нет.

Суверенитета науки ни как средства познания, ни как сферы специализированной научной деятельности по определению быть не может, поскольку носителем суверенитета может выступать только субъект, а сама по себе наука таковым, безусловно, не является.

Если же говорить о научном суверенитете, то следует ответить на несколько вопросов:

- какие субъекты являются носителями научного суверенитета?
- какими научными направлениями (школами, специальностями) научный суверенитет представлен?
- на какой измерительной системе (наукометрии) научный суверенитет основан?

Носителями научного суверенитета выступают национальные академии наук, национальные ВАКи и замкнутые на них «ваковские» диссертационные советы, а также автономные диссертационные советы при «избранных» вузах, определяемых не науч-

ным сообществом, а правительственными, то есть бюрократическими, структурами.

Направления реализации научного суверенитета задаются императивным методом все теми же бюрократическими структурами. Для современной России в настоящее время – это укрупненные научные специальности, определяющие «магистральные» направления проводимых научных исследований и предметную проблематику защищаемых диссертаций.

Наукометрическая система измерения научного суверенитета – комплекс оценочных показателей, с опорой на которые осуществляется квалификация как отдельных научных работников, так и научных организаций и учреждений. В настоящее время наиболее распространенным наукометрическим показателем научного суверенитета является индекс научного цитирования, отражающий уровень научного развития коллективных (академии, университеты, диссертационные советы) и индивидуальных субъектов – носителей исключительных прав (прерогатив) в области научно-исследовательской деятельности.

Исходя из выделенных составляющих может быть сформулирована следующая дефиниция: научный суверенитет – это совокупность параметров, характеризующих национальную (государственную) науку как структурированную функциональную систему, обеспечивающую самостоятельное (с точки зрения организационного, материально-технического, финансового, кадрового обеспечения) проведение научных исследований, систематизацию и практическое внедрение полученных результатов, подготовку национальных научно-педагогических кадров.

Основу научного суверенитета образуют прерогативы, выражающиеся в исключительных правах и свободах представителей научного сообщества (носителей научного суверенитета) в области осуществления научных исследований и интеллектуальной собственности на полученные результаты.

НАУЧНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ПРОСТРАНСТВЕ СНГ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ СТРУКТУРИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Прежде всего следует определиться с двумя ключевыми категориями, с опорой на которые будут формулироваться последующие положения и выводы. Речь идет о понимании

собственно пространства СНГ, а также о публично-правовых основаниях его формирования.

Рассмотрение СНГ как специфического пространственного объекта предполагает совмещение в едином сущностном контексте двух подходов – геополитического и юридического. В геополитическом понимании пространство СНГ складывается из территорий государств, получивших суверенитет после распада СССР и ратифицировавших Соглашение о создании СНГ (1991), Протокол к Соглашению о создании СНГ (1991), Устав СНГ (1993). В настоящее время членами СНГ являются 9 государств (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан). Статус ассоциированного члена имеет Туркменистан, пока не ратифицировавший Устав СНГ. В рамках юридического подхода пространство СНГ представляет собой сферу межгосударственной юрисдикции, определяющей компетентностные правомочия межгосударственных структур (Совет глав государств, Совет глав правительств, МПА, ОДКБ, Экономический суд СНГ и др.) и юридическую силу межгосударственных договорных (Соглашение о создании СНГ) и нормативных правовых актов (Устав СНГ).

Публично-правовые основания формирования СНГ включают организационные, нормативные и социокультурные составляющие. Если же говорить о публичных основаниях социокультурного типа, то это прежде всего русский язык, статус которого в качестве «рабочего языка Содружества», закреплен Уставом СНГ (ст. 35).

Рассмотрение науки как объекта публично-правового регулирования в пространстве СНГ представляет собой проблему, не имеющую в настоящее время однозначного решения. При этом проблемные аспекты связаны со всеми ранее выделенными критериями, характеризующими научный суверенитет, объединяющий субъектов-носителей, научные специальности и наукометрические системы. Следует констатировать, что в названных областях отсутствует единое понимание ключевых категорий и принципов научной деятельности, не выработаны общие цели и задачи, связанные с научным сотрудничеством, и, как следствие, наблюдаются различные, нередко противоречивые тенденции. В частности,

в ряде государств наблюдаются тенденции, связанные с переходом от системы организации научных исследований и подготовки научно-педагогических кадров, «унаследованной» от СССР, к западным моделям (Казахстан, Молдова), либо предполагающие создание собственных, «уникальных» по своей организации и функционированию научно-образовательных конструкций (Россия). Полагаем, что ни та ни другая тенденция не может считаться оптимальной, поскольку направлена не на создание единой (в своих целевых установках и решаемых задачах организации) научной системы, а на разрушение советской научной традиции, что само по себе не может восприниматься как конструктивное преобразование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пространство СНГ представляет собой совокупность суверенных государств, основным связующим фактором для которых является историческое советское прошлое, что само по себе не может рассматриваться как базис для перспективного будущего.

Публично-правовыми основаниями формирования и обеспечения единства пространства СНГ являются организационные, формально-юридические и социокультурные факторы. К организационным факторам относятся межгосударственные организации (Совет глав государств, МПА, ОДКБ и др.), определяющие политику взаимодействия государств – членов СНГ. Формально-юридические основания складываются из международных договоров (Соглашение о создании СНГ) и нормативных правовых актов (Устав СНГ), закрепляющих общие положения и принципы межгосударственного сотрудничества, в том числе в сфере проведения научных исследований и подготовки научно-педагогических кадров. В качестве основного социокультурного фактора обеспечения единства публичного пространства СНГ следует рассматривать русский язык как «рабочий язык Содружества» (ст. 35 Устава СНГ), являющийся действенным инструментом делового и культурного общения и одним из важнейших гарантов сохранения сложившейся в советский период межнациональной культурно-исторической коммуникации.

Научный суверенитет представляет собой элемент национального (государственного)

суверенитета и в таком понимании предполагает рассмотрение государства в лице представляющих его административных структур (министерства науки, академии наук, ВАК и др.), выступающих в качестве специальных коллективных субъектов, определяющих регулятивную и охранительную политику в сфере организации науки, подготовки квалифицированных научных кадров, а также проведения научных исследований и практического внедрения их результатов.

Обеспечение и эффективная защита национального научного суверенитета предполагает наличие традиционной (неизменной в трех и более поколениях) наукометрической системы, при этом принимаемые на высшем уровне решения, связанные с заимствованием и внедрением иностранных (прежде всего, западных) наукометрических индексов научного цитирования, представляют серьезную угрозу для научного суверенитета не только России, но и других государств – членов СНГ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Правогенез / Р.А. Ромашов и др. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 481 с.
2. Ромашов Р.А. Политогенез: Храм – Пóλις – Государство – State / Р.А. Ромашов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – 300 с.
3. Ломакина И.Б. Сущностные черты этатистской модели государства / И.Б. Ломакина, М.В. Михайлова // Финансовая экономика. – 2023. – № 12. – С. 38–39.
4. Варламова Н.В. Понимание свободы, равенства и справедливости в контексте либертарной концепции права / Н.В. Варламова // Российский ежегодник теории права. – 2008. – № 1. – С. 43–66.
5. Зейферт М.Г. Особенности архитектурного формирования первых университетов в Западной Европе и России / М.Г. Зейферт, А.М. Сагатдинова // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2010. – № 1 (13). – С. 16–22.
6. Гатина М.Р. Ранняя история Лондонского Королевского общества глазами современных историков науки / М.Р. Гатина, Д.В. Михель // Диалог со временем. – 2011. – № 34. – С. 191–205.
7. Илизаров С.С. «Hic tuta perennat.» Императорская академия наук в Санкт-Петербурге: XVIII столетие / С.С. Илизаров // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. – 2024. – Т. 2, № 2. – С. 9–68.
8. Тарабановская Е.А. Этатизм и система управления образованием в России в первой половине XIX века / Е.А. Тарабановская // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6-2. – С. 364–368.
9. Манукян Л.А. Научно-технический потенциал России в период перехода к новому технологическому укладу / Л.А. Манукян // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2017. – № 5 (69). – С. 30–32.
10. Убилава И.Д. «Суверенная демократия» – альтернатива либеральной демократии (полиархия или биархия?) / И.Д. Убилава, Н.В. Шуленина // Вопросы политологии. – 2018. – Т. 8, № 8 (36). – С. 291–300.
11. Жуков А.З. Внедрение закона о «суверенном рунете»: правовой и технический аспекты / А.З. Жуков, Т.Л. Шугунов // Социально-политические науки. – 2020. – Т. X, № 2. – С. 139–142.

REFERENCES

1. Romashov R.A. et al. Genesis of Law. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2021. 481 p.
2. Romashov R.A. Politogenesis: Temple – Polys – State. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2020. 300 p.
3. Lomakina I.B., Mikhailova M.V. Essential Features of the Statistical Model of the State. *Financial Economy*, 2023, no. 12, pp. 38–39. (In Russian).
4. Varlamova N.V. Understanding Freedom, Equality, and Justice in the Context of the Libertarian Concept of Law. *Russian Yearbook of Legal Theory*, 2008, no. 1, pp. 43–66. (In Russian).
5. Zeyfert M.G., Sagatdinova A.M. Tendencies of Architectural Formation of the First Universities in the Western Europe and Russia. *News of the Kazan State University of Architecture and Engineering*, 2010, no. 1 (13), pp. 16–22. (In Russian).
6. Gatina M.R., Mikhel D.V. Contemporary Historians of Science on the Early History of the London Royal Society. *Dialogue with Time*, 2011, no. 34, pp. 191–205. (In Russian).
7. Ilizarov S. “Hic tuta per en nat.” Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg: The 18th century. *Journal of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 9–68. (In Russian).
8. Tarabanovskaya E.A. Statism and System of Education Management in Russia in the 1st Half of the 19th Century. *Fundamental Research*, 2014, no. 6-2, pp. 364–368. (In Russian).
9. Manukyan L.A. Scientific and Technological Potential of Russia in the Period of Transition to a New Technological Order. *Vestnik Saratov State Socio-economic University*, 2017, no. 5 (69), pp. 30–32. (In Russian).
10. Ubilava I.D., Shulenina N.V. “Sovereign Democracy” – an Alternative to Liberal Democracy (Polyarchy or Biarchy?). *Issues of Political Science*, 2018, vol. 8, no. 8 (36), pp. 291–300. (In Russian).
11. Zhukov A.Z., Shugunov T.L. Implementation of the Law on “Sovereign Runet”: Legal and Technical Aspects. *Sociopolitical Sciences*, 2020, vol. X, no. 2, pp. 139–142. (In Russian).

12. Борисов И.Б. Обеспечение электорального суверенитета во внешних отношениях / И.Б. Борисов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2024. – № 2 (32). – С. 88–103.

13. Боева М.А. Суверенитет личности: понятие, признаки, гарантии / М.А. Боева, Л.А. Геляхова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2017. – № 4 (73). – С. 19–22.

14. Силина Е.В. Теория суверенитета Жана Бодена как политико-философское обоснование концепции национальных государств / Е.В. Силина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 3 (46). – С. 100–106.

12. Borisov I.B. Ensuring Electoral Sovereignty in the Context of Hybrid Wars. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (32), pp. 88–103. (In Russian).

13. Boeva M.A., Gelyakhova L.A. Sovereignty of the Personality: Concept, Signs, Guarantees. *Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov*, 2017, no. 4 (73), pp. 19–22. (In Russian).

14. Silina E. V. Jean Bodin's Theory of Sovereignty as a Political and Philosophical Justification of the Concept of Nation-States. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 3 (46), pp. 100–106. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ромашов Роман Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории государства и права;

Ромашова Галия Талгатовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения;

Сафин Завдат Файзрахманович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического, трудового права и гражданского процесса Юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Romashov Roman Anatolyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of State and Law;

Romashova Galiya Talgatovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Jurisprudence;

Safin Zavdat Fayzrakhmanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Environmental, Labor Law, and Civil Procedure of the Faculty of Law.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 29.12.2025; принята к публикации 29.12.2025. The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 29.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья

УДК 347.1

DOI 10.33184/pravgos-2026.1.22

Original article

АРХИЕРЕЕВ Николай Викторович

Арбитражный суд Республики Башкортостан;
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
nick.mr@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5471-8195>

ARKHIEREEV Nikolay Viktorovich

Arbitration Court of the Republic
of Bashkortostan; Ufa University
of Science and Technology,
Ufa, Russia

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДАННЫХ, СГЕНЕРИРОВАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

LEGAL REGIME OF AI-GENERATED DATA

Аннотация. Распространение систем искусственного интеллекта приводит к формированию значительных массивов данных, создаваемых алгоритмическими системами автономно или с минимальным участием человека. Такие данные активно используются в экономическом обороте, однако действующее правовое регулирование не содержит ясного ответа на вопрос об их правовой природе, принадлежности и режиме использования. Отсутствие специального правового режима приводит к неопределенности в распределении прав между участниками цифровых отношений и создает риск правового вакуума, особенно в условиях трансграничного оборота данных. Цель – выявить правовую природу данных, генерируемых системами искусственного интеллекта, и обосновать возможность выделения самостоятельной правовой категории «производные данные». Для достижения указанной цели использован комплекс научных методов: формально-юридический применен при анализе норм российской и зарубежного законодательства, регулирующих оборот данных, интеллектуальную собственность, коммерческую тайну и персональные данные; сравнительно-правовой – для сопоставления подходов различных правовых систем к регулированию результатов алгоритмической генерации данных; доктринального анализа – для систематизации существующих научных подходов к определению правового статуса данных; системно-правовой использован при формировании модели правового режима производных данных и определении их места в системе объектов гражданских прав. Результаты: обоснована необходимость выделе-

Abstract. The spread of AI systems generates substantial datasets, created autonomously by algorithms or with minimal human input. These datasets are actively used in economic transactions; however, current legal regulations do not provide a clear answer regarding their legal nature, ownership, and usage regime. The absence of a specific legal regime leads to uncertainty in the distribution of rights among participants in digital relations and creates a risk of a legal vacuum, especially in the context of cross-border data flows. The purpose is to identify the legal nature of data generated by AI systems and to justify the possibility of establishing an independent legal category of “derivative data”. To achieve the stated purpose, a set of scientific methods is employed: The formal-legal method is applied to analyze the norms of Russian and foreign legislation regulating data turnover, intellectual property, trade secrets, and personal data. The comparative-legal method is used to compare the approaches of different legal systems to regulating the results of algorithmic data generation. Doctrinal analysis is employed to systematize existing scientific approaches to defining the legal status of data. The system-legal method is utilized in forming a model for the legal regime of derivative data and determining their place within the system of civil law objects. Results: The article substantiates the necessity of distinguishing the category of “derivative data” as an independent object of legal regulation, arising from the functioning of AI systems. A conceptual model for the legal regime of such data is proposed, which includes the possibility of

ния категории «производные данные» как самостоятельного объекта правового регулирования, возникающего в результате функционирования систем искусственного интеллекта; предложена концептуальная модель правового режима таких данных, предусматривающая возможность их имущественного оборота, лицензионного использования и трансграничной передачи; показано, что правовой режим производных данных должен учитывать баланс интересов разработчиков и пользователей систем искусственного интеллекта, а также соотноситься с существующими правовыми режимами персональных данных, коммерческой тайны и интеллектуальной собственности; сделан вывод о необходимости комплексного регулирования, способного обеспечить правовую определенность и устойчивость оборота данных, генерируемых системами искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинно-сгенерированные данные, производные данные, правовой режим данных, имущественные права, трансграничный оборот данных, интеллектуальная собственность, коммерческая тайна, персональные данные

Для цитирования: Архиреев Н.В. Правовой режим данных, сгенерированных искусственным интеллектом / Н.В. Архиреев. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.22 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 215–225.

their commercial turnover, licensed use, and cross-border transfer. The article demonstrates that the legal regime of derivative data must consider the balance of interests between developers and users of AI systems, and also correlate with existing legal regimes for personal data, trade secrets, and intellectual property. The article concludes that there is a need for comprehensive regulation capable of ensuring legal certainty and stability in the turnover of data generated by AI systems.

Keywords: artificial intelligence (AI), machine-generated data, derived data, legal data regime, property rights, cross-border data turnover, intellectual property, trade secrets, personal data

For citation: Arkhiereev N.V. Legal Regime of AI-Generated Data. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 215–225. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.22.

ВВЕДЕНИЕ

Как справедливо отмечает Н.Ю. Филатова-Билоус, «в современном мире данные (включая персональные данные, неличностные данные, массивы данных и т. д.) имеют значительную экономическую ценность и часто становятся объектами или платежом в различных контрактах» [1, с. 63]. Поэтому важно определить правовую природу данных и прав на них как на теоретическом, так и на законодательном уровне.

Развитие технологий искусственного интеллекта радикально трансформирует современный информационный оборот, формируя качественно новый тип объектов – машинно-сгенерированные данные (далее также МСД или данные, сгенерированные искусственным интеллектом). Они создаются алгоритмами автоматически или при минимальном участии человека и уже сегодня играют ключевую роль в цифровой экономике, включая

промышленность, финансы, медицину и государственное управление. Причем ценность машинно-сгенерированных данных, потенциал их использования постоянно растут [2].

Объем данных, которые формируются искусственным интеллектом и автоматизированными системами, увеличивается, что предопределяет необходимость выработки адекватных правовых механизмов их регулирования.

В российском законодательстве отсутствует четко закрепленный правовой статус машинно-сгенерированных данных. Это создает правовой вакуум и препятствует их полноценному обороту. Аналогичные проблемы есть и в международной практике: отсутствуют унифицированные подходы к определению прав на данные, созданные искусственным интеллектом, а существующие режимы – персональных данных, коммерческой тайны или объектов интеллектуальной собственности – лишь частично охватывают возникающие отношения.

В такой ситуации компании зачастую прописывают условия доступа и использования данных, сгенерированных искусственным интеллектом, в лицензиях и соглашениях. Такие соглашения обычно предусматривают, что поступающие и выходящие данные принадлежат одной из сторон (например, провайдер оставляет за собой право на эксплуатацию результатов, а пользователь обязан сохранять конфиденциальность). На практике эти нормы работают «в обход» недостатков законодательства: дается договорное указание, кто и как может использовать данные, таким образом, спорные вопросы решаются через общие формулы о передаче информации и конфиденциальности.

Актуальность данного исследования обусловлена не только экономической значимостью машинно-сгенерированных данных, но и их стратегической ролью в национальной цифровой инфраструктуре, а также возрастающими рисками утечки информации, недобросовестного использования и трансграничных конфликтов.

Следует отметить, что в настоящее время существует значительное количество научных исследований, предметом которых являются информация и базы данных, выступающие материалом для обучения искусственного интеллекта, то есть входная информация. В них поднимаются вопросы понятия массивов данных, рассматриваются их место в системе объектов гражданских прав, сложности оборота, а также способы защиты. В большинстве публикаций, касающихся данных, созданных искусственным интеллектом, речь идет о «творческих» результатах и «изобретениях» искусственного интеллекта, которые рассматриваются авторами через призму авторского и патентного права. В данной статье мы предприняли попытку расширить горизонт исследования машинно-сгенерированных данных.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И КЛАССИФИКАЦИЯ ДАННЫХ, СГЕНЕРИРОВАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Машинно-сгенерированные данные – это информация, создаваемая автоматическими алгоритмами (нейросетями, генетическими

алгоритмами, экспертными системами и т. п.) без участия человека или с минимальным его участием (например, посредством задания исходных параметров). Такие данные сами по себе могут быть ценными (экспериментальные симуляции, финансовые прогнозы, модели поведения и др.) и представлять самостоятельный объект гражданского оборота. Однако в российском и международном законодательстве нет специальных норм, определяющих юридический статус полностью автоматических результатов.

С точки зрения авторского права, поскольку в машинно-сгенерированных данных нет творческого вклада человека, они не подпадают под охрану авторским правом. Так, согласно ст. 1228 ГК РФ автором произведения является физическое лицо, творческим трудом которого это произведение создано, а согласно п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются.

Аналогичный подход применяется и в других странах, о чем свидетельствуют некоторые судебные прецеденты. Например, по делу *Thaler v. Perlmutter* американский федеральный суд постановил, что авторство может быть признано только за человеком, автономно созданное искусственным интеллектом изображение авторским правом не защищается. Обращает на себя внимание, то обстоятельство, что согласно материалам данного судебного дела доктор Стивен Талер создал генеративный искусственный интеллект, который, в свою очередь, создал картину. То есть человек создал инструмент для создания творческих произведений, но этот довод был отклонен как Бюро США по авторским правам, так и судами.

Европейский суд в деле *Infopaq v. DDF* (*Danske Dagblades Forening*) отметил, что в соответствии со ст. 1(3) Директивы 91/250, ст. 3(1) Директивы 96/9 и ст. 6 Директивы 2006/116 такие произведения, как компьютерные программы, базы данных или фотографии, защищены авторским правом, если являются оригинальными в том смысле, что представляют собой интеллектуальное творение их автора.

В 2019 г. Международная ассоциация по охране интеллектуальной собственности (International Association for the protection of IP, AIPPI) приняла резолюцию «Авторское право на искусственно созданные произведения», в которой отмечено, что произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта, должны подпадать под защиту авторского права только в случае участия человека в их создании и при соблюдении других условий защиты.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация может являться объектом гражданских правоотношений, свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому лицу, если федеральными законами не установлены ограничения доступа к информации либо иные требования к порядку ее предоставления или распространения. Исходя из толкования данной нормы, информация, в том числе машинные данные, если на них не распространяется режим коммерческой или государственной тайны, не имеет ни автора, ни собственника и может использоваться свободно кем угодно.

Таким образом, машинно-сгенерированные данные обладают самостоятельной экономической и научной ценностью (например, прогнозы спроса или научные модели), но не подпадают под традиционные нормы о собственности или авторских правах.

Как отмечает Ю.С. Харитоновна, возможно, что на результаты, созданные автономным искусственным интеллектом, как на обладающие ценностью и участвующие в обороте могут быть установлены иные субъективные права [3, с. 64]. При этом потребности введения субъективного права на результат деятельности искусственного интеллекта не предполагают наличие связи с авторским правом [4].

Е.Н. Абрамова и Е.В. Хамидуллина видят иной способ решения рассматриваемой проблемы. Они предлагают распространить на результаты деятельности нейросети наиболее подходящий из существующих правовых режимов (например, режим смежных прав, служебных произведений или иной). По их мнению, допущение такого исключения, в соответствии с которым исключительное право на результат интеллектуальной деятельно-

сти, созданный с использованием искусственного интеллекта, первоначально возникает у пользователя устройства на базе нейронной сети, который его использовал специально для создания такого объекта интеллектуальной деятельности, является целесообразным, поскольку позволит установить не только субъекта-правообладателя, но и субъекта, который должен нести ответственность перед третьими лицами при нарушении их прав, в том числе авторских прав [5].

Данное решение на первый взгляд выглядит привлекательным, но не снимает вопроса о статусе разработчика программы, собственнике устройства, на котором получены МСД, собственнике исходных данных, а также вопросов защиты их прав и привлечения к ответственности.

Е.П. Сесицкий считает, что результаты, созданные системами искусственного интеллекта, необходимо включить в перечень объектов гражданских прав как «приравненные к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности» с признанием в отношении них исключительных прав без предоставления кому-либо права авторства и других личных неимущественных прав на них. Первоначальным обладателем исключительных прав на результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта, следует определить собственника системы искусственного интеллекта либо ее арендатора (в случае предоставления системы во временное пользование) на момент создания результата, рассматривая в этих целях систему искусственного интеллекта в качестве сложной вещи в смысле ст. 134 ГК РФ [6, с. 17].

В.О. Калятин проанализировал несколько моделей закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом (разработчик искусственного интеллекта, организатор генерации, пользователь искусственного интеллекта, сам искусственный интеллект, соавторство человека и искусственного интеллекта, фиктивное авторство), и пришел к выводу, что наиболее перспективным является вариант с закреплением права на результат, созданный искусственным интеллектом, за организатором соответствующего процесса. Эти права должны быть более ограниченными, чем традиционные исключительные права автора, при обеспечении интеле-

ресов авторов-людей [7]. Однако возникает вопрос об объеме прав организатора генерации.

Анализируя проблемы правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных при помощи искусственного интеллекта, В.В. Махров полагает правильным закрепление исключительных прав за создателем искусственного интеллекта [8]. С этим мнением мы вынуждены не согласиться, поскольку разработчик искусственного интеллекта создает лишь инструмент, а результаты его работы зачастую достигаются за счет иных лиц, пусть и с минимальным участием (постановка задачи, в ряде случаев – ввод исходных данных, настройка программы, выбор результата из множества сгенерированных).

Вызывает интерес исследование Е.Е. Кирсановой. Изучив основные теории определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом, она полагает логичным подход, согласно которому автор доказывает, что произведение создано в результате его труда, при этом понятие творческой деятельности следует трактовать шире, нежели фактическое выполнение действий по созданию произведения силами самого автора. Этот подход в современных реалиях действительно удобен, но возникают вопросы критериев и определения объема вклада человека в результат, полученный искусственным интеллектом. При этом заслуживает поддержки мнение данного автора, что отказ от предоставления правовой защиты результатам генерации искусственного интеллекта противоречит принципам права [9].

По мнению Б.А. Шахназарова, изобретениям, созданным искусственным интеллектом, необходимо обеспечивать патентную охрану, если они удовлетворяют критериям охраноспособности, установленным в той или иной стране, что, в свою очередь, позволит повысить интенсивность инновационной деятельности в обществе. Однако в этом случае, как считает автор, проблема сводится преимущественно к личным неимущественным правам, определению изобретателя, автора результата интеллектуальной деятельности [10].

В.С. Витко достаточно категоричен, поскольку утверждает, что результаты деятельности машинного интеллекта не могут быть квалифицированы в качестве объектов автор-

ского права и не подлежат охране правом интеллектуальной собственности [11]. Как видим, это мнение разделяют не все.

Герберд Цех пишет, что всякий раз, когда информация служит определенной цели и может быть передана, ее также можно рассматривать как товар [12, с. 194]. Это значит, у нее может или должен быть собственник или законный владелец. Следовательно, определение лица, имеющего право распоряжаться МСД и нести ответственность, имеет принципиальное значение для права.

Отдельно следует обратить внимание на достоверность МСД. Как правильно указывают А.В. Минбалеев и О.Б. Петровская, «одним из ключевых критериев развития информационного общества в ходе его цифровой трансформации должно стать обеспечение достоверности при цифровом обороте данных» [13, с. 26]. В условиях отсутствия ответственного лица ни о какой достоверности МСД говорить не приходится, следовательно, их использование без верификации будет иметь существенные риски наступления самых негативных последствий, что нивелирует их ценность.

Как отмечает А. Джаннопулу, машинно-сгенерированные данные обладают двумя уникальными особенностями, которые следует учитывать перед внедрением любой нормативной базы: во-первых, они состоят из данных, которые не производятся непосредственно людьми и как таковые автоматически не подпадают под логику и условия, применимые к результатам, созданным людьми; во-вторых, этот тип данных преимущественно находится в руках частных компаний, которые предоставляют их на договорной основе, имея возможность ограничивать доступ к ним в рыночных целях [14].

Таким образом, можно говорить еще об одной правовой проблеме МСД – доступа к ним, в том числе в общественном интересе. Если МСД не имеют ни автора, ни собственника, то и доступ к ним должен быть неограниченным, что звучит достаточно спорно, поскольку для создания МСД в любом случае тратятся различного рода ресурсы. Ну а если МСД – это товар, то он и затраты на его создание и дальнейшие операции подлежат учету, налогообложению и т. д., что порождает целый пласт смежных вопросов [15].

В то же время, как верно утверждают А.А. Коваль, О.С. Магомедова и А.Д. Левашенко, повышение открытости данных сопряжено с рисками нарушения прав, связанных с соответствующей информацией. Это значит, что расширение доступа к данным со специальными режимами защиты ограничено правовыми гарантиями сохранения соответствующего режима [16, с. 78–79]. Поэтому с учетом наличия разных подходов для их оборота и защиты необходимо выработать отдельную правовую категорию.

На наш взгляд, это может быть категория «производные данные» – данные, созданные техническими средствами без творческого участия человека, но обладающие экономической ценностью и способные участвовать в гражданском обороте. Однако в отсутствие четкого правового статуса оборот этих данных остается неурегулированным, а несанкционированное копирование и коммерческое применение результатов генерации не образует деликт, что создает как экономические, так и правовые риски для их владельцев.

Для выработки адекватного правового режима необходимо различать типы данных, сгенерированных искусственным интеллектом, по характерным признакам:

1) по степени участия человека:

- полностью автономные данные – формируются искусственным интеллектом без предопределяющего вмешательства человека (например, симуляционные результаты, созданные по заранее заданной модели, или генерируемые финансовые прогнозы);

- полуавтономные данные – итог зависит от настройки искусственного интеллекта человеком (выбор данных для обучения, начальные параметры модели), но сами выводы формируются автоматически (например, результаты рекомендательных систем при учете заданных бизнес-правил);

2) по правовому режиму доступа:

- персональные данные – если в сгенерированных данных содержатся сведения, позволяющие идентифицировать физическое лицо, они подпадают под действие Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Этот закон определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно

определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). В таком случае дополнительно применяются ограничения по обработке, хранению и трансграничной передаче;

- обезличенные данные – когда информации в данных недостаточно для прямой идентификации, но существует риск реидентификации (например, при обобщении разрозненных сведений). Такие данные требуют особого отношения, возможно применение принципов дифференциальной конфиденциальности и иных методов анонимизации, чтобы исключить нарушение частной жизни;

- агрегированные и статистические данные – собранные и обобщенные массивы информации (например, усредненные показатели или выводы аналитики), где исходные единичные данные не раскрываются. Эти данные представляют ценность для научных и коммерческих исследований и обычно обращаются по свободным или специализированным лицензиям (Open Data);

- условно открытые данные – сгенерированные наборы данных, которые могут быть использованы третьими лицами на определенных условиях (например, в научных целях или в рамках, подпадающих под лицензионное соглашение проектов). При этом их распространение контролируется через лицензии (по аналогии с open-source моделями) или через иные договорные конструкции;

3) по коммерческой ценности и режиму защиты:

- данные как коммерческая тайна – если машинный результат обладает реальной коммерческой ценностью и не является общедоступным, он может быть признан служебной или коммерческой тайной (ноу-хау) в порядке ст. 1465 ГК РФ и Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». К таким сведениям применяются строгие меры охраны: доступ к ним может быть ограничен, а нарушители несут гражданско-правовую ответственность;

- открытые данные (Open Data) – информация, предоставляемая без ограничений (например, сублицензиями данных от властей или открытых проектов). Для них существуют минимальные правовые барьеры, но они не столь ценны именно из-за свободного доступа;

– данные как интеллектуальная собственность – к особым случаям можно отнести результаты работы искусственного интеллекта, в которых хотя бы теоретически присутствует авторский элемент (например, сгенерированная модель или база данных с уникальной структурой). Для простых алгоритмических данных самостоятельной интеллектуальной охраны нет, любые права на них следует обосновывать через смежные институты (лицензии, соглашения о предоставлении сервисов и т. п.).

Эта классификация носит предварительный характер и призвана упорядочить разрозненный информационный массив. Каждый тип данных предполагает свои нюансы оборота и защиты, которые следует учитывать при разработке законодательства.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ

Европейский союз. В Евросоюзе действует строгая защита персональных данных (Общий регламент Европейского союза по защите данных – GDPR). При наличии в МСД сведений о лице их обработка должна соответствовать требованиям регламента. Однако GDPR сам по себе не создает права собственности на данные и не ограничивает свободу использования обезличенных сведений. За последние годы в Евросоюзе принято несколько документов, затрагивающих неличные данные и их доступ. Так, Закон 2023/2854, вступивший в силу в 2024 г., устанавливает правила доступа и использования неперсональных данных, генерируемых «подключенными продуктами» и службами. Закон гарантирует пользователям «подключенного продукта» своевременный доступ к данным, которые генерируются при его использовании, и право делиться этими данными с третьими лицами. При этом в документе подчеркивается, что он не отменяет GDPR и не создает самостоятельного права на личные данные.

Здесь же стоит упомянуть Закон Евросоюза об искусственном интеллекте, который охватывает высокорисковые системы искусственного интеллекта и устанавливает требования к прозрачности алгоритмов. Хотя он прямо не вводит новый режим для МСД, требует от разработчиков обеспечить надлежащую документацию данных для обучения моделей и возможность объяснения решений системы.

Также следует привести Директиву Евросоюза 96/9/ЕС от 11 марта 1996 г. о правовой защите баз данных, но она не регулирует оборот данных, сгенерированных искусственным интеллектом.

Анализ указанных документов демонстрирует направленность Евросоюза на регулирование именно обмена данными, установление ответственности за использование данных и прозрачность алгоритмов, а не на установление правового статуса информации.

США. В США отсутствует единый федеральный закон об искусственном интеллекте или закон о данных. Персональные данные защищаются в основном секторально (Закон о мобильности и подотчетности медицинского страхования, Закон о защите конфиденциальности детей в интернете и т. д.), отсутствует полноценный аналог GDPR. Что касается МСД и интеллектуальной собственности, то США традиционно требуют человеческого участия для признания авторства на произведение.

Китай. Китайский подход к данным концентрируется на безопасности и государственном контроле. В 2021 г. вступил в силу Закон КНР «О безопасности данных» (DSL), который классифицирует данные по степени важности и направлен на обеспечение их защиты.

В законе понятие «данные» трактуется очень широко («любая информация, записанная в электронном или ином виде», ст. 3), акцент делается на предотвращении угроз национальной безопасности, соблюдении «закона о свободном потоке данных» и содействии цифровой экономике. Согласно ст. 7 DSL государство обязуется «гарантировать правомерное и упорядоченное свободное движение данных» и поощрять их «законное, разумное и эффективное использование». Закон регулирует прежде всего хранение данных внутри страны и их экспорт, устанавливает правила для «важных данных». Что касается искусственного интеллекта, то Китай пока не выделил отдельного режима для МСД, но разработал общие политические документы (например, План развития искусственного интеллекта на новый период 2017 г., План действий по глобальному управлению искусственным интеллектом 2025 г.), а регуляторы призывают компании быть ответственными с данными и соблюдать нормы Закона о защите персо-

нальной информации, вступившего в силу в 2021 г., являющегося аналогом GDPR. В целом китайское право рассматривает данные как стратегический ресурс, защищает их с точки зрения национальной безопасности и допускает более жесткие ограничения на трансграничный обмен данными.

Япония. Япония приняла ряд норм, направленных на стимулирование развития искусственного интеллекта при сохранении контроля. В области данных действует Закон о защите личной информации (APPI), значительно приближенный к GDPR. Он ввел обязательное уведомление о передаче персональных данных за границу, усиленную ответственность за утечку и т. д. Специального законодательства, регулирующего права на данные, в Японии нет. Однако в мае 2025 г. парламент Японии принял Закон о содействии исследованиям и развитию и использованию технологий, связанных с искусственным интеллектом. Этот закон не устанавливает жестких ограничений, а скорее отражает политику страны. Он подчеркивает, что искусственный интеллект является стратегически важной технологией, призывает к прозрачности использования алгоритмов и возлагает на правительство функции координации и рекомендаций (в частности, выявление злоупотреблений и информирование общества). Закон отмечает потенциальные риски искусственного интеллекта, такие как утечка личной информации, нарушения авторских прав и иные ситуации, наносящие ущерб правам и интересам людей. Однако мер ответственности закон не предусматривает. Таким образом, Япония фокусируется на «мягком» регулировании (разумные рекомендации, развитие стандартов) и интеграции искусственного интеллекта в экономику, оставляя ключевые вопросы в рамках действующего законодательства.

Все сказанное свидетельствует о том, что отсутствие единых международных стандартов определяет необходимость разработки унифицированных правил трансграничного обмена машинно-сгенерированными данными.

Отечественный подход. В российском законодательстве нет понятия и статуса машинно-сгенерированных или производных данных как отдельного объекта. Не определено, кому принадлежат имущественные права на такие данные – разработчику алгоритма, владельцу сервера, пользователю системы или

заказчику. Нет правил распределения прав доступа при коммерциализации таких данных. Не урегулированы специальные положения о трансграничной передаче автоматически созданной информации, в отличие от персональных данных. Эта неопределенность создает правовой вакуум, а потому разработка концепции «производных данных» как особой категории представляется актуальной. Она позволит централизованно определить правила их владения и оборота, соотнести их с уже существующими институтами (например, определить, когда производные данные признаются коммерческой тайной или когда к ним применяются нормы закона о персональных данных).

РИСКИ ПРАВОВОГО ВАКУУМА И КОНЦЕПЦИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ДАННЫХ

Отсутствие ясного регулирования машинно-сгенерированных данных влечет несколько серьезных рисков:

- снижение инвестиционной привлекательности. Неопределенность в правах на данные усложняет бизнес-модели стартапов и компаний: инвесторы могут опасаться правовой неопределенности с интеллектуальной собственностью, что снизит приток инвестиций в сектор искусственного интеллекта;

- недобросовестный оборот данных. В отсутствие однозначных правовых рамок легко происходят копирование, повторная публикация и перепродажа МСД без согласия инициатора (например, разработчика алгоритма или заказчика проекта), что способствует противоправной конкуренции и утрате конкурентных преимуществ;

- утечки конфиденциальной информации. Если машинные данные содержат коммерческую или персональную информацию, то неурегулированность может привести к нарушению коммерческой тайны или приватности. В частности, повторная идентификация обезличенных данных и их использование для слежки угрожают правам субъектов. Исследователями было выявлено, что сопоставление искусственным интеллектом большого массива данных приводит к деанонимизации личности человека или организации [17];

- вопросы ответственности за МСД. Автоматически генерируемый контент может нести в себе элементы чужих авторских или патентных прав. Кроме того, МСД могут содер-

жать ошибки, фейки либо быть предвзятыми. Без четкого закрепления не ясно, кто будет нести ответственность за нарушения, допущенные искусственным интеллектом, или за недостоверность производных данных;

– конфликты при трансграничном обмене. Без согласованного международного режима одни страны могут настаивать на локализации и особых разрешениях, а другие – на свободе обращения. Это создает барьеры для международного сотрудничества и обмена данными, затрудняя создание глобальных сервисов на основе искусственного интеллекта;

– ограничение инноваций. Регуляторная неопределенность заставляет компании опасаться экспериментов и внедрения новых моделей искусственного интеллекта, поскольку непонятно, как потом будут защищаться результаты разработки, что замедляет технологический прогресс.

В качестве нивелирования этих рисков предлагается введение правовой категории «производные данные», для которых необходимо установить комплексный режим, сочетающий элементы имущественного, лицензионного и трансграничного регулирования. Основные элементы предлагаемого режима:

– имущественные права. Право собственности или исключительные права на производные данные должны принадлежать лицу, эксплуатирующему систему искусственного интеллекта или владеющему ею (например, заказчику разработки или владельцу платформы). Это закрепит норму, что результат работы машины – экономический актив ее владельца, аналогично наукоемким результатам подряда;

– защита как коммерческая тайна. Пока исключительных прав нет, производные данные могут охраняться по аналогии с ноу-хау – как неформализованные секреты с потенциальной ценностью. В частности, если компания принимает разумные меры конфиденциальности, то данные автоматически становятся коммерческой тайной. Таким образом, несанкционированное раскрытие или копирование данных будет преследоваться по закону;

– лицензионные модели. Необходимо предусмотреть рамки лицензирования доступа к производным данным. Это могут быть как закрытые лицензионные соглашения, так и открытые (Open Data) для научных целей. Законодательство может предусмотреть об-

легченные процедуры регистрации или обращения лицензий на данные, подобно тому как сейчас работают лицензии на программное обеспечение или открытые базы данных;

– специальные правила трансграничного оборота. В свете международной практики предлагается установить правила безопасного экспорта и импорта МСД. Например, можно адаптировать институт оценки безопасности передачи (аналогично Китаю) и установить механизмы взаимного признания стандартов. Это обеспечит контроль за «чувствительными» данными и снизит конфликтность при их международном обмене.

Следует отметить, что в целом перечисленные риски носят интернациональный характер, и без международного сотрудничества, с учетом экстерриториальных проявлений искусственного интеллекта, все негативные последствия нивелировать не получится [18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Машинно-сгенерированные данные представляют собой новый виток в информационной экономике, требующий адаптации правовых институтов. Без признания производных данных самостоятельным объектом гражданских прав остается множество правовых неопределенностей. Для поддержки инноваций в области искусственного интеллекта необходимо:

– закрепить на законодательном уровне понятие и правовой режим производных данных;

– определить, кому принадлежат имущественные права (инициатору, владельцу искусственного интеллекта и т. п.), и предусмотреть законные способы их передачи;

– ввести комплексную защиту: сочетание мер коммерческой тайны, интеллектуальных прав и специальных лицензий;

– разработать правила трансграничного оборота, согласованные с международными стандартами (упрощение доступа для исследовательской деятельности и защита национальных интересов);

Такое комплексное регулирование обеспечит баланс интересов бизнеса, общества и государства, что будет стимулировать развитие технологий искусственного интеллекта, определяя и сохраняя при этом права на результаты его деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Filatova-Bilous N. Data as a Tradeable Commodity: Propertization vs. the Concept of Exclusive Rights / N. Filatova-Bilous // *Teisé*. – 2022. – Vol. 124. – P. 55–66. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/363982667_Data_as_a_Tradeable_Commodity_Propertization_vs_the_Concept_of_Exclusive_Rights (дата обращения: 03.08.2025).
2. Peter K.Yu. Fitting Machine-Generated Data into Trade Regulatory Holes / K.Yu. Peter // *The Trade in Knowledge: Economic, Legal and Policy Aspects*. – Cambridge University Press, 2020. – P. 19–28.
3. Харитонов Ю.С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта / Ю.С. Харитонов // *Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет: ежегодник*. Вып. 1 / отв. ред. Е.Г. Афанасьева. – Москва, 2018. – С. 52–64.
4. Харитонов Ю.С. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта / Ю.С. Харитонов // *Современные информационные технологии и право: монография* / отв. ред. Е.Б. Лаутс. – Москва: Статут, 2019. – С. 68–83.
5. Абрамова Е.Н. Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта / Е.Н. Абрамова, Е.В. Хамидулина // *Хозяйство и право*. – 2024. – № 10. – С. 71–83.
6. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.П. Сесицкий. – Москва, 2019. – 218 с.
7. Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта / В.О. Калятин // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 24–50.
8. Махров В.В. Проблемы правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных при помощи искусственного интеллекта / В.В. Махров // *Современный юрист*. – 2025. – № 2. – С. 27–39.
9. Кирсанова Е.Е. Обзор основных теорий определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом / Е.Е. Кирсанова // *Закон*. – 2023. – № 9. – С. 36–46.
10. Шахназаров Б.А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта / Б.А. Шахназаров // *Актуальные проблемы российского права*. – 2022. – № 9. – С. 63–72.
11. Витко В.С. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта / В.С. Витко // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. – 2019. – № 3. – С. 5–22.
12. Zech H. Information as Property? / H. Zech // *JIPITEC*. – 2015. – Vol. 6, № 3. – P. 192–205.
13. Минбалева А.В., Петровская О.В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации / А.В. Минбалева, О.В. Петровская // *Российский юридический журнал*. – 2022. – № 4. – С. 20–28.
14. Giannopoulou A. Access and Reuse of Machine-Generated Data for Scientific Research / A. Giannopoulou // *Erasmus Law Review*. – 2019. – № 12 (2). – P. 155–165 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ivir.nl/publicaties/download/Erasmus_Law_Review_2019.pdf (дата обращения: 17.08.2025).

REFERENCES

1. Filatova-Bilous N. Data as a Tradeable Commodity: Propertization vs. the Concept of Exclusive Rights. *Teisé*, 2022, vol. 124, pp. 55–66. Available at: https://www.researchgate.net/publication/363982667_Data_as_a_Tradeable_Commodity_Propertization_vs_the_Concept_of_Exclusive_Rights.
2. Peter K.Yu. Fitting Machine-Generated Data into Trade Regulatory Holes. *The Trade in Knowledge: Economic, Legal and Policy Aspects*. Cambridge University Press Publ., 2020, pp. 19–28.
3. Kharitonova Yu.S. On the Issue of the Protection of the Result of Artificial Intelligence. In Afanasyev E.G. (ed.). *Law of the Future: Intellectual Property, Innovations, Internet*. Moscow, 2018. Iss. 1, pp. 52–64. (In Russian).
4. Kharitonova Yu.S. Legal Regime of Artificial Intelligence Result. In Lauts E.B. (ed.). *Modern Information Technologies and Law*. Moscow, Statut Publ., 2019, pp. 68–83. (In Russian).
5. Abramova E.N., Khamidullina E.V. Rights to Intellectual Deliverables Created with the Use of Artificial Intelligence. *Economy and Law*, 2024, no. 10, pp. 71–83. (In Russian).
6. Sesitsky E.P. Problems of Legal Protection of Results Created by Artificial Intelligence Systems. *Cand. Diss. Moscow*, 2019. 218 p.
7. Kalyatin V.O. Establishing of Subject of Rights to Intellectual Property Created with Use of Artificial Intelligence. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, vol. 15, no. 4, pp. 24–50. (In Russian).
8. Makhrov V.V. Problems of Legal Protection of the Results of Intellectual Activity Created Using Artificial Intelligence. *Modern Lawyer*, 2025, no. 2, pp. 27–39. (In Russian).
9. Kirsanova E.E. Review of the Main Theories of Determining the Legal Regime of Objects Created by Artificial Intelligence. *Law*, 2023, no. 9, pp. 36–46. (In Russian).
10. Shakhnazarov B.A. Legal Regulation of Relations Using Artificial Intelligence. *Actual Problems of Russian Law*, 2022, no. 9, pp. 63–72. (In Russian).
11. Vitko V. Analysis of Scientific Views of Authorship and Right for Results of AI Activity. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*, 2019, no. 3, pp. 5–22. (In Russian).
12. Zech H. Information as Property? *JIPITEC*, 2015, vol. 6, no. 3, pp. 192–205.
13. Minbaleev A., Petrovskaya O. Problems of Implementation of the Principle of Information Reliability in Conditions of Digital Transformation. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2022, no. 4, pp. 20–28. (In Russian).
14. Giannopoulou A. Access and Reuse of Machine-Generated Data for Scientific Research. *Erasmus Law Review*, 2019, no. 12 (2), pp. 155–165. Available at: https://www.ivir.nl/publicaties/download/Erasmus_Law_Review_2019.pdf.
15. Leitner-Hanetseder S., Lehner O.M. AI-powered information and Big Data: Current Regulations and Ways Forward in IFRS Reporting. *Journal of Applied Accounting Research*, 2023, vol. 24 (2), pp. 282–298. Available at: <https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/7e972ba5-f9a6-40a4-ae8-3fdddf71b05/content>.

15. Leitner-Hanetseder S. AI-powered information and Big Data: current regulations and ways forward in IFRS reporting / S. Leitner-Hanetseder, O.M. Lehner // *Journal of Applied Accounting Research*. – 2023. – Vol. 24 (2). – P. 282–298 [Электронный ресурс]. – URL: <https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/7e972ba5-f9a6-40a4-aea8-3fdddfa71b05/content> (дата обращения: 23.08.2025).

16. Коваль А.А. Доступ к данным в цифровой экономике: рекомендации, инициативы, перспективы / А.А. Коваль, О.С. Магомедова, А.Д. Левашенко // *Экономическая политика*. – 2022. – № 4. – С. 76–79.

17. Narayanan A. Robust de-anonymization of large sparse datasets / A. Narayanan, V. Shmatikov // *IEEE Symposium on Security and Privacy*. – 2008. – № 5 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cs.princeton.edu/~arvindn/publications/de-anonymization-retrospective.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).

18. Карцхия А.А. Правовая охрана достижений искусственного интеллекта / А.А. Карцхия // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. – 2024. – № 4. – С. 4–16.

16. Koval A.A., Levashenko A.D., Magomedova O.S. Access to Data in the Digital Economy: Recommendations, Initiatives, Prospects. *Economic Policy*, 2022, no. 4, pp. 76–79. (In Russian).

17. Narayanan A., Shmatikov V. Robust De-Anonymization of Large Sparse Datasets. *IEEE Symposium on Security and Privacy*, 2008, no. 5. Available at: URL: <https://www.cs.princeton.edu/~arvindn/publications/de-anonymization-retrospective.pdf>.

18. Kartshiya A.A. Legal Protection of Achievements of Artificial Intelligence. *Intellectual property. Copyright and Related Rights*, 2024, no. 4, pp. 4–16. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архиереев Николай Викторович – кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Республики Башкортостан, доцент кафедры гражданского права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arkhiereev Nikolay Viktorovich – Candidate of Sciences (Law), Chairman of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan, Associate Professor of the Department of Civil Law.

Статья поступила в редакцию 01.02.2026; одобрена после рецензирования 02.03.2026; принята к публикации 02.03.2026. The article was submitted 01.02.2026; approved after reviewing 02.03.2026; accepted for publication 02.03.2026.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Научная статья
УДК 347.9
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.23

Original article

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна
Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Россия,
e.v.mihailova@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>

MIKHAILOVA Ekaterina Vladimirovna
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

ENSURING THE PROPERTY INTERESTS OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN RUSSIA

Аннотация. В статье поднимается проблема участия религиозных организаций в правоотношениях, регулируемых гражданским законодательством, а также проблема способов и процессуальных форм защиты их нарушенных или оспоренных имущественных прав и законных интересов. Автор исходит из убеждения, что религиозные организации являются субъектами гражданского права, не имеющими публично-правовых полномочий, в силу чего частноправовые споры с их участием подлежат разрешению в порядке искового производства в гражданском и арбитражном процессе. Цель: обосновать особенности участия религиозных организаций в имущественных правоотношениях, предложить способы и формы защиты их прав. Методы: выявлены особенности правового статуса религиозных организаций путем их сравнения с другими субъектами гражданского права; исторический метод позволил проследить эволюцию процессуального положения религиозных организаций; проанализированы особенности участия религиозных организаций в публично-правовых и частноправовых отношениях. Результаты: сделаны выводы, что имущественные споры с участием религиозных организаций могут разрешаться не только государственными судами в порядке искового производства, а споры, возникающие из отношений по передаче религиозным организациям государственного или муниципального имущества, должны разрешаться строго государственными судами; дела об оспаривании отказа в передаче религиозной организации имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности

Abstract. The article examines the participation of religious organizations in civil law relations, along with the challenges concerning the methods and procedural forms for safeguarding their infringed or contested property rights and legitimate interests. The author is convinced that religious organizations are subjects of civil law with no public law powers, so that disputes under private law involving them shall be settled through litigation in civil and arbitration courts. Purpose: To substantiate the specific features of religious organizations' participation in property relations and to propose methods and forms for protecting their rights. Methods: The unique features of the legal status of religious organizations were identified by comparing them with other subjects of civil law; the historical method enabled tracing the evolution of the procedural position of religious organizations; the characteristics of the participation of religious organizations in public and private law relations were analyzed. Results: The article concludes that property disputes involving religious organizations can be resolved not only by state courts through claim proceedings, but disputes arising from relations concerning the transfer of state or municipal property to religious organizations must be resolved strictly by state courts; cases challenging the refusal to transfer state or municipal property to a religious organization must be resolved through administrative proceedings; private law conflicts involving religious organizations can, by agreement of the parties, be referred to arbitration courts

сти, должны разрешаться в административном судопроизводстве; частноправовые конфликты с участием религиозных организаций могут по соглашению сторон передаваться в третейские суды (арбитражи), при этом религиозные (духовные) суды третейскими судами не являются.

Ключевые слова: частноправовые и публично-правовые отношения, публично-правовые образования, публичные юридические лица, религиозная организация, субъекты гражданского права, процессуальная форма защиты, третейский суд (арбитраж), религиозные (духовные) суды, государственная защита прав

Для цитирования: Михайлова Е.В. Защита имущественных интересов религиозных организаций в России / Е.В. Михайлова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.23 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 226–232.

(arbitrations), while religious (spiritual) courts are not arbitration courts.

Keywords: private law and public law relations, public law entities, public legal bodies, religious organization, subjects of civil law, procedural form of protection, arbitration court (arbitration), religious (spiritual) courts, state protection of rights

For citation: Mikhailova E.V. Ensuring the Property Interests of Religious Organizations in Russia. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 226–232. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.23.

ВВЕДЕНИЕ

ГК РФ в числе субъектов российского гражданского права называет Российскую Федерацию, ее субъекты и муниципальные образования. Все они участвуют в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на условиях равенства с другими участниками – гражданами и юридическими лицами (ст. 124).

Действующее гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство в числе субъектов, права и законные интересы которых защищаются при отправлении правосудия по гражданским делам, называют еще органы государственной власти и местного самоуправления, а также должностных лиц (ст. 2 ГПК РФ, ст. 2 АПК РФ). При этом, учитывая положение ст. 125 ГК РФ, закрепляющей, что органы государственной власти и местного самоуправления выступают от имени и в интересах Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований, следует сделать вывод, что участие указанных органов в гражданском и арбитражном судопроизводстве осуществляется также в интересах государства, его субъектов и муниципаль-

ных образований. Об этом свидетельствуют и материалы судебной практики¹.

К числу публично-правовых субъектов, участвующих в гражданском обороте, следует относить и так называемые публичные юридические лица, или юридические лица публичного права². Современный период характеризуется тем, что большое число орга-

1 Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что «прокурор просил признать право собственности на спорный земельный участок за Российской Федерацией, то есть иск фактически предъявлен в интересах Российской Федерации. Суд обязан был определить и привлечь к участию в деле в качестве истца соответствующий государственный орган, имеющий право выступать от имени Российской Федерации. Однако судом апелляционной инстанции этого сделано не было, дело рассмотрено без участия Российской Федерации как истца в спорных материально-правовых отношениях» (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.04.2025 № 18-КГ25-18-К4 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»). В силу этого решения нижестоящих судов нельзя признать законными и обоснованными. Аналогичная правовая позиция закреплена в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.03.2025 № 18-КГ24-369-К4.

2 Е.А. Суханов справедливо отметил: «Российское государство на протяжении многих десятилетий активно участвовало в экономических отношениях, в том числе создавая для этого полностью подконтрольные ему юридические лица. Под модель огосударствленной плановой экономики были созданы унитарные предприятия с правом оперативного управления на имущество, остающееся в собственности государства-учредителя» [1, с. 11].

нов государственной власти имеют правовой статус юридического лица³. Тем не менее гражданско-правовую деятельность указанные образования осуществляют, пусть даже и в публичных интересах.

Итак, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, а также действующие от их имени и в их интересах органы государственной власти, местного самоуправления и должностные лица являются участниками отношений, регулируемых гражданским законодательством, и в случае возникновения правовых конфликтов в рамках этих правоотношений «трансформируются» в участников гражданского и арбитражного судопроизводства. Важно, что поскольку в спорных гражданских правоотношениях они выступают «на равных» с гражданами и юридическими лицами, то и в гражданских процессуальных и арбитражных процессуальных правоотношениях они сохраняют это равенство. В силу этого гражданские дела с участием публично-правовых субъектов должны рассматриваться и разрешаться в исковом производстве.

Однако существенным пробелом как материального, так и процессуального законодательства в сфере гражданской юрисдикции является отсутствие четких указаний на то, каков материальный и процессуальный правовой статус религиозных организаций как участников гражданско-правовых отношений. Статья 123.26 ГК РФ не определяет специальные основания и условия участия их в гражданско-правовых отношениях, а содержит только указание на то, что религиозные организации должны быть зарегистрированы в установленном порядке в качестве юридических лиц, к ним применяются общие

3 Впрочем, следует согласиться со следующим высказыванием В.Е. Чиркина: «В российском законодательстве указано, например, что некоторые государственные органы и учреждения являются юридическими лицами. Действительно, имея некоторые частные интересы, они в какой-то мере используют гражданское законодательство, но в законодательстве и науке не говорится, что такие юридические лица имеют другую сущность, иное качество, чем в цивилистике. Их частноправовая деятельность минимальна, ограничена их публичным назначением. Ее пределы определяют закон и принятые на его основе уставные цели объединения, уставы, утверждаемые (в отличие от коммерческих формирований) вышестоящими учреждениями, или положения, издаваемые вышестоящими органами, их постановлениями, приказами» [2, с. 10].

положения Гражданского кодекса, если иное не установлено законом о свободе совести и о религиозных объединениях и другими законами. Между тем исследователи отмечают, что в наш век потребления очень важно распространять среди молодежи знания о последствиях нарушения законов духовного мира [3, с. 11], и это является основной задачей религиозных организаций.

Похожая ситуация имеет место и в некоторых зарубежных правовых порядках. Например, авторы полагают, что субъектами гражданско-правовой и даже предпринимательской деятельности могут выступать и религиозные организации⁴.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Сомнений в том, что религиозные организации участвуют в отношениях, регулируемых нормами гражданского права, нет. Это обусловлено уже тем, что они ведут хозяйственную деятельность, необходимую для выполнения ими своих непосредственных функций. Однако встает вопрос об определении правовой природы этих функций.

С одной стороны, публично-правовыми, властными полномочиями религиозные организации не обладают. В ст. 14 Конституции РФ закреплено, что Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Следовательно, религиозные организации не выполняют публично-правовых функций, а споры с их участием не могут квалифицироваться как публично-правовые.

С другой стороны, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ «права религиозных объединений по своей природе являются коллективными, поскольку осуществляются гражданином совместно с дру-

4 Так, М.Т. Григорян отмечает: «...учитывая тот факт, что Армянская Апостольская Церковь имеет имущественные права, она должна быть субъектом права и иметь правовую форму для осуществления этих имущественных прав. А поскольку в Гражданском кодексе Армении Армянская Апостольская Церковь отдельно не имеет "особого статуса", такого как у государства, то он должен иметь статус юридического лица» [4, с. 29].

гими»⁵. Как писал Н.М. Коркунов, «нарушение установленного правом приспособления объекта к совместному пользованию затрагивает интересы всех участвующих в пользовании и потому требует мер охраны права, независимых от чьего-либо индивидуального усмотрения» [5, с. 228]. Аналогичной позиции придерживался Р.Е. Гукасян⁶.

Исходя из этого, субъектами правоотношений, в которые вступают религиозные организации, являются группы лиц, входящих в соответствующую религиозную организацию. Это вполне согласуется с нормой ч. 1 ст. 123.26 ГК РФ, согласно которой религиозной организацией признается добровольное объединение постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации граждан Российской Федерации или иных лиц, образованное ими в целях совместного исповедания и распространения веры и зарегистрированное в установленном законом порядке в качестве юридического лица.

Несмотря на то что публично-правовые образования тоже представляют собой совокупность индивидов, действующих для достижения общих целей, они коренным образом отличаются от религиозных организаций тем, что осуществляют функции государственного управления, а государство является единственным субъектом, наделенным верховной властью⁷. При этом сле-

дует четко разграничивать государственную власть и «власть» частноправовых субъектов в рамках отдельных правоотношений, регулируемых гражданским законодательством, например, в трудовых отношениях⁸.

Поэтому представляется бесспорным, что публичную власть религиозные организации не осуществляют и участвуют в гражданских правоотношениях на тех же началах, что и другие субъекты гражданского права – граждане, юридические лица, Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования. В случае возникновения в рамках этих отношений правовых конфликтов религиозные организации могут реализовать принадлежащее им конституционно закрепленное право на судебную защиту и обратиться в суд, заняв при этом процессуальный статус стороны искового производства (истца или ответчика).

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Отмечу, что в дореволюционный период гражданско-правовые споры с участием «духовных ведомств» подлежали рассмотрению в судебном порядке, так как «они являются обладателями самостоятельных имуществ, не входящих в общий состав казенных...» [8, с. 134]. В настоящее время религиозные организации тоже могут иметь имущество на праве собственности⁹.

Вместе с тем нужно учитывать, что религиозные организации могут участвовать как в частноправовых, так и в публично-правовых отношениях, регулируемых гражданским законодательством. Как известно, частноправовые

5 По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» в связи с жалобой местной религиозной организации Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери : постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2020 № 47-П // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

6 Р.Е. Гукасян отмечал: «в связи с тем, что носителем группового интереса является коллектив, а должностное лицо – выразитель этих интересов, оно не может быть субъектом ни материальных, ни процессуальных правоотношений. Таковым является коллектив. Должностное лицо выступает в качестве представителя интересов коллектива» [6, с. 225].

7 Еще А.С. Алексеев указывал, что «...все человеческие соединения могут быть разделены на две группы: одни основаны на начале равенства, другие на начале неравенства. Первые предполагают лиц, входящих в союз, равными в смысле их одинаковой способности содействовать целям союза, хотя степень этого содействия может быть бесконечно разнообразна. Вторые, напротив, предполагают людей неравными в том смысле, что одних лиц, принадлежащих к союзу, считают сильными, других бессильными перед той задачей, которая поставлена союзу» [7, с. 24].

8 По меткому замечанию Н.М. Коркунова, «действительная отличительная особенность государства это то, что оно одно осуществляет самостоятельно принудительную власть. Все другие союзы, как бы они ни были самостоятельны в других отношениях, функцию принуждения осуществляют только по уполномочию и под контролем государства» [5, с. 293].

9 В ч. 2 ст. 21 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» сказано: «Религиозные организации обладают правом собственности на имущество, приобретенное или созданное ими за счет собственных средств, пожертвованное гражданами, организациями или переданное религиозным организациям в собственность государством либо приобретенное иными способами, не противоречащими законодательству Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 1997. № 39, ст. 4465).

отношения основаны на равенстве участвующих в них субъектов, тогда как отношения публично-правовой природы предполагают отсутствие равенства и автономии воли их участников, один из которых реализует по отношению к другому властные полномочия¹⁰.

Частноправовые конфликты допускают как государственную защиту (в форме гражданского или арбитражного судопроизводства), так и – при условии наличия на это согласия обеих спорящих сторон – негосударственную, частноправовую защиту (в форме третейского разбирательства, или арбитража). При этом следует иметь в виду, что рассмотрение спора в религиозном суде не является третейским разбирательством (арбитражем). Фундаментальное отличие религиозных (духовных) судов от арбитражей состоит в том, что третейские суды при рассмотрении и разрешении относящихся к их компетенции гражданских дел обязаны руководствоваться нормами действующего российского законодательства и в силу этого их решения обеспечены возможностью принудительного исполнения, в то время как религиозные (духовные) суды при рассмотрении споров опираются на религиозные правила и нормы поведения, а их решения обязательной силой не обладают и принудительно не исполняются¹¹.

Важно также, что ряд прав, связанных с распоряжением религиозными организациями недвижимым имуществом, допускают строго государственную защиту. Как известно, правовая позиция Конституционного Суда РФ по вопросу о праве третейских судов рассматривать споры, возникающие из правоотношений, связанных с правами на недвижимость, заключается в том, что «...отношения по поводу государственной регистрации нельзя считать содержательным элементом спорного правоотношения, суть которого остается частноправовой, а "публичный эффект" появляется лишь после удостоверения государством результатов сделки или иного

юридически значимого действия»¹². Однако представляется, что режим недвижимого имущества, принадлежащего религиозной организации, имеет специфику¹³.

Следует обратить особое внимание на то, что имущество может быть передано религиозной организации государством или муниципальным образованием. Представляется, что такая передача осуществляется не в рамках цивилистического «инструментария» (например, гражданско-правового соглашения), а посредством издания нормативно-правовых актов, принятия органами государственной власти и местного самоуправления соответствующих решений. Так, Верховный Суд РФ обобщил материалы судебной практики по спорам, связанным с оспариванием отказов в такой передаче¹⁴. Совершенно очевидно, что речь идет об оспаривании религиозными организациями решений и действий (бездействия) органов власти, в силу чего такие требования должны рассматриваться не по правилам гражданского судопроизводства, а в рамках административного судопроизводства, по правилам КАС РФ.

Также важно, что религиозной организации подлежит передаче только имущество религиозного назначения, находящееся в го-

12 По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

13 Так, ч. 2 ст. 123.28 ГК РФ устанавливает: «На принадлежащее религиозным организациям имущество возлагается религиозное назначение, не может быть обращено взыскание по требованиям их кредиторов. Перечень такого имущества определяется в порядке, установленном законом о свободе совести и о религиозных объединениях».

14 В «Обзоре судебной практики по спорам о передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022) сказано: «Верховным Судом Российской Федерации проведено изучение и обобщение судебной практики по спорам, связанным с передачей религиозным организациям недвижимого имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на основании положений Федерального закона от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ "О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности"» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1).

10 О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

11 В некоторых странах действие религиозных норм обеспечивается силой государственного принуждения [9].

сударственной или муниципальной собственности. Никакое иное государственное или муниципальное имущество религиозным организациям передаваться не может. Это прямо закреплено в «Обзоре судебной практики по спорам о передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения»¹⁵. Кроме того, иск о возвращении в государственную или муниципальную собственность имущества, переданного религиозной организации, может быть подан в суд прокурором. Это допускается и в рамках рассмотрения предъявленного должностному лицу обвинения¹⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует признать, что религиозные организации наряду с гражданами, юридически-

15 Обзор судебной практики по спорам о передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.

16 В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» сказано: «Поскольку вред, причиненный в результате незаконных действий (бездействия) должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления, возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования (статьи 1069, 1070, 1071 ГК РФ), то по уголовным делам (например, о преступлениях, предусмотренных статьями 285, 286 УК РФ) к участию в судебном разбирательстве привлекаются представители финансового органа, выступающего от имени казны, либо главные распорядители бюджетных средств по ведомственной принадлежности (статья 1071 ГК РФ)» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 12).

ми лицами и публично-правовыми образованиями являются субъектами отечественного гражданского права, участвуют в гражданском обороте и имеют собственные имущественные интересы. Их материально-правовой статус не имеет публично-правовых элементов, властными полномочиями они не обладают, в силу чего споры частноправового характера, в которых они участвуют, должны рассматриваться по правилам искового производства в гражданском и арбитражном процессе. Кроме того, по соглашению сторон допускается их передача в третейские суды (арбитражи), к числу которых не относятся, однако, религиозные (духовные) суды.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что религиозные организации могут становиться участниками и публично-правовых отношений, например, в случае оспаривания отказа уполномоченного органа государственной власти или местного самоуправления в передаче имущества религиозной организации. Такие споры должны разрешаться в административном судопроизводстве. Исследователи отмечают, что немалая роль в повышении эффективности функционирования власти отводится научному сообществу [10, с. 11]. Поэтому научное обоснование особенностей участия религиозных организаций в гражданском и арбитражном процессе должно в конечном счете послужить укреплению российской государственности.

Список источников

1. Суханов Е.А. О гражданской правосубъектности государственных юридических лиц / Е.А. Суханов // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 5–15.
2. Чиркин В.Е. Публичный и частный интересы юридических лиц, выполняющих публичные функции / В.Е. Чиркин // Журнал российского права. – 2013. – № 1. – С. 9–16.
3. Валькирия Н.И. Духовно-нравственное просвещение как средство противодействия преступности молодежи / Н.И. Валькирия // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 8–14.
4. Григорян М.Т. Армянская Апостольская Церковь как участник предпринимательской деятельности / М.Т. Григорян // Отечественная юриспруденция. – 2018. – № 5 (30). – С. 28–31.
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 430 с.

REFERENCES

1. Sukhanov E.A. About Civil Legal Capacity of Public Legal Entities. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 1, pp. 5–15. (In Russian).
2. Chirkin V.E. Public and Private Interests of Legal Entities Performing Public Functions. *Journal of Russian Law*, 2013, no. 1, pp. 9–16. (In Russian).
3. Valkiriya N.I. Spiritual and Moral Education as a Means of Counteracting Youth Crime. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 8–14. (In Russian).
4. Grigoryan M.T. The Armenian Apostolic Church as a Participant in Entrepreneurial Activity. *Domestic Jurisprudence*, 2018, no. 5 (30), pp. 28–31. (In Russian).
5. Korkunov N.M. Lectures on the General Theory of Law. Saint Petersburg, Juridical Center Press Publ., 2003. 430 p.

6. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу / Р.Е. Гукасян. – Москва : Проспект, 2008. – 480 с.

7. Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти / А.С. Алексеев. – Москва : И.Н. Кушнерев и Ко, 1895. – 35 с.

8. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский. – Москва : Зерцало, 2003. – 464 с.

9. Абадиха М. Предынвестиционная защита с учетом норм шариата в рамках международного инвестиционного права / М. Абадиха // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 4. – С. 202–211.

10. Трофимов В.В. Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления / В.В. Трофимов // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 5–13.

6. Gukasyan R.E. Selected Works on Civil Procedure. Moscow, Prospect Publ., 2008. 480 p.

7. Alekseev A.S. On the Doctrine of the Legal Nature of the State and State Authority. Moscow, I.N. Kushnerev i Ko Publ., 1895. 35 p.

8. Vas'kovsky E.V. Textbook of Civil Procedure. Moscow, Zertsalo Publ., 2003. 464 p.

9. Abadikhah M. Pre-Investment Protection in Connection with Shariah Law Under International Investment Law. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 4, pp. 202–211. (In Russian).

10. Trofimov V.V. The Idea of the Rule of Law in the State and Socio-Authority Dialogue in Law-Making as a Factor in Its Implementation. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 5–13. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Екатерина Владимировна – доктор юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права, главный научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova Ekaterina Vladimirovna – Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Procedural Law Sector, Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 21.01.2026; принята к публикации 21.01.2026. The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 21.01.2026; accepted for publication 21.01.2026.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343.14
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.24

Original article

ЖАНДРОВ Владимир Юрьевич
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Москва, Россия,
vaisvladimir74@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-1353-2837>

ZHANDROV Vladimir Yuryevich
Vladimir Kikot Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧАЕМОЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

ENSURING THE EVIDENTIAL VALUE OF DIGITAL INFORMATION OBTAINED DURING
OPERATIVE INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Аннотация. Бурное развитие цифровых технологий кардинально изменило условия получения и использования в уголовном процессе доказательственной информации. Распространение мессенджеров, социальных сетей, облачных сервисов и анонимных коммуникационных платформ позволяет преступникам скрывать следы своей противоправной деятельности, что обуславливает особую актуальность вопросов извлечения, фиксации и верификации цифровых данных, получаемых в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Цель исследования заключается в формировании комплексного подхода к обеспечению доказательственного значения цифровой информации, который сочетает правовые гарантии допустимости и технические требования к сохранности и воспроизводимости данных. Методологическую основу исследования составили: диалектический метод познания, позволивший рассмотреть обеспечение доказательственного значения цифровой информации как развивающееся правовое явление; системный метод, применявшийся для анализа условий допустимости цифровых доказательств и разработки алгоритма их получения и фиксации; сравнительно-правовой метод, использованный при сопоставлении законодательства и правоприменительной практики, а также логический и экспертно-аналитический методы, обеспечившие формулирование выводов и обобщение практики обращения с цифровыми дан-

Abstract. The rapid development of digital technologies has radically changed the conditions for obtaining and using evidentiary information in criminal proceedings. The widespread use of messengers, social networks, cloud services, and anonymous communication platforms enables criminals to hide their tracks, making the extraction, fixation, and verification of digital data obtained during operative investigative activities particularly relevant. The purpose of this study is to develop a comprehensive approach to ensuring the evidentiary value of digital information, combining legal guarantees of admissibility with technical requirements for data preservation and reproducibility. The methodological basis of the research comprises the dialectical method of cognition, which allows for consideration of the evidentiary value of digital information as an evolving legal phenomenon; the systemic method, used to analyze the admissibility conditions of digital evidence and develop an algorithm for its acquisition and fixation; the comparative legal method, employed to compare legislation and law enforcement practice; as well as the logical and expert-analytical methods, which ensure the formulation of conclusions and the generalization of the practice of handling digital data. Results: The article identifies the main risks of losing the evidentiary value of digital information: lack of

ными. Результаты: определены основные риски утраты доказательственного значения цифровой информации: отсутствие судебного разрешения на доступ к данным, нарушение «цепочки сохранности», использование несертифицированных программно-аппаратных средств, недостаточная фиксация технических параметров и вмешательство в системные файлы без процессуальных оснований. Предложен алгоритм минимизации данных рисков, включающий пять этапов: подготовительный, технический, документирование, хранение и передача цифровых данных, подготовка к судебному исследованию. Обоснована необходимость стандартизации участия специалистов и внедрения ведомственных инструкций, а также разработки судебных стандартов допустимости цифровых доказательств. Предложенные алгоритм и комплекс процессуальных и технических мер могут служить основой для совершенствования ведомственных регламентов и выработки единой судебной практики по оценке цифровых доказательств, обеспечивая их эффективное использование в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: цифровая информация, цифровые доказательства, оперативно-розыскная деятельность, допустимость доказательств, «цепочка сохранности», мессенджеры и социальные сети, инициативная аналитика, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Жандров В.Ю. Обеспечение доказательственного значения цифровой информации, получаемой при проведении оперативно-розыскных мероприятий / В.Ю. Жандров. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.24 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 233–246.

judicial authorization to access data, breach of the “chain of custody”, use of uncertified software and hardware, insufficient recording of technical parameters, and interference with system files without procedural grounds. The article proposes an algorithm for minimizing these risks, comprising five stages: preparatory, technical, documentation, storage and transfer of digital data, and preparation for forensic examination. Additionally, the article substantiates the need for standardizing specialist participation and implementing departmental instructions, as well as developing judicial standards for the admissibility of digital evidence. The proposed algorithm and the set of procedural and technical measures can serve as a basis for improving departmental regulations and developing a unified judicial practice for evaluating digital evidence, ensuring its effective use in criminal proceedings.

Keywords: digital information, digital evidence, operative investigative activities, admissibility of evidence, chain of custody, messengers and social networks, proactive analytics, criminal proceedings

For citation: Zhandrov V.Yu. Ensuring the Evidential Value of Digital Information Obtained During Operative Investigative Activities. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 233–246. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.24.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровая трансформация в XXI в. стала определяющим фактором развития социума и государства. Стремительное распространение интернет-сервисов, мессенджеров и социальных сетей не только изменило привычные формы коммуникации, но и сформировало новые модели экономической, профессиональной и досуговой активности. Сегодня информационное пространство превратилось в ключевую среду человеческого взаимодействия и оказывает влияние на все уровни общественных отношений. Однако вместе с новыми возможностями цифровизация создала и дополнительные риски: киберпространство стало ареной для совершения преступлений, а традиционные формы противоправной деятельности

получили новые возможности для маскировки, координации и легализации доходов.

В этой связи особую значимость приобретает проблема обращения с цифровыми доказательствами в уголовном судопроизводстве. Их нематериальная природа, подверженность изменениям даже при минимальном вмешательстве, зависимость от программно-технических средств и специфические условия доступа требуют иных подходов, чем при работе с традиционными вещественными доказательствами. От корrekтности извлечения, фиксации и верификации цифровой информации напрямую зависит возможность установления истины по делу, а следовательно, и обеспечение принципов справедливости и законности в уголовном процессе.

На этом фоне значительно возрастает актуальность проблемы обеспечения доказательственного значения цифровой информации, получаемой при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), что подтверждается целым рядом обстоятельств.

Во-первых, наблюдается устойчивый рост киберпреступлений, использования цифровых технологий в качестве вспомогательно-го инструмента при совершении преступлений общеуголовного характера. Кроме того, значительная часть уголовных дел последних лет имеет цифровые следы – переписку в мессенджерах, электронные письма, сведения из социальных сетей, данные о геолокации, электронные платежи. От корректности извлечения и закрепления таких следов зависит возможность установления истины по делу.

Во-вторых, судебная практика свидетельствует о том, что значительная доля цифровых доказательств не приобщается к материалам уголовных дел по процессуальным основаниям. Наиболее распространенными причинами являются:

1) проведение ОРМ, требующих судебного разрешения (например, снятие информации с технических каналов связи), без его получения либо с нарушением установленной процедуры получения разрешения (ст. 8, 9 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», далее – Закон «Об ОРД»). Например, отсутствие судебного разрешения при доступе к данным, защищенным тайной переписки или находящимся на удаленных серверах;

2) оформление результатов ОРМ без соблюдения требований к акту (неуказание даты, времени, места, примененных технических средств), отсутствие в акте/протоколе сведений о примененных средствах, версиях программ, методах извлечения;

3) невозможность установить, что именно сотрудники, уполномоченные на проведение ОРМ, имели доступ к данным (размытость «цепочки сохранности»);

4) вмешательство в системные файлы устройства без надлежащей фиксации и без процессуальных оснований, несоблюдение «цепочки сохранности», когда невозможно установить, кто, когда и с какой целью получил доступ к цифровым данным;

5) использование несертифицированного программного обеспечения без возможности проверки алгоритма его работы, использование не прошедших сертификацию или не включенных в установленный перечень технических средств, что ставит под сомнение достоверность полученной информации;

6) выход оперативных сотрудников за пределы санкционированного объема вмешательства (например, фиксация данных, не относящихся к предмету проверки или к конкретному лицу).

В результате следствие и суд лишаются возможности использовать ценные сведения, а справедливость судебного разбирательства оказывается под угрозой.

В-третьих, действующее законодательство Российской Федерации не содержит единой и четкой системы регулирования вопросов допустимости цифровых доказательств. В УПК РФ и Законе «Об ОРД» закреплены лишь общие положения, тогда как многие конкретные вопросы остаются на усмотрение правоприменителя. Это порождает неоднородность практики, противоречия в судебных решениях и снижает доверие к результатам уголовного судопроизводства.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки теоретических и прикладных подходов к обеспечению сохранности и допустимости цифровых доказательств, получаемых в рамках ОРМ и следственных действий, с опорой на современные аналитические концепции и инфраструктурные решения.

В отечественной науке внимание к цифровым доказательствам возросло в последние два десятилетия. Работы исследователей посвящены вопросам правового режима цифровой информации, особенностям ее извлечения и фиксации, проблемам квалификации специалистов, допустимости электронных доказательств в гражданском и уголовном процессе.

Так, ряд ученых отмечают, что цифровые следы трансформируются в электронные доказательства, а основными способами их получения являются изъятие носителей и копирование информации, требующие строгого соблюдения процессуальной формы [1, с. 86–87].

Проблема доступа к зашифрованным данным и их использования в качестве дока-

зательств – предмет активного обсуждения. По мнению А.Л. Осипенко и В.Ф. Луговика, необходимость обеспечения конфиденциальности цифровых коммуникаций неизбежно вступает в противоречие с задачами раскрытия преступлений. Авторы подчеркивают, что развитие криминалистических методов и совершенствование правовой регламентации являются необходимыми условиями для минимизации риска утраты доказательственного значения цифровой информации [2, с. 63].

Большой вклад в исследование данной проблематики внес А.Н. Першин. Он обосновал значение анализа документированной информации как методологической основы получения криминалистически значимых сведений [3; 4].

Особое место в развитии теории оперативно-розыскной информации занимает фундаментальная монография С.С. Овчинского «Оперативно-розыскная информация» (2000), в которой впервые в открытой печати представлены результаты комплексных исследований в сфере информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности [5]. Одновременно в научной литературе акцентируется правовая неопределенность понятия «оперативно-розыскная информация» и высказываются предложения о формировании частной теории оперативно-розыскной информации с учетом реалий цифрового общества [6].

Судебная практика России последних лет демонстрирует постепенное формирование подходов к оценке цифровых доказательств. Однако эти решения зачастую носят казуистический характер и не образуют целостной системы. В итоге степень разработанности проблемы можно охарактеризовать как недостаточную: при наличии фундаментальных теоретических положений отсутствует единый комплексный подход, охватывающий весь цикл обращения с цифровыми доказательствами – от извлечения до судебной верификации – при одновременной интеграции аналитических и инфраструктурных требований.

Обращение к мнению экспертов позволило определить основные пути снижения рисков признания цифровой информации недопустимой. Наиболее значимым из них является выполнение четырех групп условий документирования, повышающих степень верификации цифровых следов преступной деятельности.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ИЗВЛЕЧЕНИЯ И ФИКСАЦИИ ЦИФРОВЫХ ДАННЫХ

Особое значение имеет подтверждение времени и выбор допустимого источника цифровых сведений, а также применение криптографических методов верификации – хеширования, используемого для подтверждения неизменности данных, логирования, заключающегося в ведении подробного журнала всех действий, связанных с их обработкой, скринкаста (записи информации, отображаемой на экране компьютера, включая текстовые и голосовые комментарии) – и определения порядка хранения данных.

Извлечение цифровых данных при проведении ОРМ или следственных действий требует определения и соблюдения технически допустимых способов доступа к ним, обеспечивающих сохранность полученной информации. Сохранность информации – важная процессуальная гарантия допустимости формируемого доказательства.

Для систематизации методов извлечения цифровой информации в криминалистике принято выделять три уровня доступа.

Первый уровень, визуальный, предполагает считывание информации непосредственно с экрана устройства без применения специализированных средств. Он ограничен функционалом операционной системы и приложений, но может использоваться для фиксации открытой переписки в рамках осмотра. Доступным способом извлечения цифровой переписки на данном уровне является снимок с экрана устройства (скриншот) – запечатление (снятие) информации, отображаемой на экране устройства, посредством его клавиатуры или сенсорного экрана. Информация фиксируется без подключения устройства к другим системам и без изменения данных на носителе. Преимущество состоит в простоте и универсальности, недостаток – в ограниченности объема и невозможности получить удаленные или скрытые сообщения.

Суды все чаще рассматривают переписку в WhatsApp¹, Telegram, Signal и других приложениях как возможное доказательство, однако при этом обращают внимание на про-

¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в Российской Федерации.

цессуальную форму ее получения и на то, подтверждается ли она другими материалами дела. Фиксация электронных сообщений с помощью скриншотов приобретает особое значение. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях указал, что такие доказательства могут признаваться допустимыми, если они оформлены надлежащим образом: на скриншоте отображены адрес интернет-страницы, дата и время его создания, а также подтверждена принадлежность зафиксированной переписки конкретному электронному устройству. Заверение скриншотов нотариусом не требуется – достаточно подписи стороны или ее процессуального представителя².

В определении от 7 февраля 2023 г. по делу № 5-КГ22-144-К2 Верховный Суд РФ указал, что скриншоты переписки могут рассматриваться как письменные доказательства в понимании ст. 55 и 71 ГПК РФ, а отсутствие нотариального удостоверения не является основанием для отказа в их приобщении³. Решения нижестоящих судов, формально отказавших в их исследовании, были признаны нарушившими право стороны на справедливое судебное разбирательство. Верховный Суд РФ подчеркнул, что достоверность скриншотов подлежит проверке в совокупности с другими доказательствами по делу, а не исключается автоматически из-за отсутствия формального заверения. Эта позиция имеет универсальное значение: она применима не только в гражданском, но и в уголовном процессе, где вопросы допустимости цифровых доказательств должны решаться исходя из их происхождения, процессуального порядка фиксации и соотношения с иными материалами дела.

Выработанные в гражданском и арбитражном процессе подходы находят прямое отражение и в уголовном судопроизводстве,

где допустимость цифровых доказательств во многом зависит от надлежащего процессуального оформления. Если при производстве следственных действий (осмотра, выемки, обыска) делаются скриншоты переписки с электронных устройств, их допустимость в суде будет обеспечена при условии соблюдения следующих требований: фиксация технических параметров устройства, отражение времени и даты создания изображения, подтверждение отсутствия возможности его последующего изменения. В совокупности с другими материалами дела такие доказательства могут служить основанием для формирования обвинения.

Второй уровень – логический. Он связан с доступом к файловой системе устройства, осуществляемым с использованием специализированного программного обеспечения, что позволяет копировать каталоги и файлы, включая удаленные, но не перезаписанные. Данный подход применяется при подключении устройства к рабочей станции специалиста или при его синхронизации с компьютером. Так, экспорт чатов Telegram Desktop осуществляется с использованием персонального компьютера специалиста и записывается на внешний носитель информации (оптический диск, флеш-накопитель). Другой способ выгрузки – через устройство лица, в отношении которого проводится проверка, – позволяет использовать авторизованные сессии для экспорта переписки, но несет риск автоматического перезаписывания данных на диске при сохранении файлов. На рабочем столе создается папка с извлеченной перепиской, а устройство, с которого получена эта информация, изымается с целью дальнейшего изучения уже в лабораторных условиях. Основной недостаток данного способа: при экспортировании переписки возможна потеря оперативно значимой информации, поскольку при сохранении новых файлов на компьютере автоматически удаляются и перезаписываются прежние данные.

Третий уровень – физический, предполагающий создание точной посекторной копии (дампы) носителя, что обеспечивает возможность восстановления удаленных данных, но требует высокой квалификации специалиста, применения блокираторов записи и оборудования для снятия образов.

² О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15, п. 43, 55 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О некоторых вопросах применения законодательства о договоре строительного подряда : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33, п. 66 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-pograzhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07022023-n-5-kg22-144-k2/> (дата обращения: 18.08.2025).

Разграничение вышеназванных уровней универсально и отражено в методических руководствах Министерства юстиции США⁴, глобальных рекомендациях Интерпола⁵, а также в аналитических обзорах по судебной информатике⁶. Встраивание рассматриваемой классификации в российский алгоритм работы следователя и специалиста позволяет четко разграничивать методы, применяемые без судебного разрешения, и методы, требующие отдельной санкции (например, при удаленном доступе к «облачным» сервисам по правилам ст. 185 и 186 УПК РФ).

Ключевым условием признания цифровых доказательств допустимыми выступает обеспечение сохранности информации в момент начала доступа к электронному носителю. Даже минимальные изменения, включая непреднамеренные, могут исказить структуру данных или привести к перезаписи удаленных файлов, что осложнит их последующее восстановление и вызовет сомнения в достоверности полученных сведений.

В связи с этим в криминалистической практике используются следующие меры: а) применение аппаратных блокираторов записи при подключении носителей (SATA, IDE, USB) через высокоскоростные интерфейсы; б) использование программных блокираторов записи (например, USB Write Blocker, WinFE Write Protect Tool), запускаемых до подключения устройства; в) обязательное отключение устройства от сети Интернет (режим «в самолете», отключение wi-fi, извлечение sim-карты) для исключения возможности удаленного изменения или удаления данных; г) изоляция устройства в экранированных контейнерах («клетка Фарадея») либо применение средств подавления радиосигнала. Эти меры должны

фиксироваться документально, поскольку напрямую влияют на последующую оценку доказательств судом (ст. 75 УПК РФ).

При преодолении паролей или иных механизмов аутентификации для получения доступа к цифровым данным также применяются специализированные средства: программные (загрузочные среды Windows Forensic Environment, Kali Linux в режиме forensics, эксплойты уязвимостей checkm8 для iOS, аппаратные уязвимости МТК-чипсетов для Android, специализированные утилиты сброса паролей Elcomsoft System Recovery, Kon-Boot); аппаратные (подключение через JTAG, chip-off с последующим чтением памяти программатором); комбинированные (использование аппаратных средств для снятия дампа памяти с последующей расшифровкой специализированным программным обеспечением).

Применение специализированных загрузочных сред и эксплойтов может повлечь изменение содержимого системных файлов и даже блокировать доступ к части пользовательских данных (например, к сохраненным паролям браузеров). Поэтому в случае их применения рекомендуется работать на изолированных от сети рабочих станциях, использовать только сертифицированное программное обеспечение и оборудование, вести непрерывную видеозапись процесса. Эти меры позволяют воспроизвести действия специалиста при судебной проверке, подтвердить техническую корректность полученных данных и обеспечить допустимость цифровых доказательств в судебном процессе.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

Согласно Закону «Об ОРД» и УПК РФ извлечь цифровую информацию может оперативный сотрудник или следователь. Однако технически сложные действия разрешается выполнять привлекаемым специалистом (ст. 6, 7, 8 Закона «Об ОРД», ч. 6 ст. 164, ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ).

Недосказанность Закона «Об ОРД» в части статуса и требований к специалисту компенсируются положениями, выработанными правоохранительной теорией и практикой. Специалистом принято считать лицо, обладающее научными, техническими либо ины-

4 U.S. Department of Justice. Forensic Examination of Digital Evidence: A Guide for Law Enforcement. Washington: NIJ, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/199408.pdf> (дата обращения: 16.08.2025).

5 INTERPOL. Global Guidelines for Digital Forensics Laboratories. Lyon: INTERPOL, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.interpol.int/content/download/13501/file/INTERPOL_DFL_GlobalGuidelinesDigitalForensics (дата обращения: 16.08.2025).

6 Percipient. Overview: The Three Types of Forensic Collections (Physical vs. Logical vs. Targeted). 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://percipient.co/overview-the-three-types-of-forensic-collections-physical-vs-logical-vs-targeted> (дата обращения: 16.08.2025).

ми специальными знаниями, умениями и навыками, допущенное к участию в проведении ОРМ [7, с. 290; 8, с. 32], выступающее субъектом криминалистического обеспечения ОРД и, что особенно процедурно важно, имеющее правовой статус лица, оказывающего содействие органам, осуществляющим ОРД (ст. 17 Закона «Об ОРД») [9, с. 99].

В системе МВД России в качестве специалистов привлекаются сотрудники экспертно-криминалистических подразделений. Соответствующая организационная модель была создана приказом МВД России от 25 ноября 2019 г. № 878⁷, предусматривающим включение экспертно-криминалистических подразделений в контур межведомственного обмена, создание специализированных подразделений и упорядочения технико-криминалистического обеспечения расследования IT-преступлений. Вне системы МВД России в качестве специалистов привлекаются государственные судебные эксперты (правовой статус установлен Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), сотрудники IT-подразделений правоохранительных органов, а также сертифицированные специалисты по информационной безопасности.

Основные формы участия специалистов при осуществлении ОРД: консультации, проведение исследований, техническая помощь, непосредственное участие при проведении ОРМ [10, с. 68]. При производстве следственных и иных процессуальных действий специалисты привлекаются по правилам ст. 58 УПК РФ.

Ключевое условие выбора специалиста – наличие у кандидата знаний и навыков работы с цифровыми носителями, в том числе с применением сертифицированных аппаратно-программных средств, что гарантирует правильность фиксации данных и исключает претензии по поводу их изменения. В контексте документирования и формирования цифровых доказательств это особенно важно,

поскольку соблюдение методики извлечения данных напрямую зависит от квалификации исполнителя и использования им специализированных средств. Например, при снятии физического образа носителя специалист обязан применять аппаратные или программные блокираторы записи, сертифицированные в установленном порядке, что исключает внесение изменений в данные и предотвращает автоматическую перезапись удаленной информации.

Специалист также выполняет комплекс подготовительных мероприятий: отключает устройство от сетей передачи данных, фиксирует технические характеристики носителя (модель, серийный номер, интерфейс подключения), проверяет целостность корпуса и пломб, рассчитывает контрольные хэш-суммы до и после извлечения. Эти сведения отражаются в протоколе (акте) ОРМ⁸ либо процессуального действия (ст. 166–167 УПК РФ) и являются ключевыми для подтверждения неизменности цифровых доказательств (ст. 75, 89 УПК РФ).

Независимо от формы мероприятия привлечение квалифицированного специалиста позволяет не только минимизировать риск утраты или изменения информации, но и обеспечить надлежащую фиксацию всех примененных программно-аппаратных средств (наименование, версия, лицензионный статус), что повышает доверие суда к достоверности полученных данных и способствует признанию их допустимыми доказательствами.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ПРОВЕРКИ СОБРАННЫХ ЦИФРОВЫХ ДАННЫХ

Независимая экспертная проверка цифровых данных также выступает значимым условием их допустимости и достоверности.

⁸ Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия, обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : приказ МВД России от 01.04.2014 № 199 (ред. от 13.10.2023) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.08.2025).

⁷ Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 3км «О мерах по совершенствованию организации работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий» : приказ МВД России от 25.11.2019 № 878 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Она предполагает организацию такого порядка сбора, фиксации и хранения цифровых сведений, при котором третьи лица – судебные эксперты или специалисты – смогут объективно воспроизвести совершенные действия и подтвердить полученные результаты. В противном случае цифровые материалы теряют доказательственную ценность, так как исключается возможность их верификации в условиях состязательного процесса.

В отечественной литературе подчеркивается, что электронные доказательства являются особо уязвимым объектом исследования: даже простейшие действия с носителем (например, включение компьютера) могут повлечь изменения в содержании документа или его реквизитах. Эти обстоятельства требуют от суда и экспертов строгого соблюдения процессуальных гарантий сохранности таких данных. В частности, необходимо назначение экспертизы на ранней стадии процесса, выбор квалифицированных специалистов и использование процедур, исключающих искажение информации. Как отмечает М.А. Митрофанова, именно надлежащее обращение с электронными доказательствами и фиксация всех условий их исследования позволяют обеспечить возможность последующей независимой проверки и тем самым гарантировать допустимость результатов экспертизы [11].

Особого внимания требует вопрос методического обеспечения судебной экспертизы цифровых данных. В современной литературе подчеркивается, что процесс выбора и применения методов исследования должен быть формализован и поддаваться проверке. Так, А.А. Шелупанов и А.Р. Смолина обосновывают необходимость выстраивания четкой последовательности действий на подготовительной стадии экспертизы: от анализа постановления о назначении экспертизы и материалов дела до осмотра объектов и планирования дальнейших шагов. Такой регламент позволяет эксперту заблаговременно определить пригодность представленных материалов, оценить необходимость использования специальных средств и заявить ходатайства о применении частично разрушающих методов, если без них невозможно провести исследование [12].

Идея автоматизации выбора методик и построения их формализованных моделей получила развитие. Исследователи предлагают использовать классификацию методик по задачам и объектам экспертизы и представлять их в виде структурированных моделей, позволяющих фиксировать последовательность действий с учетом ограничений времени, ресурсов и применимости методов. Такой подход обеспечивает прозрачность экспертных действий и делает их воспроизводимыми в случае назначения повторной или дополнительной экспертизы [13]. Следовательно, надлежащее методическое обеспечение, как в части регламентации подготовительных действий, так и в части формализации выбора методов исследования, выступает гарантией проверяемости и воспроизводимости судебной компьютерно-технической экспертизы, а значит, необходимым условием для признания цифровых данных допустимыми доказательствами.

Применение формализованных методик компьютерно-технической экспертизы обеспечивает воспроизводимость и проверяемость экспертных действий, что имеет ключевое значение для соблюдения процессуальных гарантий допустимости доказательств. Использование структурированного алгоритма и документирование всех стадий исследования позволяет суду и сторонам убедиться в достоверности заключения и при необходимости инициировать его независимую проверку. Практика экспертных организаций показывает, что такие подходы не только реализуемы, но и повышают качество и эффективность экспертной деятельности, что усиливает доверие суда к представленным цифровым доказательствам [14].

Таким образом, независимая экспертная проверка цифровых данных возможна лишь при соблюдении комплекса процессуальных условий, обеспечивающих сохранность и воспроизводимость данных. К их числу относятся закрепление первоначального состояния носителей, контроль целостности информации, соблюдение «цепочки сохранности», применение сертифицированных средств и формализованных методик исследования. Выполнение указанных требований обеспечивает суд и участников процесса возможностью объективной проверки достоверности цифровых доказательств и служит гарантией их допустимости.

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ДОСТУПА К ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Современный этап развития цифровых технологий и активное использование электронных коммуникаций привели к кардинальному изменению форм и способов фиксации информации, обладающей доказательственным значением в уголовном судопроизводстве. Особую актуальность имеет переписка через мессенджеры и иные интернет-сервисы, поскольку нередко она содержит сведения, прямо указывающие на обстоятельства совершения преступлений, планы их подготовки, участников и другие значимые факты. В связи с этим все чаще в рамках проведения обследования помещений, строений, участков местности либо в ходе обыска и выемки сотрудники оперативных подразделений обнаруживают и получают доступ к электронным устройствам – стационарным компьютерам, ноутбукам, планшетным компьютерам, принадлежащим задержанным. После получения физического и программного доступа к устройству встает вопрос о порядке извлечения данных, в первую очередь переписки в мессенджерах (WhatsApp⁹, Telegram, Signal и др.), а также о правомерности данных действий в контексте оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства.

Конституционный Суд РФ исходит из того, что при добровольной огласке одним из участников коммуникации сведения перестают быть тайной для третьего лица (государственного органа), что меняет режим доступа. В таком случае получение и использование этих сведений не нарушает тайну переписки иных лиц, если соблюдены процессуальные требования¹⁰. Другие выводы Конституционного Суда РФ: а) «онлайновое» извлечение/дозагрузка с серверов (включая сведения о соединениях, контент из облака) – сфера

судебной санкции (ст. 185–186.1 УПК РФ); б) изучение локально доступной информации на изъятом устройстве – в общем случае по правилам осмотра/экспертизы, без отдельного судебного решения, но с соблюдением гарантий фиксации и сохранности (протокол, участие специалиста и пр.)¹¹.

Соблюдение законности при доступе к цифровой оперативной информации зависит от способа ее получения.

1. Прямой доступ к открытым данным. Если переписка отображается на экране и необходимые сообщения уже загружены в оперативную память устройства, их фиксация допустима в рамках ОРМ обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (ст. 6, 8 Закона «Об ОРД»). В таких случаях допускается фотографирование, видеосъемка либо составление акта ОРМ, поскольку речь идет о визуальном уровне доступа и дополнительного судебного разрешения к имеющейся санкции руководителя органа, правомочного на осуществление ОРД, не требуется. Аналогично строится работа и при обыске (ст. 182 УПК РФ), когда осматривается обнаруженное устройство. В этом случае запись информации (фотографирование, видеосъемка, составление протокола с дословным воспроизведением текста сообщений) не приводит к установлению нового соединения с сервером, не затрагивает тайну переписки сверх объема уже доступных данных и потому не требует получения дополнительного судебного разрешения.

2. Удаленный доступ к данным. Любые действия, направленные на получение сообщений, отсутствующих во временном хранилище данных (прокрутка чата для загрузки прежних сообщений, скачивание вложений (фото, видео, документов), переход в архивные чаты) фактически представляют собой удаленный доступ к информации. Такие действия связаны с установлением нового соединения с сервером, выходят за пределы визуального уровня и квалифицируются как вмешатель-

⁹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в Российской Федерации.

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дьячковой Ольги Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав пунктами 6 и 14 части первой и частью четвертой статьи 6, пунктом 3 статьи 7, частью второй статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», частью второй статьи 7, пунктом 4 части второй статьи 38, статьями 125, 140 и 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 454-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/kodeks/UPK-RF/chast-2/razdel-viii/glava-24/statja-176/#101325> (дата обращения: 17.08.2025).

ство в сферу частной коммуникации, что требует судебной санкции (ст. 23 Конституции РФ, ст. 8 Закона «Об ОРД», ст. 186 УПК РФ).

Такие же правила действуют при извлечении данных из «облачных» сервисов (резервных копий в iCloud, Google Drive, «облачных» архивов мессенджеров), для чего также необходима санкция суда. Подобный доступ предполагает установление соединения с серверами и затрагивает тайну переписки, что накладывает дополнительные процессуальные ограничения. Это касается и режима использования модуля «Облачные сервисы» в «Мобильном криминалисте», обеспечивающего логический и физический доступ к резервным копиям в iCloud, Google Drive, WhatsApp¹², Telegram. Для работы с такой информацией требуется ввод учетных данных, прохождение двухфакторной аутентификации и судебное разрешение. Все действия протоколируются с обязательным участием представителей общественности либо понятых, вносятся в акт обследования/протокол обыска, сопровождаются фото- и видеосъемкой, а также подробным описанием порядка получения информации. Следует учитывать, что при входе в аккаунт с нового устройства доступ к истории переписки можно получить лишь спустя некоторое время (до 24 часов), что важно для процессуального планирования.

Для минимизации процессуальных рисков рекомендуется:

- незамедлительно зафиксировать состояние переписки на момент ее обнаружения с помощью фото- и видеосъемки, включая отображение даты, времени и идентификатора чата;
- убедиться, что в момент фиксации устройство отключено от сетей передачи данных (wi-fi, мобильный интернет, Bluetooth) либо помещено в экранированный контейнер («клетка Фарадея») для исключения автоматической синхронизации или изменения содержимого чата;
- сохранить текущий объем данных в неизменном виде, не производя загрузку истории до получения соответствующего судебного разрешения;
- отразить в протоколе либо в акте ОРМ не только содержание переписки, но и техни-

ческие параметры устройства (модель, операционная система, версия мессенджера), а также факт отсутствия соединения с сетью во время фиксации.

Такая детализация позволит в дальнейшем подтвердить, что полученная информация соответствует состоянию переписки в момент изъятия устройства и не была изменена в результате неконтролируемой синхронизации или целенаправленных действий сотрудников. Одновременно это обеспечит допустимость сведений, полученных в рамках ОРМ, как ориентировочной информации для последующих следственных действий.

3. Доступ с преодолением защиты («взлом»). Поскольку обход защиты часто предполагает вмешательство в программную или аппаратную среду устройства, получение доступа к защищенным данным предполагает вторжение в конституционно охраняемую сферу частной жизни и потому должен выполняться в рамках реализуемого с санкции суда ОРМ (ст. 8, 9 Закона «Об ОРД»), а при производстве следственного действия – при наличии судебного решения (ст. 165, 186 УПК РФ). Исключения возможны лишь в неотложных случаях, когда промедление может привести к утрате критически важной информации, и с обязательным последующим получением судебного разрешения. При преодолении защиты устройств следует зафиксировать в протоколе основания для обхода защиты.

«Взлом» потенциально изменяет системные файлы, конфигурацию операционной системы и может привести к утрате или изменению зашифрованных данных, в том числе сохраненных паролей, ключей шифрования и токенов доступа. Для обеспечения правовых гарантий документирования цифровой информации путем преодоления защиты данных необходимо:

- фиксировать в акте/протоколе наименование, версию и разработчика примененных средств, а также алгоритм действий специалиста/эксперта;
- указывать все изменения, внесенные в системные файлы или конфигурацию устройства;
- сохранять контрольные хэш-суммы извлеченных образов до и после совершения действий по разблокировке, чтобы подтвердить неизменность пользовательских данных;

¹² Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в Российской Федерации.

– при наличии возможности выполнять полное резервное копирование (физический образ) до начала процедур по обходу защиты.

Также, если устройство уже изъято на законных основаниях (например, при обыске или выемке), следователь вправе назначить судебную компьютерно-техническую экспертизу (ст. 195–196 УПК РФ). В этом случае эксперт действует в пределах процессуального поручения и применяет необходимые технические методы, включая обход защиты, без отдельного судебного решения.

Конституционный Суд РФ подтвердил, что получение информации, уже находящейся в электронной памяти устройства, изъятого и осматриваемого по правилам УПК РФ, не требует отдельного судебного решения. Это может быть осмотр (ст. 176–178 УПК РФ) и/или последующая экспертиза (ст. 195–207 УПК РФ). В одном из своих определений Конституционный Суд РФ указал, что при соблюдении процессуальной формы и гарантий прав участников «специальная санкция суда» не нужна именно на изучение памяти носителя, который уже изъят в установленном порядке¹³. Таким образом, судебная санкция необходима для доступа к информации, но не для ее исследования экспертом после законного изъятия носителя.

Тот же подход сохранен в практике Верховного Суда РФ, который в кассационном определении от 30 сентября 2014 г. № 2-18/08 констатировал, что осмотр мобильного телефона, изъятого у владельца и исследованного по правилам ст. 176 УПК РФ, не требует самостоятельного судебного решения¹⁴. Эта позиция повторена в 2019 г. в апелляционном определении от 1 августа № 2-003/2018. Верховный Суд РФ вновь подтвердил отсутствие необходимости в отдельной санкции для осмотра технических устройств и содержащейся в них информации,

если носители изъяты процессуально корректно¹⁵. Таким образом, когда следователь действует в рамках осмотра уже изъятого устройства и не устанавливает новое соединение с серверами/сервисами, отдельной санкции, как правило, не требуется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Извлечение и процессуальное закрепление цифровых следов преступной деятельности представляет собой сложный комплекс правовых и технических задач. Особенности архитектуры современных сервисов – распределенное хранение данных, сквозное шифрование, многофакторная аутентификация – предопределяют необходимость применения специальных программно-аппаратных средств и привлечения квалифицированных специалистов.

Вместе с тем отсутствие унифицированных методических процедур, четкой регламентации правового статуса отдельных действий (осмотр, выемка, контроль и запись переговоров), а также единых стандартов фиксации и хранения цифровых данных создает риск признания полученной информации недопустимой. Судебная практика подтверждает, что нарушение процессуальной формы, недостаточная фиксация технических параметров или вмешательство в данные без надлежащих правовых оснований могут привести к утрате информацией доказательственного значения.

Минимизировать риски процедурных нарушений может принятие алгоритма обеспечения допустимости цифровых доказательств, включающего пять основных этапов.

Первый этап, подготовительный, состоит в выборе и надлежащем правовом обеспечении реализации ОРМ, следственных действий, в рамках которого осуществляется получение цифровой информации (контроль и запись переговоров, осмотр, выемка), получении при необходимости судебного решения на его проведение, привлечении специалиста.

Второй этап, технический, заключается в отключении устройства от сетей передачи

13 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брянцева А.Ю. на нарушение его конституционных прав пунктом 7 части второй статьи 29, частями первой и второй статьи 75, частями первой, четвертой и пятой статьи 165 и частью третьей статьи 183 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2023 № 1773-О [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062023-n-1773-o/> (дата обращения: 17.08.2025).

14 Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30.09.2014 по делу № 2-18/08 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/0dPzawB0fmm6/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=2-18%2F08&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_id=1755454649779 (дата обращения: 17.08.2025).

15 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам от 01.08.2019 № 67-АПУ19-8 по делу № 2-003/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/0CTvl5sbeaxc/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=2-003%2F2018&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_id=1755457357391 (дата обращения: 17.08.2025).

данных, применении блокираторов записи, использовании «клетки Фарадея» при работе с мобильными устройствами. Затем – извлечение данных – фиксирование всех технических параметров и расчет контрольных хэш-сумм с применением сертифицированных программно-аппаратных средств.

Третий этап – документирование. Его назначение состоит в фиксации методики получения информации, используемых технических средств и условий сохранности данных, что обеспечивает воспроизводимость действий и непрерывность «цепочки сохранности». В акте ОРМ или протоколе следственного действия указываются правовое основание производства, состав участников (включая специалиста, с описанием его компетенции), объект и способ доступа (устройство, аккаунт, сервис), а также меры неизменности информации – отключение сетевых интерфейсов, применение блокираторов записи и др. Обязательно фиксируются программные средства: их название, версия, настройки и последовательность применения. К протоколу прилагаются логи, фото- и видеозапись, хэш-суммы файлов до и после обработки.

Документирование должно завершаться перечнем артефактов (файлы, базы данных, дампы, переписки) с указанием их формата, размера и контрольных сумм, а также сведений о «цепочке сохранности» носителей и их передаче между уполномоченными лицами. При работе с мессенджерами или облачными сервисами отражаются идентификаторы чатов, дата и время фиксации, состояние сетевых соединений, а при извлечении удаленных данных – реквизиты судебной санкции.

Таким образом, документирование выступает центральным элементом алгоритма минимизации рисков процедурных нарушений. Оно объединяет технические и юридические средства фиксации, исключает возможность изменения цифровых данных и гарантирует их допустимость в качестве доказательств.

Четвертый этап, хранение и передача цифровой информации, сводится к обеспечению целостности данных при передаче между подразделениями, фиксации всех изменений местонахождения и ответственных лиц.

Пятый этап – подготовка к судебному исследованию. На этом этапе обеспечивается

возможность воспроизведения процедуры извлечения данных и независимой проверки их неизменности.

Соблюдение рассмотренных требований формирует документированную цепочку обращения с цифровыми данными, гарантирующую аутентичность и сохранность информации на всех этапах ее движения и позволяющую сохранить ее юридическое значение для последующего включения в уголовное дело без риска признания недопустимой при доказывании. Совокупное применение данных мер и алгоритма устраняет сомнения в достоверности и правомерности получения цифровых доказательств в ходе проведения как оперативно-розыскных мероприятий, так и следственных действий, обеспечивая их надлежащее сохранение для использования в судебном процессе.

До внесения изменений в федеральные законы логично принятие ведомственных инструкций во всех заинтересованных правоохранительных органах. Данные документы должны регламентировать порядок обнаружения, фиксации, передачи и хранения представляющей оперативный интерес цифровой информации, стандартизировать участие специалистов, технические форматы данных и образцы документации. В российской практике разработка таких инструкций может стать мостом между существующей оперативной практикой и будущим нормативным режимом цифровой оперативной информации.

Одновременно с этим важнейшим направлением является формирование судебных стандартов допустимости цифровой информации. Целесообразно инициировать разработку проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам использования цифровых доказательств, в котором будет закреплён статус цифровой оперативной информации и ее доказательственного значения при условии соблюдения процедурных требований получения и фиксации. Введенный стандарт позволит сформировать устойчивую практику, исключая произвольное лишение цифровых следов доказательственной силы.

Наконец, ключевым условием устойчивости разрабатываемого режима обращения с цифровой оперативной информацией является его согласование с международными

правовыми стандартами. Работа по гармонизации положений российского законодательства должна заключаться не в механическом заимствовании зарубежных моделей, а в выработке национальной системы, сочетающей универсальные требования к цифровым следам и специфику российской правовой тради-

ции. Формализация цифровой оперативной информации через ее нормирование, регламентацию методов получения, внедрение процессуальных фильтров при соответствии международным стандартам станет важнейшим этапом развития уголовного судопроизводства в эпоху цифровых коммуникаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дубоносов Е.С. Проблемы сбора цифровой информации в ходе оперативно-розыскной деятельности / Е.С. Дубоносов, Я.С. Титаренко // Актуальные проблемы защиты прав и свобод граждан: историко-теоретические и правовые аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тула, 28 февраля 2023 г. – Тула : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2023. – С. 82–88.
2. Осипенко А.Л. Проблемы доступа правоохранительных органов к скрываемой компьютерной информации при раскрытии преступлений / А.Л. Осипенко, В.Ф. Луговик // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 60–68.
3. Першин А.Н. Анализ как метод познания документированной информации / А.Н. Першин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 3 (54). – С. 54–58.
4. Першин А.Н. Электронный документ и электронное сообщение: понятие и особенности поиска в электронной среде / А.Н. Першин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 3 (58). – С. 34–38.
5. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация / С.С. Овчинский. – Москва : Инфра-М, 2000. – 367 с.
6. Остапенко П.И. К вопросу о понятии оперативно-розыскной информации / П.И. Остапенко // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2017. – № 4 (33). – С. 17–18.
7. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия / А.Ю. Шумилов. – Москва, 2004. – 363 с.
8. Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект / В.Ф. Луговик. – Омск : Омская юридическая академия, 2014. – 38 с.
9. Горшкова В.С. Специалист как субъект криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В.С. Горшкова // Алтайский юридический вестник. – 2024. – № 2 (46). – С. 95–101.
10. Сенатов А.В. Некоторые аспекты использования оперативными подразделениями помощи специалистов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / А.В. Сенатов, А.А. Чайковский // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (26). – С. 68–71.
11. Митрофанова М.А. Особенности экспертизы электронных доказательств в арбитражном процессе / М.А. Митрофанова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2011. – Т. 11, № 2. – С. 117–119.

REFERENCES

1. Dubonosov E.S., Titarenko Ya.S. Problems of Collecting Digital Information During Operative Search Activities. *Actual Problems of Protecting the Rights and Freedoms of Citizens: Historical, Theoretical and Legal Aspects. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Tula, February 28, 2023*. Tula, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) Publ., 2023, pp. 82–88. (In Russian).
2. Osipenko A.L., Lugovik V.F. Problems of Access of Law Enforcement Agencies to Hidden Computer Information When Solving Crimes. *Society and Law*, 2021, no. 2 (76), pp. 60–68. (In Russian).
3. Pershin A.N. Analysis as the Method of Learning Documented Information. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2014, no. 3 (54), pp. 54–58. (In Russian).
4. Pershin A.N. Electronic Document and Electronic Message: Notion and Peculiarities of Search in Electronic Environment. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2015, no. 3 (58), pp. 34–38. (In Russian).
5. Ovchinsky S.S. Operative and Search Information. Moscow, Infra-M Publ., 2000. 367 p.
6. Ostapenko P. I. On the Concept of Operative and Search Information. *Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2017, no. 4 (33), pp. 17–18. (In Russian).
7. Shumilov A.Yu. Operative and Search Encyclopedia. Moscow, 2004. 363 p.
8. Lugovik V.F. Operative and Search Code of the Russian Federation: Author's draft. Omsk Law Academy Publ., 2014. 38 p.
9. Gorshkova V.S. Specialist as a Subject of Criminalistic Support for Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies. *Altai Law Journal*, 2024, no. 2 (46), pp. 95–101. (In Russian).
10. Senatov A.V., Tchaikovsky A.A. Some Aspects of the Use of Specialists' Assistance by Operational Units in the Implementation of Operative and Search Activities. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 4 (26), pp. 68–71. (In Russian).
11. Mitrofanova M.A. Features of Examination of Electronic Evidence in Arbitration Proceedings. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2011, vol. 11, no. 2, pp. 117–119. (In Russian).

12. Шелупанов А.А. Методика проведения подготовительной стадии исследования при производстве компьютерно-технической экспертизы / А.А. Шелупанов, А.Р. Смолина // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. – 2016. – Т. 19, № 1. – С. 31–34.

13. Шелупанов А.А. Теоретические аспекты автоматизации формирования частных методик производства компьютерно-технической экспертизы / А.А. Шелупанов, А.Р. Смолина // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. – 2016. – Т. 19, № 2. – С. 67–70.

14. Шелупанов А.А. Формальные основы системы поддержки формирования частных методик производства компьютерно-технической экспертизы / А.А. Шелупанов, А.Р. Смолина // Информационно-управляющие системы. – 2017. – № 3 (88). – С. 99–104.

12. Shelupanov A.A., Smolina A.R. The Methodology of Preparatory Stage of Computer Forensics. *Doklady Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravleniya i radioelektroniki*, 2016, vol. 19, no. 1, pp. 31–34. (In Russian).

13. Shelupanov A.A., Smolina A.R. Theoretical Aspects of Particular Methodologies Design Support System for Computer Forensics Provision. *Doklady Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravleniya i radioelektroniki*, 2016, vol. 19, no. 2, pp. 67–70. (In Russian).

14. Shelupanov A.A., Smolina A.R. Formal Foundation of Particular Methodology Design Support System for Computing Expertise. *Information and Control Systems*, 2017, no. 3 (88), pp. 99–104. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жандров Владимир Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhandrov Vladimir Yuryevich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Operative Investigative Activities and Special Equipment.

Статья поступила в редакцию 07.12.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 15.01.2026. The article was submitted 07.12.2025; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 15.01.2026.

Научная статья
УДК 343.98.067
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.25

Original article

ЗАЙНУЛЛИН Руслан Ильдарович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
zaynullin083@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8571-5555>

ZAINULLIN Ruslan Ildarovich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

CHALLENGES IN DETECTING ILLEGAL AIR POLLUTION AND APPROACHES TO
ADDRESSING THEM

Аннотация. Согласно данным официального мониторинга за качеством атмосферного воздуха на территории Российской Федерации складывается негативная экологическая обстановка. При этом право на благоприятную окружающую среду, компонентом которой является воздух, – одно из важнейших конституционных прав наряду с правом на жизнь и здоровье. По данным судебной статистики, количество виновных лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступное загрязнение воздуха, катастрофически мало. Столь разительная разница между уровнем загрязнения атмосферы и количеством привлеченных к уголовной ответственности лиц свидетельствует о наличии реальных проблем не только уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминологического характера, но и криминалистического. Цель: установить реальные проблемы выявления преступного загрязнения атмосферы и предложить криминалистические рекомендации по их устранению. Методы: статистический (применялся при изучении материалов доследственных проверок, результатом которых явилось вынесение постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела), опроса (опрошено 20 дознавателей, имеющих опыт рассмотрения сообщений о совершении преступления, предусмотренного ст. 251 УК РФ), обобщения и анализа (для выявления криминалистических проблем, возникающих на рассматриваемой стадии предварительного расследования, и выработки научно обоснованных и практико-ориентированных рекомендаций по их решению). Результаты: определены ключевые факторы и причины высокой латентности рассматриваемой категории преступлений; предложены конкретные криминалистические рекомендации по решению проблем выявления преступного загрязнения атмосферного воздуха.

Abstract. According to official air quality monitoring data in the Russian Federation, the ecological situation is deteriorating. At the same time, the right to a healthy environment, of which air quality is a component, is one of the most important constitutional rights, along with the right to life and health. According to judicial statistics, the number of perpetrators brought to criminal liability for illegal air pollution is extremely low. Such a striking difference between the level of air pollution and the number of persons brought to criminal liability indicates real problems not just in criminal law, criminal procedure, and criminology, but also in forensics. Purpose: to identify the real problems of detecting illegal air pollution and propose forensic recommendations for their elimination. Methods: Statistical (used to analyze pre-investigation check materials that led to decisions to refuse criminal prosecution), survey (20 interrogators with experience in handling reports of crimes under Article 251 of the Criminal Code of the Russian Federation were interviewed), generalization and analysis (to identify forensic issues at this stage of preliminary investigation and develop scientifically based, practical recommendations to address them). Results: The article identifies key factors and causes of high latency in this category of crimes. Specific forensic recommendations are proposed to address the challenges of detecting illegal air pollution.

Ключевые слова: загрязнение атмосферы, экологические преступления, латентность преступлений, выявление преступлений, экологический надзор, система мониторинга загрязнения атмосферы

Для цитирования: Зайнуллин Р.И. Проблемы выявления преступного загрязнения атмосферы и пути их решения / Р.И. Зайнуллин. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.25 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 247–251.

Keywords: air pollution, ecological crimes, crime latency, crime detection, environmental supervision, air pollution monitoring system

For citation: Zainullin R.I. Challenges in Detecting Illegal Air Pollution and Approaches to Addressing Them. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 247–251. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.25.

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии со ст. 42 Конституции РФ каждый имеет право на благоприятную окружающую среду. Одним из существенных компонентов окружающей среды является атмосфера. Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» определяет атмосферу как жизненно важный компонент окружающей среды, представляющий собой естественную смесь газов атмосферы, находящуюся за пределами жилых, производственных и иных помещений (ст. 1)¹. Согласно этому же закону Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) ведется мониторинг атмосферного воздуха в целях наблюдения за загрязнением атмосферы.

По данным Росгидромета за 2024 г., в 116 городах России уровень загрязнения воздуха характеризуется как высокий и очень высокий. В указанной категории экологически неблагоприятных городов проживает 47 % городского населения Российской Федерации. В большинстве городов с наибольшим уровнем загрязнения атмосферного воздуха основными источниками выбросов являются предприятия топливно-энергетического комплекса. В 13 из них расположены предприятия черной и цветной металлургии, алюминиевой промышленности, в 16 – химической и нефтехимической, в 10 – лесной и деревообрабатывающей, в 2 – угольной промышленности².

В целях охраны рассматриваемого компонента окружающей среды ч. 1 ст. 251 УК РФ

преступлением признается нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, если эти деяния повлекли загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха.

Согласно данным судебной статистики по ст. 251 УК РФ в 2016 г. осужден 1 человек, в 2018 г. – 3 человека, в 2019 г. – 1 человек, в 2021 г. – 3 человека, в 2023 г. – 2 человека, в 2024 г. – 3 человека³. В 2017 и 2022 г. не было ни одного осужденного по указанной статье.

Столь разительная разница между уровнем загрязнения атмосферы и количеством выявленных, расследованных и рассмотренных судами преступлений, предусмотренных ст. 251 УК РФ, свидетельствует об их высокой латентности и требует тщательного анализа причин и проблем, обуславливающих негативную статистику по выявлению и расследованию преступного загрязнения атмосферы.

ПРИЧИНЫ НИЗКОГО ВЫЯВЛЕНИЯ ЗАГРЯЗНЕНИЙ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

Автором изучено 40 материалов доследственных проверок сообщений о совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 251 УК РФ, итогом которых стало вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. По специально разработанному опросному листу проведено анкетирование 20 дознавателей, имеющих следственный опыт проверки сообщений о совершении указанных преступлений. Установлено:

– в 80 % случаев в возбуждении уголовного дела отказано в связи с отсутствием со-

1 Об охране атмосферного воздуха : Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Состояние загрязнения атмосферы в городах на территории России за 2024 г. : ежегодник. СПб., 2025. 265 с.

3 Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 14.01.2026).

бытия преступления, лишь в 20 % – в связи с отсутствием признаков преступления;

- в более 90 % случаев материалы следственной проверки не содержали протоколы осмотра места происшествия;

- ни в одном из материалов не имелось сведений об участии специалиста в проведении следственной проверки;

- в 100 % случаев в материалах имелись лишь письменные объяснения заявителей либо иных лиц, возможно, располагающих информацией об исследуемом событии;

- лишь один из опрошенных дознавателей смог указать, какой нормативно-правовой акт регулирует основы защиты атмосферы в Российской Федерации;

- ни один из опрошенных не знает, что такое фоновое загрязнение атмосферы;

- все опрошенные указали на наличие проблемы привлечения специалиста, при этом затруднились назвать конкретную сферу его специальных знаний и ведомственную принадлежность;

- лишь двое из опрошенных дознавателей смогли назвать органы экологического надзора;

- лишь трое из опрошенных ознакомились с материалами координационных совещаний, проводимых природоохранными прокуратурами.

Пути преодоления негативных факторов расследования преступного загрязнения атмосферы

Анализ практики расследования экологических преступлений позволяет выделить несколько факторов, осложняющих выявление преступного загрязнения атмосферного воздуха.

Во-первых, это сложность и объем экологического законодательства. По данным некоторых экспертов, в сфере экологического законодательства приняты и действуют более 500 нормативно-правовых актов, а если включить в их число и многочисленные подзаконные акты, то их количество превышает 4000 [1, с. 135; 2, с. 771].

Понятие «загрязнение атмосферного воздуха», которое является обязательным признаком рассматриваемого преступления, раскрывается в ст. 1 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха» и опре-

деляется как поступление в него или образование в нем загрязняющих веществ в концентрациях, превышающих установленные государством гигиенические и экологические нормативы качества атмосферного воздуха. Другими словами, законодательством допускаются пределы загрязнения атмосферы, так называемое фоновое загрязнение, которое может соответствовать гигиеническим и экологическим нормативам. Дознавателю при расследовании рассматриваемой категории уголовных дел необходимо это учитывать.

Решением указанной проблемы, как верно подметил И.В. Попов, является избегание использования такого приема законодательной техники, как конструкционная бланкетность, что исключило бы необходимость для дознавателя прибегать к множеству правовых норм объемного, порой бессистемного экологического законодательства [3].

Помимо указанного решения, также видится необходимым использование тактико-организационных методов криминалистического обеспечения выявления и расследования рассматриваемой категории преступлений. Речь идет о внедрении специализации дознавателей и следователей. Очевидно, что это позволит им углубить собственные знания экологического законодательства, использование которого необходимо при выявлении преступного загрязнения атмосферы.

Во-вторых, сегодня не налажено должное взаимодействие между органами экологического надзора и правоохранительными органами. Это выражается в отсутствии системы оперативного уведомления правоохранительных органов о фактах загрязнения атмосферного воздуха. Факты загрязнения и предполагаемые их источники, а также факты нарушения правил выброса или эксплуатации промышленных объектов, оказывающих негативное воздействие на атмосферу, должны устанавливаться органами экологического надзора и затем уже направляться в правоохранительные органы для принятия процессуальных решений.

В целях преодоления негативных последствий слабого межведомственного взаимодействия представляется необходимым усиление активной позиции органов прокуратуры как главного субъекта координации борьбы с преступностью. Необходим кардинальный переход от формальных координационных совещаний к принятию реальных

решений, способствующих усилению взаимодействия субъектов борьбы с экологическими преступлениями. В первую очередь это касается взаимодействия между органами экологического надзора и правоохранительными органами в части оперативного уведомления последних о фактах загрязнения атмосферы и предполагаемых их источниках в целях создания совместных оперативно-следственных групп для незамедлительного реагирования на подобные факты.

В-третьих, рассматриваемые преступления характеризуются спецификой следовой картины, которая выражается в ее кратковременности. Естественные и природные свойства атмосферного воздуха динамичны, а потому загрязняющие вещества могут рассеиваться или быстро перемещаться воздушными потоками, что затрудняет не только фиксацию следов преступления, но и определение источника загрязнения [4]. В таких условиях на первый план выходит принцип оперативности и незамедлительности, который нивелируется, как мы уже указали, отсутствием должного взаимодействия между органами экологического надзора и правоохранительными органами.

Хотя, казалось бы, решение данной проблемы лежит на поверхности и заключается всего лишь в одном решении – предоставлении правоохранительным органам доступа к результатам работы автоматической системы мониторинга загрязнения воздуха и включении специалиста – представителя органов экологического надзора в состав дежурных оперативно-следственных групп на постоянной основе. В этом случае при получении информации о фактах превышения допустимых норм загрязнения атмосферного воздуха напрямую из пунктов автоматического мониторинга загрязнения атмосферы появляется реальная возможность незамедлительного и оперативного проведения осмотра места происшествия, в рамках которого осуществлялся бы отбор сравнительных образцов воздуха с территорий предполагаемых промышленных источников загрязнения.

Медлительность органов экологического надзора может быть обусловлена и объективными причинами. Так, для проведения внеплановых проверок объектов промышленного производства в целях установления как источников загрязнения атмосферы, так

и нарушений правил выброса и эксплуатации производственных объектов, повлекших загрязнение атмосферы, в силу действующего российского законодательства, направленного на защиту прав предпринимателей, требуется согласование с органами прокуратуры. Очевидно, что сроки процедуры подобного согласования, несмотря на их строгую регламентацию, также весьма длинные, а с учетом необходимости соблюдения принципа оперативности и незамедлительности, особенностей следовой картины преступного загрязнения атмосферы и вовсе недопустимые. Решением этой проблемы является проведение осмотра места происшествия в рамках доследственной проверки, не требующего согласования с органами прокуратуры.

В-четвертых, нельзя не упомянуть о достаточно высоких коррупционных рисках в сфере экологического надзора. В этой связи, например, предпринимаются меры профилактики в части проектирования карт коррупционных рисков, возникающих при осуществлении федерального и регионального государственного экологического надзора, что, несомненно, дает определенный положительный эффект, но вместе с тем одной этой меры недостаточно⁴.

Решением данной проблемы может быть усиление оперативно-розыскного сопровождения выявления следственными органами рассматриваемого вида преступлений. Тем более что тактический инструментарий для этого у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, имеется и является достаточно обширным.

В-пятых, процесс выявления преступного загрязнения атмосферного воздуха сопряжен с необходимостью использования специальных знаний, что, несомненно, усложняет с организационной точки зрения доследственную проверку подобных сообщений.

Наиболее востребованной формой использования специальных знаний при выявлении преступного загрязнения атмосферного воздуха является участие специалиста

4 См., например: Министерство природных ресурсов и экологии Свердловской области : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://mprso.midural.ru/documents/projects/444/> (дата обращения: 14.01.2026) ; Об утверждении карты коррупционных рисков и мер по их минимизации Федеральной службы по надзору в сфере природопользования : приказ Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 25.10.2017 № 510 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

при проведении осмотра места происшествия в границах санитарно-защитных зон предполагаемых промышленных источников загрязнения. Участие специалиста в подобных случаях имеет большое значение для грамотного и правильного изъятия проб воздуха по утвержденной методике.

На этом же этапе может быть назначена физико-химическая судебная экспертиза на предмет химического состава проб, концентрации загрязняющих веществ. Это обусловлено необходимостью установления важнейшего обстоятельства по делам о загрязнении природы – наличия следов такого загрязнения, в подавляющем большинстве случаев представленных химическими веществами [5].

Помимо судебно-химической, могут быть назначены судебно-экологическая, судебно-биологическая и ряд других экспертиз, которые требуют гораздо больше времени на их

проведение, в связи с чем представляется целесообразным проводить такие экспертизы на последующих этапах расследования преступного загрязнения атмосферного воздуха.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенным исследованием установлено низкая эффективность органов внутренних дел в части выявления преступлений, предусмотренных ст. 251 УК РФ, что обусловлено наличием ряда объективных причин и факторов. Предлагаемые решения указанных проблем выявления преступного загрязнения атмосферы способны обеспечить надлежащее проведение доследственных проверок по информации о преступном загрязнении атмосферы путем установления самого события преступления, что является достаточным для возбуждения уголовных дел рассматриваемой категории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лукомская А.С. Уголовно-правовая охрана экологической безопасности и экологического правопорядка : монография / А.С. Лукомская ; под науч. ред. Л.Г. Татьяниной. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 181 с.
2. Лушина Л.А. Кодификация экологического законодательства: теория и практика / Л.А. Лушина // Кодификация законодательства: теория, практика, техника : материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. – Нижний Новгород, 2009. – С. 765–771.
3. Попов И.В. Борьба с преступным загрязнением атмосферы: от ее имитации к реальным действиям / И.В. Попов // Уголовное право. – 2024. – № 4. – С. 69–80.
4. Странцов А.А. Проблемы правовой охраны атмосферного воздуха в России / А.А. Странцов // Административное право и процесс. – 2018. – № 6. – С. 50–54.
5. Вяткин А.Н. Алгоритм проведения доследственной проверки по сообщениям о преступном загрязнении почвы / А.Н. Вяткин // Международный вестник криминалистики. – 2025. – № 3 (95). – С. 66–73.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайнуллин Руслан Ильдарович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zainullin Ruslan Ildarovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 03.02.2026. The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 03.02.2026.

Научная статья
УДК 340.112; 340.5; 343.8
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.26

Original article

ИЛЮХИНА Вера Алексановна ✉
Академия ФСИН России, Рязань, Россия;
Нижегородский институт управления –
филиал РАНХиГС,
Нижний Новгород, Россия,
eva3011@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>

ILYUKHINA Vera Aleksanovna
Academy of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Ryazan, Russia; Nizhny Novgorod
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Nizhny Novgorod, Russia

ДЕМИЧЕВ Алексей Андреевич
Нижегородская академия МВД России;
Нижегородский институт управления –
филиал РАНХиГС,
Нижний Новгород, Россия,
aadem@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>

DEMICHEV Alexey Andreevich
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;
Nizhny Novgorod Branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Nizhny Novgorod, Russia

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

LEGAL TECHNIQUES FOR CODIFYING THE PRINCIPLES OF PENAL ENFORCEMENT LAW
IN THE LEGISLATION OF POST-SOVIET STATES

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в научной литературе компаративистских исследований принципов уголовно-исполнительного права государств постсоветского пространства. Цель исследования: выявление особенностей юридической техники закрепления принципов уголовно-исполнительного права в законодательстве государств постсоветского пространства. Методы исследования: сравнительно-правовой, позволивший в компаративистском ракурсе проанализировать пенитенциарное законодательство государств постсоветского пространства, установить общее и выявить специфику; формально-юридический, позволивший выявить и проанализировать юридические понятия в том виде, как их сформулировал законодатель. Результаты: предложено основанное на позитивистском правопонимании определение принципов российского уголовно-исполнительного права (уголовно-исполнительного законодательства) как нормативно закреплённых и прямо маркированных в ст. 8 УИК РФ в качестве принципов уголовно-исполнительного законодательства основополагающих идей правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. Сделан вывод об определяющем вли-

Abstract. The research is relevant due to the lack of comparative research on the principles of penal enforcement law in post-Soviet states in the scientific literature. The purpose of the study is to reveal the distinctive characteristics of legal techniques for codifying the principles of penal enforcement law in the legislation of post-Soviet states. Research methods: the comparative legal method, enabling a comparative analysis of penal enforcement legislation across post-Soviet states, revealing common features and highlighting unique aspects; the formal-legal method facilitating the identification and analysis of legal concepts as formulated by the legislator. Results: The article proposes a definition of the principles of Russian penal enforcement law (penal enforcement legislation) based on positivist legal understanding, as fundamental ideas of legal regulation of penal enforcement relations, normatively enshrined and explicitly marked in Article 8 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation as principles of penal enforcement legislation. The article concludes that the Model Penal Enforcement Code for CIS member states of November 2, 1996, has a decisive influence on the enshrinement mechanism and the list of principles of penal enforcement law

янии на механизм закрепления и перечень принципов уголовно-исполнительного права государств постсоветского пространства. Модельного уголовно-исполнительного кодекса для государств – участников СНГ от 2 ноября 1996 г. Обосновано, что теоретически оптимальным для Российской Федерации является способ закрепления принципов уголовно-исполнительного законодательства, использованный разработчиками УИК Кыргызской Республики, а более приемлемой – модель Республики Армения. Предложены вопросы для проведения публичной научной дискуссии, касающейся принципов уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: принципы права, принципы уголовно-исполнительного права, принципы уголовно-исполнительного законодательства, юридическая техника

Для цитирования: Илюхина В.А. Юридическая техника закрепления принципов уголовно-исполнительного права в законодательстве государств постсоветского пространства / В.А. Илюхина, А.А. Демичев. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.26 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 252–261.

in post-Soviet states. The article demonstrates that, theoretically, the most optimal way for the Russian Federation to incorporate the principles of penal enforcement legislation is the method employed by the developers of the Penal Enforcement Code of the Kyrgyz Republic, with the Republic of Armenia's model being more acceptable. The article offers questions for a public scientific discussion regarding the principles of penal enforcement legislation in the Russian Federation.

Keywords: principles of law, principles of penal enforcement law, principles of penal enforcement legislation, legal techniques

For citation: Ilyukhina V.A., Demichev A.A. Legal Techniques for Codifying the Principles of Penal Enforcement Law in the Legislation of Post-Soviet States. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 252–261. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.26.

ВВЕДЕНИЕ

Эффективность того или иного нормативного правового акта напрямую зависит от юридической техники, которая использовалась при его составлении. Целенаправленное использование современных технико-юридических приемов особенно важно при принятии кодифицированных актов, поскольку в правовых системах государств, входящих в континентальную правовую семью, именно они играют определяющую роль в правовом регулировании конкретных сфер общественных отношений.

В первой четверти XXI в. к законодателям и правоприменителям государств, возникших на постсоветском пространстве, все больше приходит осознание роли принципов права в национальных правовых системах. Это проявляется в том, что в кодифицированных актах стали нормативно закрепляться принципы права, а в актах правоприменительной практики все более многочисленными становятся отсылки к ним, в том числе при аргументации выносимых решений. Все сказанное

в определенной мере относится и к регулированию уголовно-исполнительных отношений.

Далее мы проанализируем особенности юридической техники закрепления принципов уголовно-исполнительного права в законодательстве государств постсоветского пространства. Источником для исследования нам послужат кодифицированные акты в уголовно-исполнительной сфере, принятые в двенадцати официально признанных государствах, образованных из отдельных советских республик бывшего СССР.

Мы не рассматриваем законодательство стран Балтии – Латвии, Литвы и Эстонии, потому что, во-первых, эти республики вошли в состав СССР только в 1940 г. и оставались его частями всего чуть более полувека. Все это время, хотя там и действовало советское законодательство, правовой менталитет населения оставался близок к западноевропейскому. Во-вторых, после распада СССР страны Балтии практически полностью отказались от традиций советского законодательства, переориентировались на правовые системы государств Европейского союза и ве-

дут недружественную политику в отношении Российской Федерации. Это сказалось и на пенитенциарном законодательстве бывших государств Советской Прибалтики. Структура, юридическая техника и содержание их законов в уголовно-исполнительной сфере существенно отличаются от уголовно-исполнительного законодательства остальных постсоветских государств. По этим причинам включение законодательства Латвии, Литвы и Эстонии в предмет настоящего компаративистского исследования принципов уголовно-исполнительного права мы считаем нецелесообразным.

Понятие принципов уголовно-исполнительного законодательства

Понятие принципов права, в том числе уголовно-исполнительного [1; 2; 3; 4; 5], является дискуссионным в научной литературе. Мы не будем останавливаться на этой проблеме, но отметим, что определение принципов права, понимание их сущности, содержания, роли в правовом регулировании общественных отношений, места в национальной правовой системе напрямую обуславливается типом правопонимания, которого придерживается законодатель, правоприменитель, тот или иной конкретный ученый.

Можно сколько угодно критиковать позитивистское правопонимание, однако, на наш взгляд, именно оно, особенно в его жесткой нормативистской трактовке, наиболее отвечает современным вызовам в сфере законотворчества и правоприменения [6; 7]. Понимание принципов права как нормативно закрепленных и соответствующим образом маркированных основополагающих идей всего правового регулирования или отдельных его сфер позволяет правоприменителю четко представлять, какие положения нормативного правового акта являются принципами права, а какие – нет, и учитывать это в своей деятельности.

По нашему мнению, принципы российского уголовно-исполнительного права (что в рамках позитивизма синонимично принципам уголовно-исполнительного законодательства) – это нормативно закрепленные и прямо маркированные в ст. 8 УИК РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ в качестве принципов уголовно-исполнительного законодательства осново-

полагающие идеи в сфере правового регулирования уголовно-исполнительных отношений.

Принципы российского уголовно-исполнительного права также закреплены и в Конституции РФ. Некоторые общеправовые конституционные принципы (например, принцип законности, закрепленный в ч. 1, 2, 3 ст. 15 Конституции РФ и названный в ст. 8 УИК РФ, и принцип равенства осужденных перед законом, закрепленный в ст. 19 Конституции РФ и адаптированный применительно к сфере уголовно-исполнительных отношений в ст. 8 УИК РФ) продублированы в ст. 8 УИК РФ. Большинство же носящих общеправовой характер конституционных принципов не продублированы в УИК РФ (гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина, уважения чести и достоинства личности, неприкосновенности частной жизни и др.). Не продублирован в УИК РФ и межотраслевой принцип компенсации (возмещения вреда), закрепленный в ст. 42, 52, 53 Конституции РФ.

Что касается законодательства других государств постсоветского пространства, то ситуация там аналогичная: ряд конституционных общеправовых (иногда и межотраслевых) принципов не продублированы в кодифицированных уголовно-исполнительных актах. Тем не менее, учитывая, что конституция является основным законом не только в России, конституционные принципы обладают прямым действием, независимо от их продублированности или непродублированности в отраслевых нормативных актах.

Далее мы будем рассматривать только принципы уголовно-исполнительного законодательства, которые прямо закреплены в уголовно-исполнительных кодексах или аналогичных им нормативных правовых актах. Обратим внимание, что принципы права в целом и принципы уголовно-исполнительного права в частности нужно отграничивать от доктринальных принципов – идей, которые выводятся из содержания норм, правовых предписаний, смысла закона путем их анализа и толкования, общих представлений о праве, общих представлений о сущем и должном, из морально-этических представлений и т. п.

В уголовно-исполнительном законодательстве государств постсоветского пространства не принято давать дефиницию принципов уголовно-исполнительного законодатель-

ства. Единственное исключение – УИК Кыргызской Республики от 31 января 2017 г. № 17. В п. 2 ст. 2 «Основные понятия, применяемые в настоящем Кодексе» раскрывается содержание понятия «принципы уголовно-исполнительного законодательства». Под ними понимаются «руководящие правовые идеи, выражающие основные правовые взгляды государства на характер уголовно-исполнительного законодательства и регулирование общественных отношений при исполнении уголовных наказаний».

Несомненно, попытка нормативного закрепления понятия принципов уголовно-исполнительного законодательства должна приветствоваться. Однако в содержательном плане она нам представляется не очень удачной. Во-первых, из приведенного определения не ясно, идет речь об идеях, непосредственно закрепленных в гл. 2 «Принципы уголовно-исполнительного законодательства», или существуют иные принципы уголовно-исполнительного законодательства. Если таковые существуют, то в какой форме и где они закреплены? Во-вторых, непонятно, принципы – это только идеи или еще и нормы права? В-третьих, остается открытым вопрос, кому адресованы принципы права (законодателю, правоприменителю, лицам, отбывающим наказание, и т. д.)? И наконец, не ясно, являются ли принципы уголовно-исполнительного законодательства регулятором общественных отношений или же это только исходящие от государства пожелания.

Тем не менее считаем, что всем остальным государствам постсоветского пространства целесообразно в уголовно-исполнительном законодательстве закрепить дефиницию принципов. Однако сделать это нужно так, чтобы определение было не просто сформулировано ясно и четко, но и снимало обозначенные выше вопросы.

МЕХАНИЗМ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Прежде чем рассмотреть механизм закрепления принципов уголовно-исполнительного законодательства в кодифицированных актах государств постсоветского пространства, необходимо отметить, что 2 ноября 1996 г. постановлением Межпарламентской

Ассамблеи государств – участников СНГ был принят Модельный уголовно-исполнительный кодекс для государств – участников СНГ (далее – Модельный кодекс). Несмотря на рекомендательный характер данного документа, он оказал серьезное влияние на закрепление принципов права в уголовно-исполнительном законодательстве государств постсоветского пространства.

В ст. 7 «Принципы уголовно-исполнительного законодательства» Модельного кодекса содержится положение: «Уголовно-исполнительное законодательство основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, рационального применения принудительных средств и стимулирования правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием». Как видим, в названном акте перечислено семь принципов уголовно-исполнительного законодательства, однако раскрытие их содержания оставлено на усмотрение национальных законодателей. К сожалению, большинство государств постсоветского пространства, за исключением Таджикистана, Армении и Кыргызской Республики, не стали ничего делать в этом направлении.

Первой в своем законодательстве заимствовала механизм закрепления принципов права, предложенный в Модельном кодексе, Российская Федерация. Статья 8 УИК РФ идентична по структуре и близка по содержанию ст. 7 Модельного кодекса. Небольшие несущественные отличия имеются в названии двух принципов. Принцип, названный в Модельном кодексе принципом рационального применения принудительных средств и стимулирования правопослушного поведения, в УИК РФ назван принципом рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения. Как видим, отличия носят исключительно редакционный характер. Еще менее отличается название другого принципа, который в Модельном кодексе сформулирован как принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, а в УИК РФ – как принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний. Отличие здесь лишь в окончании последнего слова.

Сложно сказать, почему в УИК РФ содержание принципов осталось нераскрытым. Мы не исключаем, что при принятии Кодекса законодатель просто не осознавал истинного значения принципов уголовно-исполнительного законодательства и той роли, которую они могут и должны играть в правовой системе, поэтому и ограничился почти прямым заимствованием положений Модельного кодекса. Некоторые авторы дают другое объяснение: при обсуждении проекта УИК РФ были слишком сильны противоречия между позициями относительно содержания конкретных принципов, поэтому предпочли ограничиться только их перечислением [8, с. 51; 9, с. 74]. В этом случае можно надеяться, что разногласия будут преодолены и принципы, названные в ст. 8 УИК РФ, наконец-то обретут наполнение. К сожалению, пока этого не произошло.

Удивительно, что еще в восьми других государствах постсоветского пространства законодатель тоже пошел по пути простого перечисления принципов.

Так, в ст. 6 УИК Республики Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-З перечислены те же принципы уголовно-исполнительного законодательства. Причем названия первых четырех полностью совпадают с перечнем из Модельного кодекса, а последние три имеют незначительные редакционные расхождения.

В ст. 7 Кодекса Азербайджанской Республики об исполнении наказаний, утвержденного Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 908-IQ, перечислено не семь, а шесть принципов законодательства об исполнении наказаний. Первыми идут традиционные принципы законности, гуманизма и демократизма, а формулировки остальных немного отличаются. В частности, принцип равенства осужденных перед законом имеет более широкую трактовку – он сформулирован как принцип «равенства осужденных и юридических лиц, в отношении которых применяются меры уголовно-правового характера, перед законом». Здесь в полной мере проявляется специфика уголовного законодательства Азербайджана, поскольку гл. 15-2 УК Азербайджанской Республики, утвержденного Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ, устанавливает уголовно-правовые меры, применяемые в отношении юридических лиц.

Второе отличие состоит в том, что из названия принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания «пропала» часть, касающаяся дифференциации. Азербайджанский законодатель назвал данный принцип принципом индивидуализации исполнения наказаний. Последний (шестой) принцип называется принципом целесообразного применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения и усиления воспитательного воздействия наказания. Из-за того, что, как уже отмечалось, содержание принципов ни в Модельном кодексе, ни в ряде уголовно-исполнительных кодексов государств постсоветского пространства не раскрывается, не совсем ясно, можно ли считать названный азербайджанский принцип аналогом принципа рационального применения принудительных средств и стимулирования правопослушного поведения или же он включает и принцип соединения наказания с исправительным воздействием. Последний, напомним, является самостоятельным принципом в Модельном кодексе.

В ст. 6 УИК Республики Узбекистан, утвержденного Законом Республики Узбекистан от 25 апреля 1997 г. № 409-I, перечислено восемь принципов уголовно-исполнительного законодательства. При заимствовании подхода, содержащегося в Модельном кодексе, узбекский законодатель не стал закреплять принцип равенства осужденных перед законом. Возможно, это сделано потому, что общеправовой принцип равенства всех перед законом закреплен в ст. 19 Конституции Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. Также среди принципов уголовно-исполнительного законодательства отсутствует принцип соединения наказания с исправительным воздействием.

Зато, в отличие от Модельного кодекса, в УИК Республики Узбекистан появилось два новых принципа – гуманного обращения к осужденным и уважения чести и достоинства осужденных, присущих человеческой личности. Со вторым все понятно: он конкретизирует общеправовой конституционный принцип неприкосновенности чести и достоинства личности (ст. 26 Конституции Республики Узбекистан). А вот целесообразность закрепления принципа гуманного обращения к осужденным при наличии принципа гуманизма, названного в той же статье, вызывает вопросы.

Совершенно не ясно, в чем состоит различие между принципом гуманизма и принципом гуманного обращения к осужденным, как они соотносятся между собой, не является ли второй принцип лишь одним из аспектов первого.

В ст. 5 УИК Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-Vг названо восемь принципов уголовно-исполнительного законодательства. При этом, что присуще только УИК Республики Казахстан, принципы пронумерованы, каждому посвящен отдельный абзац. Это позволяет абсолютно четко понять подход законодателя к выделению того или иного принципа.

Другой особенностью УИК Республики Казахстан в вопросе закрепления принципов права является то, что принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания воспринимается как два самостоятельных принципа – дифференциации условий исполнения наказаний, индивидуализации исполнения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия. Поскольку содержание принципов не раскрыто, бессмысленно, на наш взгляд, рассуждать, что более верно: два разных принципа или один объединенный.

Третья особенность УИК Республики Казахстан заключается в том, что принцип рационального применения принудительных средств и стимулирования правопослушного поведения из Модельного кодекса сформулирован как два самостоятельных принципа – рационального применения мер принуждения, стимулирования правопослушного и активно-общественно полезного поведения осужденных. Кстати, в формулировке второго принципа акцент сделан не просто на стимулировании правопослушного поведения, но и на его активном общественно полезном характере.

Четвертая особенность принципов уголовно-исполнительного законодательства Казахстана – отсутствие в их перечне принципов демократизма и равенства осужденных перед законом. Что касается принципа демократизма, то, по нашему мнению, он, в силу своей сущности, вообще не имеет отношения к уголовно-исполнительной сфере, поэтому ему не место среди принципов уголовно-исполнительного законодательства. Относительно невключения принципа равенства осужденных перед законом аргументация, видимо, должна быть такая же, как и применительно к узбекскому законодательству. В ст. 14 Кон-

ституции Республики Казахстан, принятой на республиканском референдуме 30 августа 1995 г., закреплён общеправовой принцип равенства всех перед законом и судом. Возможно, законодатель просто не стал его дублировать или конкретизировать в уголовно-исполнительном законодательстве.

Последней, пятой, особенностью является введение принципа соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. По сути, это общеправовой принцип, который можно было дублировать или не дублировать в отраслевом законодательстве.

В ст. 5 УИК Украины от 11 июля 2003 г. № 1129-IV перечислено самое большое количество (двенадцать) принципов «уголовно-исполнительного законодательства, исполнения и отбывания наказаний» среди всех аналогичных нормативных правовых актов государств постсоветского пространства. Новыми по сравнению с Модельным кодексом являются принцип неотвратимости исполнения и отбывания наказаний, принцип справедливости, принцип уважения к правам и свободам человека, принцип взаимной ответственности государства и осужденного и принцип участия общественности в предусмотренных законом случаях в деятельности органов и учреждений исполнения наказаний. Обратим внимание, что непонятным в данном случае является соотношение принципа демократизма и принципа участия общественности в предусмотренных законом случаях в деятельности органов и учреждений исполнения наказаний. К сожалению, в условиях, когда содержание принципов не имеет легального раскрытия, точный ответ на этот вопрос получить невозможно.

Итак, в уголовно-исполнительном законодательстве России, Беларуси, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана и Украины механизм закрепления принципов уголовно-исполнительного законодательства аналогичен принятому в Модельном кодексе. Близок к нему и механизм закрепления принципов уголовно-исполнительного законодательства в ст. 3 УИК Туркменистана от 25 марта 2011 г. № 164-IV. Отличие заключается в том, что статья, посвященная принципам уголовно-исполнительного законодательства, имеет деление на части. Часть 1 ст. 3 УИК Туркменистана аналогична ст. 8 УИК РФ, ст. 6 УИК Республики Беларусь, ст. 7 Кодекса Азербайджанской Республики об исполнении наказаний и др.

В ч. 2 ст. 3 УИК Туркменистана отдельно закреплено право лиц, отбывающих уголовное наказание, на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности. Можно предположить, что мы имеем дело с попыткой конкретизировать содержание одного из принципов, названных в ч. 1 той же статьи, – принципа гуманизма. А в ч. 3 названной статьи раскрывается содержание принципа равенства осужденных перед законом.

Таким образом, законодатель раскрыл содержание двух принципов из семи. При этом остается не ясным, что помешало ему сделать то же в отношении остальных принципов уголовно-исполнительного законодательства, что было бы более логичным.

Среди уголовно-исполнительных кодексов государств постсоветского пространства особняком стоит Исполнительный кодекс Республики Молдова от 24 декабря 2004 г. № 443-XV. На наш взгляд, это уникальный нормативный правовой акт, в котором объединены вопросы исполнения судебных актов как по гражданским, так и по уголовным делам. Книга первая посвящена исполнению решений по гражданским делам, а книга вторая – исполнению решений по уголовным делам. В ст. 167 закреплены принципы уголовно-исполнительного законодательства. В первой ее части перечислено семь принципов. В отличие от Модельного кодекса, здесь не называется принцип соединения наказания с исправительным воздействием, зато имеется принцип соблюдения прав, свобод и уважения достоинства человека.

На наш взгляд, интерес представляет расширенная формулировка принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. Молдавский законодатель закрепил его в качестве принципа дифференциации, индивидуализации и планирования исполнения уголовных наказаний. Однако главное достоинство Исполнительного кодекса Республики Молдова с точки зрения юридической техники закрепления принципов права не в этом. В ч. 2 ст. 167 данного документа устанавливается, что «Меры безопасности осуществляются на основе принципов уголовного права в целях устранения угрозы и предупреждения совершения деяний, предусмотренных уголовным законом», а в ч. 3 – «Осуществление мер пресечения основывается на принципах и при соблюдении уголовно-процессуального законодательства».

Это означает, что молдавский законодатель в ряде случаев прямо санкционирует действие принципов уголовного и уголовно-процессуального права в сфере уголовно-исполнительных отношений. Подобного рода положений нет в уголовно-исполнительном законодательстве ни одного государства постсоветского пространства.

Также из череды во многом схожих уголовно-исполнительных кодексов выпадает Кодекс о заключении под стражу Грузии от 9 марта 2010 г. № 2696-1с. В нем нет статьи, которая посвящалась бы только принципам уголовно-исполнительного законодательства. Принципам (не уголовно-исполнительного законодательства, а исполнения заключения под стражу и лишения свободы) уделено внимание только в ч. 2 ст. 1 «Цели и принципы законодательства Грузии об исполнении заключения под стражу и лишения свободы». Причем перечислено без раскрытия содержания всего пять принципов: законности, гуманизма, демократичности, равенства перед законом и индивидуализации наказания.

Если в восьми рассмотренных выше кодифицированных актах государств постсоветского пространства содержание принципов уголовно-исполнительного права не раскрывается, то в Кодексе исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан от 6 августа 2001 г., УИК Республики Армения от 18 января 2005 г. № ЗР-60 и УИК Кыргызской Республики от 31 января 2017 г. № 17 ситуация совершенно иная. Принципиальное их отличие в том, что законодатель предпринял попытку наполнить содержанием названные в них принципы уголовно-исполнительного законодательства. При этом юридическая техника закрепления принципов права разная.

В Кодексе исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан нет ни специальной главы, ни статьи, в которых бы перечислялись принципы уголовно-исполнительного законодательства. В этом названный нормативный правовой акт уступает всем прочим кодифицированным актам, регулирующим уголовно-исполнительную сферу, в которых имеются отдельные статьи, содержащие четкий перечень принципов уголовно-исполнительного права. Однако он обладает несомненным достоинством, поскольку в гл. 1 «Общие положения» имеется шесть статей (ст. 8–13), в которых последовательно,

с раскрытием содержания закреплены принципы законности, равенства осужденных перед законом, гуманизма, демократизма, справедливости и стимулирования правопослушного поведения, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания.

Сделаем оговорку, что мы не будем анализировать содержание принципов уголовно-исполнительного законодательства Таджикистана, Армении и Кыргызстана, поскольку данная проблема должна стать предметом самостоятельного научного исследования.

В УИК Республики Армения от 18 января 2005 г. № ЗР-60 нет такого недостатка, как в Кодексе исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан. В нем, как и в большинстве уголовно-исполнительных кодексов государств постсоветского пространства, есть специальная статья, содержащая перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства (ст. 5). Этот перечень из пяти принципов не оригинален и представляет собой суженный вариант принципов, закреплённых в Модельном кодексе. Армянский законодатель не посчитал нужным включить в него принцип демократизма, что, на наш взгляд, абсолютно правильно, и принцип рационального применения принудительных средств и стимулирования правопослушного поведения.

Отметим, что в УИК Республики Армения, в отличие от Модельного кодекса и большинства уголовно-исполнительных кодексов государств постсоветского пространства, принципы законности и гуманизма поменяны местами. Армянский законодатель первым расположил принцип гуманизма, а принцип законности поставил на второе место. Мы полагаем, что такая перемена не является случайной, акцент именно на принципе гуманизма в регулировании уголовно-исполнительных отношений сделан намеренно.

Однако наиболее важно в плане юридической техники и значимо для правоприменителя то, что в ст. 6 УИК Республики Армения раскрывается содержание принципа гуманизма, в ст. 7 – принципа законности, в ст. 8 – принципа равенства осужденных перед законом, в ст. 9 – принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, в ст. 10 – принципа сочетания наказания и средств исправления.

Самым совершенным в плане юридической техники закрепления принципов уголовно-

исполнительного законодательства является УИК Кыргызской Республики. Он превосходит все прочие уголовно-исполнительные законы минимум по двум параметрам. Во-первых, как мы уже отмечали ранее, в п. 2 ст. 2 УИК Кыргызской Республики закреплёно понятие принципов уголовно-исполнительного законодательства. Во-вторых, в единственном из всех постсоветских уголовно-исполнительных кодексов в нем выделена специальная глава «Принципы уголовно-исполнительного законодательства» (гл. 2). Она состоит из восьми статей (ст. 7–14). В первой (ст. 7) перечисляются принципы уголовно-исполнительного законодательства. В последующих статьях (в названии каждой содержится слово «принцип») раскрывается сущность каждого принципа: в ст. 8 – принципа законности, в ст. 9 – принципа гуманизма, в ст. 10 – принципа участия общественности, в ст. 11 – принципа равенства осужденных перед законом, в ст. 12 – принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний и принудительных мер уголовно-правового воздействия, в ст. 13 – принципа рационального применения принудительных средств и стимулирования правопослушного поведения, в ст. 14 – принципа соединения наказаний и принудительных мер уголовно-правового воздействия с исправительным воздействием на осужденных и их ресоциализацией. Как видим, за исключением частичных небольших редакционных расхождений эти принципы соответствуют принципам уголовно-исполнительного законодательства, изложенным в ст. 7 Модельного кодекса. В качестве положительного момента отметим, что кыргызский законодатель намеренно не использует понятие «принцип демократизма», не имеющее отношения к уголовно-исполнительной системе, и заменяет его принципом участия общественности. Анализ содержания этого принципа приводит к выводу, что он имеет прямое отношение и может успешно реализовываться в уголовно-исполнительной сфере общественных отношений.

Выводы

Во-первых, исходя из позитивистского правопонимания, принципы российского уголовно-исполнительного права (уголовно-исполнительного законодательства) – это норма-

тивно закрепленные и прямо маркированные в ст. 8 УИК РФ в качестве принципов уголовно-исполнительного законодательства основополагающие идеи правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. Все прочие идеи, касающиеся уголовно-исполнительных отношений, не закрепленные в УИК РФ (кроме конституционных принципов права), которые выводятся из содержания отдельных правовых норм или их совокупности, общего смысла закона, представлений о праве, справедливости, сформулированные учеными или в судебной практике, принципами права не являются. Они представляют собой доктринальные принципы, которые функционируют не в сфере права, а в сфере правосознания.

Во-вторых, на механизм закрепления и перечень принципов уголовно-исполнительного права государств постсоветского пространства определяющее влияние оказал Модельный уголовно-исполнительный кодекс для государств – участников СНГ.

В-третьих, в девяти из двенадцати рассмотренных кодифицированных актов государств постсоветского пространства, регулирующих уголовно-исполнительные отношения, принципы уголовно-исполнительного законодательства только перечисляются, их содержание не раскрывается. Кроме того, ни в одном нормативном правовом акте, кроме УИК Кыргызской Республики, не закреплена дефиниция принципов уголовно-исполнительного законодательства. Такой подход не позволяет правоприменителю эффективно использовать принципы права в практической деятельности, поскольку сложно использовать то, что непонятно.

В-четвертых, содержание принципов уголовно-исполнительного права раскрыто только в законодательстве Таджикистана, Армении и Кыргызстана, отчасти – Туркменистана. При этом используются разные технико-юридические механизмы их закрепления. Теоретически оптимальным является способ, использованный законодателем Кыргызской Республики (принципам посвящена специальная глава, в первой статье которой дается перечень принципов права, а в остальных

статьях последовательно раскрывается содержание каждого). Однако для Российской Федерации более приемлема, на наш взгляд, модель Республики Армения, где отсутствует глава «Принципы уголовно-исполнительного законодательства», но в гл. 1 «Общие положения» имеется статья «Принципы уголовно-исполнительного законодательства», в которой перечисляются принципы, а потом следуют статьи, раскрывающие содержание каждого из них. Армянская модель подходит для России больше, чем кыргызская, исключительно по техническим причинам: в этом случае не придется менять структуру УИК РФ, достаточно будет ввести в Кодекс ст. 8.1 «Принцип законности», ст. 8.2 «Принцип гуманизма» и т. д. Кстати, такие предложения уже высказывались в научной литературе [5, с. 224–228].

В-пятых, мы намеренно в данной работе не предлагаем свое видение содержания конкретных принципов уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, поскольку полагаем, что на страницах академического журнала должна быть официально объявлена дискуссия (аналогично дискуссиям, проходившим в советский период), посвященная принципам уголовно-исполнительного законодательства. В ходе нее предлагаем обсудить следующие вопросы:

- следует ли закреплять в УИК РФ понятие принципов уголовно-исполнительного законодательства. Если следует, то какой должна быть соответствующая дефиниция;

- следует ли в УИК РФ, исходя из зарубежного опыта, делать отсылки к принципам других отраслей права (в первую очередь уголовного и уголовно-процессуального);

- с учетом опыта государств постсоветского пространства, каков должен быть перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства, как именно должны формулироваться названия принципов;

- с учетом доктринальных разработок российских пенитенциаристов и опыта государств постсоветского пространства, каким должно быть нормативно закрепленное содержание каждого из принципов уголовно-исполнительного законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сизая Е.А. Принципы уголовно-исполнительного права: вопросы теории и практики : монография / Е.А. Сизая. – Чебоксары : РИО ЧКИ РУК, 2008. – 383 с.
2. Анисимков В.М. Предмет и принципы уголовно-исполнительного регулирования: актуальные проблемы теории и правоприменительной практики : монография / В.М. Анисимков, Е.В. Королева. – Краснодар : Российский криминологический взгляд, 2009. – 111 с.
3. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2016. – 80 с.
4. Чубраков С.В. Проблема принципов в уголовно-исполнительном праве: история и современность / С.В. Чубраков ; под ред. В.А. Уткина. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. – 128 с.
5. Можайкина В.А. Принципы уголовно-исполнительного права в российской правовой системе : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / В.А. Можайкина. – Курск, 2024. – 230 с.
6. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права / А.А. Демичев // Государство и право. – 2014. – № 5. – С. 5–13.
7. Илюхина В.А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование) : монография / В.А. Илюхина ; под ред. А.А. Демичева. – Москва : Директ-Медиа, 2024. – 408 с.
8. Уткин В.А. Демократизм уголовно-исполнительного права: декларация или реальность? / В.А. Уткин // Человек: преступление и наказание. – 2011. – № 1 (72). – С. 50–53.
9. Гришко А.Я. О принципах уголовно-исполнительного права / А.Я. Гришко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2014. – № 4. – С. 70–77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Илюхина Вера Алексановна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, главный научный сотрудник научного центра Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС;

Демичев Алексей Андреевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, главный научный сотрудник научного центра Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ilyukhina Vera Aleksanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia; Chief Researcher of the Scientific Center of the Nizhny Novgorod Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

Demichev Alexey Andreevich – Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of Civil Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Scientific Center of the Nizhny Novgorod Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 05.01.2026; принята к публикации 12.01.2026. The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 05.01.2026; accepted for publication 12.01.2026.

REFERENCES

1. Sizaya E.A. Principles of Penal Enforcement Law: Theoretical and Practical Issues. Cheboksary Cooperative Institute Publ., 2008. 383 p.
2. Anisimkov V.M., Koroleva E.V. The Subject and Principles of Penal Enforcement Regulation: Current Issues of Theory and Law Enforcement Practice. Krasnodar, Russian Criminological View Publ., 2009. 111 p.
3. Seliverstov V.I. (ed.). General Part of the New Penal Enforcement Code of the Russian Federation: Results of Theoretical Modeling. Moscow, Jurisprudence Publ., 2016. 80 p.
4. Chubakov S.V.; Utkin V.A. (ed.). The Problem of Principles in Penal Enforcement Law: History and Modernity. Tomsk State University Publ., 2015. 128 p.
5. Mozhaykina V.A. Principles of Penal Enforcement Law in the Russian Legal System. Cand. Diss. Kursk, 2024. 230 p.
6. Demichev A.A. Positivist Classification of Principles of Modern Russian Law. *State and Law*, 2014, no. 5, pp. 5–13. (In Russian).
7. Ilyukhina V.A.; Demichev A.A. (ed.). Principles of Law in the National Legal Systems of the Russian Federation and the Republic of Armenia (Comparative Legal Study). Moscow, Direct-Media Publ., 2024. 408 p.
8. Utkin V.A. Democracy of Penal Law: Declaration or Reality? *Man: Crime and Punishment*, 2011, no. 1 (72), pp. 50–53. (In Russian).
9. Grishko A.Ya. On the Principles of Criminal and Enforcement Law. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2014, no. 4, pp. 70–77. (In Russian).

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.27

МИХАЙЛОВА Тамара Николаевна
Восточно-Сибирский институт МВД России,
Иркутск, Россия,
stn-postman@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4681-175X>

Original article

MIKHAILOVA Tamara Nikolaevna
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk, Russia

ПОДОТРАСЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

SUB-BRANCHES OF CRIMINAL PROCEDURE LAW: PROBLEM STATEMENT

Аннотация. Усложнение системы уголовно-процессуальных отношений, влияющих на появление востребованных в рамках правового регулирования правовых образований, требует изучения системной и структурной организации современного уголовно-процессуального права. Увлечение исследованием институциональных аспектов правовых образований продуктивно в целях развития общего учения о структуре уголовно-процессуального права, однако оставляет на периферии научных интересов такой его структурный элемент, как подотрасль. В теории государства и права подотрасль, как правило, определяется в качестве факультативного элемента, в связи с чем специалисты по отраслевым наукам не проявляют должного интереса к его исследованию. На фоне размежевания отраслей права подотрасль права способна устранить или сгладить существующие противоречия в части определения правового статуса того или иного нормативного образования, катализировать развитие системы права и выступить платформой для поддержки новых отраслей. Цель исследования: на основе структурного анализа уголовно-процессуального права обосновать необходимость развития подотраслевого уровня организации уголовно-процессуального материала в целях развития и обогащения системы права и системы законодательства России. Методы исследования: основой исследования выступил системный подход к пониманию права и метод структурного анализа входящих в его состав элементов. Также были использованы общенаучные (анализа и синтеза, индукции и дедукции, логический) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы познания правовых явлений. Результаты: уголовно-процессуальное право как отрасль системы национального права достигла необходимой содержательной целостности для подотраслевой

Abstract. The increasing complexity of the system of criminal procedure relations, which influences the emergence of legal entities in demand within legal regulation, necessitates research of the systemic and structural organization of modern criminal procedure law. The focus on researching the institutional aspects of legal entities is productive for the development of the general theory of the structure of criminal procedure law; however, it leaves such a structural element as a sub-branch on the periphery of scientific interests. In the theory of state and law, a sub-branch is generally defined as an optional element, which is why specialists in specific branches of law do not show due interest in its study. Against the backdrop of the differentiation of branches of law, a sub-branch of law is capable of eliminating or smoothing out existing contradictions in terms of defining the legal status of a particular regulatory entity, catalyzing the development of the legal system, and serving as a platform for supporting new branches. The purpose of the study is to substantiate the necessity to develop a sub-branch level of organization for criminal procedure materials, based on a structural analysis of criminal procedure law, with the aim of developing and enriching the Russian legal system and legislative framework. The foundation of this research is a systemic approach to understanding law and the method of structural analysis of its constituent elements. General scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, logical reasoning) and specific scientific methods (formal-legal, comparative-legal) for comprehending legal phenomena are also employed. Results: criminal procedure law, as a branch of the national legal system, has achieved the necessary substantive integrity for the sub-branch organization

организации нормативного материала. Крупные и развитые массивы правовых норм по определенным критериям могут претендовать на переход из статуса сложных правовых институтов в подотрасли уголовно-процессуального права. Необходимые предпосылки для этого есть. Траектория развития доктрины уголовно-процессуального права должна идти в данном направлении, способствуя обогащению общего учения о системе и структуре права.

Ключевые слова: система права, структура права, уголовно-процессуальное право, подотрасль права, институт права, дифференциация, интеграция

Для цитирования: Михайлова Т.Н. Подотрасли уголовно-процессуального права: постановка проблемы / Т.Н. Михайлова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.27 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 262–268.

of normative material. Large and developed bodies of legal norms can claim a transition from the status of complex legal institutions to sub-branches of criminal procedure law. There are necessary prerequisites for this. The trajectory of development of the doctrine of criminal procedure law should go in this direction, contributing to the enrichment of the general doctrine of the system and structure of law.

Keywords: legal system, legal structure, criminal procedure law, sub-branch of law, institution of law, differentiation, integration

For citation: Mikhailova T.N. Sub-Branches of Criminal Procedure Law: Problem Statement. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 262–268. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.27.

ВВЕДЕНИЕ

Право – сложноорганизованная, динамически развивающаяся система, в основе формирования которой лежит трансформация структурных компонентов, подверженных в процессе исторического развития дифференциации и интеграции. Возникновение новых и распад старых структурных связей между дифференцирующимися элементами права, их соподчинение друг другу способствуют становлению системы права как целого интегративного явления.

На протяжении более восьмидесяти лет интенсивность системного рассмотрения права то усиливалась, то ослабевала. В настоящее время в отечественном правовом дискурсе соответствующая проблематика вновь активно развивается. Состоявшаяся 14 ноября 2001 г. Всероссийская конференция «Система российского права» возродила интерес к концептуальным вопросам существования системы права в условиях, как характеризует в своих исследованиях А.С. Емельянов, «парадигмального плюрализма» [1, с. 8]. Ученый подчеркивает недостаточность отраслевой мономодели структурирования правовой системы, переводя стезю исследования в сторону функционального подхода, отражающего качественно иные системные связи в праве.

Действительно, перестройка, произошедшая в России, способствовала становлению

содержательно новой системы права и новой системы законодательства. Ни в коем случае мы не отождествляем данные понятия, придерживаясь классической теории первоочередности системы права по отношению к системе законодательства. Система права – явление объективного характера, отражающее реально существующую систему отношений на определенном историческом этапе развития общества, в связи с чем на развитие системы права преимущественное влияние должны оказывать объективные, а не субъективные, опосредующие волю законодателя факторы. Как отмечал С.С. Алексеев, систему права «...нельзя построить, сконструировать, создать» [2, с. 99]. Однако зададимся вопросом: соответствует ли данное положение реальной правовой действительности? Современная система законодательства значительно опережает идеальную в нашем представлении отраслевую модель российской системы права. Появилось множество нормативно-правовых образований, пребывающих в противоречии с принципами сложившейся национальной системы права. В свете чего на страницах научной литературы вдогонку законодателю появляются не всегда достаточно аргументированные предложения о формировании новых структурных элементов в праве (субинститутов, мегаинститутов, новых отраслей, мегаотраслей, комплексных правовых образований и т. д.). Несмотря на оригиналь-

ность и уникальность отечественной системы права, сегодня видится ошибочным отрицать роль субъективного фактора в ходе ее эволюции. Формирование и развитие системы права – процесс перманентный, на него оказывает воздействие и законодатель в рамках осуществления законотворческой деятельности. Непринятие учеными данного обстоятельства является одной из проблем размежевания действующей системы права. Необходимо признать, что право, как и любая сложноорганизованная система, должно рассматриваться в динамике, в основе которой лежит трансформация ее структурных элементов, их приспособление к новым общественным реалиям. При этом внутренняя структура права – его архитектура, правильное определение правового статуса структурных элементов, познание критериев их выделения – имеет особое значение для исследования современной национальной системы права.

ПОДОТРАСЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В рамках отраслевой структуры права выделяют первичный структурный уровень, представленный базовыми, профилирующими отраслями, и вторичный структурный уровень, состоящий из комплексных отраслей права. Все отрасли взаимосвязаны и взаимообусловлены общественными отношениями, на которые они воздействуют. Под влиянием глобализации процессов мирового развития общественные отношения постоянно развиваются и видоизменяются, что приводит к изменению содержания отраслей права. Появляются новые элементы и правовые связи, разрушаются старые. Глубинные процессы каждой отрасли права ведут к изменению системы права в целом.

Одной из фундаментальных отраслей системы российского права является уголовно-процессуальное право, нормативно-правовые предписания которого направлены на упорядочение общественных отношений, возникающих при производстве по уголовному делу в ходе его расследования, рассмотрения и разрешения, а также при решении вопросов, связанных с исполнением приговора. Уголовно-

но-процессуальные отношения формируются в связи с уголовно-правовыми отношениями, складываются по поводу данных отношений [3, с. 150]. Уголовно-процессуальное право относится к внутригосударственному, регулятивному и публичному виду отраслей права.

Уголовно-процессуальное право – продукт длительной эволюции регулирования определенного вида общественных отношений. Являясь составной частью единой системы права, оно представляет собой сложную систему входящих в ее состав структурных элементов. На современном этапе развития уголовно-процессуальное право переживает период трансформации, связанный с возникновением и развитием новых форм и видов взаимоотношений в социуме. На фоне научно-технического прогресса и влияния геополитических процессов расширяется спектр общественных отношений, требующих правового урегулирования [4, с. 244]. Появляются новые нормы уголовно-процессуального права, ликвидируются старые; за счет слияния, поглощения или замены предыдущих реформируются уголовно-процессуальные институты; под воздействием процессов дифференциации и интеграции в праве сформировались предпосылки для подотраслеобразования. Изменения, происходящие в уголовно-процессуальном праве, являются частью проявления общего процесса формирования новой, востребованной обществом и государством системы национального права.

Вопрос архитектуры уголовно-процессуального права заслуживает особого внимания в силу незначительной, на наш взгляд, теоретической проработанности. Внимание ученых, как правило, акцентируется на изучении институтов уголовно-процессуального права [5; 6]. На страницах научной литературы правовые институты рассматриваются с позиции совокупности норм права, регулирующих предметно схожие общественные отношения. Учеными предлагаются различные классификации данных правовых образований (простые и сложные, отраслевые и комплексные и т. д.). Сложные институты, в свою очередь, состоят из субинститутов, то есть выделившейся совокупности правовых норм.

В целом институциональный подход к исследованию какой-либо правовой общности

продуктивен с точки зрения развития теоретических положений уголовно-процессуального права как отрасли права в целом. Он позволяет произвести четкую внутреннюю организацию нормативного материала, обогатить и обеспечить стройность, завершенность формирования уголовно-процессуального права. Однако в рамках уголовно-процессуальной отрасли права различные сферы общественных отношений не одинаковы по своему составу и широте правового регулирования, в связи с чем не могут быть подведены под единый стандартизированный вариант правового института. Крупные по своему содержанию общности правовых норм, направленные на урегулирование специфических, сложносоставных, предметно обособленных общественных отношений, теория государства и права предлагает именовать подотраслями права.

Подотрасль права представляет собой самую крупную подсистему отрасли права и мыслится исключительно как часть целого. Префикс под- свидетельствует о том, что данное структурное правовое образование действительно является составной частью и подчинено образованию более высокого порядка – отрасли. Подотрасль права находится в рамках отрасли права, а исходя из буквального толкования – под отраслью и, соответственно, не может выходить за ее границы, в противном случае возникнет иное структурное правовое образование. Таким образом, подотрасль права, в отличие от правовых институтов, лишена комплексного или межотраслевого начала.

В.В. Бабурин считает, что, в отличие от правового института, для подотрасли права характерна большая самостоятельность в определении принципов правового регулирования, наличие особенностей субъектного состава, а также специфические особенности предмета регулирования [7, с. 78].

С.А. Белоусов определяет подотрасль права через совокупность юридических норм, опосредующих определенную область общественных отношений с помощью метода правового регулирования, присущего основной отрасли права. Подотрасль права, как и отрасль права, является юридически цельным, нерасторжимым правовым образованием. Ее нельзя рассматривать в качестве промежуточного правового образования между правовым институтом и

отраслью, поскольку подотрасли свойственны признаки самостоятельного предметно-функционального системного явления¹.

Как отмечал в своих исследованиях В.С. Нерсисянц, «складываясь первоначально на основе одного или нескольких правовых институтов, при наличии определенных условий (объективные потребности в урегулировании новых сфер общественных отношений, существенное обновление основ и принципов самой правовой регуляции и т. д.) именно подотрасль имеет тенденцию к постепенному развитию в направлении к обособлению в качестве новой самостоятельной отрасли права» [8, с. 432–433].

В рамках Международной научно-практической конференции, прошедшей 16 февраля 2024 г. в Омске, в своем выступлении известный процессуалист В.В. Николук заявил, что решение теоретических проблем отраслеобразования сегодня должно предполагать обращение и к такому элементу системы права, как подотрасль права, выделение которого будет способствовать обнажению противоречивости и несогласованности как в структуре отрасли права, так и в системе права в целом [9, с. 68, 70].

К сожалению, на сегодняшний день интерпретация понятия «подотрасль» в теории уголовно-процессуального права требует содержательной детализации. Данный элемент уголовно-процессуального права, в соответствии с общим учением о праве, не относится к числу обязательных, в связи с чем является менее изученным и понятным в рамках научного дискурса. Однако в свете тенденции к активному наращиванию нормативного материала, дифференциации правового регулирования, развитию межотраслевых и комплексных правовых образований необходима интенсификация научных исследований в данном направлении. Подотраслевое строение уголовно-процессуального права имеет существенный потенциал в вопросах обеспечения системности уголовно-процессуального регулирования по реализации гарантий устойчивого и безопасного развития общества.

1 Белоусов С.А. Подотрасль права [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/podotrasl-prava-020404> (дата обращения: 20.12.2025).

Проведя правовой анализ представленного в открытом доступе научного материала, мы пришли к выводу, что сегодня вопрос существования подотраслевого уровня организации нормативного материала является более исследованным в рамках цивилистики. Специалисты по гражданскому праву в качестве подотраслей выделяют такие самостоятельные предметно-функциональные правовые образования, как вещное право, обязательственное право, право интеллектуальной собственности, жилищное право, наследственное право, семейное право, корпоративное право и др. По мнению исследователей, каждая из предлагаемых ими подотраслей, имея относительную самостоятельность в рамках гражданского права, способна учесть особенности отдельной группы норм, не противореча основным положениям другой подотрасли в рамках отраслевых границ и отрасли права в целом.

В науке уголовно-процессуального права, насколько нам известно, практически нет фундаментальных правовых исследований, проведенных в данном направлении. С различной степенью аргументированности обсуждались или обсуждаются вопросы образования подотраслей уголовно-процессуального права применительно к общности правовых норм, регулирующих доказательства и процесс уголовно-процессуального доказывания, производство следственных и иных процессуальных действий, уголовно-процессуальное принуждение, предварительное расследование, пересмотр судебных решений, судебное разбирательство, договорное уголовно-процессуальное право, международное сотрудничество.

Правовой анализ указанных подходов к идентификации подотраслей уголовно-процессуального права позволил установить, что обособление нормативного материала в обозначенный структурный элемент, как правило, осуществляется либо по предметному признаку (специфика регулируемых подотраслью общественных отношений), либо по структурному признаку (подотрасль представлена через совокупность правовых институтов). На наш взгляд, ни один из указанных критериев (предметный или содержательный) не может быть определяющим для образования самостоятельной подотрасли уголов-

но-процессуального права. Вероятнее всего, здесь вопрос к теории государства и права, которая, отнеся подотрасль к факультативному (необязательному) компоненту отрасли права [10; 11; 12], обошла вниманием вопрос определения критериев подотраслеобразования в рамках отрасли права. В некоторых учебных изданиях по теории государства и права вообще отсутствует упоминание о данной подсистеме отрасли права.

Подчеркивая значимость обозначенных нами процессуальных работ в вопросах развития архитектоники уголовно-процессуального права, его композиционного, подотраслевого построения, заявленная аргументация, насколько нам известно, не нашла концептуального представления. Неразвитость концепции подотраслевого строения уголовно-процессуального права свидетельствует о пробелах в общем учении о системе уголовно-процессуального права. Рефлексия вопроса о наделении правовым статусом подотрасли той или иной группы однородных по предмету правового регулирования правовых норм должна возродиться на фоне интенсификации процессов дифференциации и специализации в современном уголовно-процессуальном праве. Для этого имеются все предпосылки. Уголовно-процессуальное право как отрасль права достигла необходимой содержательной целостности для подотраслевой организации нормативного материала. С учетом комплекса разработанных в теории критериев представляет научный интерес возможность их применения и к другим нормативным массивам уголовно-процессуального права. В частности, к нормативному массиву, выступающему регулятором общественных отношений с участием несовершеннолетних.

С точки зрения исторического пути развития данный нормативно-правовой массив пережил многочисленные трансформации в системе национального права. Ввиду ярко выраженной специфики предмета и метода правового регулирования, обусловленного субъектным составом, а также правового режима, действующего в отношении несовершеннолетних, в структуре уголовно-процессуального права данное правовое образование долгое время рассматривалось с позиции

сложного правового института особого назначения и содержания. Сложные правовые институты в большинстве своем, как представляется, при определенном динамичном развитии выступают предвестниками образования более крупных подсистем уголовно-процессуального права. Применительно к несовершеннолетним как участникам уголовно-процессуальных отношений на современном этапе развития сложился основной корпус уголовно-процессуальных норм, образующих достаточную базу для их обособления на подотраслевом уровне структурирования уголовно-процессуального нормативного материала. Уголовно-процессуальное право достигло определенной содержательной целостности для подобного рода интеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уголовно-процессуальное право представляет собой исторически сложившееся сложное, многоуровневое правовое образование, объединяющее уголовно-процессуальные нормы. Оно может рассматриваться как консолидированная система, имеющая предпосылки не только для институциональной, но и для подотраслевой организации. На современном этапе в рамках общего учения о системе и структуре уголовно-процессуального права уголовно-процессуальные институты и подотрасли как структурные элементы уголовно-процессуального права развиваются асинхронно. Акцентуация ученых на институциональном анализе правовых общностей оставила на периферии научных интересов такой важный структурный элемент, как подотрасль уголовно-процессуального права.

Как объект научного исследования подотрасли уголовно-процессуального права многоаспектны, образуют самостоятельное правовое явление, требующее глубокого научного осмысления. В рамках последующих научных исследований мы ставим перед собой задачу определить существенные методологические признаки рассматриваемой нормативной обо-

собленности, установить предпосылки выделения и идентификации подотраслей уголовно-процессуального права в существующей правовой реальности.

Современное уголовно-процессуальное право развивается на фоне ускорившихся в стране темпов социально-экономического и политического преобразования, сопровождающегося расширением круга регулируемых отношений и поиском необходимых для этого правовых форм. Идет процесс качественного и количественного обновления системы права в целом. Проблема статусного положения того или иного правового образования в рамках отраслевых наук приобретает особое значение и может способствовать снятию напряженных общетеоретических проблем системы национального права. Размывание сложившихся подходов и размежевание отраслей системы права требует познания юридической природы подотрасли уголовно-процессуального права как структурного элемента и как правового явления. Спустя более четверти века особую актуальность приобретает доктринальная позиция профессора Ю.А. Тихомирова, согласно которой к предложениям ученых о выделении новых отраслей системы права следует подходить осторожно, реализуя данные идеи изначально в виде подотраслей и институтов [13, с. 7].

Подотрасль уголовно-процессуального права – самостоятельное, целостное правовое образование, которое входит в систему более высокого порядка – отрасли уголовно-процессуального права, и отличается высокой степенью интеграции и дифференциации правового регулирования. Именно данный элемент уголовно-процессуального права, его подсистема, требует глубокого познания, способствуя развитию и обогащению системы права и системы законодательства. Бесспорно, не каждый нормативно-правовой массив может претендовать на статус подотрасли уголовно-процессуального права. В этом нормативно-правовом массиве должны быть четко определены закономерности и объективные предпосылки для данного вида интеграции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Емельянов А.С. Перспективы развития системы российского права / А.С. Емельянов // Российская юстиция. – 2025. – № 2. – С. 8–14.
2. Алексеев С.С. О теоретических связях классификации отраслей советского права / С.С. Алексеев // Советское государство и право. – 1957. – № 7. – С. 99–107.
3. Муравьев К.В. Модель нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве (в развитие научного подхода заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора В.В. Николюка) / К.В. Муравьев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 3 (98). – С. 145–155.
4. Шелегов Ю.В. Классификация уголовно-процессуальных механизмов защиты прав и свобод граждан / Ю.В. Шелегов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 2 (34). – С. 242–251.
5. Лантух Н.В. Теория уголовно-процессуальных институтов : монография / Н.В. Лантух. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. – 156 с.
6. Хашиева Т.М. Уголовно-процессуальный институт: понятие, структура, значение : монография / Т.М. Хашиева ; под редакцией К.В. Ким. – Саратов : Вузовское образование, 2017. – 142 с.
7. Бабуринов В.В. Актуальные вопросы формирования подотраслей права в системе российского уголовного права / В.В. Бабуринов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 1 (44). – С. 78–79.
8. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсисянц. – Москва : Инфра-М, 1999. – 552 с.
9. Николюк В.В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права / В.В. Николюк // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова, Омск, 16 февраля 2024 г. – Омск : Омская академия МВД РФ, 2024. – С. 68–75.
10. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрист, 2001. – 520 с.
11. Теория государства и права : учебник / А.И. Абрамова и др. ; под общ. ред. А.С. Пиголкина. – Москва : Городец, 2003. – 539 с.
12. Гришковец А.А. Служебное право: итоги дискуссии / А.А. Гришковец // Государство и право. – 2016. – № 12. – С. 41–53.
13. Концепция развития российского законодательства / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. – 3-е изд. – Москва, 1998. – 238 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Тамара Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova Tamara Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 18.02.2026; принята к публикации 18.02.2026. The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 18.02.2026; accepted for publication 18.02.2026.

REFERENCES

1. Emelyanov A.S. Prospects for the Development of the System of Russian Law. *Russian Justice*, 2025, no. 2, pp. 8–14. (In Russian).
2. Alekseev S.S. On the Theoretical Connections of the Classification of Branches of Soviet Law. *Soviet State and Law*, 1957, no. 7, pp. 99–107. (In Russian).
3. Muravyev K.V. The Model of Normative Regulation of Preventive Measures Acting in Criminal Proceedings and in Criminal Enforcement Proceedings (in the Development of the Scientific Approach of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor V.V. Nikolyuk). *Vestnik of the East Siberian Institute of the MIA of Russia*, 2021, no. 3 (98), pp. 145–155. (In Russian).
4. Shelegov Yu.V. Classification of Criminal Procedural Mechanisms for the Protection of Citizens' Rights and Freedoms. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2025, no. 2 (34), pp. 242–251. (In Russian).
5. Lantukh N.V. Theory of Criminal Procedural Institutions. Saint Petersburg University of the MIA of Russia Publ., 2015. 156 p.
6. Khashieva T.M.; Kim K.V. (ed.). Criminal Procedural Institution: Concept, Structure, Meaning. Saratov, Vuzovskoe obrazovanie Publ., 2017. 142 p.
7. Baburin V.V. Current Issues of Formation of Sub-Branched of Law in the System of Russian Criminal Law. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2012, no. 1 (44), pp. 78–79. (In Russian).
8. Nersesyants V.S. General Theory of Law and State. Moscow, Infra-M Publ., 1999. 552 p.
9. Nikolyuk V.V. Institutions of Coercion in the Context of Formation of Sub-Branched of Criminal Procedural Law. *Legal And Humanitarian Problems of Criminal Procedural Coercion. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Birth of B.B. Bulatov, Omsk, February 16, 2024*. Omsk Academy of the MIA of Russian Publ., 2024, pp. 68–75. (In Russian).
10. Lazarev V.V. (ed.). General Theory of Law and State. 3rd ed. Moscow, Yurist Publ., 2001. 520 p.
11. Abramova A.I. et al.; Pigolkin A.S. (ed.). Theory of State and Law. Moscow, Gorodets Publ., 2003. 539 p.
12. Grishkovets A.A. Service Law: Sums Discussion. *State and Law*, 2016, no. 12, pp. 41–53. (In Russian).
13. Okunkov L.A., Tikhomirov Yu.A., Orlovsky Yu.P. (eds.). The Concept of Development of Russian Legislation. 3rd ed. Moscow, 1998. 238 p.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.28

Original article

ПИЧУГИН Сергей Анатольевич
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия,
sapichugin@msal.ru

PICHUGIN Sergey Anatolyevich
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia

НАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПО ПРИЗНАКАМ ВНЕШНОСТИ

SCIENTIFIC PREREQUISITES FOR USING AN ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN HUMAN
IDENTIFICATION BASED ON APPEARANCE CHARACTERISTICS

Аннотация. В условиях возрастающей мобильности населения и мультикультурности общества традиционные методы криминалистической габитоскопии, ориентированные на европеоидный тип внешности, недостаточно эффективны для идентификации лица по признакам внешности. Цель: показать целесообразность использования антропологического подхода, получившего широкое распространение в этнической антропологии, для идентификации человека по признакам внешности. Методы: метод наблюдения использовался для констатации и описания эмпирически фиксируемых фактов и закономерностей (автор наблюдает и фиксирует практическую проблему: стандартные методы криминалистической габитоскопии недостаточно эффективны при работе с неевропеоидными типами или лицами смешанного происхождения); метод анализа явился основой для структурирования материала и разложения сложных концепций на составляющие (автор детально разбирает две основные методологические концепции – типологическую и популяционную, выделяя их базовые постулаты, принципы наследования признаков и единицы исследования); метод сравнения использовался как инструмент для доказательства тезисов автора (сравнивается частота встречаемости признаков внешности в различных антропологических группах для определения их идентификационной значимости); метод обобщения – для формулирования выводов и теоретических положений, выходящих за рамки единичных фактов (внешность – это продукт многокомпонентного взаимодействия генетических, средовых, адаптационных и культурных факторов); метод ситуационного моделирования – для прогнозирования того, как теоретические подходы будут работать в конкретных криминалистических ситуациях (моделируются сценарии (пластическая хирургия, воз-

Abstract. In the context of increasing population mobility and multiculturalism, when traditional methods of forensic habitoscopy, focused on the Caucasoid morphological type, prove insufficiently effective for the purposes of personal identification based on appearance characteristics. Purpose: To demonstrate the feasibility of using an anthropological approach, widely adopted in ethnic anthropology, for human identification based on appearance characteristics. Methods: The observational method is employed to ascertain and describe empirically observable facts and patterns (the author observes and identifies a practical problem: standard methods of forensic habitoscopy are insufficiently effective when dealing with non-European types or individuals of mixed origin). The analytical method serves as the basis for structuring the material and breaking down complex concepts into their constituent parts (the author meticulously examines two main methodological concepts – typological and populational – highlighting their basic postulates, principles of trait inheritance, and research units). The comparative method is utilized as a tool to prove the author's theses (the frequency of occurrence of appearance characteristics in various anthropological groups is compared to determine their identification significance). The generalization method is used for formulating conclusions and theoretical propositions that extend beyond individual facts (appearance is a product of multi-component interaction of genetic, environmental, adaptational, and cultural factors). The situational modeling method is applied to predict how theoretical approaches would work in specific forensic situations (scenarios are modeled (plastic surgery, age-related changes, disguise) where the anthropological approach comes to

растные изменения, маскировка), при которых антропологический подход выходит на первый план как высокоэффективный криминалистический инструментарий). Результаты: сделан вывод об устойчивости антропологических признаков внешнего облика (параметры лица, пигментация, особенности строения элементов черепа и др.) в течение всей жизни индивида, что позволяет рассматривать их как достоверную основу для применения антропологических методов в рамках криминалистической идентификации человека по признакам внешности. Методология, базирующаяся на поиске «чистых» антропологических типов, малоприспособна для криминалистической идентификации в случаях со сложным, комбинированным наследованием признаков (родственники, метисы). В отличие от нее, популяционный подход, в фокусе которого – спектр групповой изменчивости, предоставляет более точный и релевантный научный аппарат для установления человека по признакам внешности.

Ключевые слова: идентификация признаков внешности, смешанное этническое происхождение, лицевые параметры, типологическая концепция, популяционная концепция, антропометрические методы, элемент внешности, признак внешности, антропологический тип, криминалистическая габитоскопия

Для цитирования: Пичугин С.А. Научные предпосылки использования антропологического подхода для идентификации человека по признакам внешности / С.А. Пичугин. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.28 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 269–277.

the forefront as a highly effective forensic tool). Results: The article concludes that anthropological traits of external appearance (facial parameters, pigmentation, skull morphology, etc.) are stable throughout an individual's life. Consequently, these traits can be viewed as a dependable foundation for employing anthropological methods in forensic identification based on appearance characteristics. The methodology based on the search for "pure" anthropological types proves to be poorly suited for forensic identification in cases with complex, combined trait inheritance (relatives, mixed-race individuals). In contrast, the population-based approach, which focuses on the spectrum of group variability, provides a more accurate and relevant scientific framework for establishing identity based on appearance characteristics.

Keywords: identification by appearance characteristics, mixed ethnic origin, facial parameters, typological concept, population concept, anthropometric methods, physical element, appearance characteristic, anthropological type, forensic habitoscopy

For citation: Pichugin S.A. Scientific Prerequisites for Using an Anthropological Approach in Human Identification Based on Appearance Characteristics. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 269–277. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.28.

ВВЕДЕНИЕ

В современной следственной и экспертной практике антропологический подход стал ключевым дополнительным инструментом методики производства портретных экспертиз и исследований, а также методики изготовления субъективных портретов для целей криминалистической идентификации личности. Его применение напрямую направлено на обеспечение требований норм УПК РФ, в частности ст. 73, обязывающей доказывать обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, и ст. 6, провозглашающей защиту прав личности в уголовном судопроизводстве.

Антропологический подход заложен в алгоритмах современных регистрационных учетов субъективных портретов разыскиваемых лиц. Он позволяет криминалисту фиксировать особенности внешнего облика, ориентированные на различные этнические группы не только населения России, но и других стран [1, с. 84]. Российская регистрационно-поисковая система «Портрет-Поиск вер. 5.0» демонстрирует эффективность антропологического подхода в криминалистике. Ее алгоритмы способны генерировать комплекс криминалистических признаков внешности и создавать на их основе высокореалистичные субъективные портреты, учитывающие этнические особенности человека. Данный

инструмент открывает новые перспективы для установления и розыска лиц, чьи биометрические параметры выходят за рамки среднеевропейского стандарта. Кроме того, антропологический анализ незаменим при опознании по фото- и видеоматериалам лиц с монголоидными и негроидными признаками внешности (ст. 193 УПК РФ). Это особенно актуально, если разыскиваемый изменил свою внешность с помощью методов пластической хирургии, что подтверждается рядом исследований [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Антропологический подход, интегрированный в современную криминалистику, является незаменимым инструментом, обеспечивающим законность, обоснованность и достоверность процессуальных действий. Особую значимость он приобретает при криминалистическом исследовании признаков внешности лиц неевропейского типа, позволяя минимизировать риски методических ошибок, связанных с «эффектом междерасового восприятия», что обеспечивает решение задачи по идентификации личности (ст. 74 УПК РФ).

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПО ПРИЗНАКАМ ВНЕШНОСТИ

Научные основы применения антропологического подхода в криминалистической идентификации человека по признакам внешности заложены концепцией этнической антропологии, выделяющей индивидуальные признаки различных человеческих рас. Так, все современное человечество представляет собой единый вид – *Homo sapiens*, внутри которого выделяются более мелкие систематические единицы, известные как расы. По определению Я.Я. Рогинского, расы являются подразделениями вида *Homo sapiens* и представляют собой системы популяций, объединенных комплексом общих наследственных биологических признаков [8, с. 127]. Эти признаки, имеющие внешнее фенотипическое выражение, сформировались в рамках определенных географических ареалов.

Понятие «раса» впервые введено в научный оборот в 1684 г. французским исследователем Франсуа Бернье, который использовал термин *La race* для классификации людей по внешним, фенотипическим признакам.

Происхождение этого слова остается дискуссионным: современные антропологи возводят его либо к арабскому *ras* (голова), либо к итальянскому *razza* (племя) [9, с. 95]. С точки зрения этнической антропологии длительная географическая изоляция популяций является ключевым фактором дивергенции их генофондов, что проявляется в комплексе внешних морфологических различий. Такие изолированные группы принято классифицировать как подвиды, обозначаемые термином «раса» [10, с. 8].

В этнической антропологии раса понимается как биологическая классификационная единица, которая объединяет людей на основе общего комплекса наследуемых физических характеристик (пропорции тела, структура волос, параметры лица, цвет кожного покрова и т. д.), сформировавшихся в пределах определенного географического ареала. Учитывая многозначность и спорность этой категории, в данной статье акцент сделан не на расу как таковую, а на расовые признаки как на внешние детерминанты, которые используются для целей идентификации.

Антропологические комплексы, формирующие внешность определенных этнических популяций, демонстрируют высокую степень устойчивости. Некоторые признаки (например, форма и структура волос, особенности строения лицевой части головы, наличие эпикантуса, пигментация отдельных элементов внешности) практически не трансформируются в процессе онтогенеза, в том числе в результате миграции индивида в иные географические зоны. Как подчеркивал Я.Я. Рогинский, критерии для отнесения того или иного признака к категории расообразующих требуют тщательного отбора [8, с. 225]. Признаки, связанные с телосложением, развитием мускулатуры или распределением жировых отложений, обладают высокой пластичностью и зависят от факторов внешней среды, что не позволяет рассматривать их в качестве надежных маркеров для расовой диагностики. Эта закономерность объясняется фундаментальными принципами онтогенеза и формированием морфологического внешнего облика человека.

Уникальность внешности человека предопределена его индивидуальным генетическим кодом. Наследственно закрепленные антропологические признаки формируются к моменту

достижения физиологической зрелости (примерно к 25 годам), однако не обретают полную устойчивость. Наиболее значительные изменения внешности происходят в период перехода от зрелого возраста к пожилому [8].

Следовательно, полный комплекс морфологических признаков может быть наблюдаем лишь в период относительно стабильного состояния организма в рамках его фенотипа. В детском и юношеском возрасте они еще не сформированы, а в старческом подвергаются процессам инволюции, что создает объективные трудности для их криминалистического исследования.

Внешний облик человека, сформированный в ходе длительного эволюционного процесса, обладает устойчивым комплексом морфологических характеристик, резистентных к непосредственному воздействию факторов окружающей среды. Согласно исследованиям антрополога Т.И. Алексеевой онтогенетическое развитие фенотипических черт представляет собой совокупность метаболических процессов, итог которых в значительной мере предопределен наследственными программами и характеризуется стабильностью, исключаяющей их стремительную трансформацию под внешним влиянием [11]. Тем не менее становление морфологического типа внешности неотделимо от его географической приуроченности – региона происхождения и последующего развития популяционной группы. Следовательно, антропологическое разнообразие, определяющее признаки внешности, является не хаотичным набором параметров, а целостным адаптивным комплексом, сформировавшимся в тесной связи с этнотерриториальной границей.

Данная теоретическая позиция получила развитие в концепции «адаптивного типа», интерпретируемого Т.И. Алексеевой в качестве биологической нормы реагирования на совокупное влияние условий окружающей среды. Такой тип выступает гарантом популяционного развития и находит свое материальное воплощение в специфике физического облика индивидов [11]. Примерами адаптации являются особенности внешности, характерные для популяций, длительно пребывающих в тропическом поясе: темная пигментация кожного покрова, выступающая как защитный барьер от ультрафиолетового излучения; курчавые волосы, создающие воз-

душный буфер и предотвращающие перегрев головы; вытянутые пропорции тела с удлинёнными конечностями, способствующие эффективной теплоотдаче. В противоположность этому для этносов, сформировавшихся в условиях резко континентального климата с холодными зимами и ветрами, характерен иной комплекс признаков: брахиморфное телосложение (уменьшающееся отношение поверхности тела к его объёму для сохранения тепла), уплощённое лицо с развитой жировой тканью и специфическое строение глазного аппарата, предохраняющее глазную щель от пыли и яркого света.

Выраженное морфологическое отличие индивида от антропологического состава преобладающей популяции региона может указывать на его миграционное происхождение или происхождение его предков. Степень выраженности стабильных наследственных признаков внешности позволяет криминалисту выдвигать гипотезы о временном периоде, в течение которого индивид или его предки находились вне региона происхождения. Привлечение специалиста-антрополога позволяет не только верифицировать гипотезу о миграции, но и с определенной долей вероятности выдвинуть версию о происхождении индивида через определение его исходного адаптивного комплекса.

Современная этническая антропология, изучая фенотипическое разнообразие, основывается на отказе от устаревших типологических концепций. В фокусе исследования находится не классификация по расовым типам, а комплексный анализ вариативных внешних признаков. Следовательно, задача криминалистической габитоскопии смещается к реконструкции комплекса эволюционных и адаптационных факторов, сформировавших уникальный внешний облик индивида. Методология подобного криминалистического анализа предполагает детализированную фиксацию параметров внешнего облика: особенностей строения элементов носа, размерных и пропорциональных характеристик лица, конфигурации губ и пр. Их интерпретация строится на понимании этих параметров не как статичных маркеров, а как фенотипических реакций на специфические экологические условия. Так, широкий нос, характерный для популяций жаркого климата, трактуется как эффективный адаптивный

механизм терморегуляции. Составление карт ареалов распространения подобных признаков внешности дает криминалисту репрезентативный инструмент для кросс-культурного сравнения этнических популяций и выделения на основе их анализа внешнего облика отдельного индивида.

Современная антропология рассматривает внешние вариации, которые ранее классифицировались как «расовые признаки», как результат адаптации к конкретным условиям среды. Эти признаки не отражают глубокой генетической разницы между популяциями. Даже такой заметный групповой маркер, как цвет кожного покрова, который зависит от концентрации меланина, определяется относительно небольшим числом генов.

Помимо биологических, на внешность человека существенно влияют и социокультурные факторы [4; 12; 13; 14]. Элементы внешнего образа, такие как головные уборы, специфические украшения, прически или какие-либо модификации тела (например, искусственная деформация черепа), могут значительно изменять восприятие внешнего облика. Поэтому в рамках криминалистической идентификации важно учитывать эту опосредованность и не интерпретировать подобные приобретенные атрибуты как биологически унаследованные признаки.

Современная антропология отвергает концепцию рас, основанную на идее о наличии у каждой группы фиксированного набора неизменных признаков внешности. Акцент смещен на понимание популяционной изменчивости и непрерывности развития фенотипических характеристик. Внешность человека рассматривается как продукт многокомпонентного взаимодействия генетических, средовых, адаптационных и культурных факторов, что требует для ее изучения применения комплексной междисциплинарной методологии.

Этническая общность часто ассоциируется со сходством физического типа и общей территорией проживания, которая может не совпадать с границами государств. В отличие от национальной принадлежности, этническая характеризуется в первую очередь общностью фенотипа. Поэтому использование в экспертной практике определений типа «английская раса» или «японская нация», привязанных к

политическим или лингвистическим конструктам, научно некорректно.

В рамках криминалистической габитоскопии под признаками внешности понимаются любые видимые и поддающиеся описанию или измерению характеристики [15, с. 100], которые позволяют дифференцировать как этнотерриториальные группы, так и конкретных людей для задач криминалистической идентификации. Эти признаки могут быть статичными (как врожденными, так и приобретенными) и динамичными (изменяющимися с течением времени). Критически важным при работе с неевропеоидными признаками внешности выступает не поиск абсолютно уникального признака, а выявление специфического комплекса признаков. Подобно мозаике, именно целостная картина, складывающаяся из взаимодействия этих элементов, предоставляет криминалисту необходимое основание для формулирования вывода о наличии тождества. Так, некоторые антропологические признаки обладают высокой устойчивостью и индивидуальностью у определенных этносов, что повышает их идентификационную значимость для установления конкретной личности. Другие же, будучи широко распространенными в антропологической популяции, такой идентификационной значимости не несут. Примером служит так называемый «раздвоенный хвост брови». Являясь уникальным признаком для представителя среднеевропейского типа, этот же признак массово встречается у монголоидов дальневосточного региона. В первом случае он имеет высокую идентификационную значимость, во втором – малую, то есть практически бесполезен для целей криминалистической идентификации.

ПРИМЕНЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ

Применение антропологического подхода необходимо, когда объектом криминалистического исследования выступают признаки внешности, существенно отклоняющиеся от усредненных параметров, характерных для европейского типа [16, с. 35]. Стандартный инструментарий криминалистической габитоскопии при анализе таких фенотипов может приводить к методическим ошибкам, в частности к выявлению и фиксации признаков,

в действительности имеющих малое идентификационное значение. Эти признаки, будучи на самом деле широко распространенными в рамках конкретных антропологических групп, не обладают индивидуальной уникальностью, и их локализация может привести к неверным идентификационным выводам.

Успешная криминалистическая идентификация личности по признакам внешности возможна благодаря анализу закономерностей изменчивости внешнего облика, обусловленных инструментарием типологического и популяционного подхода.

В фундаменте типологического метода заложена концепция комплексного наследования антропологических характеристик внешности, подразумевающая их передачу между поколениями в виде устойчивых групп признаков. Данная гипотеза постулирует, что морфологические особенности обладают наследственной природой, а гены, их определяющие, предположительно сконцентрированы в одной или тесно сцепленных хромосомах.

Согласно логике данного подхода анализ внешних признаков индивида позволяет отнести его к определенной антропологической группе на основе визуального сходства. Методология базируется на типологическом подходе, предполагающем реконструкцию условно-репрезентативных антропологических моделей. Функция криминалиста в этой парадигме сводится к верификации степени приближения морфологических характеристик индивида к одному из этих идеализированных стандартов. К примеру, сочетание таких маркеров, как ширина губ и носа, превышающая усредненные показатели, низкая высота лица, курчавые волосы и темный оттенок кожного покрова, интерпретируется как указание на принадлежность к негроидному типу.

Следовательно, теоретически возможна не только качественная, но и количественная оценка антропологической принадлежности в процентном соотношении. Как следствие, описание признаков внешности обретает четкую структуру, что значительно повышает эффективность установления человека в ходе проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Критическим аспектом типологического подхода является постулат, согласно которому каждый индивид рассматривается как неизменный носитель статичных «расовых» свойств, без учета есте-

ственной вариабельности и возможных морфологических изменений во времени.

Основное препятствие для использования данной методологии в прикладной экспертной практике связано со сложностью операционального выделения так называемых «чистых» диагностических признаков. Успешная идентификация личности требует комплексного качественного и количественного анализа всей совокупности признаков внешности, а не опоры на их теоретическую идеализацию. Существенным изъяном подхода является риск ошибочной классификации, при которой близкие родственники, в силу субъективной оценки различий в их фенотипических комплексах, могут быть ошибочно отнесены к различным антропологическим группам, что ставит под сомнение достоверность сформулированных криминалистом выводов [16, с. 35].

В противоположность этому популяционная концепция определяет антропологический тип не через индивидуальные, а через групповые характеристики. В ее рамках антропологический тип интерпретируется как комплекс фенотипических признаков, характерных для крупных человеческих популяций со сходным морфологическим обликом, что смещает фокус исследования на анализ закономерностей групповой изменчивости [17, с. 82].

Сходство популяций, формирующих антропологическую общность, обусловлено не только фенотипическими проявлениями, но и генетической близостью из-за общей этнической истории происхождения. В отличие от типологического подхода, где базовой единицей считается индивид, популяционная концепция рассматривает в качестве первичного элемента исторически сложившуюся популяцию. Такая группа обладает уникальной фенотипической структурой, которая не сводится к простой сумме внешних данных отдельных ее членов.

Ключевым аспектом понимания подхода является то, что фенотипические признаки не наследуются как единый, жестко связанный комплекс. В пределах популяции они образуют вариативные сочетания, а у конкретного индивида могут проявляться в комбинациях, не укладывающихся в рамки «чистого» типа. Вследствие значительной изменчивости как на индивидуальном, так и на групповом уровне границы между антропологическими ти-

пами оказываются размытыми и условными и может наблюдаться множество переходных антропологических форм.

Теоретические подходы к изучению человеческой изменчивости, такие как типологический и популяционный, хотя и формируют научную базу для анализа фенотипа, не позволяют создать визуализированный эталон, пригодный для решения прикладных идентификационных задач. Для формулирования объективного экспертного вывода в криминалистической практике возникает необходимость в построении обобщенного антропологического портрета. Такой портрет представляет собой не изображение конкретного индивида, а статистическую модель, синтезирующую характерные фенотипические признаки, свойственные определенной антропологической группе.

Данный подход является ключевым инструментом систематизации антропологического разнообразия. С одной стороны, он закономерно схематизирует реальный внешний облик, акцентируя наиболее репрезентативные признаки внешности, а с другой – предоставляет возможность для проведения сравнительного анализа и выявления закономерностей распространения отдельных признаков внешнего облика человека [17, с. 82].

Процедура создания репрезентативного обобщенного портрета требует масштабных инструментальных исследований. Она включает сбор и последующую статистическую обработку массива данных по множеству морфологических параметров у представителей изучаемой группы. Ключевой целью является выявление и формализация наиболее типичных (модальных) значений для каждого анализируемого признака.

В контексте криминалистической идентификации обобщенный портрет позволяет не только описать доминирующие признаки внешности, но и определить степень их выраженности, частоту встречаемости и границы вариативности внутри популяции. Это дает криминалисту методологическую основу для четкого разграничения широко распространенных групповых характеристик внешнего облика и индивидуализирующих признаков. Именно на основе последних формируется вывод о тождестве или его отсутствии («криминалистами проводится идентификация»

или устанавливается факт того, что это «разные лица»).

Роль обобщенных портретов в криминалистике чрезвычайно высока. Они выступают фундаментом для классификации и описания антропологических типов в рамках портретных экспертиз, обеспечивая детальную систематизацию признаков внешности. Кроме того, формализованные морфологические признаки открывают возможность для их интеграции в поисковые алгоритмы, что служит основой для создания систем автоматизированной идентификации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Криминалистическая идентификация личности по признакам внешности занимает важное место в системе судебных доказательств. В соответствии со ст. 80 УПК РФ ее результаты могут быть использованы в доказывании только при условии надлежащего процессуального оформления в виде заключения эксперта. Ключевым требованием к таким экспертизам, обеспечивающим допустимость доказательств (ст. 75 УПК РФ), является научная обоснованность и проверяемость применяемых методов.

Актуальность разработки таких методов особенно очевидна, когда требуется идентификация лиц, чей фенотип существенно отклоняется от среднеевропейских параметров. Использование традиционных подходов криминалистической габитоскопии в этих случаях может приводить к систематическим ошибкам. Преодоление данной проблемы обеспечивает антропологический подход, основанный на понимании адаптивной и популяционной природы морфологических признаков, что позволяет проводить эффективную идентификацию даже в сложных условиях.

Современное развитие данного направления определяется несколькими стратегическими векторами, нацеленными на повышение объективности, точности и эффективности:

- 1) цифровизация и алгоритмизация (внедрение инновационных методов, таких как компьютерное 3D-моделирование и математический анализ признаков внешности, позволяет минимизировать субъективный фактор и перейти к высокоточным и воспроизводимым измерениям);

2) создание интегрированных информационных систем учета признаков внешности (разработка единого поискового комплекса, основанного на универсальных алгоритмах систематизации антропометрических данных с учетом этнической принадлежности, позволит сформировать и эффективно использовать учеты субъективных портретов);

3) развитие автоматизированных решений (внедрение программных комплексов для автономной обработки изображений направлено на автоматическое распознавание и сравнительный анализ инвариантных морфологических признаков, что значительно оптимизирует научные исследования и экспертные этапы исследования);

4) междисциплинарная конвергенция (формирование мультифакторной системы идентификации требует гибкой интеграции криминалистической габитоскопии с другими научными направлениями, такими как

ДНК-анализ и одорология, для получения взаимопроверяемых и достоверных результатов);

5) внедрение технологий искусственного интеллекта (использование возможностей нейронных сетей для идентификации человека, признаки внешности которого зафиксированы в фото- и видеоматериалах, открывает новые перспективы для оперативного анализа массивов данных о внешнем облике человека) [18; 19; 20].

Эволюция инструментария криминалистической габитоскопии движется в направлении комплексного подхода, где традиционные антропологические знания сочетаются с передовыми цифровыми технологиями. Это обеспечивает не только соответствие законодательных актов строгим требованиям к доказательствам, но и значительно повышает научную надежность и практическую эффективность экспертной практики.

Список источников

1. Криминалистика : учебник / под ред. Е.И. Галяшиной, Е.П. Ищенко ; отв. ред. Я.В. Комиссарова. – Москва : Проспект, 2025. – 512 с.
2. Криминалистическое изучение личности : научно-практическое пособие / А.Г. Бедризов и др. ; отв. ред. Я.В. Комиссарова. – Москва : Проспект, 2023. – 224 с.
3. Зинин А.М. Установление личности как комплексная задача субъектов правоприменения / А.М. Зинин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 3 (115). – С. 45–51.
4. Зинин А.М. Лицо человека: взгляд эксперта-криминалиста / А.М. Зинин. – Москва : Проспект, 2025. – 80 с.
5. Галяшина Е.И. Криминалистика как теоретико-прикладной базис обеспечения национальной медиабезопасности / Е.И. Галяшина // Государство и право. – 2025. – № 7. – С. 106–114.
6. Криминалистика : учебник / Е.П. Ищенко и др. – Москва : Проспект, 2025. – 368 с.
7. Халиков Э.А. О криминалистическом обеспечении производства следственных действий / Э.А. Халиков, Я.В. Комиссарова // Российский следователь. – 2025. – № 1. – С. 8–13.
8. Рогинский Я.Я. Антропология : учебник / Я.Я. Рогинский, М.Г. Левин. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1978. – 528 с.
9. Хрисанфова Е.Н. Антропология : учебник / Е.Н. Хрисанфова, И.В. Перевозчиков. – 4-е изд. – Москва : Наука, 2005. – 399 с.
10. Перевозчиков И.В. Изменчивость расовых признаков внешности человека / И.В. Перевозчиков // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 4. – С. 8.

REFERENCES

1. Galyashina E.I., Ishchenko E.P., Komissarova Ya.V. (eds.). Criminalistics. Moscow, Prospect Publ., 2025. 512 p.
2. Bedrizov A.G. et al.; Ya.V. Komissarova (ed.). Criminalistic Study of Personality. Moscow, Prospect Publ., 2023. 224 p.
3. Zinin A.M. Features of Operational Human Identification by Signs of Appearance. *Vestnik of the East Siberian Institute of the MIA of Russia*, 2024, no. 3 (115), pp. 45–51. (In Russian).
4. Zinin A.M. The Human Face: A Forensic Expert's View. Moscow, Prospect Publ., 2025. 80 p.
5. Galyashina E.I. Criminalistics as a Theoretical and Applied Basis for Ensuring National Media Security. *State and Law*, 2025, no. 7, pp. 106–114. (In Russian).
6. Ishchenko E.P. et al. Criminalistics. Moscow, Prospect Publ., 2025. 368 p.
7. Khalikov E.A., Komissarova Ya.V. On Forensic Support for Investigative Actions. *Russian Investigator*, 2025, no. 1, pp. 8–13. (In Russian).
8. Roginsky Ya.Ya., Levin M.G. Anthropology. 3rd ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1978. 528 p.
9. Khrisanfova E.N., Perevozchikov I.V. Anthropology. 4th ed. Moscow, Nauka Publ., 2005. 399 p.
10. Perevozchikov I.V. Variability of Racial Traits of Human Appearance. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 4, p. 8. (In Russian).
11. Alekseeva T.I. Human Adaptation in Various Ecological Niches of the Earth (Biological aspects). International Independent University of Environmental and Political Sciences Publ., 1998. 278 p.

11. Алексеева Т.И. Адаптация человека в различных экологических нишах Земли (Биол. аспекты) : курс лекций / Т.И. Алексеева. – Москва : Изд-во МНЭПУ, 1998. – 278 с.

12. Комиссарова Я. В. Использование специальных знаний при преодолении противодействия расследованию преступлений / Я.В. Комиссарова // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 г. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2024. – С. 163–168.

13. Кисленко С.Л. Учение о личности подсудимого: предпосылки и перспективы формирования в криминалистической теории / С.Л. Кисленко, Я.В. Комиссарова // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 316–325.

14. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях / А.М. Багмет и др. – Москва : Проспект, 2020. – 304 с.

15. Зинин А. М. Идентификация человека: возможности теории и проблемы практики / А.М. Зинин // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 28–29 января 2021 г. – Москва : РГ-Пресс, 2021. – С. 100–102.

16. Зинин А.М. Предмет габитоскопии, учения о внешности человека / А.М. Зинин, И.Н. Подволоцкий // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 3. – С. 35–38.

17. Пичугин С.А. Обоснование принципов исследования комплексных признаков внешности, ориентированных на антропологический тип / С.А. Пичугин // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 2. – С. 82–84.

18. Архиреев Н.В. Искусственный интеллект: понятие, характеристики / Н.В. Архиреев // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 5–20.

19. Холопова Е.Н. Искусственный интеллект как средство противодействия фейкам при обеспечении национальной безопасности / Е.Н. Холопова, Р.Н. Мулдашев // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 60–70.

20. Сидорова К.С. IP-адрес как один из идентификаторов личности в расследовании преступлений / К.С. Сидорова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 3 (74). – С. 84–87.

12. Komissarova Ya.V. Use of Special Knowledge in Overcoming Obstacles to Crime Investigation. *National and International Trends and Prospects for the Development of Forensic Science. Proceedings of the Scientific and Practical Conference with International Participation, Nizhny Novgorod, May 22–23, 2024*. N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2024, pp. 163–168. (In Russian).

13. Kislenco S.L., Komissarova Ya.V. The Doctrine of the Defendant's Personality: Prerequisites and Prospects for Its Formation in the Theory of Criminalistics. *Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 316–325. (In Russian).

14. Bagmet A.M. et al. Investigation of Crimes in Emergency Conditions. Moscow, Prospect Publ., 2020. 304 p.

15. Zinin A.M. Human Identification: Theoretical Possibilities and Practical Problems. *Theory and Practice of Forensic Science in Modern Conditions. Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 28–29, 2021*. Moscow, RG-Press Publ., 2021, pp. 100–102. (In Russian).

16. Zinin A.M., Podvolotski I.N. The Subject of Habitoscopia, the Doctrine of Human Appearance. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2023, no. 3, pp. 35–38. (In Russian).

17. Pichugin S.A. Justification of the Principles of Studying Complex Features of Appearance, Focused on the Anthropological Type. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2, pp. 82–84. (In Russian).

18. Arkhireev N.V. Artificial Intelligence: Its Concept and Characteristics. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 3, pp. 5–20. (In Russian).

19. Kholopova E.N., Muldashev R.N. Artificial Intelligence as a Means to Counter Fakes in National Security. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 3, pp. 60–70. (In Russian).

20. Sidorova K.S. IP Address as One of Personal Identities in Criminal Investigation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2018, no. 3 (74), pp. 84–87. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пичугин Сергей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pichugin Sergey Anatolevich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 14.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 20.01.2025. The article was submitted 14.12.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 20.01.2025.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.29

Original article

ДЕХЕРТ Андрей Андреевич
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия,
dekhert@volsu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2871-2213>

DEKHERT Andrey Andreevich
Volgograd State University,
Volgograd, Russia

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ КОЛЛИЗИИ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ФОРМЕ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРЕДПИСАНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

INTERSECTORAL COLLISIONS IN IMPOSING MONETARY PENALTIES FOR CRIMINAL
PROCEDURE LAW VIOLATIONS

Аннотация. Проблеме определения субъектов уголовно-процессуальной ответственности в российской науке уделяется недостаточно внимания, что порождает неопределенность в правоприменительной практике при привлечении лиц к ответственности за правонарушения. Между тем четкое определение круга субъектов – необходимое условие для эффективного функционирования механизма юридической ответственности и обеспечения исполнения процессуальных обязанностей. Цели: выявить системные коллизии между нормами, возлагающими процессуальные обязанности, и положениями о денежном взыскании; разграничить пределы уголовно-процессуальной и административной ответственности. Методы: методологическая платформа исследования сконструирована из общенаучных процедур аналитико-синтетического познания и отраслевого юридического инструментария, включающего компаративистику правовых институтов, логику-правовое моделирование и герменевтическое толкование правовых норм. Компаративистика правовых институтов применялась для проведения сравнительного анализа институтов уголовно-процессуального и административного права. Логико-правовое моделирование использовалось для построения теоретической модели разграничения отраслевой принадлежности мер юридической ответственности, основанной на

Abstract. Insufficient attention in Russian legal scholarship to the problem of defining subjects of criminal procedural liability creates uncertainty in law enforcement practice when prosecuting individuals for offenses. Meanwhile, a clear definition of the scope of subjects is a necessary condition for the effective functioning of the legal liability mechanism and for ensuring the fulfillment of procedural obligations. Purposes: To identify systemic collisions between procedural obligation norms and monetary penalty provisions; to differentiate the limits of criminal procedural and administrative liability. Methods: The methodological framework of the research is built upon general scientific analytical-synthetic cognitive procedures and specialized legal tools, including comparative analysis of legal institutions, logical-legal modeling, and hermeneutic interpretation of legal norms. Comparative analysis of legal institutions was used to compare criminal procedure and administrative law institutions. Logical-legal modeling was used to construct a theoretical model for differentiating the sectoral affiliation of legal liability measures, based on the criterion of the object of the offense. Hermeneutic interpretation of legal norms was applied to elucidate the content of legal norms and reveal their true meaning. Results: The study reveals a systemic discrepancy between the broad spectrum of subjects entrusted with procedural obligations

критерии объекта правонарушения. Герменевтическое толкование правовых норм применялось для интерпретации содержания правовых норм и выявления их действительного смысла. Результаты: установлено наличие системной несогласованности между широким кругом субъектов, на которых возложены процессуальные обязанности (ч. 4 ст. 21, ст. 257 УПК РФ), и ограниченным перечнем лиц, к которым применимо денежное взыскание (ст. 117–118 УПК РФ). Выявлена практика подмены уголовно-процессуальной ответственности административной посредством применения ст. 17.7 и 17.3 КоАП РФ к нарушениям, совершаемым в рамках уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: юридическая ответственность, уголовно-процессуальное правонарушение, денежное взыскание, субъект, уголовное судопроизводство, меры ответственности

Для цитирования: Дехерт А.А. Межотраслевые коллизии при привлечении к ответственности в форме денежного взыскания за нарушение предписаний уголовно-процессуального закона / А.А. Дехерт. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.29 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 278–284.

(Part 4 of Article 21, Article 257 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and the restricted category of individuals subject to monetary penalties (Articles 117–118 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Furthermore, the research uncovers a practice of substituting criminal procedural liability with administrative liability by applying Articles 17.7 and 17.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation to violations committed within the framework of criminal proceedings.

Keywords: legal liability, criminal procedural offense, monetary penalty, subject, criminal proceedings, liability measures

For citation: Dekhert A.A. Intersectoral Collisions in Imposing Monetary Penalties for Criminal Procedure Law Violations. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 278–284. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.29.

ВВЕДЕНИЕ

Перечень субъектов, подлежащих уголовно-процессуальной ответственности по ст. 117 УПК РФ, нуждается в существенном расширении. Предпосылки для такого изменения имеются в нормах действующего УПК РФ. Необходимость расширения перечня субъектов отмечается как в предпринимавшихся ранее [1, с. 462; 2, с. 156; 3, с. 12], так и в современных научных исследованиях [4, с. 93–94; 5, с. 25; 6, с. 153].

Нормативную основу для идентификации субъектного состава уголовно-процессуальной ответственности образует императивное предписание ч. 4 ст. 21 УПК РФ, детерминирующее универсальную юридическую обязанность всех учреждений, предприятий, организаций, а также носителей публично-властных полномочий и физических лиц по беспрекословному подчинению законным требованиям субъектов процессуального руководства. Системное толкование данной нормы позволяет констатировать отсутствие в уголовно-процессуальном законе прямых нормативных ограничений на распространение

механизма имущественных санкций в форме денежного взыскания на обозначенный круг адресатов процессуальных обязанностей.

Сложившаяся коллизия между общим возложением процессуальной обязанности (ч. 4 ст. 21 и ст. 257 УПК РФ) и отсутствием ее прямой корреляции с механизмом уголовно-процессуального принуждения в форме денежного взыскания (ст. 117–118 УПК РФ) приводит к неопределенности в правоприменительной сфере. Фактически создается ситуация, когда обязанность носит императивный характер, однако ее исполнение не обеспечено эффективным процессуальным инструментарием для воздействия на нарушителей из числа субъектов, не указанных в ч. 2 ст. 111 УПК РФ. Такое положение создает ряд проблем.

Во-первых, если закон возлагает на учреждения, предприятия, организации, должностных лиц и граждан обязанность содействовать уголовному судопроизводству, то должна быть предусмотрена и процессуальная санкция за ее нарушение. Во-вторых, ослабляются гарантии своевременного получения информации органами предварительного расследования и прокурором, поскольку отсутствие

действенной санкции снижает мотивацию к надлежащему исполнению запросов и требований. В-третьих, существует риск подмены уголовно-процессуальных мер механизмами ответственности иной отраслевой принадлежности (административной, дисциплинарной). Последняя проблема проявляется наиболее остро: за ряд уголовно-процессуальных правонарушений граждан и организации привлекают к административной ответственности, а лиц, ведущих процесс, адвокатов и прокуроров – к дисциплинарной.

Рассмотрим проблемы, связанные с подменой уголовно-процессуальной ответственности административной ответственностью, в результате чего образовались своего рода парные нормы, а несовершенство уголовно-процессуального регулирования компенсируется за счет применения норм административного права.

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ КОЛЛИЗИЯ НОРМ СТАТЬИ 17.7 КОАП РФ И СТАТЬИ 117 УПК РФ

Первую группу таких парных норм образуют ст. 17.7 КоАП РФ и ст. 117 УПК РФ. Представляется необходимым провести разграничение объектной сферы и пределов каждого из указанных нормативных предписаний.

Диспозиция ст. 17.7 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за волевое игнорирование легитимных предписаний должностных лиц органов прокуратуры, предварительного расследования и субъектов, реализующих процессуальные полномочия в рамках административно-юрисдикционной деятельности. Направленность данного положения состоит в гарантировании эффективности административно-процессуальной формы через укрепление императивной подчиненности участников производства установленным процедурным требованиям. Рассматриваемая норма имеет автономный объект правовой защиты и специфическое процессуально-ситуационное поле реализации: она имплементирована в санкционный механизм административного законодательства и приводится в действие при кумулятивном наличии производства по административному делу, надлежащей компетенции правоприменительного органа и определенного процессуального положения субъекта-адресата.

По мнению С.В. Красильникова, ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ предусматривается исключительно в рамках производства по делам об административных правонарушениях, а «к уголовно-процессуальным правоотношениям они не имеют отношения и применяться в рамках уголовного судопроизводства не могут» [7, с. 84].

А.П. Лыга полагает, что «предмет и пределы правового регулирования денежного взыскания в ст. 117 УПК РФ и административного штрафа в ст. 17.3 и 17.7 КоАП РФ достаточно явно разграничены на законодательном уровне» [8, с. 39].

В проведенном исследовании правоприменительной практики А.С. Есина, Н.В. Макеева и А.В. Борбат обращают внимание на отсутствие у правоприменителя «четкого понимания круга лиц и оснований, при которых следует применять ст. 117, 118 УПК РФ, а в каких случаях есть основания для применения ст. 17.7 КоАП РФ», что приводит к применению положений, установленных в ст. 17.7 КоАП РФ, к лицам, перечисленным в ст. 111 УПК РФ [9, с. 22].

Ошибочность применения положений ст. 17.7 КоАП РФ констатирует и Т.В. Орлова, отмечая привлечение к административной ответственности при недобросовестном исполнении свидетелем или потерпевшим своих процессуальных обязанностей в производстве по уголовному делу [10, с. 17].

Я.А. Шараева обращает внимание на проблему, выражающуюся в том, что, например, при неявке на допрос потерпевшего прощще применить положения ст. 17.7 КоАП РФ [11, с. 152]. Органы предварительного расследования обращаются к участковым уполномоченным с ходатайствами о возбуждении административного производства в отношении лица, которое не исполняет свои процессуальные обязанности [12, с. 188].

Негативная практика избрания меры ответственности отмечается В.Д. Потаповым и Г.А. Волковой. Они объясняют ее «практикой подмены профилактики привлечением к административной ответственности участников уголовного судопроизводства, умышленно не выполняющих законные требования следователей, в условиях межотраслевой преюдиции» [13, с. 112].

Недопустимость применения ст. 17.7 КоАП РФ в сфере уголовного процесса объясняется, по нашему мнению, различием отраслевого предмета регулирования и процессуального статуса лица, привлекаемого к ответственности. Требование, исходящее от дознавателя, следователя, прокурора или суда в рамках уголовного дела, не является «требованием органа, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении», а потому не подпадает под диспозицию ст. 17.7 КоАП РФ. Объект посягательства и процессуальные предпосылки применения нормы несоизмеримы.

Возможность применения ст. 117 УПК РФ в уголовном судопроизводстве вытекает из ее назначения: норма направлена на противодействие тому же типу антисоциального поведения (уклонение от исполнения процессуальной обязанности), однако делает это средствами и в пределах уголовно-процессуальной формы, обеспечивая процессуальную автономию и системную непрерывность уголовного судопроизводства. Попытка заменить уголовно-процессуальные меры административной санкцией фактически влечет подмену процессуальной формы и коллизию компетенций: орган, возбуждающий дело по ст. 17.7 КоАП РФ по факту неисполнения обязанности в уголовном процессе, выходит за пределы установленной законом юрисдикции.

В научной литературе встречается иная позиция: ст. 117 УПК РФ предлагается исключить как избыточную, оставив единственным механизмом реагирования на нарушение предписаний уголовно-процессуального закона и требований лиц, ведущих процесс, привлечение к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ. Необходимость исключения из закона ст. 117 УПК РФ аргументируется тем, что данная норма содержит в качестве основания административное правонарушение, а не уголовно-процессуальное, ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ [14, с. 103].

Иной точки зрения придерживается С.В. Красильников, предлагающий исключить из нормативных правовых источников (за исключением УПК РФ и УК РФ) нормы, в которых предусматривается ответственность за уголовно-процессуальное правонарушение [7, с. 82]. Не соглашается с исключением

ст. 117 из УПК РФ и И.Б. Тутынин, поскольку такой подход не упростит процедуру привлечения правонарушителя к ответственности, а приведет к затягиванию сроков [15, с. 34–35].

Исключение из уголовно-процессуального закона ст. 117 УПК РФ и перенос меры ответственности в плоскость административного регулирования теоретически упрощает порядок применения санкций, но практически ведет к снижению эффективности уголовного судопроизводства и риску разрыва логики процессуального принуждения. Обоснованным представляется совершенствование ст. 117 УПК РФ при одновременном разграничении уголовно-процессуальной и административной ответственности по объекту правонарушения.

Одним из направлений совершенствования ст. 117 УПК РФ является распространение ее положений на лиц, не вовлеченных в процесс. Следует согласиться с А.Р. Шариповой, предлагающей не ограничиваться исключительно участниками уголовного судопроизводства, а распространить перечень субъектов уголовно-процессуального правонарушения на лиц, не предоставляющих по соответствующим запросам информацию, необходимую по делу [6, с. 150]. В настоящее время для обеспечения исполнения таких запросов в распоряжении правоприменителя нет ничего, кроме «единственного рычага воздействия – ст. 17.7 КоАП РФ» [16, с. 146].

Аргумент в пользу распространения положений о наложении денежного взыскания на лиц, не вовлеченных в процесс, подтверждается результатами анализа других видов процессуальной ответственности, субъектами которой могут выступать любые лица, совершившие правонарушение (ст. 103 и 105 ГПК РФ, ст. 110 и 119 АПК РФ, ч. 1 и 2 ст. 114 и ст. 122 КАС РФ и др.).

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ КОЛЛИЗИЯ НОРМ СТАТЬИ 17.3 КоАП РФ и статьи 258 УПК РФ

Обращение к законодательной формуле ч. 1 ст. 258 УПК РФ обнаруживает использование конструкции «лицо, участвующее в судебном заседании», которая создает иллюзию расширения субъектного состава перечня, зафиксированного в ч. 1 ст. 111 УПК РФ.

Однако данное расширение носит преимущественно номинальный, а не содержательный характер. В практической плоскости круг субъектов, присутствующих в судебном заседании и потенциально подпадающих под действие института денежного взыскания согласно ст. 117 УПК РФ, остается ограниченным.

Принципиально важным представляется разграничение понятий «лицо, участвующее в судебном заседании» и «участник уголовного судопроизводства», поскольку они не тождественны по объему и содержанию. К нарушению императивных предписаний председательствующего судьи или представителей Федеральной службы судебных приставов может быть причастен, в частности, слушатель (посетитель судебного заседания), к которому формально применимы все дисциплинарные санкции, предусмотренные ст. 258 УПК РФ, за исключением имущественной меры в форме денежного взыскания. Аналогичная правовая аномалия наблюдается в отношении тех участников уголовного судопроизводства, которые не вошли в исчерпывающий перечень субъектов, перечисленных в ст. 111 УПК РФ.

Данная нормативная несогласованность порождает системную правоприменительную проблему. Законодатель, с одной стороны, возлагает на всех присутствующих в зале судебного заседания обязанность соблюдения установленного порядка (ст. 257 УПК РФ), а с другой – лишает правоприменителя эффективного механизма принуждения к исполнению этой обязанности в отношении значительной части потенциальных нарушителей.

Более того, отсутствие возможности наложения денежного взыскания на лиц, не включенных в ст. 111 УПК РФ, фактически стимулирует безответственное поведение в судебном заседании, поскольку альтернативные санкции ст. 258 УПК РФ (предупреждение, удаление из зала) в ряде случаев недостаточно действенны. Существующая законодательная модель противоречит принципу процессуальной экономии и эффективности правосудия, требуя пересмотра с позиций универсализации субъектного состава уголовно-процессуальной ответственности за нарушение порядка в судебном заседании.

В настоящее время денежное взыскание к таким лицам применяется на основании

ст. 17.3 КоАП РФ. Так, из материалов дела следует, что подсудимая по уголовному делу прибыла в суд в состоянии алкогольного опьянения, вела себя вызывающе, перебивала судью. После неоднократных замечаний со стороны председательствующего судьи в отношении подсудимой был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 17.3 КоАП РФ¹. Подобная практика нередка и сложилась на фоне непринятия идеи о допустимости применения к подсудимому мер уголовно-процессуальной ответственности, перечисленных в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, поскольку подозреваемый и обвиняемый не указаны в рассматриваемой части статьи.

Полагаем, что положения ст. 257 УПК РФ, указывающей на недопустимость неисполнения требований председательствующего или сотрудника органов принудительного исполнения, вводят процессуальную обязанность для всех лиц, присутствующих в зале судебного заседания, нарушение которой должно влечь наложение денежного взыскания как при исчерпании неимущественных санкций, перечисленных в ст. 258 УПК РФ, так и наряду с ними при наличии состава уголовно-процессуального правонарушения. Такая позиция неоднократно высказывалась в юридической литературе [17, с. 11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы относительно определения субъектов уголовно-процессуальной ответственности и разграничения смежных видов юридической ответственности (административной и уголовно-процессуальной).

Во-первых, установлено наличие системной коллизии между общим возложением процессуальных обязанностей на широкий круг субъектов (учреждения, предприятия, организации, должностные лица и граждане, согласно ч. 4 ст. 21, ст. 257 УПК РФ) и ограниченным перечнем лиц, к которым применимо денежное взыскание в соответствии со ст. 117–118 УПК РФ.

¹ Приговор Югорского районного суда № 1-191/2023 1-36/2024 от 20.02.2024 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL : <https://sudact.ru/> (дата обращения: 21.09.2025).

Во-вторых, выявлена практика подмены уголовно-процессуальной ответственности административной при правонарушениях, совершаемых в рамках уголовного судопроизводства. Применение норм КоАП РФ (ст. 17.7 и ст. 17.3) вместо положений УПК РФ (ст. 117–118) противоречит принципу отраслевой автономии, нарушает процессуальную форму и влечет коллизию компетенций. Критерием разграничения должен выступать объект правонарушения: при воздействии на уголовно-процессуальные отношения применению подлежат исключительно меры уголовно-процессуальной ответственности.

В-третьих, обоснована необходимость расширения перечня субъектов уголовно-процессуальной ответственности путем распространения положений ст. 117 УПК РФ на всех субъектов, на которых возложены процессуальные обязанности: учреждения, предприятия, организации, должностных лиц и

граждан, не исполняющих законные требования органов предварительного расследования, прокурора и суда, а также на лиц, не вовлеченных в процесс в качестве его участников, но обязанных предоставлять информацию по соответствующим запросам.

В-четвертых, аргументирована допустимость применения денежного взыскания к любым лицам, включая подсудимых, слушателей и иных, присутствующим в зале судебного заседания и нарушающим требования председательствующего или сотрудника органов принудительного исполнения. Такая возможность вытекает из императивного характера обязанности, установленной ст. 257 УПК РФ, и должна реализовываться как при исчерпании неимущественных санкций, предусмотренных ст. 258 УПК РФ, так и наряду с ними при наличии состава уголовно-процессуального правонарушения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений: монография / Ф.Н. Багаутдинов. – Москва : Юрлитинформ, 2004. – 544 с.
2. Францифоров Ю.В. Противоречия уголовного процесса. – Москва : Приор-издат, 2006. – 176 с.
3. Шейфер С.А. Принуждение в следственных действиях / С.А. Шейфер. – Москва, 1981. – 128 с.
4. Зайков Д.Е. Институт судебного штрафа как мера процессуальной ответственности: проблемы определения субъектного состава / Д.Е. Зайков // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29, № 4. – С. 92–103.
5. Тутынин И.Б. Некоторые проблемы применения денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения / И.Б. Тутынин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (26). – С. 23–29.
6. Шарипова А.Р. Сравнительный анализ институтов денежного взыскания и судебного штрафа в уголовном, арбитражном, гражданском и административном процессе / А. Р. Шарипова // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 1 (134). – С. 145–153.
7. Красильников С.В. Уголовно-процессуальная ответственность и ее реализация : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.В. Красильников. – Москва, 2019. – 218 с.
8. Лыга А.П. О некоторых вопросах правовой природы и сущности денежного взыскания / А.П. Лыга // Законодательство и практика. – 2021. – № 2 (47). – С. 39–40.
9. Есина А.С. Деятельность следователя по применению меры принуждения в виде денежного взыскания к участникам уголовного судопроизводства / А.С. Есина, Н.В. Макеева, А.В. Борбат // Российский следователь. – 2021. – № 3. – С. 21–25.

REFERENCES

1. Bagautdinov F.N. Ensuring Public and Private Interests in the Investigation of Crimes. Moscow, Yurlitinform Publ., 2004. 544 p.
2. Frantsiforov Yu.V. Contradictions in Criminal Procedure. Moscow, Prior-Izdat Publ., 2006. 176 p.
3. Sheifer S.A. Coercion in Investigative Actions. Moscow, 1981. 128 p.
4. Zaykov D. The Institution of a Judicial Fine as a Measure of Procedural Responsibility: Issues of Determining the Subject Composition. *Journal of Russian Law*, 2025, vol. 29, no. 4, pp. 92–103. (In Russian).
5. Tutynin I.B. Some Problems of Applying Monetary Penalties as a Measure of Criminal Procedural Coercion. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2020, no. 2 (26), pp. 23–29. (In Russian).
6. Sharipova A.R. Comparative Analysis of the Institutions of Monetary Recovery and Court Fines in Criminal, Arbitration, Civil and Administrative Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2022, vol. 17, no. 1 (134), pp. 145–153. (In Russian).
7. Krasilnikov S.V. Criminal Procedural Liability and Its Implementation. *Cand. Diss.* Moscow, 2019. 218 p.
8. Lyga A.P. On Some Questions of Legal Character and Essence of Monetary Penalty. *Legislation and Practice*, 2021, no. 2 (47), pp. 39–40. (In Russian).
9. Esina A.S., Makeeva N.V., Borbat A.V. Investigator's Activity Involving the Application of a Coercive Measure in the form of Monetary Sanctions Against Parties to Criminal Proceedings. *Russian Investigator*, 2021, no. 3, pp. 21–25. (In Russian).
10. Orlova T.V. Imposition of a Monetary Penalty by the Court as Another Measure of Procedural Coercion. *Magistrate Judge*, 2023, no. 8, pp. 16–20. (In Russian).

10. Орлова Т.В. Наложение судом денежного взыскания как иной меры процессуального принуждения / Т.В. Орлова // Мировой судья. – 2023. – № 8. – С. 16–20.
11. Шараева Я.А. Проблемные вопросы применения меры принуждения в виде денежного взыскания в уголовном процессе / Я.А. Шараева // Юрист-Правоведъ. – 2020. – № 2 (93). – С. 149–153.
12. Узгорская И.А. Вопросы применения денежного взыскания как иной меры процессуального принуждения при производстве предварительного расследования: проблемы теории и практики / И.А. Узгорская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 12. – С. 186–188.
13. Потапов В.Д. Привлечение к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за умышленное невыполнение требований следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления / В.Д. Потапов, Г.А. Волкова // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 2. – С. 111–115.
14. Образцов С.В. Проблемы применения иных мер процессуального принуждения / С.В. Образцов, О.А. Елисеева, В.А. Звягин // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 7 (163). – С. 100–104.
15. Тутынин И.Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / И.Б. Тутынин. – Москва, 2023. – 63 с.
16. Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами / В.Ю. Стельмах // Lex Russica. – 2017. – № 3 (124). – С. 141–153.
17. Задерако К. В. Иные меры процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К.В. Задерако. – Ростов-на-Дону, 2005. – 28 с.
11. Sharaeva Ya.A. Problematic Issues of Enforcement Measures in the Form of Monetary Penalties in Criminal Proceedings. *Jurist-Pravoved*, 2020, no. 2 (93), pp. 149–153. (In Russian).
12. Uzgorskaya I.A. Issues of the Use of a Monetary Penalty as a Different Measure of Procedural Coercion During the Preliminary Investigation: Problems of Theory and Practice. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2018, no. 12, pp. 186–188. (In Russian).
13. Potapov V.J., Volkova G.A. Bringing to Administrative Responsibility under Article 17.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for Deliberate Failure to Comply with the Investigator's Requirements to Eliminate the Circumstances That Contributed to the Commission of a Crime. *Bulletin of Economic Security*, 2025, no. 2, pp. 111–115. (In Russian).
14. Obratsov S.V., Eliseeva O.A., Zviagin V.A. Problems other Coercive Measures. *Law and State: Theory and Practice*, 2018, no. 7 (163), pp. 100–104. (In Russian).
15. Tutynin I.B. Coercive Property Measures in Criminal Proceedings. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2023. 63 p.
16. Stelmakh V.Y. Obtaining Information about Connections between Subscribers and/or Subscriber Devices. *Lex Russica*, 2017, no. 3 (124), pp. 141–153. (In Russian).
17. Zaderako K. V. Other Measures of Procedural Coercion. *Cand. Diss. Thesis*. Rostov-on-Don, 2005. 28 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дехерт Андрей Андреевич – аспирант кафедры процессуального права и криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dekheret Andrey Andreevich – Postgraduate Student of the Department of Procedural Law and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 20.01.2026.
The article was submitted 19.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 20.01.2026.

© Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2026

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 1 (83) 2026.
Учредитель Уфимский университет науки и технологий.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 24.03.2026 г. Вышел в свет 31.03.2026 г.
Бумага писчая. Формат 60x84^{1/8}. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 33,13. Уч. изд. л. 19,43. Тираж 75. Заказ 31.
Свободная цена.

Отпечатано в управлении публикационной деятельности
Уфимского университета науки и технологий
450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12

